

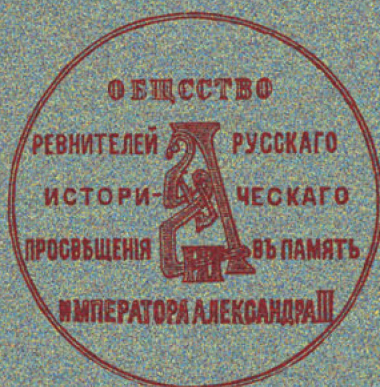
СТАРИНА И НОВИЗНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

КНИГА ПЯТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лпц., 28.

1902

СТАРИНА И НОВИЗНА.

Печатано по распоряженію Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель Графъ С. Шереметевъ.

СТАРИНА И НОВИЗНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

КНИГА ПЯТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лвл., 28.

1902

3323

ПИСЬМО

ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

къ

К. П. ПОВЪДНОСЦЕВУ.

10-го марта 1880 года.

Искренне благодарю Васъ, любезный Константинъ Петровичъ, за присланныя письма. Дѣйствительно от-
радно читать ихъ, и какъ завидуешь людямъ, которые
могутъ жить въ глуши и приносить истинную пользу
и быть далеко отъ всѣхъ мерзостей городской жизни, а
въ особенности Петербургской.

Я увѣренъ, что на Руси не мало подобныхъ людей,
но объ нихъ не слышимъ, а работаютъ они въ глуши
тихо, безъ фразъ и хвастовства.

Вашъ

Александръ.

ПИСЬМА

А. С. ПУШКИНА, БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА,
Е. А. БАРАТЫНСКАГО И П. А. ПЛЕТНЕВА

къ

князю П. А. Вяземскому

1824—1843 годовъ.

(Изъ Остафьевскаго Архива).

Изъ сокровищъ, хранимыхъ въ Остафьевскомъ Архивѣ, извлечено для V-й книги *Старины и Новизны*, издаваемой при Обществѣ Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память императора Александра III, восемь писемъ А. С. Пушкина, пять писемъ барона А. А. Дельвига, шестнадцать писемъ Е. А. Баратынскаго и одно П. А. Плетнева.

Прежними владѣльцами Остафьевскаго Архива—княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ и его сыномъ княземъ Павломъ Петровичемъ—сообщены были: П. И. Бартеневу—пятьдесятъ писемъ А. С. Пушкина (1816—1831 г.г.), и они отпечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* 1874 года, и Я. К. Гроту—шестдесятъ пять писемъ П. А. Плетнева (1822—1865 г.г.), и они напечатаны въ Академическомъ изданіи *Сочиненій и Переписки П. А. Плетнева*. Спб. 1885. III, 382—518.

I.

Въ числѣ неизданныхъ писемъ А. С. Пушкина къ князю П. А. Вяземскому, хранящихся въ Остафьевскомъ Архивѣ, имѣется одно, въ которомъ Пушкинъ отрицаетъ приписываемое ему авторство *Гавриліады*. Въ этомъ письмѣ (отъ 1-го сентября 1828 года) Пушкинъ писалъ: „Мнѣ навязалась на шею преглупая шутка. До Правительства дошла, наконецъ, Гавриліада; приписываютъ ее мнѣ; донесли на меня и я, вѣроятно, отвѣчу за чужія проказы, если *** не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность... Все это невесело“...

Изъ архивныхъ бумагъ, сообщенныхъ княземъ Петромъ Дмитриевичемъ Святополкъ-Мирскимъ, мы узнаемъ, что дѣло о *Гавриліадѣ* возникло, въ 1828 году, по слѣдующему случаю: крѣпостные люди отставного штабсъ-капитана Митькова, какъ свидѣтельствуемъ статсъ-секретарь Николай Назарьевичъ Муравьевъ*), „принесли къ Высокопреосвященному Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Серафиму прошеніе, что господинъ ихъ развращаетъ ихъ въ понятіяхъ Православной, ими исповѣдуемой, Христіанской вѣры, прочитывая имъ изъ книги его рукописи нѣкое развратное сочиненіе подъ заглавіемъ *Гавриліада*, и представили Высокопреосвященному Митрополиту и ту самую книгу“.

Но такъ какъ *Гавриліада* приписывалась Пушкину, то по Высочайшему повелѣнію учреждена Коммиссія, въ которую вошли: графъ В. П. Кочубей, графъ П. А. Толстой и князь А. Н. Голицынъ.

Коммиссія въ засѣданіи своемъ, 25-го іюля 1828 года, опредѣлила: „С.-Петербургскому военному генераль-губернатору призвать Пушкина къ себѣ и спросить: а) имъ ли написана поэма Гавриліада? б) Въ которомъ году? в) Имѣетъ ли онъ у себя оную, и если имѣетъ, то потребовать, чтобы онъ вручилъ ему свой экземпляръ. г) Обязать Пушкина подпискою впредь подобныхъ богохульныхъ сочиненій не писать, — подъ опасеніемъ строгаго наказанія“.

С.-Петербургскій военный генераль-губернаторъ, исполнивъ это порученіе, въ августѣ 1828 года донесъ Коммиссіи, что Пуш-

*) Въ письмѣ къ графу П. А. Толстому, отъ 29-го іюня 1828 года.

кинъ въ допросѣ о поэмѣ, извѣстной подъ именемъ *Гавриліада*, рѣшительно отвѣчалъ:

„*Что сія поэма писана не имъ, что онъ въ первый разъ видѣлъ ее въ Лицѣ, въ 1815 или въ 1816 году, и переписалъ ее, но не помнитъ, куда дѣвалъ сей списокъ, и что съ того времени онъ не видалъ его*“.

О показаніи Пушкина Коммиссіею было доложено Императору Николаю I, и 12-го августа 1828 года Н. Н. Муравьевъ писалъ графу П. А. Толстому: „Государь соизволилъ, чтобы вы поручили военному генераль-губернатору, дабы онъ, призвавъ снова чиновника X-го класса Пушкина, спросилъ у него, отъ кого получилъ онъ въ 15-мъ или 16-мъ году, какъ то объявилъ, находясь въ Лицѣ, упомянутую поэму, изъяснивъ, что открытіе автора уничтожить всякое сомнѣніе по поводу обращающихся экземпляровъ сего сочиненія подъ именемъ Пушкина; о послѣдующемъ же довести Его Величеству“.

Во исполненіе воли Высочайшей, С.-Петербургскій военный генераль-губернаторъ, 20-го августа 1828 года, представилъ графу П. А. Толстому слѣдующій рапортъ: „Извѣстный стихотворецъ Пушкинъ былъ призванъ ко мнѣ и вопрошаемъ: отъ кого получилъ извѣстную поэму?—Я поставилъ ему при томъ на видъ, что открытіе сочинителя поэмы сей уничтожить всякое о немъ сомнѣніе. Пушкинъ вслѣдствіе того изложилъ (*собственноручно*) слѣдующее показаніе:

„1828 года, августа 19-го, нижеподписавшійся X-го класса Александръ Пушкинъ, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго Г. Главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ, бывъ призванъ къ С.-Петербургскому военному генераль-губернатору, спрашиванъ, отъ кого именно получилъ поэму подъ заглавіемъ *Гавриліады*, показалъ:

„Рукопись ходила между офицерами Гусарскаго полку, но отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомяну. Мой же списокъ сжегъ я, вѣроятно, въ 20-мъ году“ *).

*) Этотъ собственноручный списокъ былъ доставленъ Пушкинымъ князю П. А. Вяземскому, который, 10-го декабря 1822 года, изъ Остафьева писалъ А. И. Тургеневу: „Пушкинъ прислалъ мнѣ одну свою прекрасную шалость“. (*Остафьевскій Архивъ* книзей *Вяземскихъ*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціею и съ примѣчаніями В. И. Сантова. Спб. 1899. II, 287).

„Осмѣливаюсь прибавить, что ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже изъ тѣхъ, въ коихъ я особенно раскаиваюсь, нѣтъ слѣдовъ духа безвѣрія или кощунства надъ религіею. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ произведеніе столь жалкое и постыдное.

10-го класса Александръ Пушкинъ“.

Показаніе Пушкина было представлено Коммиссіею Государю 28-го августа 1828 года, при запискѣ, на которой Государю благоугодно было начертать слѣдующія достопамятныя слова:

„Г. Толстому призвать Пушкина къ себѣ и сказать ему моимъ именемъ, что, зная лично Пушкина, я его слову вѣрю. Но желаю, чтобъ онъ помогъ Правительству открыть, кто могъ сочинить подобную мерзость и обидѣть Пушкина, выпуская оную подъ его именемъ“.

Графъ П. А. Толстой, исполняя волю Государя, призвавъ къ себѣ Пушкина, потребовалъ отъ него, чтобы онъ, „видя такое къ себѣ благоснисхожденіе Его Величества, не отговаривался отъ объявленія истины, и что Пушкинъ, по довольномъ молчаніи и размышленіи, спрашивалъ: позволено ли будетъ ему написать прямо Государю Императору и, получивъ на сіе удовлетворительный отвѣтъ, тутъ же написалъ Его Величеству письмо и, запечатавъ оное, вручилъ Графу Толстому“.

Коммиссія опредѣлила: *не раскрывая письма сего, представить оное Его Величеству.*

Въ *Русскомъ Архивѣ* за 1879 годъ напечатано отвѣтное письмо князя П. А. Вяземскаго на письмо Пушкина, отъ 1-го сентября 1828 года, но къ сожалѣнію съ пропусками. „Сердечно жалѣю“, пишетъ князь Вяземскій, „о твоихъ хлопотахъ по поводу *Гавриила*, но надѣюсь, что послѣдствій худыхъ не будетъ . . . “ (№ 8, стр. 481).

Несомнѣнно, что эти „хлопоты“, сопряженныя съ шатаніемъ по разнымъ канцеляріямъ, въ качествѣ неблагонамѣреннаго стихотворца и чиновника X-го класса, и самый тонъ допросовъ глубоко оскорбляли и огорчали Пушкина, настроивъ его на грустный ладъ, что и выразилось въ извѣстномъ его стихотвореніи, написанномъ именно въ 1828 году:

Снова тучи надо мною
 Собралися въ тишинѣ.
 Рокъ завистливый бѣдою
 Угрожаетъ снова мнѣ..
 Сохраню-ль къ судьбѣ презрѣнье?
 Понесу-ль на встрѣчу ей
 Непреклонность и терпѣнье
 Гордой юности моей?
 Бурной жизнью утомленный,
 Равнодушно буря жду;
 Можетъ быть, еще спасенный
 Снова пристань я найду... и пр.

По окончаніи этого печальнаго процесса, Пушкинъ уѣхалъ въ Тверскую деревню Маленники.

Въ Остафьевскомъ Архивѣ сохранилась подорожная его, отъ 19-го октября 1828 года, подписанная столь знакомымъ ему С.-Петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, въ которой прописано: „По указу и проч. Отъ С.-Петербурга до Торжка *воспитаннику Императорскаго Царскосельскаго Лицея* Александру Пушкину съ будущимъ изъ почтовыхъ давать по три лошади съ проводникомъ, за указные прогоны, безъ задержанія“.

Въ тотъ же день Пушкинъ праздновалъ Лицейскую годовщину.

Усердно помолвившись Богу,
 Лицею прокричавъ ура,
 Прощайте, братцы! Мнѣ въ дорогу,
 А вамъ въ постель уже пора.

II.

Пушкинъ, желая сохранить любезныя черты своего друга— Барона Антона Антоновича Дельвига, прежде всего сталъ заботиться о написаніи его біографіи и по этому поводу писалъ Плетневу:

„Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига, мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями... Я зналъ его въ Лицеѣ, былъ свидѣтелемъ перваго незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому не отдали мы еще должной справедли-

ности. Съ нимъ читаль я Державина и Жуковскаго, съ нимъ толковаль обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томить. Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами“.

Но всѣ эти благія намѣренія ограничились *Некрологіею барона Дельвига*, написанною Плетневымъ, который о ней писалъ Пушкину: „когда я собирался писать некрологію Дельвига, сердце мое было сжато. Все, что употребили враги его для очищенія своихъ гнусностей, такъ меня тягчило и мучило, что я рѣшился передъ публикою говорить языкомъ чловѣка посторонняго въ этомъ дѣлѣ, страшась, чтобы мерзавцы не воспользовались для достиженія своей цѣли самою святынею дружества. Они, какъ я предчувствовалъ, готовы были даже и то обратить въ укоризну покойному, что никто о немъ ни слова не сказалъ языкомъ безпристрастнымъ. Вотъ почему я говорилъ безъ всякаго энтузіазма“.

„Дельвига зналъ я мало“, писалъ князь П. А. Вяземскій,— „болѣе зналъ его по Пушкину, который нѣжно любилъ его и уважалъ. Впрочемъ, не было мнѣ и случая короче сблизиться съ нимъ. Онъ постоянно жилъ въ Петербургѣ, я постоянно жилъ въ Москвѣ. Однажды имѣлъ я возможность оцѣнить его и понялъ нѣжное сочувствіе къ нему Пушкина. Мы случайно провели съ нимъ съ глазу на глазъ около трехъ часовъ. Мы ѣздили къ общему знакомому нашему обѣдать на дачу, верстъ за пятнадцать отъ Петербурга. Въ эту поѣздку рѣчь наша какъ-то коснулась смерти. Я удивился, съ какою ясною и спокойною философіею говорилъ онъ о ней: казалось, онъ ея ожидалъ. Въ словахъ его было какое-то предчувствіе, чуждое отвращенія и страха; напротивъ, отзывалось чувство не только покорное, но благопривѣтливое. Для меня, по крайней мѣрѣ, этотъ разговоръ былъ лебединая пѣсня Дельвига; я выѣхалъ изъ Петербурга и болѣе не видалъ его, а онъ скоро затѣмъ умеръ“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*, Спб. 1890, III, 248—249).

III.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій родился 19 февраля 1800 года въ селѣ Вяжлѣ, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда. Село это пожаловано отцу его генераль-адъютанту Абраму Андреевичу Императоромъ Павломъ.

Родной племянникъ Е. А. Баратынскаго, Сергѣй Александровичъ Рачинскій, писалъ мнѣ (изъ Татова, 9 мая 1901 г.): „Императору Павлу я обязанъ вѣчною благодарностію. Онъ былъ благодѣтелемъ обоихъ моихъ дѣдовъ, Рачинскаго и Баратынскаго, крестилъ моего отца. Только благодаря ему существуютъ всѣ мои школы. Для его памяти я сдѣлалъ, что могъ, издалъ его письма къ Нелидовой (*XVIII вѣкъ*), перевелъ записки Саблукова“.

Баратынскій любилъ деревню и даже предпочиталъ сельскій бытъ городскому. Кто не знаетъ его *Родины*?

Судьбой положенныя цѣпи
Упали съ рукъ моихъ, и вновь
Я вижу васъ родныя степи,
Моя начальная любовь.
Степного неба сводъ желанный,
Степного воздуха струи . . .
Но мнѣ увидѣть было слаще
Лѣсъ на покатыхъ двухъ холмовъ,
И скромный домъ въ садовой чащѣ —
Пріютъ младенческихъ годовъ.
Промчалось ты, златое время!
Съ тѣхъ поръ по свѣту я бродилъ
И наблюдалъ людское племя
И, наблюдая, воскорбѣлъ.

Б. Н. Чичеринъ, знавшій съ дѣтства Евгенія Абрамовича Баратынскаго, какъ родственника и сосѣда по Кирсановскому имѣнію своихъ родителей, Караулу, въ своихъ драгоценныхъ *Воспоминаніяхъ* пишетъ: „Е. А. Баратынскій былъ человѣкъ высокаго ума и образованія и еще болѣе возвышенныхъ нравственныхъ свойствъ; всегдашній судья всѣхъ семейныхъ недоразумѣній, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ очаровательный собесѣдникъ. Его умъ, и тонкій и глубокій, всегда согрѣтый теплымъ чувствомъ и украшенный поэзіей, дѣлалъ его удивительно привлекательнымъ. Въ дружеской бесѣдѣ,

особенно за бокаломъ вина, онъ любилъ изливать всю свою душу“. (*Русскій Архивъ*, 1890, № 4, стр. 508).

„Чѣмъ болѣе вижусь съ Баратынскимъ“, писалъ князь П. А. Вяземскій къ А. И. Тургеневу, „тѣмъ болѣе люблю его за чувства, за умъ, удивительно тонкій и глубокой, раздробительный. Возьми его врасплохъ, какъ хочешь: вездѣ и всегда найдешь его съ новою своею мыслію, съ собственнымъ воззрѣніемъ на предметъ“. (*Остафьевскій Архивъ Князей Вяземскихъ*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Спб., 1899. III, 179).

Двадцать пять лѣтъ спустя по кончинѣ Е. А. Баратынскаго, въ Москвѣ, въ 1869 году, вышло въ свѣтъ его *Собраніе Сочиненій*. Это *Собраніе* дало поводъ старому другу его Князю П. А. Вяземскому написать слѣдующее: „Карамзинъ говорилъ, что въ молодости любилъ онъ иногда изъ многолюднаго и блестящаго собранія, съ бала, изъ театра прямо ѣхать за городъ, въ лѣсъ, въ уединенное мѣсто. Послѣ смутныхъ и тревожныхъ ощущеній свѣтскихъ, находилъ онъ въ окрестной тишинѣ, въ величавой обстановкѣ природы, въ свѣжести и умиротворительности впечатлѣній особенную и глубоко объемлющую душу прелесть. Подобнаго рода наслажденіе испыталъ я, исключительно предавшись на дняхъ чтенію Баратынскаго, котораго *Собраніе Сочиненій* появилось на дняхъ въ печати. Я тоже, такъ сказать, бѣжалъ изъ наплыва волнъ текущей словесности, и я готовъ былъ сказать съ Дмитриевымъ:

Примите, древнія дубравы,
Подъ тѣнь свою питомца музъ!

И въ самомъ дѣлѣ, въ наши дни для многихъ поэзія Баратынскаго „древняя дубрава“, но только не многимъ придетъ охота углубиться въ ея тѣнь.... Баратынскій и при жизни, и въ самую пору поэтической своей дѣятельности, не вполнѣ пользовался сочувствіемъ и уваженіемъ, которыхъ былъ онъ достоинъ. Его заслонялъ собою и, такъ сказать, давилъ Пушкинъ, хотя они и были друзьями и послѣдній высоко цѣнилъ дарованіе его. Впрочемъ, отчасти вездѣ, а особенно у насъ, всеобщее мнѣніе такую узкую тропинку пробиваетъ успѣху, что рядомъ двумъ, не только тремъ

или болѣе, никакъ пройти нельзя. Мы прочищаемъ дорогу кумиру своему, несемъ его на плечахъ, а другихъ и знать не хотимъ, если и знаемъ, то развѣ для того, чтобы сбивать ихъ съ ногъ справа и слѣва и давать кумиру идти, попирая ихъ ногами. Глядя на этихъ поклонниковъ единицы, можно бы заключить, что природа напрасно такъ богато, такъ роскошно разнообразила дары свои.

Кумиры у насъ не долговѣчны. Позолота ихъ скоро линяетъ. Набожность поклонниковъ остываетъ. Уже строится новое капище для водворенія новаго кумира...“ (*Полное Собраніе Сочиненій Князя И. А. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб., 1882, № VII, 268—269).

IV.

Имя Петра Александровича Плетнева останется навсегда памятнымъ и любезнымъ въ исторіи Русской Литературы.

Ему посвятилъ Пушкинъ своего *Евгенія Онѣгина*.

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣ тебя,
Достойнѣ души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть—рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Бессонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Ему же писалъ Майковъ:

За стаею орловъ двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
Доселѣ памятны у Русскаго народа.

Изъ стая ихъ теперь одинъ остался ты,
И грустный между насъ, задумчивый ты бродишь;
И прежнихъ звуковъ полнь, все взора съ высоты,
Куда тѣ лебеди умчались, не сводишь.

Его же *памяти* князь П. А. Вяземскій посвятилъ слѣдующія драгоцѣнныя строки: „Пріятельскія наши съ нимъ сношенія начались давно. Я встрѣтился съ нимъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ средѣ намъ равно сочувственной и близкой. Плетневъ былъ уже тогда пріятелемъ Жуковского и другомъ Пушкина, Дельвига, Баратынскаго. Эти связи его тотъ-же часъ породнили съ нимъ и меня. Я скоро полюбилъ и оцѣнилъ въ немъ все, что было личною и самобытною собственностью его самого. Чистое сердце, свѣтлый и спокойный умъ, безкорыстная, безпредѣльная, теплая преданность друзьямъ, нравъ кроткій, мягкій и уживчивый, добросовѣстное, не по расчетамъ, не въ виду житейскихъ выгодъ и въ чаяніи блестящихъ успѣховъ, но по призванію, но по святой любви, служеніе литературѣ, изящный и вѣрный вкусъ, съ которымъ любили справляться и совѣтоваться Баратынскій и самъ Пушкинъ, — всѣ эти качества, всѣ эти счастливые дары природы, развитые и возлелѣянные жизнью стройною и сосредоточенною въ однихъ мирныхъ занятіяхъ и наслажденіяхъ скромнаго и постояннаго труда, — все это давало Плетневу особенное значеніе и почетное мѣсто въ обществѣ нашемъ. Рано приобрѣлъ онъ это мѣсто и удержалъ его за собою до конца долговременной жизни своей. Новыя явленія, новыя потребности жизни и перевороты въ литературѣ не сдвинули его съ той ступени, на которой онъ твердо и добросовѣстно сталъ однажды навсегда. Къ первоначальнымъ товарищамъ и единомышленникамъ его постепенно примыкали и новыя пришельцы, отмѣченные печатью истиннаго дарованія. Въ числѣ ихъ достаточно упомянуть одно имя Гоголя.

По трудамъ своимъ, по свойству дарованія своего и по своей натурѣ безстрастной и обреченной, такъ сказать, на плавное, а не порывистое движеніе, онъ никогда не искалъ и не могъ искать быть любимцемъ большинства; не хотѣлъ и не могъ дѣйствовать на публику, то есть на толпу, самовластно и полномочно. Заслуги, оказанныя имъ литературѣ, не кидаются въ глаза съ перваго раза.

Но онѣ отыщутся и по достоинству оцѣнятся при позднѣйшей разработкѣ и приведеніи въ порядокъ и ясность дѣйствій и явленій современной ему литературной эпохи. Въ общей человѣческой жизни, на всѣхъ ея поприщахъ, встрѣчаются не передовые, а такъ сказать *пассивные* дѣятели, мало замѣтные для проходящихъ, но которыхъ вліяніе переживаетъ иногда шумныя и наступательныя дѣйствія болѣе отважныхъ подвижниковъ.

Съ Плетневымъ лишился я послѣдняго собесѣдника *о дѣлахъ минувшихъ лѣтъ*... Уже некому при случаѣ сказать: *а помните ли?* и проч... На подобный вопросъ отвѣта нѣтъ... Никто не помнитъ того, что я помню, что мнѣ такъ памятно, что такъ еще присуще, живо и свѣжо старой памяти моей, пережившей, такъ сказать, цѣлые вѣка, цѣлый міръ лицъ и былей, сроднившихся съ жизнью моей, вошедшихъ въ нее и въ мое минувшее принадлежностью нераздѣльною и неотъемлемою. Теперь помню одинъ. Теперь я одинъ съ глазу на глазъ съ памятью моею... Монологи скучны въ драмѣ и въ дѣйствительности. Для оживленія дѣйствія и рѣчи нужно имѣть передъ собою соучастника, готоваго откликнуться на мысль нашу, на воспоминаніе наше... Такъ, послѣ смерти Пушкина и Жуковскаго, перекликались мы съ Плетневымъ самъ другъ и келейно... Чѣмъ братскій кругъ становится малолюднѣе, тѣмъ жизнь и память минувшаго становится дороже и обязательнѣе. Въ года усиленнаго движенія и преизбытка жизни еще возможны минутныя недоразумѣнія. Но въ старости и самыя разнорѣчія смягчаются и сглаживаются. А общія сочувствія и точки соприкосновенія съ каждымъ днемъ сильнѣе и глубже означаются. Въ старости ищешь не того, что особляетъ, а того, что обобщаетъ. Предчувствуешь, что времени уже мало впереди. Ратовать некогда да, сдается, и не для чего". (*Утро*. Изд. М. Погодинымъ. М. 1866, стр. 153—157).

Николай Барсуковъ.

14 Іюля 1901 г.
С.-Петербургъ.

I.

Письма А. С. Пушкина къ князю П. А. Вяземскому.

1.

(10 Октября 1824).

Мой милый, наконецъ ты подалъ голосъ.—Дѣловую записку твою получилъ исправно—вотъ тебѣ отвѣтъ. Ольдекопъ укралъ и совралъ. Отецъ мой никакой сдѣлки съ нимъ не имѣлъ. Довѣренность я бы тебѣ переслалъ, но погоди; гербовая бумага въ городѣ, должно взять какое-то свидѣтельство въ городѣ — а я въ глухой деревнѣ. Если можно безъ нея обойтись, то начни дѣйствія, единственный дѣятельный другъ! ¹⁾ По письму дяди вижу, что княгиня В. Ѳ. къ тебѣ пріѣхала; ты ничѣмъ не достоинъ своей жены (развѣ стихами, да и тѣхъ уже не пишешь). Немедленно буду къ ней писать; я все хотѣлъ навѣрное знать мѣсто ея пребыванія. *En attendant mettez moi à ses pieds et dites lui qu'elle est une âme charmante.* О своемъ житьѣ и бытьѣ ничего не скажу. Скучно, вотъ и все.

Каковъ ***?

Полу-герой, полу-невѣжда,
Къ тому жъ еще полу-подлецъ!..
Но тутъ однакожъ есть надежда,
Что полный будетъ наконецъ.

Къ статья о стихахъ: сегодня кончилъ я поэму Цыгане. Не знаю, что объ ней сказать.—Она покамѣстъ мнѣ опротивѣла, только

что кончилъ и не успѣлъ обмытъ задрѣвшія ....²⁾ Посылаю тебѣ маленькое поминаньице за упокой души раба Божія Байрона. Я было и цѣлую панихиду затѣялъ³⁾, да скучно писать про себя—или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго.—Братъ Лайонъ^{*)} тебѣ кланяется.—Пришли мнѣ стиховъ, умираю, скучно.

2.

(1825).

Пушчинъ привезетъ тебѣ 600 рублей. Отдай ихъ княгинѣ В. О.^{**)} и съ моей благодарностію.⁴⁾ С..... большой подлець. Посылаю при семъ къ нему дружеское письмо. Перешли его (въ конвертѣ) въ Одессу *по оказіи*, а то по почтѣ онъ скажетъ: не получилъ. Охотно извиняю и понимаю его.

Но умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!

А прозор. Читалъ я Чацкаго. Много ума и смѣшнаго въ стихахъ, но во всей комедіи ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкѣй совсѣмъ не умный человѣкъ—но Грибоѣдовъ очень уменъ⁵⁾. Пришлите же мнѣ вашъ Телеграфъ. Напечатанъ ли тамъ Хвостовъ? Что за прелесть его посланіе! Достойно лучшихъ его временъ⁶⁾. А то онъ было сдѣлался посредственнымъ, какъ В. Л. (Пушкинъ), Ив(анчинъ) Пис(аревъ) и проч. Каковъ Филимоновъ въ своемъ Инвалидномъ объявленіи⁷⁾. Милый, теперь одни глупости могутъ еще развлечь и разсмѣшить меня. Слава же Филимонову!

Пишу тебѣ въ гостяхъ съ разбитой рукой.—Упалъ на льду не съ лошади, а съ лошадыю: большая разница для моего наѣздническаго честолюбія.

28 Янв. (1825).

3.

(1828).

Уѣхаль-ли ты изъ Москвы? Не думаю. — На всякій случай пишу тебѣ въ Пензу, гдѣ ты когда-нибудь да прочтешь мое посланіе. Былъ я у Жуковскаго. Онъ принимаетъ въ тебѣ живое,

*) Левъ Сергѣевичъ. Н. Б.

**) Вяземской.

горячее участіе, Арзамасское, не придворное. Онъ было хотѣлъ, получивъ первое извѣстіе отъ тебя, прямо отвѣстись письмомъ къ Г(осударю), но раздумалъ и, кажется, правъ. Миѣнія, слова Ж(уковскаго) должны имѣть большой вѣсъ, но для искорененія непріязненныхъ предубѣжденій нужны объясненія и доказательства — и тѣмъ лучше, ибо кн. Д. *) можетъ представить тѣ и другія. Ж(уковскій) сказывалъ мнѣ о совѣтѣ своемъ отнести къ Б., — а я знаю, что это будетъ для тебя непріятно и тяжело. Онъ конечно передъ тобою не правъ; на его чредѣ не должно обращать вниманія на полицейскія сплетни и еще менѣе съ укоризною давать знать объ нихъ aux personnes, qui en sont l'objet. Mais comme au fond c'est un brave et digne homme, trop distrait pour vous garder rancune et trop distingué pour chercher à vous nuire, ne vous laissez pas aller à l'inimitié et tacher de lui parler tout franchement. Сдѣлай милость забудь выраженіе—*развратное его поведеніе*, оно просто ничего не значитъ. Ж(уковскій) со смѣхомъ говорилъ, что говорятъ, будто бы ты пьяный былъ у . . . . ., и утверждаетъ, что наша поѣздка къ бабочкѣ-Филимонову, въ неблагопрстойную Коломну, подала поводъ къ этому упреку. Филимоновъ конечно б. . . . ., а его бабочка конечно рублевая, паршивая, Варюшка, въ которую и жаль и гадко что нибудь . . . . . Впрочемъ если бѣ ты вошелъ и въ не метафорической б. . . . . Все-жъ не бѣда.

Я захожу въ вашъ милый домъ,
Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходить.

Правительство не дама, не Princesse Moustache **): приудничать ему не пристало. Аминь, поговоримъ о другомъ⁸⁾. Я въ П.Б. съ недѣлю, не больше. Нашелъ здѣсь все общество въ волненіи удивительномъ. Веселятся до упаду и въ стойку, т.-е. на раутахъ, которые входятъ здѣсь въ большую моду. Давно бы намъ догадаться: мы сотворены для раутовъ, ибо въ нихъ не нужно ни ума, ни веселости, ни общаго разговора, ни политики, ни литературы. Ходишь по ногамъ, какъ по ковру, извиняешься—вотъ уже и за-

*) Московскій Генераль-Губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голлицыиъ. Н. Б.

***) Мать князя Д. В. Голлицыиъ княгиня.

мѣна разговорѹ. Съ моей стороны, я отъ раутовъ въ восхищеніи и отдыхаю отъ проклятыхъ обѣдовъ Зинаиды. (Дай Богъ ей ни дна, ни покрышки, т. е. ни Италіи, ни графа Ригга!)⁹⁾ Я не читаль еще журналовъ. Говорять, что Булгаринъ тебя хвалить. Въ какую то силу? Читаль *Цѣтты*? Каково море Жуковскаго и каковъ его Гомеръ, за котораго сердится Гнѣдичъ, какъ откупщикъ на контрабанду. Прощай, нѣтъ ни времени, ни мѣста.

4.

(1828).

Благодарствуй за письмо, оно застало меня посреди хлопотъ и непріятностей всякаго рода. Отвѣчаю наскоро на всѣ твои запросы.

Быть можетъ нѣкогда восплачатъ обо мнѣ.

Стихъ Гнѣдича (который теперь здѣсь) въ переводѣ его Вольтера Танкреда:

Un jour elle pleurera l'amant, qu'elle a trahi
Ce coeur, qu'elle a perdu, ce coeur, qu'elle déchire.

Успокоился ли ты? Пока Киселевъ *) и Полтарацкій **) были здѣсь, я продолжалъ образъ жизни, воспѣтый мною такимъ образомъ:

А въ ненастные дни собирались они часто.
Гнули, ..., отъ 50 на 100,
И выигрывали и отписывали мѣломъ.
Такъ въ ненастные дни занимались они дѣломъ. ***)

*) Павелъ Дмитріевичъ, впоследствии графъ.

**) Сергій Дмитріевичъ, известный библіоманъ. 25 іюля 1828 года Пушкинъ писалъ Соболевскому: „Посылаю тебѣ мою наличность. Остальныя 2500 получишь вслѣдъ.“

Цыгане мои не продаются вовсе, деньги же эти трудовыя, въ потѣ лица моего вышонтитованныя у нашего друга Полтарацкаго“. (*Михайловскій Архивъ графа С. Д. Шереметева*, № 16).

***) Такимъ образомъ стихи эти принадлежать *Пушкину*, а не *Рыльцеву*. Кернъ, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, писала: „Пушкинъ поручилъ мнѣ переслать эти стихи Дельвигу, говоря: „Да смотрите, сами не читайте и не заглядывайте“. Это предостереженіе было сдѣлано Пушкинымъ дѣвицѣ потому, что въ нихъ заключалась одна непріличная фраза, которая замѣнена въ печатномъ: *Богъ ихъ прости*. Л. Н. Майковъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту *Воспоминаній* Кернъ писалъ: „Приведенныя стихи принадлежать не *Пушкину*, а *К. Θ. Рыльцеву*“. (*Пушкинъ*. Спб., 1899, стр. 252). *И. Б.*

Но теперь мы всё разбрелись. Киселевъ, говорятъ, уже въ арміи, Іупіогъ въ деревнѣ ¹⁰⁾, Голицынъ возится съ Глинкою *) и учреждаетъ родственно-аристократическіе праздники ¹¹⁾. Я пустился въ свѣтъ, потому что безпріютенъ ¹²⁾. Еслибъ не твоя мѣдная Венера ¹³⁾, то я бы съ тоски умеръ, — но она утѣшительно смѣшна и мила. Я ей пишу стихи, а она произвела меня въ свои сводники (къ чему влекли меня и всегдашняя склонность и нынѣшнее состояніе моего Благонамѣреннаго, о коемъ можно сказать то же, что было сказано о его печатномъ тезкѣ: ей, ей намѣреніе благое, да исполненіе плохое) ¹⁴⁾.

Ты зовешь меня въ Пензу, а того и гляди, что я поѣду далѣе,

Прямо, прямо на востокъ.

Мнѣ навязалась на шею преглупая шутка. До Прав(ительства) дошла наконецъ Гавриліада; приписываютъ ее мнѣ; донесли на меня, и я, вѣроятно, отвѣчу за чужія проказы, если *** не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность. Это да будетъ между нами. Все это не весело **), но критика кн. Павла веселитъ меня, какъ прелестный цвѣтъ обѣщающей со временемъ плоды. Попроси его переслать мнѣ свои замѣчанія; я буду на нихъ отвѣчать непремѣнно ¹⁵⁾. Благодарю тебя умомъ и сердцемъ, т.-е. вкусомъ и самолюбіемъ — за портретъ Пел. Ник. Стиховъ ей не шлю, ибо на такой дистанціи не стрѣляютъ даже и турки ¹⁶⁾. Передъ княгиней Вѣрой не смѣю поднять очей; однакожь вопрошаю, что думаетъ она о произшествіяхъ въ Од. (Ра... и Гр. В.) ¹⁷⁾.

Addio, idol mio. Приши мнѣ все въ П.Б. пока.

1 Сент. (1828).

5.

(1830).

Высылай скорѣе Дельвига, если ты самъ не ѣдешь. Скучно издавать газету одному съ помощію Ореста, веселоснаго друга и

*) Михаилъ Ивановичъ. *Н. Б.*

***) См. предисловіе къ письмамъ Пушкина. *Н. Б.*

товарища. Всѣ Оресты и Пилалды на одно лицо ¹⁸⁾. Очень благодарю тебя за твою прозу—подавай ее побольше. Ты бранишь Милославскаго, я его похвалилъ. Гдѣ гроза, тутъ и милость. Конечно, въ немъ многого недостаетъ, но многое и есть: живость, веселость, чего Булгарину и во снѣ не приснится ¹⁹⁾. Какъ ты находишь Полевова? ²⁰⁾ Чтеніе его исторіи замѣнило Жуковскому чтеніе Муравьева статсъ-секретаря ²¹⁾. Но критика Погодина ни начто непохожа ²²⁾. Какъ бы Каченовскаго взбѣсить? Стравимъ ихъ съ Полевымъ.

Правда ли, что моя Гончарова выходитъ за Архивнаго Мещерскаго? ²³⁾ Что дѣлаетъ Ушакова ²⁴⁾ моя же? Я собираюсь въ Москву — какъ бы не развѣхаться. Я напечаталъ твое *къ Нимъ* противу воли Жуковскаго. Конечно, я бы не допустилъ къ печати ничего слишкомъ горькаго, слишкомъ озлобленнаго. Но элегическую . . . . . позволено сказать, когда не въ терпезѣ приходится благородному человѣку ²⁵⁾. Кланяюсь всѣмъ твоимъ и грозному моему критику Павлушѣ. Я было написалъ на него ругательную антикритику, слогомъ Галатеи ²⁶⁾, взявъ въ эпитафю: *Павлуша мѣдный лобъ — приличное названье!* Собирался ему послать, не знаю куда дѣлать *).

6.

(1831).

(Между нами). У Дельвига осталось 2 брата безъ гроша денегъ, на рукахъ его вдовы, потерявшей большую часть маленькаго своего имѣнія. Нынѣшній годъ мы выдадимъ *Свѣ. Цвѣты* въ пользу двухъ сиротъ. Ты пришли мнѣ стиховъ и прозы; за журналъ нашъ примемся послѣ ²⁷⁾.

20 авг., день смерти Вас. Львов., здѣшніе Арзамасцы поминали своего старосту ватрушками, въ кои воткнуто было по лавровому листу. Свѣтлана **) произнесла надгробное слово, въ коемъ съ особеннымъ чувствомъ вспоминала она обрядъ принятія его въ Арзамасъ ²⁸⁾.

*) См. примѣчаніе 15-е.

**) Арзамасское прозвище Жуковскаго. Н. Б.

7.

1831.

Получилъ я письмо твое (вѣроятно, отъ Федосія Сидоровича, по крайней мѣрѣ на печати вырѣзанъ крестъ и якорь и надпись: Богъ моя надежда). Ты требуешь назадъ свою мебель. Эхъ, милый! Трудно въ Царскомъ Селѣ мнѣ будетъ найти новую. Нечего дѣлать, возьми себѣ назадъ. Только мнѣ жаль будетъ тебѣ оставить ее за ту же цѣну. Ей Богу, Ваше Сіятельство, больше стоитъ. Она мнѣ досталась по оказіи и по знакомству; право не грѣхъ прибавить рублей сто ²⁹⁾. По газетамъ видѣлъ я, что Тургеневъ къ тебѣ отправился въ Москву; не приѣдешь ли съ нимъ назадъ? Это было бы славно. Мы бы что нибудь и затѣяли въ родѣ Альманаха и Тургенева порастрепали бы. Объ Адольфѣ твоёмъ не имѣю никакого извѣстія ³⁰⁾; Плетневъ отдѣленъ отъ меня холерою, ничего не пишетъ. Ждалъ я сюда Ж(уковскаго), но дворъ уже не ѣдетъ въ Царское Село, потому что холера показалась въ Пулковѣ. Въ П.Б. народъ беспокоенъ; слухи объ отравѣ такъ распространились, что даже люди порядочные повторяютъ эти вельпости отъ чистаго сердца.

Двухъ лѣкарей народъ убилъ. Царь унялъ возмущеніе, но не все еще тихо. Изъ арміи извѣстія не имѣемъ. Вотъ тебѣ все, что знаю. О литературѣ не спрашивай: я не получаю ни единого журнала, кромѣ С.-Петерб. Вѣдомостей, и тѣхъ не читаю. Росславлева прочелъ и очень желаю знать, какимъ образомъ ты бранишь его ³¹⁾. Разговоровъ о Борисѣ не слыхалъ и не видалъ, я въ чужіе разговоры не вмѣшиваюсь. Не пишу покамѣсть ничего, ожидаю осени. Элиза готовится къ смерти мученической и уже написала мнѣ трогательное прощаніе ³²⁾. Ты что? Вышелъ ли Фонъ-Визинъ изъ цензуры и поступилъ ли въ печать? ³³⁾. Къ стати о цензурѣ: Щегловъ умеръ *), не нашего полку, чужаго. Отецъ мой горюетъ у меня въ сосѣдствѣ, въ Павловскомъ; вообще довольно скучно.

3 іюля (1831).

Кланяюсь всѣмъ твоимъ, въ томъ числѣ и Тургеневу, если онъ ужъ у васъ.

*) Цензоръ. Н. Б.

8.

Сперва о дѣлѣ: у Нащокина моихъ денегъ нѣтъ, а своихъ, вѣроятно, не завелось. По причинѣ холеры я въ полученіи доходовъ затрудненъ. Твои 500 рублей получишь изъ П.Б., какъ скоро спишусь съ моими корреспондентами. Ты пишешь о журналѣ: да, чорта съ два! Кто намъ разрѣшитъ журналъ? Ф. Фокъ умеръ ³⁴), того и гляди, поступить на его мѣсто Н. И. Гречъ. Хороши мы будемъ! О газетѣ политической нечего и думать, но журналъ ежемѣсячный, или четырехмѣсячный, третейской можно бы намъ попробовать — одна бѣда: *безъ модъ* онъ не пойдетъ, а съ *модами* стать намъ на ряду съ Шаликовымъ, Полевымъ и проч. — Совѣстно. Какъ ты? съ, или безъ? Мы бы переписку Авраама съ Игн. помѣстили въ отдѣленіи: Классическая словесность. Ж(уковский) все еще пишетъ, завелъ 6 тетрадей и разомъ началъ 6 стихотвореній; такъ его и несетъ. Рѣдкій день не прочтетъ мнѣ чего новаго; нынѣшній годъ онъ вѣрно написалъ цѣлый томъ. Это хорошо было бы для журнала. Я началъ также подрисовывать; на дняхъ изобразился сказкой въ тысяча стиховъ ³⁵). Другая въ брюхѣ бурчитъ. А все холера... То, что ты говоришь о Рославлевѣ, сущая правда; мнѣ смѣшно читать рецензіи нашихъ журналовъ; кто начинается съ Гомера, кто съ Моисея, кто съ Вальтеръ-Скотта; пишутъ книги о романѣ, котораго ты оцѣнилъ въ трехъ строчкахъ совершенно полно, но къ которымъ можно прибавить еще три строчки: *что положенія, хотя и натянутыя, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что все можно прочесть съ удовольствіемъ* (итого 3 строки $\frac{1}{2}$).

У Доны Sol ³⁶) былъ я вчера; писемъ твоихъ у ней здѣсь нѣтъ, она намѣрена ихъ сжечь *et vous accuse de fatuité*. Дѣло въ томъ, что она чрезвычайно мила, умна и въ лицахъ представляетъ генеральшу Ламберъ и камеръ лакея — нѣмца — въ совершенствѣ. Твое разсужденіе о пословицѣ Русской не пропадетъ. Къ числу благороднѣйшихъ принадлежитъ и сія: за тычкомъ не угонишься, т.-е. не хлопочи о полученномъ тычкѣ. Къ стати о тычкѣ: читалъ ли ты въ Телескопѣ статью Ѳ. Косичкина? *) Прости, кла-

*) Ѳеофилактъ Косичкинъ—псевдонимъ Пушкина. Н. Б.

няюсь тебѣ и твоимъ. Вчера Д. Соль получила при мнѣ и Ж(уковскомъ) письмо отъ своего брата; онъ отъ имени Катерины Андреевны спрашиваетъ у Ж(уковского) его мнѣнія: пріѣзжать-ли ей въ П.Б. или оставаться въ Москвѣ. Ж(уковский) сказалъ, что еслибъ онъ имѣлъ сто языковъ, то всѣ бы они заговорили: пріѣзжайте къ намъ, къ намъ, къ намъ. Себялюбіе въ сторону, я точно того-же мнѣнія; холера въ П.Б. прекратилась, а у васъ опять начинается. Экія времена! Варшава должна быть взята 25 или 26; но еще извѣстія нѣтъ ³⁷).

3 Сентября (1831).

ПРИМЪЧАНІЯ.

---

1) Князь П. А. Вяземскій, „видя въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* объявленіе о продажѣ новаго изданія *Кавказскаго Пѣтнника*, просилъ Жуковскаго узнать, съ дозволенія ли С. Л. Пушкина и въ слѣдствіе ли какой нибудь сдѣлки съ нимъ прислалъ сюда свое изданіе Ольдекопъ. Жуковскій, переговоривъ съ Дельвигомъ, отвѣчалъ князю Вяземскому, что никакой сдѣлки нѣтъ и что продажа новаго изданія баззаконна. Вслѣдъ за симъ князь Вяземскій послалъ за книгопродавцемъ Ширяевымъ, который отвѣчалъ ему, что Ольдекопъ заплатилъ С. Л. Пушкину за право продавать свое изданіе. Спрашивается, которое изъ двухъ обстоятельствъ справедливо: если право не дано Ольдекопу, то пусть Александръ Пушкинъ пришлетъ формальную довѣренность на имя В. Л. Пушкина или на имя князя Вяземскаго“. (*Русскій Архивъ* 1879. № 8, стр. 471—472).

2) Поэма *Цыгане* была начата Пушкинымъ еще въ Одессѣ, въ декабрѣ 1823 года. Окончена въ Михайловскомъ 10 октября 1824 года. (*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887. I, 365).

3) Лордъ Байронъ скончался въ Миссолунги, 19 апрѣля 1824 года. Смерть этого геніальнаго писателя произвела сильное впечатлѣніе въ нашемъ отечествѣ. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи *Къ Морю* упомянулъ его вслѣдъ за Наполеономъ:

И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ!
Шумы, волнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой цѣвецъ.
Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

4) Иванъ Ивановичъ Пущинъ, лицеистъ перваго выпуска, пострадавшій по дѣлу 14 декабря, принадлежалъ къ числу ближайшихъ школьныхъ товарищей Пушкина. Пущинъ посѣтилъ своего товарища-изгнанника въ его Михайловскомъ. Въ *Затискахъ* Пущина мы читаемъ: „Проводи праздникъ у отца въ Петербургѣ, послѣ крещенія (1825 года) я поѣхалъ въ Псковъ. Погостилъ у сестры нѣсколько дней и отъ нея вечеромъ пустился изъ Пскова; въ Островѣ, проѣздомъ ночью, взялъ три бутылки клико и къ утру слѣдующаго дня уже приближался къ желаемой цѣли. Свернули мы, наконецъ, съ дороги въ сторону, мчались среди лѣса по гористому проселку. Спускаясь съ горы, недалеко уже отъ усадьбы, которой за частыми соснами пельзя было видѣть, сани наши въ ухабѣ такъ наклонились на бокъ, что имщикъ слетѣлъ. Я съ Алексѣемъ кой-какъ удержался на саняхъ. Схватили возжи. Кони несутъ среди сугробовъ, опасности нѣтъ: въ сторону не бросятся, все лѣсъ, и снѣгъ имъ по брюхо, править не нужно. Скачемъ опять въ гору извилистою тропой; вдругъ крутой поворотъ и, какъ будто неожиданно, вломились съмаху въ притворенные ворота, при громѣ *колокольчика*. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засѣли въ снѣгу нерасчищеннаго двора. Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина, босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками... Выскакиваю изъ саней, беру его въ охапку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ, но въ инныя минуты человекъ не простужается. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ... Было около 8-ми часовъ утра... Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ друга... наконецъ пробила слеза... мы очнулись. Совѣстно стало передъ этою женщиной, впрочемъ она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня, столько разъ имъ воспѣтая, и чуть не задушилъ ее въ объятіяхъ. Все это происходило въ маленькомъ пространствѣ. Комната Александра была возлѣ крыльца, съ окномъ на дворъ, черезъ которое онъ увидѣлъ меня, услышавъ колокольчикъ...“ (Л. Майковъ. *Пушкинъ*. Спб. 1899, стр. 41—91).

... Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальный
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ ли ѣдетъ запоздалый,
Товарищъ юности удалой?..

(*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1857. III, 88).

5) Въ своихъ *Затискахъ* И. И. Пущинъ пишетъ: „Я привезъ Пушкину (въ Михайловское) въ подарокъ *Горе отъ ума*; онъ былъ очень

доволенъ этою рукописною комедіей, до того ему вовсе почти незнакомою. Послѣ обѣда, за чашкой кофею, онъ началъ читать ее вслухъ; но жаль, что не припомню теперь мѣткихъ его замѣчаній“. (Л. Майковъ. *Пушкинъ*, стр. 81).

б) Въ своемъ *Мѣдномъ всадникѣ* Пушкинъ писалъ:

Графъ Хвостовъ,
Поэтъ любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье невскихъ береговъ.

Это стихотвореніе графа Д. И. Хвостова, подъ заглавіемъ: *Посланіе къ NN о наводненіи Петрополя*—было напечатано въ *Невскомъ Альманахѣ* 1825 года. (*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887. III, 569).

7) Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ, извѣстный авторъ *Дурацкаго колпака* (5 частей 1828—1838 г. г.).

8) 26 сентября 1828 года московскій генераль-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, препроводилъ къ князю П. А. Вяземскому въ оригиналѣ отношеніе къ нему графа П. А. Толстого, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что „Его Императорскому Величеству извѣстно бывшее князя Вяземскаго поведеніе въ Петербургѣ и развратная жизнь его, недостойная образованнаго человѣка. По сему уваженію, Государю Императору благоугодно, дабы ваше сіятельство изволили внушить князю Вяземскому, что правительство оставляетъ собственно поведеніе его дотолѣ, доколѣ предосудительность онаго не послужитъ къ соблазну другихъ молодыхъ людей и не вовлечетъ ихъ въ пороки. Въ семъ же послѣднемъ случаѣ приняты будутъ необходимыя мѣры строгости къ укрощенію его безп्राветной жизни“.

По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, князь Д. В. Голицынъ оказалъ ему большое участіе и даже имѣлъ за него неприятную переписку съ графомъ Бенкендорфомъ. „Пушкинъ, пишетъ князь Вяземскій, увѣрялъ, что обвиненіе въ развратной жизни моей въ Петербургѣ не иначе можно вывести, какъ изъ вечеринки, которую давалъ намъ Филимоновъ и на которой были Пушкинъ и Жуковскій и другіе. Филимоновъ жилъ тогда чортъ знаетъ въ какомъ захолустѣ, въ деревянной лачугѣ, точно похожей на б..... Мы просидѣли у Филимонова до утра. Полиціи было донесено, вѣроятно, на основаніи подозрительнаго дома Филимонова, что я провелъ ночь у д..... Вслѣдъ за перепискою Голицына, Жуковскій вступился за меня, рыцарскимъ перомъ воевалъ за меня съ Бенкендорфомъ, нѣсколько разъ объяснялся съ Государемъ“. (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Петербургъ. 1884. IX, стр. 99—114. 1879, II, 85—111).

9) Покажется страннымъ этотъ отзывъ Пушкина о княгинѣ З. А. Волконской, когда вспомнимъ стихи его къ той же особѣ, при посылкѣ ей поэмы *Цыгане*:

Пѣвца, плѣннаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣдомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

(*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1877, II, 13).

10) Junior—подъ такимъ прозвищемъ въ кругу друзей былъ извѣстенъ младшій братъ графа Павла Дмитриевича Киселева — Николай Дмитриевичъ, которому Пушкинъ, въ 1828 году, написалъ слѣдующее четверостишіе:

Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы,
Но сѣверъ забывать грѣшно.
Такъ слушай: поспѣшай Карлсбадскія пить воды,
Чтобъ съ нами снова пить вино.

(*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887 г. II, 40). Князь П. А. Вяземскій изъ Остафьева, 18 сент. 1828 г., писалъ Пушкину: „Спроси Junior: менѣ ли онъ сладко блаженствовалъ на пароходѣ отъ водки и пива, чѣмъ за роскошнымъ столомъ, гдѣ, по выраженію Ломоносова, (также Junior) за урядъ стоитъ лафитъ 12-ти рублевый?“ Въ другомъ письмѣ князь Вяземскій спрашиваетъ Пушкина: „Что дѣлаетъ Киселевъ юнѣйшій?“ (*Русскій Архивъ* 1879 г., № 8, стр. 481, 483).

11) Подъ прозвищемъ *Фурса* издавна извѣстенъ въ обществѣ, по свидѣтельству Лонгинова, остроумный и даровитый князь Сергѣй Григорьевичъ Голицынъ, диллетантъ и стихотворецъ. М. И. Глинка написалъ музыку на переведенные имъ изъ Мицкевича стихи: „Когда въ часъ веселый откроешь ты губки, и на другія слова его сочиненія ..“ (*Русскій Архивъ* 1869 г., стр. 362—363).

12) *Безпріютскъ*. Въ отвѣтномъ своемъ письмѣ, по поводу этого слова князь Вяземскій писалъ Пушкину: „развѣ уже тебя не пускаютъ въ Пріютино?“ (*Русскій Архивъ* 1879 г., № 8, стр. 481). Пріютино—дача А. Н. Оленина, близъ Петербурга, за пороховыми заводами. По свидѣтельству Ѳ. Г. Солнцева, „гостить у Олениныхъ, особенно на дачѣ, было очень привольно“. (*Русская Старина* 1876 г., Мартъ, стр. 619). Но главною приманкою для Пушкина въ Пріютинѣ была дочь Олениныхъ Анна Алексѣевна. Когда князь П. А. Вяземскій написалъ А. О. Россети (впослѣдствіи Смирновой): „Южныя звѣзды! Черныя очи!“ и пр.,—Пушкинъ отвѣчалъ ему:

Она мила, скажу межъ нами, —
 Придворныхъ витязей гроза —
 И можно съ южными звѣздами
 Сравнить, особенно стихами,
 Ея черкесскіе глаза.
 Она владѣетъ ими смѣло,
 Они горятъ огня живѣй;
 Но самъ признайся, то ли дѣло
 Глаза Олениной моей!

13) *Мѣдная венера* — такъ выразился Пушкинъ, но князь П. А. Вяземскій его поправляетъ: „Какіе твои стихи, гдѣ ты сравниваешь *мѣдную Грацію* (а не *мѣдную Венеру*) съ незаконною кометою?“ (*Русскій Архивъ* 1879 г., № 8, стр. 482). Здѣсь разумѣется графиня Аграфена Ѳедоровна Закревская (рожденная графиня Толстая), къ которой Пушкинъ писалъ:

Съ своей нылающей душой,
 Съ своими бурными страстями,
 О, жены сѣвера, межъ вами
 Она является порой,
 И мимо всѣхъ условій свѣта
 Стремится до утраты силъ,
 Какъ незаконная комета
 Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ.

(*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887 г., II, 33).

14) *Благонамѣренный* — журналъ, издаваемый Александромъ Измайловымъ, съ 1818 по 1827 годъ. Пушкинъ въ *Евгеніи Онегинѣ* писалъ:

И знаю: дамъ хотѣть заставить
 Читать по-русски. Право, страхъ!
 Могу ли ихъ себѣ представить
 Съ *Благонамѣреннымъ* въ рукахъ!

(*Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887 г., III, 292).

15) Вспоминая свое дѣтство, князь Павелъ Петровичъ Вяземскій писалъ: „Въ семействѣ я пользовался нелестнымъ прозвищемъ:

Павлушка мѣдный лобъ, приличное прозванье,
 Имѣлъ ко жи большое дарованье.

Прозвище это было взято изъ эпиграммы Измайлова на Павла Свинына, и навлекло на моихъ сестеръ строгій пагоняй со стороны Пушкина за предосудительную и вредную шутку. Въ перепискѣ отца моего съ Пушкинымъ я нашелъ любопытные слѣды отраженія на

дѣтскій умъ литературной офисины двадцатыхъ годовъ“. Вотъ что, между прочимъ, кн. П. А. Вяземскій писалъ Пушкину, 26 іюля 1827 года, изъ села Мещерскаго, Саратовской губерніи: „Я у Павлуши нашель въ тетради: „Критика на Евгенія Онѣгина“, и по началу можно надѣяться, что онъ нашимъ критикамъ не уступить. Вотъ она: „И какой тутъ смыслъ: завѣтный вензель О да Е“. Въ другомъ же мѣстѣ онъ просто приводитъ твой стихъ: „Какія глупыя мѣста“. L'enfant promet. Булгаринъ и теперь былъ бы радъ усыновить его Ичелѣ. Духъ критики воспитанъ былъ въ насъ отцомъ моимъ съ дѣтства, несправедливымъ предпочтеніемъ Дмитріева въ ущербъ Крылову, безспорно господствовавшему въ нашей дѣтской средѣ. Насъ заставляли учить наизусть апологи Дмитріева, чтеніе же басенъ Крылова едва допускалось. И. И. Дмитріевъ, другъ моего дѣда, былъ шѣстуномъ отца моего и законодателемъ и верховнымъ судіей литературнаго приличія и вкуса. Пушкинъ въ своей перепискѣ упрекаетъ отца моего въ несправедливости по отношенію къ Крылову и пристрастіи. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ членовъ Арзамаса отецъ мой былъ болѣе прочихъ человѣкомъ партіи, и почти онъ одинъ таковымъ былъ даже и тогда, когда онъ пережилъ всѣхъ своихъ друзей“.

(*Собраніе Сочиненій князя П. П. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1893 г., стр. 510—511).

16) Пелагея Николаевна Всеволожская (рожденная Клушина). Князь П. А. Вяземскій познакомился съ нею въ 1828 году, во время пребыванія своего въ Пензѣ, и посвятилъ ей стихотвореніе, подъ заглавіемъ—*Простоволосая головка*, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ:

Все въ ней такъ молодо, такъ живо,
 Такъ не похоже на другихъ,
 Такъ поэтически игриво,
 Какъ Пушкина веселый стихъ.
 Пусть спѣсь губернской прозы трезвой,
 Чинясь, косится на нее:
 Поэзіей живой и рѣзвой
 Она всегда возьметъ свое.

26 іюля 1828 года, князь Вяземскій писалъ изъ Пензы Пушкину: „Здѣсь есть милая бабочка Всеволожская и одинъ Вигель, который влюбленъ въ нее. Я общалъ ей дать твоего письма въ альбумъ... Въ провинціяхъ прелесть. Здѣсь только, какъ въ древности или въ Китаѣ, поэтъ сохраняетъ свои первобытныя права и играетъ свою роль не хуже капитана исправника или дворянскаго засѣдателя. Въ столицахъ мы считаемся по арміи въ человѣческомъ родѣ“. (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, IX, 71; IV, 23—24 и примѣч.).

17) 15 октября 1828 года, изъ села Мещерскаго, князь П. А. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу: „О Воронцовѣ скандалезное извѣстіе: онъ жаловался Государю на Александра Раевскаго, сына Николая Николаевича, — — — — и Раевскаго вывезли изъ Одессы съ жандармомъ въ Полтаву для прожитія подъ присмотромъ. Подробности не достовѣрны, но сущность дѣла несомнительна. — — — — Такъ ли поступаютъ у васъ въ Англии? В. О. Тимковскій (дядя М. А. Максимовича), бывши губернаторомъ въ Бессарабіи, говорилъ, что онъ такъ уважаетъ графа, что всегда жалѣеть, зачѣмъ пѣтъ его въ Англійскомъ Парламентѣ“. (*Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакцію и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Спб. 1899 г., III, 179).

18) Чтобы положить конецъ ненавистой монополіи Греча, Булгарина и союзника ихъ Полевого, Пушкинъ и друзья его уже давно замышляли издавать журналъ. По свидѣтельству князя П. П. Вяземскаго, Пушкинъ и его друзья вооружались противъ Булгарина и К^о потому, что эти господа „издѣвались и закидывали грязью всѣ высшіе политическіе идеалы, и нравственно и умственно развращали читающую публику“. Въ концѣ 1829 года Жуковскій, князь Вяземскій, Пушкинъ и баронъ Дельвигъ рѣшились осуществить свое давнишнее предпріятіе, и съ 1-го января 1830 года въ Петербургѣ, подъ редакцію барона Дельвига, стала выходить *Литературная Газета*. Выборъ въ редакторы барона Дельвига очень удивилъ Языкова. „Подъ какимъ созвѣздіемъ“, писалъ онъ Погодину, „является Дельвигъ съ своею *Литературною Газетою*? Всякому, его знающему,—очень,—очень, очень трудно вообразить почтеннаго барона постоянно занимающимся чѣмъ бы то ни было, а въ особенности корректурой!“ Въ другомъ письмѣ Языковъ писалъ: „Дельвигъ чрезвычайно лѣнивъ, а Сомовъ сердитъ, да не силенъ. Едва ли удастся имъ дѣйствовать противъ имени, какъ бы то ни было уже укрѣпившихся на нашемъ Парнасѣ“. Если такъ недовѣрчиво была встрѣчена *Литературная Газета* при самомъ первомъ появленіи ея въ свѣтѣ челоуѣкомъ роднымъ по духу ея учредителямъ, то чего же можно было ожидать отъ враждебной стороны? И дѣйствительно, первое появленіе этой *Газеты* было встрѣчено непріязнію не только со стороны Булгарина, Полевого, но даже со стороны Погодина. (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1890. III, 10—11).

19) *Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году*. Соч. М. Н. Загоскина. М. 1829 года. По свидѣтельству современниковъ, романъ этотъ читали вездѣ, и „въ гостинныхъ, и въ мастерскихъ, въ кругахъ простолудиновъ, и при Высочайшемъ Дворѣ“. Императоръ Николай I, по приѣздѣ въ Москву (7 марта 1830 года), пожелалъ видѣть автора и пригласилъ его къ себѣ во дворецъ. Объ этомъ счастливомъ событіи

С. Т. Аксаковъ извѣстилъ Погодина письмомъ, которое оканчивается такими словами: „Каково, душа моя! Славно“. Къ автору *Юрія Мило-славскаго* Пушкинъ писалъ: „Поздравляю васъ съ успѣхомъ, вполне заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи“. (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Сиб. 1890. III, 1—2).

20) Въ началѣ 1830 г. явился въ свѣтъ первый томъ *Исторіи Русскаго Народа* Николая Полевого съ посвященіемъ *Б. Г. Нибурру*, первому историку нашего вѣка. Въ этомъ посвященіи многіе не безъ удивленія прочли сознание самого Полевого, что онъ „вѣрно изобразилъ Исторію Россіи“.

21) Въ 1828 году, статсъ-секретарь Николай Назаровичъ Муравьевъ издалъ свои сочиненія подъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія, съ 1805 года*. „Этому статсъ-секретарю, государственному редактору“, писалъ князь П. А. Вяземскій къ А. И. Тургеневу, „*Московский Вѣстникъ* доказываетъ, что онъ безъ логики, безъ грамматики, безъ человѣческаго смысла. Тутъ выводится заключеніе: если таково его отдохновеніе, то какова его работа?“ (*Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ*). Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Сиб. 1899. III, 182). Эту критику *Московского Вѣстника*, которую писалъ Шевыревъ, не одобрялъ Погодинъ и въ *Дневникъ* своемъ записалъ: „Толковалъ все Шевыреву, что наживемъ мы врага въ Муравьевѣ за критику, не унимается“. И какъ бы для утоленія гнѣва Муравьева, Погодинъ напечаталъ въ томъ же *Московскомъ Вѣстникѣ* хвалебный отзывъ о другомъ сочиненіи того же автора, вышедшемъ въ свѣтъ въ томъ же 1828 году, подъ заглавіемъ: *Историческія изслѣдованія о древностяхъ Новгородѣ*.

Приступая къ разбору этой книги, Погодинъ приводитъ слова Шлецера: „Завадовскій, Румянцовъ, Козодавлевъ, Муравьевъ (Михаилъ Никитичъ) читаютъ моего *Нестора*, какъ я знаю, по документамъ: государственные люди, занимающіе высшія мѣста въ государствѣ, читаютъ критико-историческія изслѣдованія и читаютъ ихъ съ удовольствіемъ и благосклонностью! Не есть ли это одна изъ особенностей, коими со славою отличается нынѣшнее Русское Правительство, достойное общество сподвижниковъ Александра?“ „Съ какимъ удовольствіемъ“, говоритъ уже отъ себя, Погодинъ, „увидѣлъ бы Шлецеръ, что человѣкъ государственный не только читаетъ, но и пишетъ самъ критико-историческія изслѣдованія“. (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*, Спб. 1889, II, 172).

22) Критика Погодина на *Исторію Русскаго Народа* отличалась крайнею рѣзкостью тона. „Самохвальство“, писалъ, между прочимъ, Погодинъ, „дерзость, невѣжество, шарлатанство въ высочайшей и отвра-

тительнѣйшей степени“ и пр. въ этомъ родѣ. (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Сиб. 1890, III, 40—41).

23) Упомянутый Пушкинымъ князь Мещерскій не оказался въ спискѣ чиновниковъ Московскаго Архива Иностранной Коллегіи 1830 г.

24) Екатерина Николаевна Ушакова. По выходѣ въ свѣтъ *Полтавы*, Пушкинъ собирался писать Исторію Малороссіи, но Погодинъ отнесся скептически къ этому предпріятію и писалъ Шевыреву: „Онъ теперь увивается въ Москвѣ около Ушаковой“. (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Сиб. 1889, II, 346).

25) Князь П. А. Виземскій, оскорбленный несправедливыми на него доносами (См. примѣчаніе 8), написалъ стихотвореніе подъ заглавіемъ *Къ нимъ*:

За что служу я цѣлью мести вашей,
 Чѣмъ возбудить могу завистливую злость?
 За трапезой мірской, неспрадуемый гость,
 Не обойденъ ли я пирующею чашей?
 Всмотритесь; истиной прочистите глаза:
 Она утѣшитъ васъ моею наготою,
 Быть можетъ язвами, которыми гроза
 Меня прожгла незримою стрѣлою.

И что же въ даръ судьбы мнѣ принесли?
 Въ раскладкѣ жребіевъ участокъ былъ мнѣ нуженъ.
 Что? двѣ—три мысли, два—три чувства, не изъ дюжинъ,
 Которыя въ ходу на торжищахъ земли,
 И только. Но сей даръ вамъ не былъ бы по праву;
 Онъ закодванъ искони;
 На сладость тайную, на тайную отраву
 Ему подвластные онъ обрекаетъ дни.

Сей даръ для избранныхъ бываетъ мздой и казнью;
 Его пошу въ груди, болящей отъ заботъ,
 Какъ мать преступная съ любовью и болзнью
 Во чревѣ носить тайный плодъ.
 Еще до бытія пріялъ, враждой закона,
 Онъ отверженія печать;
 Онъ гордо ближними отъ ихъ отринуть лона,
 Какъ бытія крамольный тать.

И я за кровный даръ передъ толпой краснѣю;
 И только въ тишинѣ и скрытно отъ людей
 Я бремя милое лелѣю
 И Промыслъ за него молю у алтарей.

Счастливицы! Вы и я, мы служимъ двумъ фортунамъ.
 Я къ вашей не прошусь; моя мнѣ зарекла
 Противопоставлять волненью и перунамъ
 Миръ чистой совѣсти и хладный миръ чела.

Пушкинъ и Баратынскій на это стихотвореніе обратили особое вниманіе. Въ Остафьевскомъ Архивѣ сохранился автографъ, на которомъ *позднѣйшею* рукою князя П. А. Вяземскаго замѣчено: „мои стихи съ замѣчаніями Пушкина“. Общее замѣчаніе Пушкина: „Ради Христа очисти эти стихи—они стоятъ *Унынія*“.

Кромѣ того, Пушкинымъ сдѣланы слѣдующія замѣчанія:
 Къ стиху: Она утѣшитъ васъ моею наготою
 замѣчено: „Она (истина)“.
 Въ стихѣ: „Меня прожгла незримою стрѣлою“ слова
незримою стрѣлою—поставлены Пушкинымъ въ скобки и замѣчено: „лишнее“.

И что же въ даръ мнѣ принесли судьбы?
 Новорожденному даръ на зубокъ былъ нуженъ.

Въ первомъ стихѣ Пушкинъ переставилъ слова, согласно съ напечатаннымъ, а ко второму сдѣлалъ замѣчаніе: „Книгиня права, что морщится“. Этотъ стихъ былъ потомъ выпущенъ авторомъ.

Въ стихѣ: Ему подвластные онъ обрекаетъ дни
 Пушкинымъ подчеркнуты слова: „Ему подвластные“ и заключены въ скобкахъ; слово *дни* имъ же зачеркнуто, а съ боку имъ же написано: „наши дни“.

При стихахъ отъ: Сей даръ для избранныхъ бываетъ мздой и казнью
 и до конца стихотворенія Пушкинымъ замѣчено: „прекрасно“.

Стихотвореніе это было въ первый разъ напечатано въ *Литературной Газетѣ*, 1830, № 5. (*Полное собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Сиб. 1880 IV, 74—75, примѣч.).

26) Несмотря на то, что *Галатея* издавалась скромнымъ и застѣпчивымъ Раичемъ, журналъ этотъ прославился самою неприличною полемикою съ *Московскимъ Телеграфомъ*, такъ что князь Вяземскій не вѣрилъ, чтобы Раичъ былъ хозяиномъ журнала. „Я ожидалъ бы отъ него“, писалъ онъ И. И. Дмитріеву, „болѣе благопристойности и по характеру его. Критика его болѣе отзывается героемъ поэмы В. Л. Пушкина, чѣмъ воспитанникомъ *Виргилия* и *Тасса*“. Въ другомъ своемъ письмѣ къ тому же лицу князь Вяземскій писалъ: „Можетъ ли что быть неприличнѣе печатной переписки издателей *Телеграфа* и *Галатеи*. Покойный Львовъ рассказывалъ, что, зашедши однажды въ лубочную

комедию на масляницѣ, занялъ онъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ожиданіи представленія. Подходить къ нему полицейскій офицеръ и говоритъ: „Не извольте, ваше превосходительство, садиться такъ близко: случится бѣда“. А почему такъ? „Да когда паяцъ очень расшумится, такъ начнетъ онъ плевать въ народъ“. Читая Галатею Раича, мнѣ все сдается, что онъ спился: трезвому невозможно такимъ образомъ и такъ скоро опошлиться“. (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Сиб. 1889. II, 329).

27) За мѣсяцъ до своей свадьбы Пушкинъ получилъ извѣстіе о смерти барона А. А. Дальвига, скончавшагося въ С. Петербургѣ 14 Января 1831 г. „Изо всѣхъ связей дѣтства“, писалъ Пушкинъ князю Вяземскому, „онъ одинъ оставался на виду—около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считаю по пальцамъ, сколько насъ? Ты, я, Баратынскій—вотъ и все“.

Бѣгутъ часы, идутъ недѣли,
Чредѣ обычной нѣтъ конца:
Кричитъ младенецъ въ колыбели,
Несутъ въ могилу мертвеца.

17 Января 1831 года, на Волковомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ, опустили въ могилу Дельвига, а 18 февраля того же года въ Москвѣ, въ церкви Большаго Вознесенія, на Никитской, вѣнчали Пушкина. (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Петербургъ, 1890. III, 247—249).

28) 20 августа 1830 года, скончался въ Москвѣ авторъ „Опаснаго Сосѣда“ Василій Львовичъ Пушкинъ. Еще въ январѣ этого года Василій Львовичъ написалъ трогательное посланіе къ Жуковскому, которое и было его лебединою пѣснью:

Товарищъ-другъ! Ты помнишь ли, что я
Еще живу въ семь мѣрѣ?
Что были въ старину съ тобою мы друзья,
Что я на скромной лирѣ
Бывало воспѣвалъ талантъ изящный твой?
...Теперь мнѣ некому души передавать:
Съ тобою, Вяземскимъ, со всѣми я въ разлукѣ,
Мнѣ суждено томиться, горевать
И дни влачить въ страданіяхъ и скукѣ.
Гдѣ Блудовъ? гдѣ Дашковъ? Жизнь долгу посвятить,
Они заботятся, трудятся;
Но въ трудахъ своихъ нерѣдко, можетъ статься,
Приходитъ имъ на мысль, что другъ ихъ старый живъ.
И живъ, чтобъ васъ любить, чтобъ помнить всякій часъ,
Что васъ еще имѣю;

Благодарю судьбу, я въ чувствахъ не хладѣю,
Молю, чтобъ небеса соединили насъ!

(*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1890. III, 34—35).

29) Послѣ своей женитьбы, Пушкинъ поселился въ Царскомъ Селѣ. По свидѣтельству А. О. Смирновой, Пушкинъ помѣстился въ домъ Китаева на Колпинской улицѣ. О Царскосельскомъ житѣ его Веневитиновъ писалъ Погодину: „Пушкинъ премило живетъ съ своей премиленькой женой, любитъ ее, ласкаетъ и совѣмъ не безчинствуетъ“. (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Сиб., 1890. III, 274—275).

30) Князь П. А. Вяземскій, посвящая свой переводъ романа Бенжамена Константа *Адольфъ* Пушкину, въ 1829 году, изъ села Мещерскаго, писалъ ему: „Прими мой переводъ любимаго нашего романа. Смиранный литографъ, приношу великому живописцу блѣдный снимокъ съ картины великаго художника. Мы такъ часто говорили съ тобою о превосходствѣ творенія сего, что принявшись переводить его на досугѣ въ деревнѣ, мысленно относился я къ суду твоему; въ борьбѣ, иногда довольно трудной, мысленно вопрошалъ я тебя, какъ другую совѣсть, призывалъ въ ареопагъ свой и Баратынскаго, подвергалъ вамъ свои сомнѣнія и запросы и руководствовался угадываніемъ вашего рѣшенія. Не страшитесь однако же ни ты, ни онъ: не налагаю на васъ отвѣтственности за худое толкованіе молчанія вашего. Иначе моя довѣренность къ вамъ была бы для васъ слишкомъ опасна, связывая васъ взаимнымъ обязательствомъ въ случайностяхъ предпріятія моего.

Чтобы ни было, даръ, мною тебѣ подносимый, будетъ свидѣтельствомъ пріязни нашей и уваженія моего къ дарованію, коимъ радуется дружба и гордится отечество“. (*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1886. X. прилож.).

31) Въ 1831 году вышелъ въ свѣтъ романъ Загоскина *Рославлевъ*, или *Русскіе въ 1812 году*. Баратынскій писалъ (8 октября 1831 г.) И. В. Кирѣевскому: „Мнѣ очень любопытно знать, что ты скажешь о романахъ Загоскина. Всѣ его сочиненія вмѣстѣ показываютъ дарованіе и глупость. Загоскинъ—отмѣнно любопытное психологическое явленіе“. Въ другомъ письмѣ (29 ноября 1831) Баратынскій писалъ: „О Загоскинѣ писать что-то страшно. Я вовсе не изъ числа его ревностныхъ поклонниковъ. *Милославскій* его—дрянь, а *Рославлевъ*, быть можетъ, еще хуже. Въ *Рославлевѣ* романъ ничтоженъ; историческій взглядъ вмѣстѣ глупъ и невѣренъ. Но какъ сказать эти крутыя истины автору, который все-таки написалъ лучшіе романы, какіе у насъ есть?“ (*Татевскій Сборникъ* С. А. Рачинскаго. Спб. 1899, стр. 22, 28). См. *Примѣчаніе* 19-е.

32) Дочь князя Смоленскаго, Елизавета Михайловна, родилась

1783, † 2 мая 1839. Въ 1-мъ бракѣ за графомъ Ѳ. И. Тизенгаузеномъ, во 2-мъ за Н. Ѳ. Хитрово.

33) Сочиненіе князя П. А. Вяземскаго—*фонъ-Визинъ*, оконченное въ 1830 году, вышло въ свѣтъ только въ 1848 году.

34) Михаилъ Максимовичъ фонъ-Фокъ былъ директоромъ канцеляріи III-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Еще 8 іюня 1831 года, онъ писалъ Пушкину: „Издатели *Съверной Пчелы* болѣе близко знакомы мнѣ, вслѣдствіе прежнихъ, чисто общежительныхъ, отношеній; они единственные изъ всѣхъ литераторовъ, которые иногда навѣщаютъ меня и съ которыми я мѣнялся мыслями по предметамъ, касающимся литературы, никогда впрочемъ не становясь исключительно на сторону ихъ воззрѣній. И такъ, приписывать мнѣ предпочтеніе къ этимъ господамъ не только совершенно неосновательно, но даже немного зло. Что касается статей политическаго содержанія, изрѣдка доставляемыхъ мною для помѣщенія въ издаваемой ими газетѣ, то это дѣлается мною по обязанности, по указанію генерала Бенкендорфа, который обыкновенно кладетъ на нихъ свое письменное одобреніе. По этой самой причинѣ позволяю себѣ думать, что можетъ быть и вы хорошо сдѣлали бы, обратясь, по поводу вашего предпріятія, къ генералу Бенкендорфу, который постоянно оказывалъ вамъ очевидныя доказательства своего особливаго благорасположенія“. (*Русскій Архивъ*, 1881. I, 440).

35) На основаніи сказки своей няни Арины Родіоновны, Пушкинъ написалъ тоже *Сказку о царѣ Салтанѣ и сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебедь*.

Баратынскій писалъ И. В. Кирѣевскому: „Я прочиталъ *Царя Салтана*. Это—совершенно Русская сказка, и въ этомъ, мнѣ кажется, ея недостатокъ. Что за поэзія—слово въ слово привести въ рѣсмы Круслана Лазаревича или Жарь—птицу? И что это прибавляетъ къ литературному нашему богатству? Оставимъ матеріалы народной поэзіи въ ихъ первобытномъ видѣ, или соберемъ ихъ въ одно полное цѣлое, которое настолько бы ихъ превосходило, сколько хорошая исторія превосходитъ современныя записки... Его сказка равна достоинствомъ одной изъ нашихъ старыхъ сказокъ—и только. Можно даже сказать, что между ними она не лучшая... Однимъ словомъ, меня сказка Пушкина вовсе неудовлетворила“. (*Татевскій Сборникъ* С. А. Рачинскаго. Спб. 1899, стр. 48—49).

36) *Дона Соль*—такъ прозывалась Александра Осиповна Смирнова (рожденная Россети)—„сердечная“, по отзыву князя Навла Петровича Вяземскаго, „умная и неизмѣнная пріятельница Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго“. (*Собраніе Сочиненій князя П. П. Вяземскаго*. Спб. 1893, стр. 549).

37) 26 августа, въ приснопамятный день Бородинской битвы, 1831 года была взята Варшава. Первое извѣстіе объ этомъ событіи Пушкинъ получилъ отъ А. О. Россети (впослѣдствіи Смирновой) и по этому поводу написалъ ей:

Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня.

Событіе это было воспѣто Жуковскимъ и Пушкинымъ... (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1890. III, 331). Но во взглядѣ на это событіе прямодушно сталъ въ разрѣзъ съ своими друзьями князь П. А. Вяземскій. Онъ писалъ: „Охота Жуковскому было писать *шinelные* стихи (стихотворцы, которые въ Москвѣ ходятъ въ шинелѣ по домамъ съ поздравительными одами) и не совѣстно ли пѣвцу въ станѣ Русскихъ воиновъ и пѣвцу въ Кремлѣ сравнивать нынѣшнее событіе съ Бородинымъ? Тамъ мы бились одинъ противъ десяти, а здѣсь, напротивъ, десять противъ одного. Это дѣло весьма важно въ государственномъ отношеніи, но тутъ нѣтъ ни на грошъ поэзіи... Зачѣмъ перекладывать въ стихи то, что очень кстати въ политической газетѣ. Признаюсь, что мнѣ хотѣлось здѣсь оцарапнуть и Пушкина, который также, сказываютъ, написалъ стихи“ (*Полное Собрание Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1884. IX, 155—156). 8 октября 1831 года, Баратынскій писалъ И. В. Кирѣевскому: „Спасибо тебѣ за стихи Пушкина, Жуковскаго. Стихи Жуковскаго читалъ я безъ подписи въ *Сѣверной Пчелѣ* и никакъ не могъ угадать автора. Необыкновенныя рѣзмы и примѣтная твердость слога меня поразили, но фамилярный тонъ удалилъ всякую мысль о Жуковскомъ. Первое стихотвореніе Пушкина мнѣ болѣе нравится, нежели второе. Въ немъ сказано дѣло и указана настоящая точка, съ которой должно смотрѣть на нашу войну съ Польшей. Ты подчеркнул стихъ: *стальной щетиною сверка*. Ты, вѣроятно, находишь его слишкомъ изысканнымъ. Можетъ быть, ты правъ, однако онъ силенъ и живописенъ“ (*Татевскій сборникъ* С. А. Рачинскаго. Спб. 1899, стр. 21).

II.

ПИСЬМА БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

1.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, я женился ¹⁾. Одни хлопоты миновались; за то другія на шеѣ: Сѣверные Цвѣты ²⁾. Въ суетахъ, необходимыхъ подругѣ всѣхъ жениховъ, я медлил напомнить вамъ объ обѣщаніяхъ вашихъ. Теперь все уже почти вышло изъ рукъ цензорскихъ. Около половины напечатано, и ежели вы все еще добры попрежнему къ Дельвигу, то поспѣшите прислать ему и прозу, вами обѣщанную, и стиховъ, какъ вы говорили, четыре или пять пьесъ. Вы совершенно оживите мое собраніе. Еще къ вамъ двѣ просьбы: 1) Доставьте здѣсь приложенное письмо И. И. Дмитріеву и замолвите за меня ему доброе словечко. 2) Велите мнѣ списать или препоручите это Баратынскому два отрывка изъ 2-й пѣсни Олѣгина. Какія? Увидите изъ приложеннаго письма Пушкина ко мнѣ. Оно послужитъ вамъ, какъ доказательство его позволенія и, вѣроятно, принесетъ удовольствіе, какъ письмо Пушкина. Только, ради Бога нашего, поспѣшите, любезнѣйшій князь. Малѣйшее медленіе можетъ лишить меня прекрасныхъ пьесъ: а это, для нашего брата издателя альманаховъ, большая бѣда. Кланяйтесь Пушцину. Можетъ быть, я первый увѣдомляю васъ, что Пушкинъ кончилъ Бориса Годунова. Дашковъ мнѣ подарилъ прекраснѣйшую статью: свое путешествіе въ Ерусалимъ ³⁾. Не оставьте

истинно любящаго васъ и ожидающаго отъ васъ богатыхъ и великихъ милостей Дельвига.

28 ноября 1825.

Петербургъ.

2.

(1826).

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ.

Посылаю вамъ письмо отъ Александра *). Оно распечатано не мною—такъ получилъ. Какъ проводите время въ Ревелѣ и скоро ли будете у насъ? Пишете ли вы стихи ⁴⁾? Я уже засѣялъ цвѣты и понемногу они подрастаютъ. Не оставьте меня и нынѣшній годъ, нынче я рѣшился издать безъ помощи Сленина. Будьте здоровы, князь, кланяйтесь Пушкинымъ, любите вамъ преданнаго.

Баронъ Дельвиго.

3.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ.

Пишу на удачу, не зная найдетъ ли васъ письмо сіе въ Москвѣ. Прошу домовыхъ и лѣшихъ Арбатскихъ удержать васъ, а *бога въ особенности нѣмецовъ* ⁵⁾, хотя за фамилію мою, помочь мнѣ и внушить вамъ охоту сейчасъ же послать мнѣ поэтическую подачку, безъ которой Сѣверные Цвѣты не совсѣмъ будутъ вкусны ихъ потребителямъ ежегоднымъ. Пушкинъ написалъ милые стихи Готовцевой ⁶⁾. Досадно, ежели придется ихъ напечатать безъ вашихъ. Жуковскій вамъ кланяется, онъ мнѣ нынче подарилъ слишкомъ 800 стиховъ, щедро и славно. Мое низжайшее почтеніе Ивану Ивановичу **). Будьте здоровы и не покидайте вашего альманашика Дельвига.

Ноября 3-го 1828 года.

С.-Петербургъ.

4.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ.

Я еще не благодарилъ васъ за прошлогодній подарокъ моимъ Сѣвернымъ Цвѣтамъ. Онъ засталъ меня больнымъ. Разстройство

*) Пушкина. *Н. Б.*

***) Дмитріеву. *Н. Б.*

желудочныхъ нервъ разстроило было мою голову, и я около семи мѣсяцевъ страдалъ. Станція ваша ⁷⁾ опоздала, но мнѣ хотѣлось исполнить ваше желаніе имѣть особенные экземпляры ея, почему и предложилъ нашей молодежи издать Подснѣжникъ ⁸⁾. Онъ вамъ обязанъ своимъ существованіемъ. Теперь опять бью вамъ челомъ и прошу не оставить моего альманаха ни стихами, ни прозой. Будьте къ нему благосклонны по прежнему. Читаете ли вы наши журналы? Вы вѣкогда сравнивали нашихъ критиковъ съ торговками лоскутнаго ряда, теперь они перешли совершенно въ фантастическій міръ Александра Ефимовича Измайлова, то-есть въ кабакъ. Сперва русскому барину, въ родѣ Орлова-Чесменскаго, можно было иногда выйти и подратъся на кулачки съ задорными мужичками, теперь ужъ эти негодяи напились мертво пьяны, валяются въ грязи и его пачкаютъ. Богъ помочь имъ!

Если вы не имѣете извѣстій о Пушкинѣ, то скажу вамъ, что мы получили отъ него письмо изъ Арзерума, въ которомъ, пишетъ онъ, ему очень весело. Дѣла дѣлаетъ онъ тамъ довольно: ѣстъ, пьетъ и ѣздитъ съ нагайкой на казацкой лошади.

Отъ Жуковскаго вы получаете вѣрно извѣстія. Онъ толстѣетъ и здоровѣетъ примѣтно. Бѣдная Ольга Сергѣевна *) все больна, боюсь—не чахотка ли у нея. Она нынче лѣтомъ жила въ Ораніенбаумѣ, лѣчилась, но не поправилась.

Жена моя вамъ кланіется, я повторяю мою просьбу и желаю вамъ здоровья и побольше стиховъ, остаюсь истинно вамъ преданнымъ. Дельвиго.

30 августа 1829 года.

С.-Петербургъ.

Пишите ко мнѣ чрезъ Жуковскаго.

5.

Милый князь Петръ Андреевичъ.

Желаю, чтобы письмо сіе застало васъ спокойнымъ и здоровымъ. Хорошо ли вы дѣлаете, что живете не въ Москвѣ? Хо-

*) Сестра Пушкина, вполсѣдствіи Павлищева. *Н. Б.*

рошь ли у васъ докторъ? Это насъ беспокоитъ. Впрочемъ, не смѣемъ вамъ ничего совѣтовать, слѣдуйте первымъ внушеніямъ. Въ насъ есть темное чувство самообереганія, которое обнаруживается прежде разсужденія, и къ которому прислушиваться не бесполезно. Не унывайте только душой. Для разсѣянія же пишите. Вспомните, какія славныя сказки во время чумы разсказывали въ Декамеронахъ Бокачіо! Ознаменуйте же холеру чѣмънибудь подобнымъ, и она не тронетъ послѣдняго раба вашего ⁹⁾. Пушкинъ, наконецъ, далъ о себѣ вѣсть. Онъ въ Нижегородской деревнѣ и собирается въ Москву, въ которую, вѣроятно, его не пустятъ. Левушка въ Москвѣ. Онъ живетъ съ Нащекинымъ. Газета наша выходитъ по прежнему. Почта равно всѣ журналы дурно доставляетъ. Нумера недостающіе я пришлю не прежде конца холеры. Посылки не принимаются въ Москву. У меня переплетенъ для васъ 1-й томъ. Теперь собираю и уже началъ печатать Сѣверные Цвѣты. Соберите нѣсколько вашихъ стиховъ и, если есть, прозы и пришлите мнѣ. Очень одолжите меня. Прозу княгини Зинаиды помѣщу въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ. Остальные нумера ей посланы. Шевыревъ вамъ кланіется... Онъ обѣщаль прислать мнѣ прозы. Вашъ Гу... ¹⁰⁾ я думаю уже переписанъ и отданъ въ цензуру. Годуновъ печатается. Торговля книжная упала. Никуда почти нельзя посылать книгъ. Все оцѣвлено. Холера много вреда принесетъ, кромѣ смерти. Оставаться бы ей въ Индіи. Михайла Александровичъ *) пишетъ къ намъ черезъ день. Онъ здоровъ, но воображеніе его поражено. Нѣтъ подлѣ него человѣка, который бы развлекалъ его. Баратынскій обѣщаль мнѣ прислать отрывокъ изъ поэмы своей, но еще не присылаетъ. Вы были при похоронахъ Василя Львовича. Чтобы объ немъ сказать чтонибудь! Туманскій Василій здѣсь, онъ вамъ кланіется. Языковъ прислалъ мнѣ прекрасную элегію на смерть няни Прокопа ¹¹⁾. Пушкинъ въ деревнѣ много написалъ. Не знаю, куда къ нему писать. Если его увидите прежде моего письма къ нему, попросите его, чтобы онъ поспѣшилъ прислать мнѣ свой запасъ для моего Альманаха. Мол-

---

*) Салтыковъ. См. *Примечаніе* 1-е.

чановъ, Плетневъ, баронъ Розенъ и Сомовъ вамъ кланяются и желаютъ здоровья.

Не унывайте, любезнѣйшій князь, пишите и вѣрьте въ мое счастье. Кого я люблю, тѣ не умираютъ. Вашъ Дельвиго.

29 октября 1830 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1) 30 октября 1825 года баронъ Дельвигъ женился на дочери сенатора Михаила Александровича Салтыкова—Софьѣ Михайловнѣ, которая, овдовѣвъ, вышла замужъ за Сергѣя Абрамовича Баратынскаго. 3 августа 1825 года Пушкинъ писалъ Плетневу: „Женится ли Дельвигъ? Опиши мнѣ всю церемонію. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣнцомъ! Жаль, что я не буду его шаферомъ“. (*Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*. Спб. 1885. III, 321).

2) Съ 1825 года и до кончины своей въ 1831 году баронъ Дельвигъ издавалъ альманахъ, подъ заглавіемъ *Съверные Цвѣты*. Послѣдняя книжка этого изданія вышла въ 1832 году.

3) Дмитрій Васильевичъ Дашковъ (впослѣдствіи Министръ Юстиціи) передалъ барону Дельвигу отрывокъ изъ своего путешествія по Греціи и Палестинѣ, въ 1820 году, который подъ заглавіемъ—*Русскіе поклонники въ Иерусалимъ* и былъ напечатанъ въ *Съверныхъ Цвѣтахъ* за 1826 годъ, стр. 203—269.

4) Лѣтомъ 1826 года князь П. А. Вяземскій вмѣстѣ съ Карамзинными ѣздилъ въ Ревель.

5) Извѣстное стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго: *Русскій богъ*:

Богъ пришельцевъ иноземцевъ,
Перешедшихъ нашъ порогъ,
Богъ въ особенности нѣмцевъ...

(*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1880. III, 450—453).

6) Анна Ивановна Готовцова, родная тетка извѣстной писательницы Ю. В. Жадовской.

7) Стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго, подъ заглавіемъ — *Станція* было первоначально напечатано въ *Подсмѣжники* въ 1829 г.

(*Полное Собрание Сочинений князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1880. IV, 32—41).

8) Альманахъ *Подснежникъ* издавался въ Петербургѣ. Вышло двѣ книжки на 1829 и 1830 годы.

9) Въ своемъ *Автобиографическомъ введеніи* къ своимъ сочиненіямъ князь П. А. Вяземскій писалъ: „Надѣ Москвою въ 1830 году грянула холера. Передъ тѣмъ проѣзжалъ я или, говоря служебнымъ языкомъ, былъ откомандированъ въ Москву графомъ Канкринымъ для устройства первой промышленной выставки въ Москвѣ. Появленіе холеры въ столицѣ застало меня въ Подмосковной, въ селѣ Остафьевѣ. Часть семейства моего въ немъ жила. Нужно было, безъ отлагательства, рѣшиться на одну изъ двухъ предстоящихъ мѣръ: остаться въ деревнѣ, или сейчасъ перебраться съ дѣтьми въ городъ. Черезъ нѣсколько часовъ Москва должна быть оцѣплена: по дорогамъ учреждены карантинны. Въ Москвѣ уже гнѣздилась болѣзнь; но въ ней были всѣ врачебныя пособія и удобства, чтобъ по возможности бороться съ нею. Въ деревнѣ ея не было, могла она и не быть. Но въ случаѣ вторженія, мы были бы совершенно безоружны противъ врага... Я рѣшился оставаться въ деревнѣ. Богъ меня надоумилъ и благословилъ рѣшеніе мое. Первое время заточеніе было тяжкое. Всегда ожидаю скорѣе худого, нежели надѣюсь на хорошее. Мало-по-малу мы обжились въ своемъ карантинѣ. Для развлечения моего, пришла мнѣ счастливая мысль. Давно задумалъ я заняться біографіей Фонъ-Визина... Подъ бокомъ у меня была бібліотека обширная, иностранная и русская... Никогда письменная работа, ни прежде, ни послѣ, не была для меня такъ увлекательна, на которую навела меня холера. Работалъ и писалъ я прилежно, усидчиво, по цѣлымъ часамъ до обѣда, вечеромъ за полночь. Уже при послѣднихъ издыханіяхъ холеры навѣстилъ меня въ Остафьевѣ Пушкинъ. Разумѣется не отпустилъ я его отъ себя безъ прочтенія всего написаннаго мною. Онъ слушалъ меня съ живымъ сочувствіемъ пріятели, и судилъ о трудѣ моемъ съ авторитетомъ писателя опытнаго и критика мѣткаго, строгаго и свѣтлаго“. (*Полное Собрание Сочинений князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1878. I, XLIX—LI).

10) Это слово не разобрано.

11) Въ 1830 году Языковъ написалъ элегію *На смерть няни А. С. Пушкина*:

Тамъ, гдѣ на доль съ горы отлогой
Разнообразно сходитъ боръ,
Въ виду рѣки и двухъ озеръ
И нивъ съ извилистой дорогой,
Гдѣ, древнимъ садомъ окружень,
Господскій домъ уединенный

Дряхлѣть, памятникъ почтенный
Елизаветинныхъ времянь...

Вонъ тамъ — обоями худыми
Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
Полъ нечиненный, два окна
И дверь стеклянная межъ ними;
Диванъ подъ образомъ въ углу,
Да пара стульевъ; столь украшенъ
Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ,
И ты, пришедшая къ столу...

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ, межъ чужихъ гробовъ,
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ...

И вотъ тебѣ поминовенье,
На гробъ твой свѣжіе цвѣты!...

(Стихотворенія Н. М. Языкова. Сиб. 1858. II, 2—5).

III.

ПИСЬМА Е. А. БАРАТЫНСКАГО КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

1.

(1825)

Простите, спору не впаздъ
Я съ вашей Музою прелестной;
Но мнѣ Парни ни свать, ни братъ:
Совсѣмъ не онъ отецъ мой крестной.
Онъ мнѣ однако же знакомъ:
Цигерскихъ истинъ возвѣститель,
Любезный Князь, не спору въ томъ,
Былъ вмѣстѣ съ вами мой учитель.

Извините ежели я такъ отвѣчаю на лестное письмо ваше. Вмѣстѣ съ Мухановымъ ¹⁾ я думалъ сей же часъ воспользоваться дружескимъ приглашеніемъ вашимъ, но не удалось. Письмо ваше къ барону Дельвигу отправлено. Сближеніе съ вами есть живѣйшее мое желаніе, и мнѣ очень хочется напроситься на доброе ваше расположеніе. При первой возможности буду къ вамъ въ Остафьево. Между тѣмъ примите увѣреніе въ искренней преданности одного изъ усердныхъ почитателей вашихъ. Е. Баратынскій.

2.

(Декабрь 1827)

Желаю вамъ, любезный Князь, счастливой дороги, а еще болѣе скорого возвращенія ²⁾. Братъ мой препоручаетъ себя вмѣстѣ со мною вашему воспоминанію ³⁾. Я взялъ у васъ со стола мой

Московскій Вѣстникъ. У меня остался Невскій альманахъ, принадлежащій Кн. Дол. Я его ей доставлю. Прощаюсь съ вами съ истинною грустію. Е. Баратынскій.

3.

(1827?)

Отвѣчаю наскоро на письмо ваше, ибо люди ваши сей часъ ѣдутъ. Съ Пушкинымъ еще не успѣлъ поговорить о письмѣ, но думаю, что онъ будетъ согласенъ. Мы думали было издавать журналъ здѣсь въ Москвѣ. Эпиграмма удивительно хороша. Я не знаю лучше, не знаю обиднѣе. Завтра же порадою ея Пушкина и у него вмѣстѣ съ нимъ буду подробно отвѣчать вамъ. Преданный вамъ душевно. Е. Баратынскій.

4.

(1829)

Василій Львовичъ *) доставилъ мнѣ вашъ подарокъ — экз(ем-пляръ) *Станціи*. Приношу усерднѣйшую мою благодарность за этотъ знакъ вашего воспоминанія. Вы обѣщали заняться полнымъ собраніемъ вашихъ сочиненій; не отлагайте: оно принесетъ вамъ выгоду во всѣхъ возможныхъ смыслахъ, а намъ будетъ, что почитать, и о чемъ поговорить. Пушкинъ уѣхалъ въ Грузію. Когда я получилъ письмо ваше, въ которомъ вы у него просите Полтаву, его уже не было въ Москвѣ. Полтава вообще менѣе правится, чѣмъ другія поэмы Пушкина: ее критикуютъ вкривь и вкось. Страшно! Я говорю это не потому, чтобы чрезмѣрно уважалъ сужденія публики и удивлялся, что на этотъ разъ оно оказалось посрамительнымъ; но Полтава, независимо отъ настоящаго ея достоинства, кажется имѣетъ то, что доставляетъ успѣхъ: почтенный титулъ, занимательность содержанія, новость и народность предмета. Я право уже не знаю, чего надобно нашей публикѣ? Кажется Выжигиныхъ! Знаете ли вы, что разошлось 2000 экз. этой глупости? Публика либо вовсе одурѣетъ, либо рѣшительно озлится и спроситъ съ благороднымъ негодованіемъ: за кого меня привимаютъ? У меня

*) Пушкинъ. Н. Б.

до васъ просьба. Ежели вы имѣете еще нѣсколько лишнихъ экз. вашего портрета, подарите мнѣ одинъ. Д. Давыдовъ хитростію у меня выманилъ тотъ, который вы мнѣ прежде дали, хотѣлъ его срисовать, но вмѣсто того удержалъ подлинникъ и прямо говоритъ: не отдамъ. Вы имѣете право сказать *on se m'aggrache*. Прощайте, любезный Князь, надѣюсь что ваши домашніе здоровы и что вы теперъ спокойнѣе сердцемъ. Княгинѣ свидѣтельствую усердное мое почтеніе. Е. Баратынскій.

5.

(1829)

Я еще не отвѣчалъ на послѣднее ваше письмо, любезный Князь, однакожъ исполнилъ ваше порученіе. Письмо ваше Плетневу ему доставлено. Прочитавъ его, съ вашего позволенія, я съ истиннымъ удовольствіемъ увидѣлъ, что вы приступаете къ изданію вашихъ сочиненій. Литературная ваша слава уже устѣновлена и потому я не скажу вамъ, что книга ваша будетъ имѣть блистательный успѣхъ въ этомъ отношеніи: это само собою разумѣется; но я поручусь вамъ за успѣхъ книгопродавческій, что также не мало важно и по собственнымъ вашимъ словамъ: приличнѣе взять оброкъ съ публики, нежели съ крестьянъ. Не заключите изъ моего долгаго молчанія, что вы сколько-нибудь вышли изъ моей памяти. Причипа его была потеря моей меньшей дочери, которая на нѣкоторое время привела меня въ совершенное уныніе. Потеря ребенка не есть великая потеря, но она живо напоминаетъ возможность утратъ важнѣйшихъ; и эта смерть, которая такъ неожиданно, такъ невозвратно похищаетъ у насъ то, что мы любимъ, долго не выходитъ изъ памяти. Смерть подобна деспотической власти. Обыкновенно она кажется дремлющею, но отъ времени до времени нѣкоторыя жертвы выказываютъ ея существованіе, и наполняютъ сердце продолжительнымъ ужасомъ. Я недавно видѣлъ Корсакова ⁴⁾, который собирается къ вамъ въ Пензу. Гдѣ вы проводите нынѣшнюю зиму? Ежели въ деревнѣ, то я буду въ вашемъ сосѣдствѣ. Постараюсь съ вами увидѣться. О Пушкинѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я ничего бы о немъ не зналъ, ежели-бъ не прочелъ въ Тифлискихъ газетахъ о пріѣздѣ его въ Тифлисъ.

Прощайте, любезный Князь, обнимаю васъ съ душевною горячностью и поручаю себя вашему воспоминавію. Е. Баратынскій.

6.

(20 Дек. 1829)

По прїѣздѣ моемъ въ деревню ежедневно собирался я вамъ напомнить о себѣ, любезный Князь, но какъ-то все не удавалось, и я оставался при благомъ намѣреніи. Могу васъ однако увѣрить, что письмо ваше не предупредило бы мое, ежели бы пришло одною почтою позже. Благодарю васъ за присылку вашей рукописи: я не принесу ей великую пользу, по для меня чрезвычайно любопытенъ переводъ свѣтскаго, метафизическаго, тонко чувственаго Адольфа *) на нашъ необработанный языкъ, и переводъ вашей руки. Я еще не успѣлъ разглядѣть его. Набѣгъ цѣлой орды сосѣдей отнял у меня на дѣло время. Но я увѣренъ въ вашемъ успѣхѣ, и этотъ успѣхъ долженъ быть эпохіальнымъ для нашей словесности. Сердечно радуюсь вашему предисловію къ Ф.-Визину. Вы одни на поприщѣ нашей литературы поступали, какъ настоящій писатель. Вы передаете ваше мнѣніе обо всемъ и, наконецъ, намъ будетъ извѣстно, что вы о чемъ думали, между тѣмъ какъ всѣ другіе русскіе писатели, даже съ дарованіемъ, вовсе безъ образа мыслей. Дельвигъ мнѣ пишетъ, что вы вмѣстѣ съ нимъ издаете Литературную Газету **): правда ли это? И какъ хорошо, ежели это правда! Что-бы вы ни издавали, прошу почитать меня вашимъ сотрудникомъ малосильнымъ, но усерднымъ. Съ Кривцовымъ, за моимъ нездоровьемъ, видѣлся я только одиѣ разъ. Опъ человѣкъ любопытный своею оригинальнію и въ нашихъ краяхъ онъ служить предметомъ множества пересудовъ; ⁵⁾ и пользуюсь деревенскимъ уединеніемъ, но не совсѣмъ такъ, какъ вы совѣтуете. Проза мнѣ не дается, и суетное мое сердце все влечетъ меня къ рѣчамъ. Я пишу поэму ⁶⁾. Въ альманахѣ Максимовича вы найдете одинъ изъ нее отрывокъ ⁷⁾. Боюсь, не черезчуръ ли онъ романтическій. Свидѣтельствую усердное мое почтеніе Княгинѣ и васъ прошу о

*) См. Примѣчаніе 30-е къ письмамъ Пушкина. *Н. Б.*

**) См. Примѣчаніе 18-е къ письмамъ Пушкина. *Н. Б.*

продолженіи вашей дружбы, мнѣ драгоцѣнной во всѣхъ отношеніяхъ. Я истинно къ вамъ привязанъ, мнѣ вѣжеться, что вы угадываете это, и ничто меня столько не радуеть.

Преданный вамъ. Е. Баратынскій.

7.

24 Января 1830.

Съ благодарностію возвращаю вамъ Адольфа и прошу извинить долгую его задержку. Ее нѣкоторымъ образомъ оправдываетъ семейное событіе, въ которомъ трудно сохранить свободу мыслей, нужную для литературной работы. Сестра моя была помолвлена, и среди общей домашней суеты я не могъ оставаться спокойнымъ. Вы побѣдили великія трудности въ вашемъ переводѣ, но ежели вы мнѣ позволите сказать мое мнѣніе: живо покоренные красотою оригинала, какъ всякой хорошій переводчикъ, вы наложили на себя слишкомъ строгую вѣрность переложенія. Знаю, что перифразы не имѣютъ большого достоинства, но должно уступать необходимости; а тамъ, гдѣ вы—опытный знатокъ русскаго языка—находите невозможность сохранить точныя выраженія подлинника, тамъ они навѣрное существуютъ. Я обременилъ тетрадь вашу замѣчаніями. Ни за одно изъ нихъ не стою, но всѣ вмѣстѣ отдаю на ваше разсмотрѣніе. Вы сами распознаете, которое дѣльно, которое нѣтъ. Можетъ быть иное изъ нихъ внушить вамъ счастливую переправку. Противорѣчіе возбуждаетъ, а намеки заставляютъ угадывать. Ежели это правда, я оказалъ вамъ истинную услугу, немилосердно испестривъ вашу рукопись.

Я не получилъ никакого отношенія отъ новаго литературнаго общества, о которомъ вы говорите. Противъ партій должно дѣйствовать партіями. Составимъ свое общество, призовемъ всѣхъ людей съ дарованіемъ и будемъ издавать труды его ежегодно, ежемѣсячно, какъ придется. Мы теряемъ потому, что мы лѣнны, а противники наши дѣятельны. На публику дѣйствуетъ не качество, а количество произведеній. Всѣ ея мнѣнія похожи на мнѣнія религиозныя. Они впечатлѣваются повтореніемъ, а не убѣжденіемъ. Однимъ словомъ, надобно дѣйствовать. Вы скажите: *c'est bon à dire* и я пойму васъ, но не такъ *c'est bon à faire*. Попробуемъ;

ежели не удастся, не намъ привыкать къ беззаботливости. Препоручаю себя вашему доброму расположенію. Будете ли вы въ Москвѣ на ту зиму? Е. Баратынскій.

8.

(1830)

Письмо ваше, любезный Князь, застало меня на самомъ отъѣздѣ въ подмосковную. Отвѣчаю вамъ наскоро и только объ вашихъ комиссіяхъ. На дняхъ послалъ я къ вамъ книги, присланныя вамъ Дельвигомъ на ваше имя изъ Петербурга, и при нихъ вашу гербовую печать, которую просилъ мнѣ вамъ доставить Мицкевичъ. Сестра моя писала къ Фильду о его *Дурт* и прописала желаніе ваше имѣть его *doigté*, но онъ прислалъ ее безъ онаго; посылаю ее, какъ она есть. Ежели желаніе ваше не исполнено, въ томъ виноватъ Фильдъ, а не усердный вамъ корреспондентъ. Посылаю вамъ вашу пьесу *Къ нимъ* *), перемѣченную Пушкинымъ. Признаюсь, что и я согласенъ съ его замѣчаніями. Ради Бога, переправьте ее: она высокаго лирическаго достоинства. Въ первомъ письмѣ моемъ изъ деревни я постараюсь вамъ доказать, почему вы несправедливо защищаете стихъ: *новорожденному даръ на зубокъ былъ нуженъ*, упоминая объ ироніи. Покуда прощайте, но только на одну недѣлю. Вашъ домашній критикъ тоже, что Сократовъ Демонъ или нимфа Егерія, надобно ему вѣрить. Прощайте, любезный Князь, и вѣрьте, что я принимаю въ сердце каждое ваше сердечное слово. Преданный вамъ Е. Баратынскій.

9.

(1830)

Съ нетерпѣніемъ жду, любезный Князь, вашего мнѣнія о замѣчаніяхъ Пушкина на стихи ваши *Къ нимъ*. Мнѣ кажется, что мы разное думаемъ о лирической ироніи. По мнѣ лирическая поэзія исключаетъ все похожее на остроуміе, потому что лукавство его совершенно противусвойственно ея увлеченности. Сердитесь, но не шутите. Пусть будетъ иронія горькая, но не затѣйливая. Вотъ почему мнѣ не нравится: *даръ на зубокъ былъ нуженъ*. Стихъ этотъ

*) См. Примѣчаніе 25-е къ письмамъ Пушкина. Н. Б.

слишкомъ веселъ. Я еще не говорилъ вамъ о вашихъ стансахъ. Критиковать ихъ можно въ цѣломъ и въ частяхъ. Въ цѣломъ можно желать большой сжатости, въ частяхъ привязаться къ тому или другому выраженію; но это разлитіе чувствъ прекрасно своимъ обиліемъ: какъ же требовать отъ него красоты мѣры? Ежели кто нибудь найдетъ ваше стихотвореніе растянутымъ, или вамъ самимъ это придетъ на умъ въ холодную минуту, то право не вѣрьте ни другимъ, ни себѣ, оставьте цѣлое его неприкосновеннымъ, а исправляйте только ту или другую строфу въ особенности. Я думаю, что въ произведеніяхъ поэзи, какъ въ твореніяхъ природы, близъ красоты долженъ быть непремѣнно недостатокъ, ее оживляющій. Не знаю, ясно ли я выражаюсь. Мысль моя въ томъ, что нѣкоторые недостатки во всякомъ авторѣ необходимы для существованія его въ извѣстномъ родѣ, что ежели ихъ уничтожишь, уничтожишь и жизненную мѣру его произведеній, и неумолимый вкусъ будетъ для твореній искусства тѣмъ же, что смерть для твореній природы. Положимъ, что можно себя передѣлать; но въ такомъ случаѣ будешь другимъ существомъ, съ другими достоинствами, съ другими несовершенствами. Чувствую, какъ трудно переводить свѣтскаго Адольфа на языкъ, которымъ не говорятъ въ свѣтѣ, но надобно вспомнить, что имъ будутъ когда-нибудь говорить, и что выраженія, которыя намъ теперь кажутся изысканными, рано или поздно будутъ обыкновенными. Мнѣ кажется, что не должно пугаться неупотребительныхъ выраженій и стараться только, чтобы коренной ихъ смыслъ совершенно соотвѣтствовалъ мысли, которую хочешь выразить. Со временемъ они будутъ приняты и войдутъ въ ежедневный языкъ. Вспомнимъ, что тѣ изъ нихъ, которые говорятъ по-русски, говорятъ языкомъ Жуковскаго, Пушкина и нашимъ, языкомъ поэтовъ, изъ чего слѣдуетъ, что не публика насъ учить, а намъ учить публику. Я не согласенъ однако на слово *выторгуемъ*. Оно принадлежитъ извѣстному ремеслу, а потому неприлично свѣтской дамѣ. Не лучше ли *выдаемъ*, какъ болѣе общее? Я порадовался вашей эпиграмѣ на Булгарина. Сегодня же отсылаю ее Дельвигу.

Прощайте, любезный Князь! Любите любящаго васъ Е. Баратынскаго.

10.

(1830)

Исполнилъ я ваше препорученіе, любезный Князь: говорилъ съ Полевымъ довольно серьезно. Результатъ моей негоціаціи состоитъ въ томъ, что онъ далъ мнѣ честное слово послать вамъ 3.000 съ первою почтою, въ остальныхъ же деньгахъ росписку. Я не показывалъ ему перваго письма вашего, оно довольно затѣйливо и я берегу его на крайній случай. Вы можете быть увѣрены, что я употребилъ себя усердно въ этомъ дѣлѣ: мнѣ въ то же время хотѣлось и оправдать вашу довѣренность и найти Полевого честнымъ человѣкомъ.

Что наше или, лучше сказать, ваше журнальное предпріятіе? Неужели вы остановитесь на одномъ проектѣ? Не знаю, принесетъ ли этотъ журналъ большую выгоду редакторамъ; но онъ безъ сомнѣнія будетъ полезенъ литературѣ. Забавно подумать, что рѣшительно у всѣхъ теперешнихъ нашихъ журналистовъ нѣтъ ни малѣйшаго понятія о вкусѣ (именно того, что бы нужно было), что почти всѣ наши журналы — преимущественно литературные, а ни одинъ изъ издателей не имѣетъ настоящаго литературнаго образованія. И вотъ, между тѣмъ, наши судьи⁹⁾. Скажите, кто написалъ этотъ позорный разговоръ о Персидской войнѣ, напечатанный у Булгарина? *C'est le coup de pied de l'âne*. Можно ли такъ подло потворствовать правительству, или такъ низко высказывать личную вражду? Сверхъ того, сатира эта отвратительно обыкновенна, и какъ не чувствовать, что кто кидаетъ грязью въ своего непріятеля, мараетъ въ ней во-первыхъ собственную свою руку¹⁰⁾. Нѣ могу вамъ сообщить новостей свѣтскихъ: вы знаете, что я не живу въ свѣтѣ. Москва для меня множество домовъ и только, люблюсь на нихъ спаружи и, можетъ быть, она и лучше снаружи, чѣмъ внутри. Отсутствіе ваше для меня истинная потеря и, проходя мимо вашего дома, жалѣю, что могу любоваться одною его архитектурою, а не могу зайти къ милому хозяину¹¹⁾. Послѣ отъѣзда вашего я не былъ у Василья Львовича. Храбровъ его храбрится безъ свидѣтелей, по крайней мѣрѣ я не въ числѣ ихъ¹²⁾. В. Л. — фонарь, въ которомъ вы зажигали свѣчку, безъ васъ онъ не свѣтитъ. Про-

щайте, любезный Князь, усердно препоручаю себя вашему доброму расположению. Е. Баратынский.

Земной поклонъ Василю Андреевичу, котораго я столько же люблю, сколько Жуковскаго. Съ радостью услышалъ я голосъ любимаго моего поэта въ стихахъ, вами присланныхъ; когда-то приведетъ меня Богъ увидѣть человѣка, къ которому я привязанъ всѣмъ сердцемъ и къ которому храню глубокую признательность?

11.

(1830)

Скоро ли, любезнѣйшій Князь, вы рѣшитесь оставить Астафьево и взглянуть на воскресающую Москву? Ежели она вамъ еще кажется опасною, то вы не правы. Можно сказать рѣшительно, что у насъ нѣтъ уже холеры. Вновь занемогающіе въ-первыхъ малочисленны, во-вторыхъ болѣзнь ихъ уже не та, и они почти всѣ выздоравливаютъ *). Все грозное время провелъ я въ Москвѣ, и хотя мнѣ не было весело, но въ то же время не такъ и тошно, какъ я ожидалъ. Мы заперлись въ своемъ домѣ, никуда не выѣзжалъ и никого не принималъ. Теперь всѣ оживились, но въ моему полному оживленію не достаетъ вашего присутствія. Я слышалъ, что княгиня въ Астафьевѣ. Прошу ей засвидѣтельствовать мое почтеніе. Преданный вамъ Е. Баратынский.

12.

(1830)

Спорить съ вами не могу, любезный Князь, какъ ни желалъ бы поспорить. Оставаться въ Астафьевѣ покуда благоразумнѣе, чѣмъ ѣхать въ Москву. Приглашеніе мое было немного вѣтрено, но его внушало сильное желаніе васъ видѣть. Благодарю васъ за дружественное и лестное письмо ваше, но повѣрьте, что вы меня еще болѣе тронули своимъ участіемъ, нежели одобрительнымъ вашимъ отзывомъ о моемъ новомъ трудѣ, хотя я высоко цѣню ваше одобреніе. Стенную прогулку вашу я уже отправилъ къ Дельвигу и, судя по извѣстной его нерасторопности, я думаю, что стихотво-

*) См. Примѣчаніе 9-е къ письмамъ барона Дельвига. *Н. Б.*

реніе ваше придетъ во время. Оно исполнено красокъ и чувства. Такая поэзія лучше хлору очищаетъ воздухъ. Вы мнѣ освѣжили имъ душу и я вамъ очень признателенъ за то, что вы черезъ меня его переслали въ Сѣверные Цвѣты ¹³⁾. Не знаю, что отвѣчать вамъ на предложеніе ваше издавать Русскихъ классиковъ или стариковъ. Я мало писалъ въ прозѣ, и сколько разъ за нее не принимался, всегда неудачно. Терпѣніе мое истощалось на второмъ листѣ. По совѣсти, я никакъ за себя отвѣчать не могу. Примусь за дѣло и попробую свои силы. Позвольте мнѣ взяться за Ломоносова. Имѣя мало затѣйливости въ умѣ, я думаю что мнѣ лучше удастся статья важная, нежели игривая. Что касается до Тредіаковскаго, то я ни себя, ни публику не хочу лишити того, что вы о немъ скажете. Читая ваше письмо, мнѣ кажется я вижу, съ какою улыбкою вы написали его имя. Сколько новостей въ Москвѣ! Между ними одна величайшей важности. Варшава возмущилась и Великій Князь принужденъ былъ ее оставить. Этого мало. Съ небольшимъ числомъ войска онъ поставилъ себя въ западню. Висла, находящаяся за нимъ, не позволяетъ ему ретироваться въ Литву. Прибавьте къ этому, что и Литва ненадежна. Литовскій корпусъ весь составленъ изъ поляковъ. Много, много, что половина его останется на сторонѣ русскихъ. Вотъ минута борьбы рѣшительной, развязка которой влечетъ за собой неисчислимыя послѣдствія. Намъ теперь нужна величайшая быстрота и энергія. Послѣ этой новости всѣ другія маловажны. Скажу вамъ однакожь (что можетъ быть вы уже знаете): Литературная Газета запрещена за четверостишіе Казимира де-ла Виня, вѣроятно по старанію Булгарина ¹⁴⁾. Прощайте, любезный Князь. Какъ жаль, что вы не въ сосѣдствѣ, а дѣлать нечего. Жена моя ¹⁵⁾ благодаритъ княгиню и васъ за вашу память, ей очень лестную. Преданный вамъ Е. Баратынскій.

13.

(1832)

Письмо это отдастъ вамъ мой братъ, котораго прошу васъ, любезный Князь, принять въ свое благоволеніе. Литературныя связи иногда стоятъ кровныхъ и я препоручаю его вамъ, доверяясь вполне этой мысли.

Долго не отвѣчалъ я на ваше милое, дружеское письмо, но глубоко вамъ за него признателенъ.

Вы не достаёте Москвѣ. Нѣтъ общества, въ которомъ бы всѣ не вспоминали и не сѣтовали на ваше отсутствіе. Я познакомился съ старымъ вашимъ знакомымъ М. Орловымъ и съ отменно-любезной женой его. Въ кругу, который нѣкогда былъ вашимъ привычнымъ, еще чувствительнѣе ваме удаленіе ¹⁶⁾. Д. Давыдовъ прислалъ мнѣ начало вашего Посланія къ нему, въ которомъ вы поэтически поминаете всю его славу. Онъ думаетъ недѣли на двѣ прискакать въ Москву. Не рѣшитесь ли и вы послѣдовать его примѣру и пригласить съ собою Пушкина? Тогда слово будетъ дѣломъ, тогда

будутъ дружеской артели
Всѣ ребята на лицо ¹⁷⁾.

Я не пишу ничего новаго и вожусь съ старымъ. Я продалъ Смирдину полное собраніе своихъ стихотвореній. Кажется, оно въ самомъ дѣлѣ будетъ послѣднимъ и я къ нему ничего не прибавлю. Время поэзіи индивидуальной прошло, другой еще не созрѣло ¹⁸⁾.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе княгинѣ и вѣрьте моей всегдашней вамъ преданности. Е. Баратынскій.

14.

(1837)

Препровождаю вамъ дань мою Современнику. Извѣстіе о смерти Пушкина застало и меня на послѣднихъ строфахъ этого стихотворенія ¹⁹⁾. Всякій работаетъ по своему. Лирическую пьесу я съ перваго приѣма всегда набрасываю болѣе, чѣмъ съ небрежностію: стихами иногда безъ мѣры, иногда безъ ритма, думая объ одномъ ея ходѣ, а потомъ уже принимаюсь за отдѣлку подробностей. Брошенную на бумагу, но далеко не написанную, я на долго оставилъ мою элегію. Многимъ въ ней я теперь не доволенъ, но рѣшаюсь быть къ самому себѣ снисходительнымъ, тѣмъ болѣе, что небрежности мною оставленныя, кажется, угодны судьбѣ. Препоручаю себя вашей дружеской памяти. Е. Баратынскій.

15.

(1842)

Это небольшое собраніе стихотвореній предано тисненію почти, если не единственно, для того, чтобы воспользоваться позволеніемъ вашимъ напечатать посвященіе. Примите то и другое съ обычнымъ вашимъ благоволеніемъ къ автору. Прошу васъ доставить прилагаемый экземпляръ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ. Почту себя счастливымъ, если мое приношеніе будетъ ей хоть мало пріятнымъ ²⁰). Е. Баратынскій.

16.

(1843)

Очень мнѣ совѣстно, что я не догадался вамъ оставить адреса новой квартиры Путьята, чѣмъ и лишилъ себя удовольствія видѣть васъ сегодня. Завтра я цѣлое утро въ хлопотахъ и потому прибѣгаю къ вамъ вмѣстѣ съ моими хозяевами съ покорнѣйшею просьбою: не откажите у насъ обѣдать. Вы увидите, между прочимъ, Одоевскихъ. Собираются въ 5 часовъ. Во всякомъ случаѣ я не оставлю Петербурга, съ вами еще разъ не повидавшись и не получивъ вашего благословенія на мое европейское пилигримство ²¹). Е. Баратынскій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1) Александръ Алексѣевичъ Мухановъ былъ адъютантомъ у Финляндскаго Генералъ-Губернатора (графа) А. А. Закревскаго. Баратынскій съ нимъ познакомился и сблизился въ концѣ своего пребыванія въ Финляндіи, въ 1824 году. (*Сочиненія Е. А. Баратынскаго*. М. 1869, стр. 395).

2) 11 декабря 1827 г., изъ Москвы, князь П. А. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу: „Послѣ двухмѣсячнаго ежедневнаго отъѣзда ѣду сегодня въ ночь къ женѣ въ Пензенскую губернію“. (*Остафьевскій Архивъ Князей Вяземскихъ*. Спб. 1899 III, 169).

3) Въ своемъ *Татевскомъ Сборникѣ* С. А. Рачинскій напечаталъ Посланіе Н. Ѡ. Павлова брату Баратынскаго Сергѣю Абрамовичу:

Тамъ, гдѣ толпилися Татары,
Гдѣ вѣки замели ихъ слѣды,
Гдѣ буйный вихорь ихъ побѣды
Едва намъ слышенъ въ звукахъ Мары,
Тамъ—тихой степи гражданинъ,
Науки сумрачный поклонникъ,
Аптекарь, докторъ, дворянинъ,
Какой-то странный беззаконникъ,
Какой-то на Руси пришлецъ,
Какой-то сумасбродный Чацкій,
И не военный, и не штатскій,
Не фабрикантъ и не дѣлецъ и проч.

„Лучшимъ поясненіемъ къ этимъ стихамъ“, пишетъ Рачинскій, „можетъ послужить нижеслѣдующая страница изъ воспоминаній Б. Н. Чичерина (сосѣда по Кирсановскому имѣнію Баратынскихъ—Мары), въ коихъ находимъ живую характеристику семьи Баратынскихъ: „...Едва ли,

однако, не самымъ даровитымъ членомъ семьи былъ младшій братъ Сергѣй. Это была совершенно гениальная натура, живая, страстная, одаренная самыми разнообразными способностями. Онъ былъ медикъ по призванію, учился въ Московской Академіи, затѣмъ поселился въ деревнѣ и бесплатно лечилъ весь край. Къ нему стекались отовсюду; довѣріе къ нему было безграничное. Его приглашали даже изъ дальнихъ мѣстностей, и онъ не задумывался ѣхать по самымъ труднымъ дорогамъ... вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ искусный механикъ... Отецъ мой часто говаривалъ, что Сергѣй Абрамовичъ сдѣлался бы великимъ человѣкомъ, если бы не родился русскимъ баринномъ. Рядомъ съ этимъ у него были артистическія наклонности: онъ былъ архитекторъ и музыкантъ. Сдѣлавшись по смерти матери владѣльцемъ Мары, онъ возстановилъ въ новомъ видѣ описанное поэтомъ запустѣлое мѣсто... Своей женитьбой, такъ же какъ и черезъ брата, Сергѣй Абрамовичъ находился въ самой тѣсной связи со всѣмъ литературнымъ міромъ. Онъ былъ женатъ на вдовѣ Дельвига, почтенной Софѣ Михайловнѣ, хранительницѣ преданій великой литературной эпохи, la veuve de la grande Agnée, какъ называлъ ее поэтъ Баратынскій. И ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ талантамъ Сергѣй Абрамовичъ присоединялъ еще то, что онъ такъ же, какъ его братья, былъ прелестный собесѣдникъ. Я знавалъ людей съ блестящимъ остроуміемъ: достаточно назвать Герцена; но никого остроумнѣе Сергѣя Абрамовича не встрѣчалъ“.

(*Татевскій Сборникъ* С. А. Рачинскаго. Спб. 1899, стр. 65—70.

4) Не о немъ ли князь П. А. Вяземскій, 11 декабря 1827 года, писалъ А. И. Тургеневу: „Москва начинаетъ немного походить на Парижъ съ тѣхъ поръ, какъ стрѣляли на улицѣ изъ пистолета въ Сергѣя Корсакова, меньшаго сына Маріи Ивановны“.

(*Остафьевскій Архивъ Князей Вяземскихъ*. Спб. 1899. III, 169).

5) По выходѣ въ отставку, Николай Ивановичъ Кривцовъ переехалъ въ деревню и сдѣлался русскимъ помѣщикомъ. „Мѣстность, гдѣ поселился Кривцовъ“, повѣствуетъ Б. Н. Чичеринъ, „не представляла ничего привлекательнаго. Село Любичи въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, на границѣ Саратовской, лежало въ голой степи, гдѣ не было ни одного деревца, ни даже какой бы то ни было помѣщицкѣй усадьбы. Небольшой пригорокъ, около котораго вьется рѣчка Вяжля, впадающая въ Ворону, съ находящеюся на ней небольшою мельницею, вотъ все, что представляло новое поселеніе. Приходилось все создавать вновь, и Кривцовъ принялся за это съ своей обычной энергіей и умѣніемъ“. Вскорѣ „воздвигся большой барскій домъ, безъ прихотей стараго Русскаго барства, но со всѣми удобствами Англійскаго комфорта... Страстный садоводъ, онъ усердно занимался посадками... Такимъ образомъ, въ голой степи мало по малу возникъ прелестный

оазисъ... Англоманія Кривцова не состояла въ легкомысленномъ бросаніи денегъ для перенесенія на Русскую почву несвойственныхъ ей порядковъ. Плънившись Англійскимъ бытомъ, онъ бралъ изъ него то, что могло прійтись къ Русской средѣ и что составляетъ потребность для образованнаго человѣка. Не мудрено, что созданный имъ быть сдѣлался образцомъ для всего края. Это былъ новый просвѣщенный элементъ, внесенный въ Русскую помѣщичью жизнь“!.

(*Русскій Архивъ* 1890. № 4, стр. 501—525).

6) Въ это время Баратынскій писалъ поэму *Цыганка* и небольшой отрывокъ изъ нея напечаталъ въ *Деннице* на 1830 годъ М. А. Максимовича.

7) Въ 1830 году, въ Москвѣ, М. А. Максимовичъ издалъ *Денницу*—альманахъ на 1830 годъ, который украшался именами: Д. В. Веневитинова, И. В. Кирѣевского, Князя П. А. Вяземскаго, Е. А. Баратынскаго, М. П. Погодина, барона А. А. Дельвига, А. Θ. Мерзлякова, В. Л. Пушкина, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, Н. М. Языкова, княгини З. А. Волконской. Пушкинъ украсилъ *Денницу* двумя первыми сценами изъ *Бориса Годунова*.

„Скажи Максимовичу“, писалъ Баратынскій къ И. В. Кирѣевскому, „что я пришлю ему первую пьесу, которая у меня пишется. Ежели же музы ко мнѣ не будутъ милостивы, то пусть на меня не пеняетъ, и любить меня по прежнему“. Въ другомъ письмѣ Баратынскій писалъ: „Доставь, душа моя, эти стихи Максимовичу и поблагодари отъ меня за милое его письмо“. (*Татевскій Сборникъ* С. А. Рачинскаго. Спб. 1899. стр. 7—8).

8) Варвара Абрамовна за Александромъ Антоновичемъ Рачинскимъ.

9) Еще въ ноябрѣ 1827 года князь П. А. Вяземскій писалъ Жуковскому: „Радуюсь, что мой *Современникъ* пришелъ тебѣ на вкусъ. Кому же, какъ не тебѣ, быть главою такого предиріятія? По крайней мѣрѣ Пушкину. Мнѣ, пожалуй, и откажутъ въ позволеніи издавать журналъ. Васъ посовѣстятъ. Самъ Блудовъ будетъ скорѣе покровительствовать Булгарину, чѣмъ мнѣ, что между прочимъ уже и было. Другой стези мнѣ на дѣйствіе нѣтъ, кромѣ литературной или даже журнальной, потому что Богъ размѣнялъ мое приданое на мелочь“. (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1890. III, 10).

10) Поиски наши въ *Съверной Пчелѣ* 1830 года относительно этого *разговора*, столь возмутившаго Баратынскаго, не увѣнчались успѣхомъ. Зная, что Булгаринъ былъ другомъ Грибоѣдова, укажемъ на *Воспоминанія Д. В. Давыдова о 1826-мъ годѣ*. (*Сочиненія Д. В. Давыдова*. М. 1860. I, 3—19).

11) 18 Апрѣля 1830 года, князь П. А. Вяземскій, по Высочайшему повелѣнію, опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій Ми-

нистра Финансовъ, и 25 мая того же года уѣхалъ въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ того (8 августа) былъ опредѣленъ членомъ Общаго Присутствія Департамента Внѣшней Торговли и командированъ въ Москву, съ назначеніемъ Членомъ Комитета для устройства выставки Россійскихъ издѣлій. Въ Москвѣ князь Вяземскій жилъ въ собственномъ домѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ, противъ дома, въ которомъ жилъ Баратынскій.

12) 18 Сентября 1828 года, князь П. А. Вяземскій писалъ Пушкину: „Василія Львовича Пушкина я еще не видалъ и потому ничего не могу сказать тебѣ о твоёмъ новомъ двоюродномъ братѣ, *капитанъ Храбровъ*. Надобно теперь тебѣ и этого двоюроднаго брата официально признать, какъ и Буянова“. Въ другомъ письмѣ (отъ 25 Сентября) князь Вяземскій писалъ: „Дельвигъ здѣсь: мы были съ нимъ у дяди, который, по добротѣ сердца своего и дружбѣ къ намъ, читалъ кое-что изъ *Капитана Храброва*, съ которымъ познакомишься, породнишься въ *Цвѣтахъ*“. (*Русскій Архивъ* 1879. № 8, стр. 481).

IV-я глава повѣсти въ стихахъ—*Капитанъ Храбровъ* была напечатана въ *Денщикъ* на 1830 годъ М. А. Максимовича.

13. Подъ именемъ Степной Прогулки Баратынскій, вѣроятно, разумѣлъ *Зимнія Карикатуры*, которыя первоначально напечатаны въ *Денщикъ* на 1831 годъ М. А. Максимовича. Въ современномъ спискѣ, съ помѣткою С. А. Соболевскаго, послѣ общаго заглавія, прибавлено въ скобкахъ: *Отрывки изъ журнала Зимней Поѣздки по степнымъ губерніямъ 1828 года. (Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Сиб. 1880. IV, 25—31 и примѣч.)*.

14) Въ № 61 *Литературной Газеты* баронъ Дельвигъ имѣлъ неосторожность напечатать французское четверостишіе Казимира де-ла-Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагали воздвигнуть жертвамъ 27—29 Іюля 1830 года. Кромѣ того баронъ Дельвигъ заподозрилъ правдивость официальныхъ извѣстій, помѣщаемыхъ въ *Сѣверной Пчелѣ*. Все это воздвигло бурю на *Литературную Газету* и, къ величайшему удовольствію Полевого, Булгарина, Греча и др., прекратило ея существованіе. Баронъ Дельвигъ писалъ Пушкину: „Люди истинно привязанные къ своему Государю и чистые совѣстью ничего не ищутъ и никому не кланяются, думая, что чувства вѣрноподданнческія ихъ и совѣсть защитятъ ихъ во всякомъ случаѣ. Неправда: подлецы въ это время хлопочутъ изъ корыстолюбія марать честныхъ и выѣзжаютъ на своихъ мерзостяхъ. Булгаринъ вѣрнымъ подданнымъ является. Ему выпрашиваютъ награды за пасквили, достойные примѣрнаго наказанія, а я слышу карбонаріемъ“. Это было послѣднимъ письмомъ барона Дельвига. (*Жизнь и Труды П. М. Погодина*. Сиб. 1890. III, 234—236).

15) Баратынскій былъ женатъ на Настасьѣ Львовнѣ Энгельгардтъ. Свадьба происходила въ Москвѣ, 9 Юня 1826 года. (*Сочиненія Е. А. Баратынскаго*. М. 1869, стр. 395).

16) Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ былъ женатъ на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской.

17) *Къ Старому цусару* (при выходѣ изъ печати его стихотвореній):

...Будто мы не устарѣли —
Вьется локонъ вновь въ кольцо;
Будто дружеской артели —
Всѣ ребята на лицо...

...Чортъ ли въ тайнахъ идеала,
Въ романтизмѣ и лунѣ, —
Какъ усатый запѣвала
Запоеть о старинѣ!...

...И мерещится старуха,
Наша сверстница, Москва.

Не Москва, что нынѣ чинно
Въ шапкѣ, въ теплыхъ сапогахъ,
Убиваетъ дни невинно
На водѣ и на водахъ.

Но двѣнадцатаго года
Веселая голова,
Какъ собиралась непогода,
А ей было тринѣ-трава!

Но пятнадцатаго года,
Въ шумныхъ кликахъ торжества,
Свой пожаръ и блескъ похода
Запивавшая Москва!

Весь тотъ міръ, вся эта шайка
Беззаботныхъ молодцовъ
Ожили, мой ворожейка!
Отъ твоихъ волшебныхъ словъ...

(*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1880, IV, 151—153).

18) 4 августа 1833 года, изъ своихъ Маръ, Баратынскій писалъ Кирѣевскому: „Ежели увидишь Ширяева, сдѣлай одолженіе, скажи ему, что я весьма неисправно получаю корректуру. Листъ долженъ оборотиться въ три недѣли, а онъ оборачивается въ пять. Ежели все такъ

пойдетъ, то и не напечатаясь и къ будущему году". (*Татевскій Сборникъ*. С. А. Рачинскаго. Спб. 1899, стр. 50).

Стихотворенія Е. А. Баратынскаго, одобренныя къ печати въ Петербургѣ цензоромъ Никитою Бутырскимъ, 7-го марта 1833 года, вышли въ свѣтъ (въ 2-хъ частяхъ) въ Москвѣ только въ 1835 году и были напечатаны въ типографіи Августа Семена. Изданіе украшено портретомъ автора, гравированнымъ Е. Скотниковымъ.

19) Стихотвореніе это носитъ заглавіе *Осень*. Послѣдняя (16) строфа:

Зима идетъ, и тощая земля
 Въ широкихъ лысинахъ безсилъя,
 И радостно блиставшія поля
 Златыми классами обилья,
 Со смертью жизнь, богатство съ нищетою,
 Всѣ образы години бывшей
 Сравняются подъ снѣжной пеленою,
 Однообразно ихъ покрывшей:
 Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ,
 Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ.

(*Сочиненія Е. А. Баратынскаго*. М. 1869, стр. 159—164).

20) Въ 1842 году, въ Москвѣ, Баратынскій издалъ сборникъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: *Сумерки* и посвятилъ ихъ князю П. А. Вяземскому:

Какъ жизни общіе призывы,
 Какъ увлеченія суеты,
 Понятны вамъ страстей порывы
 И обаянія мечты;
 Понятны вамъ всѣ дуновенья,
 Которымъ въ морѣ бытія,
 Послушна наша ладія.
 Вамъ приношу я пѣснопѣнья,
 Гдѣ отразилась жизнь моя:
 Исполнена тоски глубокой,
 Противорѣчій, слѣпоты,
 И между тѣмъ любви высокой,
 Любви, добра и красоты.
 Счастливый сынъ уединенья,
 Гдѣ сердца вѣтренные сны,
 И мысли праздныя, стремленья
 Разумно мной усыплены;
 Гдѣ другу мира и свободы,

Ни до фортуны, ни до моды,
 Ни до молвы мнѣ нужды нѣтъ;
 Гдѣ я простилъ безумству, злобѣ,
 И позабылъ, какъ-бы во гробѣ,
 Но добровольно, шумный свѣтъ:
 Еще порою покидаю
 Я Лету, созданную мной,
 И стени міра облетаю
 Съ тоскою жаркой и живой.
 Ищу я васъ; гляжу, что съ вами?
 Куда вы брошены судьбами,
 Вы, озарившіе меня
 И дружбы кроткими лучами,
 И свѣтомъ высшаго огня?
 Что вамъ даруетъ Провидѣнье?
 Чѣмъ испытуетъ Небо васъ?
 И возношу молящій гласъ:
 Да длится ваше упоенье,
 Да скоро минетъ скорбный часъ!

 Звѣзда разрозненной Плеяды!
 Такъ, изъ глуши моей, стремлю
 Я къ вамъ заботливые взгляды,
 Вамъ высшей благости молю;
 Отъ васъ отвлечь судьбы суровой
 Удары грозные хочу,
 Хотя вамъ прозою почтовой
 Лѣниво дань мою плачу.

Стихотвореніе это не могло не утѣшить страждущее сердце князя П. А. Виземскаго, который не задолго передъ тѣмъ похоронилъ свою дочь княжну Надежду Петровну.

21) Въ началѣ сентября 1843 года, Е. А. Баратынскій оставилъ уединенную подмосковную свою Мураново, чтобъ исполнить давнишнее желаніе свое побывать за границею. Онъ пріѣхалъ сперва въ Петербургъ и чрезъ нѣсколько дней отправился въ дальнѣйшій путь.

Первое письмо его изъ Парижа начинается стихомъ изъ пародіи И. И. Дмитріева на В. Л. Пушкина:

Друзья, сестрицы, я въ Парижъ!

IV.

Письмо П. А. Плетнева къ князю П. А. Вяземскому.

---

29 Іюня, 1829. С.-Петербургъ.

Не удивляйтесь, любезнѣйшій Князь, что я такъ поздно отвѣчаю на письмо ваше отъ 20 апрѣля. Оно мнѣ только третьяго дня доставлено. Я очень радъ, что, наконецъ, вы получили послѣднее изданіе Озерова. Что касается до разноты въ гравировкѣ заглавныхъ листовъ, я въ этомъ не участникъ. Такой былъ вѣроятно вкусъ издателя-Глазунова, или художника, которому онъ это поручилъ сдѣлать. Еще болѣе радъ я, что вы рѣшились приступить къ изданію вашего сіятельства. Темной литературѣ нашей всего болѣе нуженъ свѣтъ. Только вы приводите въ большое затрудненіе и меня, и того, кто вызовется быть вашимъ издателемъ. Какимъ образомъ собрать все, что въ теченіе 20-ти лѣтъ печатано было въ разныхъ журналахъ и часто безъ подписи имени автора? Уже ли вы такъ были беззаботны, что не приказывали оставлять у себя копій съ тѣхъ пьесъ, которыя отпускали въ журналы? По крайней мѣрѣ начните составлять теперь хоть оглавленіе всѣхъ вашихъ сочиненій. Между тѣмъ я съ Жуковскимъ (который возвратился и читалъ ваше письмо ко мнѣ) понемногу и по возможности буду дѣлать сборъ. Но рѣшительно предупреждаю, что безъ вашей помощи не въ силахъ буду этого кончить и во всю жизнь. Будетъ еще время подумать, какъ лучше поступить при изданіи: самимъ ли вамъ печатать, или продать рукописи книго-

продавцу. Затрудненіе въ томъ: состоится ли когда нибудь эта рукопись и каковой выйдетъ изъ подъ рукъ какого нибудь Красовскаго? Прочія ваши порученія исполнены мною. П. С. Молчановъ, дней пять тому назадъ, отправился въ Москву къ брату. Незнакомая красавица ваша уѣхала на нынѣшнее лѣто въ милую вашу Ревель.

Орфографическаго вашего замѣчанія не только она, но и я не знаю еще. Итакъ прошу при вѣрной оказіи (т. е. по первой почтѣ) доставить его сюда для передачи, куда слѣдуетъ. Письма ваши ко мнѣ или къ Жуковскому извольте до осени адресовать: въ Царское Село, въ Александровскій дворецъ. Примите увѣреніе въ совершенной моей преданности. П. Плетневъ.

СЕМЬ СОБСТВЕННОРУЧНЫХЪ ПИСЕМЪ И ЗАПИСОКЪ КНЯЗЯ
Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО

къ

ГРАФУ П. А. РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ.

(1769—1788).

Идетъ уже второе столѣтiе со дня кончины Потемкина, а у насъ все еще какъ бы не столковались относительно оцѣнки этого необыкновеннаго человѣка, вызваннаго къ широкой государственной дѣятельности гениемъ Великой Екатерины. Мы и доселѣ про-бавляемся лишь „анекдотами“ о немъ, часто сомнительнаго происхожденiя...

А между тѣмъ, по опредѣленiю самой Екатерины, Потемкинъ былъ „человѣкъ высокаго ума, рѣдкаго разума и превосходнаго сердца; мысли его всегда были устремлены къ великому..... Имъ никто не управлялъ, но самъ онъ удивительно умѣлъ управлять другими..... У него былъ смѣлый умъ, смѣлая душа, смѣлое сердце..... Онъ былъ великiй человѣкъ, который не выполнилъ и половины того, что былъ въ состоянiи сдѣлать“... Безсмертный Суворовъ говорилъ о Потемкинѣ: „великiй человѣкъ — великъ умомъ, великъ и ростомъ“. А митрополитъ Московскiй Платонъ, — что это былъ „человѣкъ необыкновенный“.

Даже и при такихъ вѣскихъ свидѣтельствахъ, общее мнѣнiе до сихъ поръ расположено скорѣе не въ пользу Потемкина, какъ

это было и при его жизни. Объясняется это прежде всего странными Потемкина и удивительными противорѣчіями въ характерѣ его. По отзывамъ современниковъ, Потемкинъ, представляясь лѣнивцемъ, трудился непрестанно; вѣчно лежалъ на софѣ, но спалъ мало; беспокоился, когда опасности еще не было, и веселился, когда она настала; унывалъ въ удовольствіяхъ; чувствовалъ себя несчастнымъ отъ того, что былъ счастливъ; онъ былъ глубоко-мысленный богословъ и философъ, искусный министръ, тонкій политикъ и въ тоже время—капризный, избалованный девятилѣтній ребенокъ; охотно принималъ безчисленныя денежныя награжденія и тотчасъ же отдавалъ ихъ другимъ; больше любилъ раздавать деньги, чѣмъ платить долги; бесѣдовалъ о богословіи съ генералами, а о военныхъ дѣлахъ съ архіереями... Утопая въ роскоши и сладостяхъ міра сего, постоянно мечталъ о монашествѣ и однажды совѣмъ было удалился въ Александро-Невскій монастырь, отпустилъ бороду и надѣлъ монашеское одѣяніе. То онъ сносится съ ученымъ англійскимъ лордомъ и посылаетъ ему „нѣкія греческія книги“, то восхищается Пиндаромъ и хлопочетъ о переводѣ его на русскій языкъ. Печатаетъ своимъ иждивеніемъ „для пользы общества“ Странствованія Барскаго по Святымъ Мѣстамъ Востока, углубляется въ составленіе „Канона Спасителю“... Погруженный въ обсужденіе какого-либо сложнаго политическаго вопроса, онъ вдругъ бросалъ его, увлекшись музыкой или какимъ-нибудь стихотвореніемъ.

Потемкинъ, между прочимъ, отличался большою начитанностію. Онъ особенно любилъ читать по ночамъ и нерѣдко при самой оригинальной обстановкѣ. Въ имѣніи Рачинскихъ, извѣстномъ селѣ Татевѣ, сохраняется перевезенный изъ ихъ другой Смоленской усадьбы старый билліардъ, на которомъ, по семейному преданію, не разъ спалъ Потемкинъ... С. А. Рачинскій рассказывалъ графу С. Д. Шереметеву (*Татевъ*. М., 1900, стр. 15), что „Потемкинъ любилъ просторъ, и кровати были ему тѣсны, онъ и выбралъ себѣ билліардъ, находившійся въ бібліотекѣ дѣда. По ночамъ любилъ онъ читать, — возьметъ книгу, другую и, слѣдя за развитіемъ того, что его интересовало, искалъ разъясненія въ другихъ книгахъ, на которыя указывалось въ ссылкахъ, и когда про-

никали къ Потемкину утромъ, находили его лежащимъ на биллиардѣ, окруженнымъ грудю книгъ“.

Вообще, характеръ Потемкина, можно сказать, сотъанный изъ всевозможныхъ противорѣчій и причудливыхъ особенностей, нелегко поддается описанію, а потому понятно, что мы и доньнѣ не имѣемъ еще надлежащаго жизнеописанія этого знаменитаго споспѣшника славы Екатерины Великой, государственнаго мужа, которому Россія обязана пріобрѣтеніемъ благословенной Тавриды.

Будемъ надѣяться, что мы дождемся наконецъ достойнаго біографа князя Потемкина-Таврическаго, а пока постараемся подготавливать для него матеріалы.

На первый разъ, предлагаемъ семь собственноручныхъ писемъ и записокъ Потемкина къ графу П. А. Румянцову, извлеченныхъ изъ Сборника автографовъ, принадлежавшаго покойному президенту Императорской Академіи Наукъ графу Д. А. Толстому. Они относятся къ эпохѣ Екатерининскихъ Турецкихъ войнъ.

Къ сожалѣнію, изъ предлагаемыхъ документовъ только два имѣютъ полныя даты. Въ этомъ отношеніи Потемкинъ былъ не исправимъ, не взирая и на то, что сама Екатерина выражала досаду, что „онъ забываетъ ставить числа на письмахъ“.

Даты, опредѣленные по догадкѣ или по признакамъ, поставлены въ скобкахъ.

Александръ Варсуковъ.

1.

Ежели вы, батюшка, намѣрены почевать въ Лобазнѣ, то къ обѣду мы васъ ожидать будемъ въ Чертановѣ, гдѣ и шати́брь готовъ. Покорнѣйшій и вѣрный слуга Г. Потемкинъ.

(1769 г., послѣ 16 сентября).

2.

Я, Милостивый Государь, съ несказанной чувствительностію принялъ милость вашу ко мнѣ, въ писмѣ къ Ея величеству изображенную. Свидѣтельство такое есть паивящимъ для меня наградепіемъ, ибо память пребыванія моего подъ вашимъ предводительствомъ будетъ честью мнѣ и съ потомствомъ. Обыкши чувствовать благодарность въ сердцѣ, сокращаюсь сказать на словахъ, что я по смѣрти непоколебимо пребуду вашего сіятельства, Милостиваго Государя! покорнѣйшій слуга Г. Потемкинъ.

(1770 г., послѣ 9 сентября).

3.

Сіятельнѣйшій Графъ!

Милостивый Государь!

Препровождаю у сего высочайшее повеленіе по дѣламъ въ вѣреннѣмъ и указъ на деревни остальные за пожалованіемъ Гомельскаго староства. Желая, чтобъ вы нашли въ семъ столько удовольствія, сколько я имѣю, васъ поздравляя.

Будте милостивы, какъ отецъ, къ моимъ племянникамъ, которые тепѣрь у васъ находятся, да вѣртѣ, что я по смѣрти неложный вашего сіятельства, Милостиваго Государя! Покорнѣйшій слуга Князь Потемкинъ.

6 іюня 1778 г.

4.

Сіятеливѣйшій Графъ!

Милостивый Государь!

Не папесъ ли я вамъ неудовольствія взятіемъ дву ротныхъ командъ къ полкамъ моей команды. Ежели бы то было, простите мнѣ неумышленную мою ошибку. Я, не считая въ нихъ надобности у васъ, приказалъ присоединить къ полкамъ, какъ для того, что командиры, часто показывая людей въ оставшихъ ротахъ, скрываютъ наличное число; а при томъ я намѣренъ ихъ оставить въ гарнизонѣ Херсонскомъ и другихъ мѣсть, на случай движенія полковъ. Генералу Текелію съ его деташементомъ приказалъ явиться въ команду князя Николая Васильевича. Новости, какія у меня есть изъ Царя града, препровождаю у сего. Я считалъ, что ваше сіятельство ихъ получаете и для того не присылалъ.

Здѣсь, благодаря Бога, все спокойно обошлось, кромѣ что чума генерално во всемъ Крыму, опричь Козловскаго уѣзда.

На протчія повеленія вашего сіятельства я донесу послѣ. Не имѣя при себѣ всехъ людей Капцелярин, не могу тепѣрь здѣлать исправку.

Ежели бы, паче чаянія, нанесъ вамъ досаду, я паки прошу меня извинить и вѣрить, что никто искреннѣе меня къ вамъ не привязанъ. Вашего сіятельства, Милостиваго Государя, покорнѣйшій слуга Князь Потемкинъ.

іюля 12 дня 1783. Лагерь при Карасбазарѣ.

5.

Нѣжинъ, 3 іюля (1784 г.).

Не приминулъ бы я заѣхать посетить васъ, милостивый Государь, зная о болѣзни вашей, но скоропостижное увѣдомленіе о смѣрти Алекс. Дми. Ланскова понуждаетъ меня поснѣшить въ Питербургъ. Отъ безпокойствъ и непріятнаго случая Государыня не въ лучшемъ здаровѣѣ. Извините, милостивый Государь, но причинамъ, столь меня нудящимъ. Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя, покорнѣйшій слуга Князь Потемкинъ.

6.

И нарочно прїѣхать, батюшка Графъ Петръ Александровичъ, видѣть васъ въ мѣстѣ вашего пребыванія была бы для меня прїятная причина. Тепѣрь я въ близости, но обстоятельства отводятъ меня отъ сего удовольствія. Но вѣрте, милостивый Государь, что я сердцемъ съ вами и пребуду нелицемѣрно во всю жизнь вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Князь Потемкинъ.

(1785—86 г.).

Записка была сложена конвертомъ и на свободной сторонѣ рукою же Потемкина адресъ:

Его Сіятелству!

Милостивому Государю

Графу Петру Александровичу

Румянцову.

7.

Здѣсь я употребляю и терпѣніе и пушки, но непріятель, будучи запасенъ всею, укрѣпленъ господиномъ Лафитомъ хорошо и, въ виду у себя имѣя многочисленной флотъ, не здаіотся да и не смѣетъ. Диздаръ или комендантъ согласился съ лутчими изъ жителей предложить о здачѣ, но ему и двумъ еще почотнымъ Туркамъ отрубили головы, а третій ага къ вамъ ушолъ. Вотъ, батюшка, Милостивый Государь, мое здѣсь положеніе, при болшихъ нуждахъ во всемъ: ни травы, ни дровъ, ни воды. Остается крайность, которая имѣетъ и неудачу, а и при удачѣ часто бываетъ съ убыткомъ. Капитанъ-паша былъ преждѣ простымъ зрителемъ, но нынѣ, при всякой канонадѣ, съ бомбардами своими подходитъ къ нашему берегу, диверсію дѣлать. Отъ Бендеръ непріятель грозитъ притить на помощь, да уже сильныя отдѣляетъ отряды по Кодымѣ. Приходилъ до Балты и въ Липецко, а предъ тѣмъ—отъ Дубосаръ до Окна, а нынѣ опять въ Липецко. Напалъ на наши пикеты, кои въ сихъ были мѣстахъ. О нынѣшнемъ

его приходѣ въ Липецко еще не знаю, чѣмъ кончится. Готовятъ отъ Акермана. Написано сюда: быть готову на всѣ. И трудно, и не по силамъ. Естли, батюшка, находите уже прежнее положеніе дѣйствовать вамъ между Днѣстра и Буга лутчимъ, то колми паче я. Оно бы сохранило наши границы безъ всякаго на то обращенія войскъ. Прикрыло бы здѣшную осаду и по удаче могли бы войска соединенныя добыть Перейму, или одна армія выше, другая — ниже Бендеръ. Сей планъ былъ мой немудренъ, но усерденъ. Зачали противъ его кричать, домогаться о перемѣнѣ. Черезъ союзника я долженъ былъ перемѣнить свои мысли въ избежаніе упріковъ и никто острѣе не чувствуетъ столко тягости, сколько я. Вся надежда на Бога.

Объ императорѣ я знаю только, что онъ пушками перестреливается черезъ пять дней на постахъ своихъ съ Турками, въ окружностяхъ Каранчebesа. Я видѣлъ письмо, гдѣ онъ негодуетъ (на) Вартенслебена, что онъ кинулъ . . . *) мѣсто укрѣпленное, безо всякаго принужденія; а другой генералъ, стоявшій въ засѣкахъ, для отнятія комуникаціи непріятелю съ Дуваемъ, оставилъ постъ свой, состоящій въ 9-ти баталіонахъ пѣхоты и 8 конницы, не выдавъ ни одного Турка, и отретировался къ Темилшвару. Цесарь надѣится поправить хорошею баталіею, но еще еио нѣтъ. А капитанъ-наша на флотѣ здѣлалъ палбу ужасную и публиковалъ, что они у императора Корону и всѣ города, опричь одного, гдѣ онъ держится, побивъ множество войска и генераловъ троихъ, взяли въ полонъ. Много палгано, а довольно бы и правды.

Я, батюшка, не знаю никакихъ предположеній далнихъ, опричь того, что предписано съ начала. И о себѣ еще пока не рѣшиться мнѣ или, иначе, не могу сказать, какое возму разположеніе. Увѣдомте меня, куды обратили корпусъ Г. Ив. Петровича и на чьихъ рукахъ останется Хотинъ. На сихъ дняхъ будетъ въ гости сюда Князь Линь. Къ вамъ я съ непремѣнною во вѣкъ привязанностію вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Кн. Потемкинъ Таврической.

29 сентября (1788 г.).

---

*) Слово не разобрапо.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ № 1-му.—Эта походная записка къ Румянцеву могла быть написана въ 1769 году, послѣ 16 сентября, когда тотъ принялъ командованіе 1-ю арміею отъ князя Александра Михайловича Голицына, у котораго Потемкинъ служилъ съ весны того же года, то есть съ самаго пріѣзда волонтеромъ на театръ военныхъ дѣйствій.

Къ № 2-му. — По окончаніи кампаніи 1770 года, когда большая часть арміи стала на зимнія квартиры, Потемкинъ отпросился въ Петербургъ. Одновременно съ этимъ, Румянцевъ послалъ императрицѣ Евѣтеринѣ, можетъ быть, съ самимъ Потемкинымъ письмо, отъ 9 сентября 1770 года, въ которомъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ описаніяхъ прошедшимъ дѣйствіямъ Ваше Императорское Величество видѣть соизволили, сколько участвовалъ въ оныхъ своими ревностными подвигами генераль-маіръ Потемкинъ; не зная, что есть быть побужденному на дѣло, онъ самъ искалъ отъ доброй своей воли вездѣ употребиться. Сколько сія причина, столько другая, что онъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы ведемъ войну, съ примѣчаніемъ обращался, и въ состояніи подать объясненія относительно до нашего положенія и обстоятельство сего края, преклопили мени, при настоящемъ концѣ кампаніи, отпустить его въ Санктпетербургъ во удовольствіе его просьбы, чтобы пасть къ освященнымъ стопамъ вашего Императорскаго Величества“ (Архивъ Военно-Походной Канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Ч. II, стр. 112). Эта выписка достаточно опредѣляетъ время написанія письма Потемкина къ Румянцеву, подъ № 2.

Къ № 3-му.—Племянники Потемкина, за которыхъ онъ проситъ въ письмѣ, были: 1) Александръ Николаевичъ Самойловъ,—сынъ старшей его сестры Марьи Александровны,—извѣстный впоследствии генераль-прокуроръ и 2) Василій Васильевичъ Энгельгардтъ,—сынъ второй его сестры Марыи Александровны,—впоследствии сенаторъ.

Къ № 4-му.—Вслѣдъ за присоединеніемъ къ Россіи Крыма, о чемъ возвыщено было манифестомъ, отъ 8 апрѣля 1783 года, Потемкинъ отправился въ новопокоренный край, для устройства его и принятія присяги на подданство Россіи оставшихся на мѣстѣ Татаръ. Румянцовъ именовался еще главнокомандующимъ Украинскою арміею, но въ дѣйствительности всѣмъ распорядился уже Потемкинъ. Это видно и изъ настоящаго письма съ извиненіями, очевидно формальными, изъ приличія. Упомянутый въ письмѣ, Сербскій уроженецъ генералъ Петръ Абрамовичъ Текелій во вторую Турецкую войну командовалъ войсками на восточномъ берегу Чернаго моря, а князь Николай Васильевичъ Рѣпинъ командовалъ, въ 1782—83 г., резервнымъ корпусомъ, расположеннымъ въ Польшѣ.

Къ № 5-му—Александръ Дмитріевичъ Ланской скончался 25 іюня 1784 года. Этимъ опредѣляется годъ написанія письма Потемкина. Кончина Ланского такъ поразила Екатерину, что она серьезно занемогла. По мнѣнію доктора Рожерсона, физическое состояніе Императрицы должно было вскорѣ поправиться, но что нужнѣе всего стараться объ истребленіи ея печали и всякаго душевнаго безпокойства. „Къ сему—писалъ Безбородко Потемкину, отъ 28 Іюня 1784 года,—одно намъ извѣстное есть средство, это скорѣйшій пріѣздъ вашей свѣтлости, прежде котораго не можемъ мы быть спокойны. Государыня меня спрашивала, увѣдомилъ ли я васъ о всемъ происшедшемъ, и всякій день навѣдывается, скоро-ль ожидать васъ можно“ (*Тригоровичъ*. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко. Т. I. Сиб. 1879, стр. 103).

Къ № 6-му.—Записка эта, вѣроятно, была написана въ 1785 или въ 1786 году, когда Потемкинъ, озабоченный приготовленіями къ предстоявшему путешествію Екатерины въ Крымъ, довольно часто пріѣзжалъ въ Кременчугъ и въ Кіевъ и дѣйствительно находился по близости мѣстопребыванія Румянцова, въ селѣ Тишани, подъ Кіевомъ.

Къ № 7-му.—Во вторую Турецкую войну Потемкинъ командовалъ Екатеринославскою арміею, а Румянцовъ—Украинскою. Настоящее письмо послано изъ-подъ Очакова, въ 1788 году 29 сентября, и весьма живо изображаетъ, въ какомъ трудномъ положеніи находился Потемкинъ, измученный затянувшеюся осадой этой крѣпости, отлично укрѣпленной французскимъ инженеромъ Лафитомъ. Въ письмѣ находимъ любопытныя подробности о дѣйствіяхъ нашихъ союзниковъ Австрійцевъ, о самомъ Римскомъ цесарѣ Іосифѣ II-мъ и его генералѣ графѣ Вильгельмѣ-Іудовикѣ Вартенслебенѣ. Потемкинъ спрашиваетъ Румянцова о корпусѣ графа Ивана Петровича Салтыкова и увѣдомляетъ, что ожидаетъ къ себѣ извѣстнаго принца Де-Линя, ѣхавшаго къ нему, подъ Очаковъ, въ качествѣ военно-дипломатическаго агента Австріи.

ВЫПИСКИ

ИЗЪ ДНЕВНИКА СВѢТЛѢЙШАГО КНЯЗЯ М. С. ВОРОНЦОВА.

Съ 1845 по 1854 г.

1845 годъ.

- Марта
24. Главнокомандующій прибылъ вечеромъ въ Тифлисъ.
  25. Обѣдъ у Нейдгарта. Пріемъ. Визиты.
  26. Обѣдалъ дома. Занимался съ Нейдгартомъ.
  27. Обѣдалъ дома. Ген. Гурко пріѣхалъ въ ночь. Ген. Нейдгартъ уѣхалъ въ 3 ч.
  28. Обѣдалъ дома. Принималъ Гурко съ Штампнымъ по военнымъ дѣламъ. Ѣздилъ съ Бенкендорфомъ.
  29. Обѣдалъ дома. Былъ въ казармахъ сапернаго баталіона.
  30. Обѣдалъ дома. Дѣла гражданскія съ инженеромъ П. П. Былъ съ Сафоновымъ у Экзарха.
  31. Обѣдалъ дома. 1-й праздничный день. Ѣздилъ верхомъ съ Бенкендорфомъ, былъ въ Ботаническомъ саду и былъ у кн. Дмитрія Орбеліана, сына царевны Ѳеклы; жена его дочь Луарсаба Орбеліани — Марья Ивановна и премилая женщина.
- Апрѣль.
1. Обѣдалъ дома. Пріемъ военныхъ, визиты; Ѣздилъ верхомъ съ Бенкендорфомъ за Куру, къ Нѣмецкой колоніи.

- Пріѣхалъ Минавицъ отъ Аргутинскаго и маіоръ — отъ Лидерса изъ Одессы; узналъ, что Лиза вышла на берегъ въ Редутъ-Кале 29-го. Былъ въ дѣвичьемъ Институтѣ, гдѣ пачальница М-мъ Гра . . . . .
2. Обѣдалъ дома. Travail avec Hurko et Treskine.
  3. Обѣдалъ въ Пріютѣ. *2-ой праздничный день.* Ген. Шварцъ пріѣхалъ.
  4. Обѣдалъ дома, былъ съ Гурко въ Штабѣ.
  5. Travail avec Hurko et Treskin, été au grand hôpital militaire.
  6. Обѣдалъ дома. Travail avec Safonoff.
  7. Обѣдалъ дома. *3-й праздничный день.* Дѣла съ Сафоновымъ, Гурко, Шварцемъ, кн. Орбеліаномъ, Лелли и Швецовымъ.
  8. Обѣдалъ дома.
  9. Начало страстной недѣли. Симка пріѣхалъ изъ Гори. Въ 12^{1/2} поѣхалъ съ Сафоновымъ и Андреевскимъ на встрѣчу Лизѣ и нашли ихъ по сю сторону Мцхетъ, въ 3-хъ верстахъ отъ города.
  10. Обѣдалъ дома. *4-й праздничный день.*
  11. Обѣдалъ дома. Смотрѣлъ баталіонъ Мингрельскаго полка, идущаго на работу по военно-грузинской дорогѣ.
  12. Обѣдалъ дома.
  13. Обѣдалъ дома.
  14. Обѣдалъ дома. Исповѣдывался, пріобщался.
  15. Обѣдалъ дома. Нижніе чины — георгіевскіе кавалеры — пришли разгавливаться 133 человекъ.
  16. Большой обѣдъ. Визиты.
  17. Большой обѣдъ.
  18. Обѣдалъ дома. Вечеромъ праздникъ, данный намъ гражданами, и иллюминація превосходная.
  19. Большой обѣдъ. Военный докладъ. Гагаринъ и Хомяковъ отправились посланниками въ Таврисъ. Галатери отправился въ Турецкимъ пашамъ; съ нимъ поѣхалъ чиновникъ Иностранной Коллегіи Рей.

20. Обѣдалъ дома. Сегодня 26 лѣтъ нашей свадьбы.
  21. Обѣдалъ дома. Вечеромъ балъ. *Праздничный день.* Именины Императрицы. Балъ былъ прекрасный. Танцевали лезгинку и Абхазскій танецъ.
  22. Обѣдалъ дома. Смотръ въ 11 часовъ здѣшнихъ войскъ. Съ Лизой на горѣ за Курюю, гдѣ въ это (Оумипо) Воскресенье бывасть сборище, скачки съ джигитами и проч.
  23. Обѣдалъ дома.
  24. Большой обѣдъ. *Праздничный день.*
  24. Обѣдъ и почлегъ *въ Душетъ.* Въ 12 ч. выѣхали.
  26. *Кошеть.*
  27. *Владикавказъ.* Ген. Нестеровъ встрѣтилъ насъ въ Даріалѣ. Нашелъ здѣсь Гурку, Завадовскаго, Лидерса, кн. Голицына и много другихъ.
  28. *Владикавказъ.*
  29. *Нарзанъ.*
  30. *Казаки-Кичу.* Пошли съ пѣхотой и все верхомъ. Привалъ въ укрѣпленіи Волынскомъ. Пришли въ 6 час. Пѣхота была.
- Май.
1. *Въ Грозной.* Обѣдалъ у ген. Гасфурта. Пошли въ 6-мъ часу съ тою-же пѣхотой, казаками и проч. до укрѣпленія З . . . . Юртъ; тамъ нашли генераль-лейтенанта Гасфурта и 6 ротъ Куривскаго и . . . . . пѣхотнаго полковъ и сотню казаковъ, съ которыми и пошли въ Грозную. Нашли Лидерса, Клюки и проч. Чеченцы нигдѣ не показывались, и только близъ Грозной уже мы видѣли челоуѣкъ 50 около Кургана, за Сунжею.
  2. *Въ Грозной.* Видѣлъ домъ Ермолова, который обнесень и сохраняется (полуземлянка).
  3. *Въ Чихчирн.*
  4. *Въ Грозной.* Обѣзжали всю крѣпость, нижній укрѣпленный мостъ и люнетъ за мостомъ. Ночью были лазутчики и вышелъ Кади изъ Урусъ-Мартана, бѣжавъ отъ бывшихъ тамъ мюридовъ; все просятъ

помощи и отрядовъ, но примѣръ прошлаго года противъ этого, почему мы рѣшились послать отрядъ — 6 баталіоновъ — съ Лидерсомъ на чистое только мѣсто, не доходя лѣса, гдѣ Фрейтагъ въ прошломъ году имѣлъ дѣло. Мы пошли съ Лидерсомъ и, у Андинскихъ хуторовъ встрѣтивъ 10 ротъ изъ Грозной, съ ними пошли въ крѣпость. Ночью приходилъ человекъ изъ Анди отъ наиба Сабдулы съ обѣщаніями и взялъ отъ насъ прокламаціи, которыя хочетъ (говорить) доставить и Шамилю.

5. *Въ Грозной.*
6. *Въ Червленной.* Обѣдъ у Суслова. Ночью имѣли извѣстіе отъ Лидерса и велѣли ему вернуться въ Чихчири. Поутру маленькая тревога — человекъ 50 подошли къ окрестности, идущей въ Червленную, и пушечными выстрѣлами отогнаны. Пришли въ Червленную около 6 час. Нашелъ здѣсь Принца Гессепскаго.
7. Припималъ странниковъ Гребенскихъ и просителей, былъ у Принца Гессепскаго и представлялъ ему Штабъ и проч.
8. *Въ Кизлярѣ.* Поѣхалъ въ 9 час. вечера по станціамъ Гребенскимъ до — , а потомъ семейнаго Кизлярскаго полка. Прибылъ въ Кизляръ въ 10¹/₂ ч., нашелъ здѣсь губернатора Ольшевскаго и Скалкова.
9. Обѣдъ отъ гражданъ.
10. *Въ Казии-Юртѣ.* Здѣсь нашли выѣхавшаго изъ Шуры къ намъ на встрѣчу Шамхала. Часа два до нашего прихода хищники, въ виду Казии-Юрта, вырубали 11 казаковъ и отогнали лошадей. Нѣкоторые изъ казаковъ ужасно ранены и двое умерло.
11. *Въ Петровскомъ укрѣпленіи.* Обѣдъ у коменданта въ палаткѣ. Пошли въ 7 ч. по Сулаку и чрезъ Лески. Провожала пѣхота, потомъ съ кавалеріей на рысяхъ мимо поста Шамхаль-Янгіюртъ чрезъ укрѣпленіе Озань, гдѣ нашли 5-й баталіонъ Аншеронскаго полка; пришли въ Петровское въ 5 часу.

12. Въ *Темиръ-Ханъ-Шуръ*. Обѣдъ у кн. Бебутова. Въ Кунтеръ-Кале ожидала насъ пѣхота; близъ Шуры встрѣтили насъ дѣти Ахметъ-Хана.
13. Обѣдъ дома.
14. Поѣхалъ въ 7-мъ часу въ Евгеніевское укрѣпленіе (Черкей) съ конвоемъ конницы и разставленной пѣхотой въ разныхъ мѣстахъ; въ 5 верстахъ отъ Черкея сѣли верхомъ, прибыли въ 10¹/₂ час., воротились въ Шуру въ 5¹/₂ час.
15. Обѣдъ отъ корпуса офицеровъ.
16. Въ *Казы-Юрть*.
17. Въ *Внезапной* у Козловскаго.
- 18 по 27. Въ *Ташкичу*.
28. Въ *Внезапномъ*.
- 29 и 30. — .
31. Въ *Лагерь у Болуна* противъ *Чиръ-Юрта*.
- Іюнь.
1. Въ *Лагерь у Зурама-Юрта*.
2. Въ *лагерь на Кубанскихъ высотахъ*.
3. Въ *лагерь противъ Бортуния*.
- 4 и 5. Тамъ-же.
6. Въ *лагерь Кирки*.
- 7, 8 и 9. Тамъ-же.
- 10 и 11. Въ *лагерь у Меческали*.
- 12 и 13. Въ *лагерѣ близъ деревни Цицитли*.
- 14 по 19. Въ *лагерѣ у Анди*.
20. Въ *лагерѣ у озера Чоканиль-горъ*.
- 21 по 5 Іюля. Въ *лагерѣ у Гогатля*.
- Іюль.
6. Въ сраженіи на пути изъ *Анди*. Въ *Дорго*. Ночлеги на бивакѣ *Дорго*. Дондуковъ раненъ въ ногу.
7. Въ *лагерь у Дорго* по 12-е Іюля.
13. 14. Въ *лагерь близъ Цонтери*.
15. Въ *лагерѣ у деревни Алери*.
- 16, 17, 18. Въ *лагерѣ у деревни Шаулаъ-берды*.
10. Въ походѣ и сраженіи у *Мискити*.
- 20—25. Въ *Герзель-ауль*.
26. Въ *Внезапномъ*.

27. Въ *Кази-Юрть*.
 28. Въ укрѣпленіи *Озень*.
 29—31. Въ *Темиръ-Ханъ-Шуръ*.
 Августъ. 1 по 7. Тамъ-же.
 8. Въ *Кази-Юрть*.
 9. Въ *Таики-чу*.
 10. Въ *Щедринъ*.
 11 по 14. Въ *Червленной*.
 15. Въ *Моздокъ*. Ночлегъ въ *Екатериноградѣ*.
 16. На станціи *Павловской*.
 17—31. Въ *Пятигорскъ и Кисловодскъ*.
 Сентябрь. 1. Отъѣздъ въ *Севастополь* на свиданіе съ *Государемъ*.
 19. Выѣздъ изъ *Ялты* черезъ *Тамань*, *Владикавказъ*, въ *Тифлисъ*.
 Октябрь, Ноябрь и Декабрь мѣсяцъ князь *Воронцовъ* оставался въ *Тифлисѣ*.

1846 ГОДЪ.

- Январь, Февраль и Мартъ въ *Тифлисѣ*.
 Апрель. 14. Выѣздъ изъ *Тифлиса*.
 15. Въ *Ганжъ*.
 16. Тамъ-же.
 17. На станціи *Туркманайской*.
 18. Въ *Шемахъ* у *Врангеля*.
 19. Кн. *Аргутинскій* поѣхалъ впередъ въ *Кубу*, ибо есть слухи о сборахъ въ горахъ.
 20. Получилъ извѣстіе отъ *Нестерова*, что *Шамиль* съ сильной партіей и 10-ю пушками перешелъ *Сунжу* и пошелъ къ *Кабардѣ*. *Фрейтагъ* былъ въ *Казакъ-Кичу* и пошелъ вслѣдъ за нимъ съ 6 баталіонами и 1000 казаками.
 23. Ночью прибылъ *Дондуковъ* съ подтвержденіемъ о большой *Кабардѣ* и съ опасеніями *Фрейтага*. Выѣхалъ въ 12 часовъ съ г. *Коцебу*, кн. *Захаръ Орбелиановымъ*, *Веревкинымъ*, *Щербининымъ* и *Андреевскимъ*. *Лиза* осталась до завтра.

26. Прибыль въ *Тифлисъ*.
27. Выѣздъ въ *Квишетъ*. Дорогой узналъ, что Шамиль ушелъ обратно за Терекъ.
28. 29 и 30. Въ *Владикавказъ*.
- Май.
1. Въ *Владикавказъ*.
  2. Въ *Ардонъ*.
  3. Въ *Налчикъ*. Узналъ, что Шамиль распустилъ всѣхъ, и Тавлинцовъ и Чеченцевъ, и самъ поѣхалъ домой.
  7. Въ *Екатериноградъ*.
  8. Въ *Науръ*.
  9. Въ *Червленной*. Нашелъ здѣсь Фрейтага.
  10. Въ *Ташки-чу*.
  11. Въ *Внезапномъ*.
  12. Въ *Чиръ-Юрть*.
  - 13, 14 и 15. Въ *Т.-Х.-Шуръ*.
  16. *Кикашуръ*.
  17. Въ Акушинской деревнѣ *Улуу-ая*.
  - 18 и 19. Въ *Кумухъ*.
  20. Въ *Чирахъ*.
  21. Въ *Курахъ*.
  22. Въ *Ахтахъ*.
  23. Въ *Хазрахъ*.
  24. Въ *Кусарахъ*.
  25. Въ *Кубъ*.
  26. 27. Въ *Баку*.
  28. Въ *Шемахъ*.
  29. На станціи *Гокчайской*.
  30. Въ *Нухъ*.
  31. Въ *Царскихъ Колодцахъ*.
- Юнь.
- 1—10. Въ *Тифлисъ*.
  11. Въ *Квишетъ*.
  - 12, 13 и 14. Въ *Владикавказъ*.
  - 15, 16, 17. На *Сунжинской станціи*.
  18. Въ лагерь на *Осѣ*. Походъ.
  19. Въ лагерь на *фортанъ*. Ночью рубили лѣсъ. На

фортангъ было мало сопротивленія, въ лѣсу близъ переправы Симка первый разъ слышалъ непріятельскія пули.

20. Тамъ-же.
21. *Въ Сунжинской станицѣ.* Заложили укрѣпленіе.
- 22—30. *Въ Владикавказѣ.*
- Іюль. 1—13. *Въ Владикавказѣ.* 6-го балъ въ саду; въ то же время убили полицейскаго солдата и увели двухъ воловъ съ большой уллицы черезъ ровъ.
14. *Къ Ларсѣ.*
15. *Въ Квишетѣ и Ананурѣ.* Симка и Дондуковъ, которые изъ Ларса поскакали верхомъ въ Владикавказъ на вечеринку къ Апачининой, догнали насъ, какъ подымались на Кашауръ.
16. *Въ Асметѣ.*
- 17, 18. *Въ Сабунѣ.*
19. *Въ Ситалѣ.*
- 20—24. *Въ Тифлисѣ.*
25. *Въ Ананурѣ.*
26. *Въ Кизбекѣ.*
- 27 и 28. *Въ Владикавказѣ.*
29. *Въ Ардонѣ.*
30. *Въ Екатериноградѣ.*
31. *Въ Пятигорскѣ.*
- Августъ. 1, 2. Тамъ-же.
- 3—31. *Въ Кисловодскѣ.*
- Сентябрь. 1—6. Тамъ-же.
- 7 и 8. *Въ Пятигорскѣ.*
9. *Въ Георгіевскѣ и Екатериноградѣ.* Эрнстовъ съ летучимъ отрядомъ въ Малой Кабардѣ, пашель здѣсь Коцебу и Хлвинна.
- 10, 11, 12. *Въ Владикавказѣ.*
13. *Въ Сунжинской станицѣ.*
14. *Въ лагерь у Ачкоя.* Въ 9 часовъ вышли изъ станицы съ баталіономъ грузинскаго гр. полка, а на Оссѣ нашли кн. Андроникова съ кавалеріей и Пол-

тинина съ 6-ю ротами. Прибыль въ лагерь въ 2¹/₂ часа. Ыздиль и ходиль по укрѣпленію: удивительно, что сдѣлали такъ скоро, и такъ красиво, и такъ сильно, и такъ дешево. Никто, кромѣ Лабинцова, не могъ бы это сдѣлать.

- Сентябрь. 18. Саломонъ-эффенди пришелъ къ намъ до разсвѣта съ женой; сынъ его 14-ти лѣтъ, не доходя до лагерь, поворотилъ, поѣхалъ назадъ.
25. Оказія пошла съ Гашеяцомъ.
29. Оказія пошла и воротилась съ Бѣлявскимъ, Веревкинцъ, Моллеромъ и Козловскимъ.
- Октябрь. 10. *Въ Михайловской станицѣ*, въ лагерѣ. Штабъ въ палаткахъ въ станицѣ. Отрядъ въ лагерѣ, на правомъ берегу Сунжи.
- 15 и 16. *Въ Владикавказѣ*. Видѣлъ Лизу, Норденштама, Буткова и Хлянина.
17. *Въ станицѣ Михайловской*. Получилъ извѣстіе о замятіи Судахаре и возстаніи Акуши.
19. *Въ Заканъ-Юртѣ*. Фрейтагъ пришелъ въ 4 часа съ 4 баталіонами Куринскаго полка.
20. *Въ Михайловской*.
21. *Въ Владикавказѣ*.
23. Получилъ извѣстіе о пораженіи Шамиля отрядомъ кн. Бебутова.
25. Получилъ извѣстіе объ убіеніи въ Кабардѣ Магомета Кудпстова (?) и истребленіи его партіи.
- Ноябрь. 1. *Въ Казбекѣ и Коби*.
2. *Въ Квишети и Ананурѣ*.
3. Прибыль *въ Тифлисъ*.
- Ноябрь и Декабрь въ Тифлисъ*. 17 Декабря Сем. Мих. выѣхалъ въ Петербургъ, 20-го Кочубей.

1847 годъ.

- Январь. *Въ Тифлисъ*.
1. У Коцебу балъ.
17. Докладъ Комиссіи: Элико, Лукинъ и Истоминъ о

- Ріонъ и проч. Їздили верхомъ съ Мамукою и Дондуковымъ.
27. Сегодня узнали о хорошемъ дѣлѣ кн. Григорія Орбеліана противъ Абакаръ-Дебира.
- Февраль. 6. Большая кавалькада; балъ въ Собраніи цѣлый день.
- Апрѣль. 18. Хридатичкій и Шостакъ воевали противъ саранчи.
27. *Въ Душетъ.*
28. *Въ Квишетъ.*
29. *Въ Казбекъ.*
30. *Въ Владикавказъ.*
- Май. 2. *Въ Нарзанъ.*
3. *Въ Сунжикской станицѣ.*
8. *Въ лагерь на Ассъ.*
14. *Въ Закангъ-Юртъ.*
15. *Въ Грозномъ.*
17. *Въ Умаханъ-Юртъ.*
18. *Въ Герзесауль.*
19. *Въ Внесапномъ.*
20. *Въ Чиръ-Юртъ.*
21. *Въ Т. Х. Шуръ.*
23. Прибылъ Дондуковъ съ хорошимъ извѣстіями отъ Шварца и значкомъ Даніиль-Бека, взятымъ казаками генерала Бюрно въ бою. Были у Шамхала въ Кажиръ-Кумыкѣ.
24. *Въ деревнѣ Олы.*
25. *Въ лагерь у Ходжанъ-Маха.* Холера.
- Іюнь. 1. *Въ лагерь подъ Герсбилемъ.*
2. Вечеромъ пришелъ къ намъ кн. Аргутинскій съ 4-мя баталіонами 800 милиціи.
3. Батареи стрѣляли хорошо, много саклей разрушено.
4. Гарнизонъ все держится; диспозиціи для штурма сдѣлать съ вечера. Въ 8^{1/2} часовъ собрались и въ 9^{1/4} сигналъ атаки. Штурмъ не удался, колонна отбита, вслѣдствіе ужаснаго огня отъ всѣхъ сторонъ, когда люди наши были уже за брешю; охотники не туда пошли, куда должно, т.-е. не на самую

брешь, а правѣе, что сдѣлало вредъ—убито, ранено и контужено до 500 человѣкъ, убитъ маіоръ Евдокимовъ и Печкинъ.

7. Все приготовлено къ отходу завтра.
  8. *Въ лагерь близъ Ходжанъ-Махи.* Встали въ 3 часа и отправили обозъ; потомъ дождались кн. Аргутинскаго, который съ аріергардомъ и довольно сильною перестрѣлкою пришелъ на позицію нашу въ 6 часовъ; тогда пошли. Горцы преслѣдовали еще 3 версты.
  10. *Въ лагерь у Дзюсъ-Майдана.*
  11. Князь Захарій умеръ.
  13. *Въ лагерь за деревней Гальшамы.*
  14. *Въ лагерь при угольныхъ кояхъ, 6 верстъ отъ Улучура.* Профессоръ Абихъ смотрѣлъ копи. Уголь хорошій.
  18. *Въ лагерь у Кумухскаго укрѣпленія.*
  19. *Въ лагерь у урочища Зуары.*
  20. *Въ лагерь на Турчадагъ.*
  26. Густой туманъ; въ 8 час. утра подкрался по утесу одинъ горецъ и ранилъ пулею вѣстового у палатки ген. Коцебу.
- Юль.
14. Ъздили на мѣсто за артиллерійскимъ лагеремъ, гдѣ Поповъ выработываетъ турфъ; онаго и много, и самаго лучшаго качества; это сокровище для Турчадага и для всего сосѣдства; ни малѣйшей нужды въ топливѣ уже не будетъ.
  17. Ъздилъ на турфъ; работы тамъ поручены Дондукову, у коего отецъ имѣетъ турфъ въ Россіи, и онъ лучше имѣетъ понятіе о томъ, нежели Поповъ. Лопатка, сдѣланная по рисунку отъ Giovanoi, превосходно служитъ.
  22. Пріѣхалъ Пироговъ.
  25. *Въ лагерь у деревни Кееръ.*
Въ лагерь у Салты.
  26. Ночью малая перестрѣлка у милиціи. Пришли къ

Салтамъ около 3-хъ часовъ, расположились на пу-
печномъ выстрѣлѣ.

28. Начали бомбардировать и довольно успѣшно. По-
ѣхалъ на встрѣчу отряда Евдокимова, который съ
2-мя баталіонами пришелъ отъ кп. Бебутова. Въ
самое то время, какъ я говорилъ съ 6 ротами, двѣ
уже пошли съ Глѣбовымъ занимать лагерь; онъ по-
шелъ ставить цѣпь и, найдя нѣсколько горцевъ въ
перестрѣлкѣ, велѣлъ солдатамъ отойти; самъ остался
на минуту и пулею въ лобъ убитъ на мѣстѣ.
29. Траншейныя работы подвигаются. Траншей-маіоромъ
назначенъ маіоръ Мищенко и въ помощники Гей-
денъ и Понсетъ. Вечеромъ большая перестрѣлка
около траншейныхъ работъ. Отпѣвали тѣло Глѣбова
и отправили въ Шуру.
30. Часа два до разсвѣта партія конная и пѣшая под-
ходила къ лагерю Графскихъ баталіоновъ Гагарина
и Бабапова. Гагаринъ легко раненъ въ ногу. Горцы
вѣрно много потеряли, особливо отъ картечи.
31. Ночью небольшая перестрѣлка опять у Графскихъ,
потомъ со стороны Евдокимова, Минавица и пе-
редъ тѣмъ немного на рабочихъ.

Августъ.

1. Акушинцы пришли и расположились въ Кудали.
2. Къ двумъ часамъ ночи сильная перестрѣлка на пра-
вомъ флангѣ траншеи и маленькая вылазка, но почти
безъ вреда нашимъ. Сегодня пришелъ совершенно
спокойно маіоръ Свистунъ изъ Кумуха съ снаря-
дами и провіантомъ.
3. Я былъ съ Симкою по всѣмъ траншеямъ.
4. Ночью былъ приведенъ Чохцами подосланный, видно,
изъ крѣпости Гумбетовецъ или Андіецъ, и вышло,
что онъ самый тотъ, который въ 1845 г. 6 іюля
увелъ у меня Фаворита.
5. Ночью нашъ Андіецъ вырвался изъ подъ караула, и
суматоха продолжалась долго, но наконецъ узнали,
что онъ пойманъ у Кокума.

6. Къ 5-му часу пришелъ къ намъ князь Кудашевъ съ баталіономъ Дагестанскимъ и двумя ротами Апшеропскаго; мы же съ 6¹/₂ бат. драгунами, милиціею и ракетами въ полночь вошли на гору выше Ахтинцевъ.
7. До 4-го часу подвигались по горѣ, отдыхали и съ самымъ разсвѣтомъ сбили пикеты непріятельскаго лагеря и атаковали его. Тутъ были, говорятъ, кромѣ Гибить-Магомы и Хаджи-Муратъ и Султанъ; они слабо сопротивлялись, вездѣ сбиты, и только въ одномъ мѣстѣ было немного трудно, гдѣ атаковали сперва Чохцы и Аварцы, потомъ двѣ роты Графскаго полка, причемъ раненъ сотникъ кв. Гагаринъ, и Пироговъ нашелъ нужнымъ отпятъ ногу. Впрочемъ весь нашъ уронъ убитыми и ранеными не превосходитъ 10 человѣкъ. Пришли назадъ въ лагерь въ началѣ 2-го часу.
8. Въ 9 час. вечера я пошелъ съ 5¹/₂ баталіонами и проч. на противоположныя намъ высоты.
9. Шли какъ будто на Судахаръ, потомъ налѣво 5 верстъ по труднымъ мѣстамъ. Потомъ, какъ милиція заняла главный гребень, отрядъ вышелъ на оный, откуда уже спокойно шли широкой дорогой и съ разсвѣтомъ были на горахъ противъ лагеря; милиція заняла брошенные непріятелемъ завалы и гналась за нимъ до послѣднихъ утесовъ надъ Каракойсу; часть же оной, съ частью нашей пѣхоты, заняли полугорье, а съ главнаго лагеря рота Дагестанскаго полка заняла мысокъ, который вредилъ траншеямъ, и закололи пѣсколько мюридовъ. Осмотрѣвъ всю мѣстность до Каракойсу, я остановился на горахъ для отдыха до 3-хъ часовъ и потомъ спустился по Купинской дорогѣ. Мысокъ остался въ нашихъ рукахъ.
10. Спокойно. Бюро приѣхалъ.
11. Маіоръ Мищенко тяжело раненъ въ траншеѣ.

12. Подъ курганомъ, гдѣ стрѣлки начали готовить батарею на 6 орудій.
15. Поутру новая батарея подъ курганомъ открыла огонь и много разрушила саклей. Праздникъ Графскаго полка.
17. Въ минахъ непріятеля маленькій взрывъ безъ вреда намъ.
18. Утромъ малый взрывъ опять отъ нихъ и потомъ малый взрывъ (4 нуда) отъ насъ, который долженъ былъ имъ вредить.
22. Въ 6 часовъ утра генералъ Бюрно съ двумя баталіонами занялъ сады безъ выстрѣла. Въ 9 час. вечера мы видѣли большой огонь въ садахъ около Бюрно и кругомъ аула; стрѣльба продолжалась около часа.
23. Поутру узнали о геройскомъ отраженіи, сдѣланномъ ночью генераломъ Бюрно противъ сильнѣйшей атаки и до 7 штурмовъ отъ непріятеля. Къ общему сожалѣнію, убитъ храбрый Бабановъ; наша потеря всего отъ 300 до 400 человекъ, непріятельская должна быть ужасна.
24. Ночью все спокойно. Съ разсвѣтомъ Бюрно занялъ другую высоту безъ выстрѣла и началъ тамъ укрѣпляться. Между тѣмъ часу въ 8-мъ первая наша небольшая мина зажжена, а четверть часа послѣ и большая у средней башни.
25. Мы дождалися зарядовъ изъ Оглы; между тѣмъ Кеглеръ расчищаетъ мины и ведетъ легучую сань отъ правыхъ траншей къ стѣнѣ.
26. Бюрно вчера воротился въ лагерь и мѣсто его занялъ Кокумъ, Гагаринъ вмѣсто Кокума и Мипавицъ вмѣсто Гагарина. Бюрно началъ запружать рѣчку и портить навозомъ рѣчку такъ, чтобы ночью вода была испорчена, а днемъ, когда они брать не могутъ, для насъ хороша.
27. Вода къ намъ идетъ дурная, и какъ мы папли возможнымъ снабжать Кокума водою отъ нашихъ

родниковъ въ бурдюгахъ, то поутру не будемъ уже спимать навозъ, и вода въ рѣчкѣ и прудѣ будетъ постоянно дурная.

29. Асѣвъ отправляется въ Оглы за пушками, мортирами и зарядами. У меня глазъ болитъ.

Сентябрь. 5. Пироговъ сдѣлалъ въ глазѣ разрѣзъ.

13. Глазу лучше, но зрѣніе еще худое.

14. Штурмъ правой стороны отъ насъ аула; заняли часть, прилегающую къ оврагу. Кн. Аргутинскій рапелъ въ щекую на вылетъ, но слава Богу не опасно. Вечеромъ гарнизонъ началъ выходить изъ аула; большая часть перебита. Елико первый вошелъ въ аулъ.

15. Глазъ идетъ довольно хорошо, несмотря на все это безпокойство. Вечеромъ Андреевскій меня вывелъ смотрѣть на пожаръ аула, который весь горитъ.

16. Продолжаютъ истреблять и жечь Салты.

22. Все хорошо. Ѣздилъ верхомъ по лагерю и благодарилъ войска.

23. Мы были въ Салтахъ (бывшихъ) и до позиціи Елико.

24. *Въ лагерь за Судахаромъ.* Походъ до свѣта; непріятель не безпокоилъ.

25. *Въ селеніи Леваши.*

26. *Въ Джениутанъ.*

27. *Въ Шуръ.*

Октябрь. 1. Тамъ-же. По полученнымъ извѣстіямъ, Шамиль прямо уѣхалъ въ Ведынь; сборы всѣ разошлись, потери во всѣхъ деревняхъ ужасныя. Омаръ, вади Салтинскій и Муртузали, братъ Кибитъ Магомы, спаслись 14-го ночью, но оба ранены.

3. *Въ Чиръ-Юртъ.*

4. *Въ Везапномъ.*

5. *Въ Ташки-чу.*

6. *Въ Череленной.*

7. *Въ Науръ.*

- 8 и 9. *Въ Екатериноградъ.*
 10. *Въ Владикавказъ.*
 16. *Въ Казбекъ.*
 17. *Въ Анануръ.*
 18. *Пріѣздъ въ Тифлисъ.*
 Декабрь. 6. Courtigie и Д. . . . . съ Дондуковымъ отпра-
 вился.
 До конца года кн. Воронцовъ оставался въ Тифлисъ.

1848 ГОДЪ.

- Январь. *Въ Тифлисъ.*
 20. Дондуковъ воротился отъ поѣздки съ Courtigie, ко-
 торая была во всемъ счастливая и пріятная.
 Марта 1. Въ 9-мъ часу проходило мимо насъ Ечмиадзинское
 копые, присланное лѣтомъ по случаю холеры и те-
 перь идущее туда обратно. Патріархъ самъ несъ
 оное, мы выходили и прикладывались.
 Апрель. 22. *Въ колоніи Мариенфельдъ.*
 23. *Въ Царскихъ колодцахъ.*
 24 и 25. *Въ Закаталъ.*
 26 и 27. *Въ Генюхъ.*
 28. *Въ Нухъ.*
 29. *На станціи Кюлюминской.*
 30. *Въ Шемахъ.*
 Май. 2 и 3. *Въ Баку.*
 5. *Въ Кубъ.*
 6 и 7. *Въ Дербентъ*
 8. *Въ Миралъ.*
 9. *Въ Буйнакъ.*
 10-14. *Въ Шуръ.*
 15. *Въ Чиръ-Юртъ.*
 16 и 17. *Въ Хасавъ-Юртъ*
 18-24. *Въ Червленной.*
 25-1 Іюня въ Грозномъ.
 Іюнь — *Въ Воздвиженскомъ* *).

*) 4-го Іюня засѣданіе по дѣлу Посполитакъ.

- Іюль.
4. Отъ Аргутинскаго пріѣхаль Делингаузенъ, выѣхавшій 29 числа съ хорошими извѣстіями и 2-мя значками, взятыми въ Собахъ 23-го числа.
  10. Съ казіею пріѣхаль Аду и привелъ 3-хъ чеченцевъ, догнавшихъ казію съ рапортомъ изъ Грознаго о пріѣздѣ туда барона Николаи съ рапортомъ о взятіи Гергебиля; къ нему послана на встрѣчу казія особая, и онъ пріѣхаль съ рапортомъ кн. Аргутинскаго: 6-го числа наши открыли огонь изъ 25 орудій и мортиръ, и огонь продолжался 18 часовъ; кромѣ того, трапшея доходила до угловой башни, сдѣланной для воды, и башни разрушена и отвели воду. Въ 10 ч. вечера гарнизонъ началъ уходить и 7-го поутру наши заняли ауль; взято 3 пушки, у насъ только одинъ рапепъ. Много писалъ, ибо Николаи завтра отправится къ Государю.
  12. Узнали поутру, что ночью въ 11 часовъ курганъ, на который они привезли пушку, гальванически взорвали, а наши думали, что не было взрыва. Кн. Эрстовъ пошелъ на мѣсто и нашелъ, что взрывъ совершенно удался, нашли остатки колесъ и лафета; тѣло пушки они увезли. Сегодня много писали для завтрашней казіи и Одесскаго курьера.
  29. Писалъ отвѣтъ на письмо кн. Чернышева отъ — Іюля. На фуражировкѣ Кур(инскаго) полка прапорщикъ сдѣлалъ славное дѣло: самъ раненый отрубилъ часть руки у Чеченца, котораго и привелъ въ укрѣпленіе, я его посѣтилъ и произвелъ въ подпоручики.
  31. Пріѣхаль фельдъегерь съ рескриптомъ отъ Государя за Гергебель. — Кн. Аргутинскій сдѣланъ генераль-адъютантомъ, а баронъ Николаи флигель-адъютантомъ.
- Августъ.
1. Въ укрѣпленіи *Урусъ-Мартонъ*. Пошли въ 6 часовъ; на Гойтѣ малая перестрѣлка.
  2. Ночью все смирно. 3 баталіона подъ командою Преображенскаго пошли на встрѣчу Нестерову до Ва-

лерика. Симка командовалъ 3-мъ баталіономъ и авангардомъ.

4. Утромъ пошелъ баталіонъ Навагинскаго съ Симкой и Преображенскимъ на встрѣчу Чавчавадзева, который пошелъ въ Воздвиженское и чтобы очищать просѣку Гойтинскую. Около часу воротились вани съ Атабеемъ; драгуны и Симка — съ своими Навагинцами — имѣли очень хорошее дѣло.
5. *Въ Сунжинской станицѣ.* Пошли въ 6 ч., пришли въ Ачкой въ началѣ 2-го безъ потери, но П. Левковичъ поѣхалъ безъ всякой причины въ лѣвую цѣнь, получилъ контузію въ лобъ совершенно незначущую, но упалъ съ лошади, а лошадь его ударила въ причинное мѣсто, такъ что онъ остался въ Ачкоѣ въ опасномъ положеніи. На Валеріеѣ выѣхалъ къ намъ Слѣпцовъ съ 2-мя баталіонами и казаками, и Сунжинская сотня имѣла случай ловко разбить партію, бросившуюся на отсталыхъ донскихъ казаковъ и не видѣла Сунжинскихъ за кургапомъ; много порубили.
6. *На ст. Миометъ-Юртъ.*
- 7 и 8. *Въ Екатериноградѣ.*
- 9 и 10. *Въ Пятигорскѣ.*
- 11 по 14. *Въ Кисловодскѣ.*
15. *Въ Батакашинской.*
16. *Въ Хумарѣ.*
17. *Въ Батакашинской.*
- 18 и 19. *Въ Прочномъ окопѣ.*
20. *Въ станицѣ Успенской.*
21. *Въ Черноморской станицѣ Куцевской.*
- 22—24. *Въ Ейскѣ.*
25. *Въ морѣ.* На пароходѣ Могучій.
26. *Въ Бердянскѣ.*
27. *Въ Керчи.*
28. *Въ морѣ на „Молодцѣ“.*
29. *Въ Алулкѣ.* Пребываніе въ Крыму до 25 Сентября.
- Сентябрь. 26. *Въ морѣ на „Бессарабіи“.*

27. *Въ Тамани.*
28. Получилъ извѣстія: Ахты осаждены, но Аргутинскій вышелъ изъ Шуры 9-го, Врангель въ Нухѣ и взялъ хорошія мѣры.
29. *Въ Новороссійскъ и у Геленджика.*
30. *На якорь у Вельяминовскаго.*
- Октябрь. 1. *Фортъ Головинскій.*
2. *Пилунда. Сухумъ.*
- 4 и 5. *Въ Редутъ-Кале.*
6. *Въ Св. Николаѣ.* Ночью пріѣхалъ Исаковъ съ оригинальнымъ донесеніемъ, и мы отправили его въ Шуру.
7. *Въ Озуретъ.*
- 9, 10 и 11. *Въ Кутаисъ.*
12. *Въ Квибули.*
13. *На станціи Бьлогорской.*
14. *Въ Гори.* До отъезда имѣлъ при кн. Бебутовѣ разговоръ съ Бѣлявскимъ; говорилъ о глупостяхъ по дѣлу Даріеловъ и проч. Онъ все хорошо принялъ и можно надѣяться, что его усердіе и благонамѣренность будутъ полезны для Имеретіи.
15. *Въ Тифлисъ.* Говорилъ съ Кахановымъ о его дороге и послалъ туда Дондукова.
20. *На станціи Асланъ-Беллы.*
21. *На станціи Дилижанъ.*
- 22—24. *Въ Александровомъ.*
25. *Въ Сардаръ-Абадъ.*
26. *Въ Эчміадзинъ и Эривани.*
31. *Пріѣздъ въ Тифлисъ.*
- Ноябрь — *Въ Тифлисъ.*
12. Вчера подписалъ проектъ объ отданіи подъ судъ генерала Бюрно, — сегодня приказъ отданъ генералъ-лейтенанту Каханову, предсѣдателю, и прочимъ членамъ.
- Декабрь. 17. Пріѣхалъ фельдъегерь съ рескриптомъ отъ 6-го Декабря и портретомъ Государя.
- До конца года въ Тифлисѣ.

1849 ГОДЪ.

Въ Тифлисъ Январь, Февраль, Мартъ—по 13 АпрѣляАпрѣль. 14. *Въ Царскихъ колодцахъ.*15. *Въ Лагодекахъ.*16 и 17. *Въ Закачалахъ.*18. *Въ Гейникъ.*19. *Въ Чемахлинской станиць.*20 и 21. *Въ Елизаветполь.*22. *Въ Ханкенды.*23 и 24. *Въ Шушь.*25. *Въ лагерь у Дейранъ.*26. *Въ лагерь у Аракса.*27. *Въ Привольномъ.*28. *Въ Ленкоранъ.*29. *Въ Гекъ-Тепе.*30. *Въ Божьемъ Промыслъ.*Май. 1. *Въ лагерь у разоренную Каравансарая.*2—4. *Въ Шемахъ.*5. *Въ Алты-агазъ.*6. *Въ Кубъ.*7 и 8. *Въ Дербентъ.*9. *Въ Дишлагаръ.*10. *Въ Аймакъ.*11—13. *Въ Т. Х. Шуръ.*14. *Въ Ишкартахъ.*15. *Въ Шуръ.*16. *Въ Чиръ-Юрть.*17. *Въ Хасавъ-Юрть.*18. *Въ станиць Бороздинской.*19. *Въ Кизляръ.*20 и 21. *Въ Червленной.*22—24. *Въ Грозномъ.*25—1. *Въ Воздвиженскъ.*Юнь. 2. *Въ Ачкоъ.*3. *Въ Сунженской и Владикавказъ.*

4. Въ Владикавказь.
  5. Въ Екатериноградь.
  - 6 и 7. Въ Пятиорскь.
  - 8—16. Въ Кисловодскь.
  17. Въ Бьломечетской станиць.
  18. Въ Прочномъ окопъ.
  19. Въ станиць Поволокровской.
  20. Въ станиць Куцевской.
  - 21 и 22. Въ Ейскь.
  23. Въ Староцербиновкь.
  - 24—26. Въ Ростовь.
  27. Въ Новочеркасскь.
  - 28—3. Въ дорожь.
- Июль.
4. Въ Москвь. Былъ у Ермолова.
  - 6—8. Въ дорожь.
  9. Въ Петербурь. Видѣлъ Государя.
  10. Государь уѣхалъ въ Варшаву.
  - 22—25. Въ дорожь.
  26. Въ Варшавь, въ Лазенкахъ. Былъ съ докладомъ у Государя, во всемъ согласился и былъ очень милостивъ.
  27. Приѣхалъ изъ Вѣны первый Министръ кн. Шварценбергъ и изъ Парижа ген. Lamorissière.
  28. Въ 11 час. призванъ былъ къ Государю; много говорили о Кавказскихъ дѣлахъ при Наслѣдникѣ.
- Августъ.
1. Обѣдали дома втроемъ съ графомъ Нессельродомъ и Шуваловымъ.
  2. Въ часъ былъ у Государя, потомъ у Наслѣдника. Въ 7^{1/2} выѣхалъ въ Варшаву, а оттуда въ 8^{1/2} часовъ.
  - 3—5. Въ дорожь.
  6. Въ Петергофъ.
  7. Въ Петербурь.
  11. Приѣхалъ Эристовъ отъ Нестерова. Баронъ Николай приѣхалъ изъ М.....
  24. Выѣхалъ изъ Петербурга.
  - 26 и 27. Въ Москвь.
  - 28—31. Въ дорожь.

- Сентябрь. 1—5. *Въ Мошнахъ.*
 7. *Въ Николаевъ.*
 8—11. *Въ Одессъ.*
 12. *Въ Измаилъ.*
 13. *У Кагульскаго монумента.*
 14. *Въ Кишиневъ.*
 15—17. *Въ Одессъ.*
 18. *Въ моръ.*
 19. *Въ Алупкѣ.*
 29. Дондуковъ пріѣхалъ.
- Октябрь. 1. Ѣздилъ верхомъ съ Ольгой, Федоровымъ и кн. Дондуковымъ въ Мисхоръ и по садамъ.
 4. *Въ моръ.* Съ нами до Керчи Ольга, Сенявинъ, кн. Дондуковъ (отецъ).
 5. *Въ Керчи, въ Тамани.*
 6. *Въ Темрюкѣ.*
 7. *Въ Полтавской станицѣ.*
 8. *Въ Екатеринодарѣ.*
 9. *Въ Ладожской станицѣ.*
 10. *Въ Новотроицкой.*
 11 и 12. *Въ Ставрополѣ.*
 13. *Въ Александровской.*
 14. *Въ Георіевскѣ.*
 15, 16. *Въ Налчикѣ.*
 17. *Въ Ардонѣ.*
 18—20. *Въ Владикавказѣ.*
 21. *Въ Буслачарѣ.*
 22. *Въ Душетѣ.*
 23. *Въ Цханвалѣ.*
 25. *Въ Тифлисѣ.*

До конца года.

1850-й годъ.

Въ Тифлисѣ.

- Январь. 5. Дондуковъ поѣхалъ къ Нестерову.
 Февраль. 22. Дондуковъ, Шаховской и Ннк. Эрнстовъ пріѣхали.

26. Отъ Нестерова пріѣхалъ Судановскій съ описаніемъ успѣшнаго окончанія его экспедиціи.
- Мартъ. 1. Узналъ, что Нестеровъ сошелъ съ ума.
21. Нестеровъ пріѣхалъ въ совершенномъ безуміи; онъ былъ у меня и у Вольфа, потомъ уговорили его ѣхать домой.
22. Нестеровъ былъ у меня рано, болѣе и болѣе въ безуміи; уговаривали его принять въ кофе сильное слабительное и потомъ дома дать себя натереть меркурьальною мазью для леченія болѣзни, которую мы увѣрили, что онъ имѣеть; все это подѣйствовало, онъ почувствовалъ около 2-го часа колики, самъ просилъ, чтобы послали за Андреевскимъ и былъ потомъ смиренѣе и тише прежняго; я въ 3 часа поѣхалъ къ нему, но не видѣлъ и напомнилъ черезъ Курилова его обѣщаніе слушаться.
24. Нестеровъ хотѣлъ ко мнѣ пріѣхать, но ему помѣшали; въ 2 часа я поѣхалъ къ нему и сидѣлъ съ часъ; онъ былъ смиренъ, но все говорилъ вздоръ, обѣщалъ слушаться и проч.
28. Въ эту ночь во 2-мъ часу были слышны два выстрѣла и азіатская пуля, перелетѣвъ черезъ строенія, упала въ одно изъ окошекъ канцеляріи и разбила стекло. Нестеровъ вчера и сегодня не такъ хорошъ.
30. Былъ у Нестерова и днемъ и послѣ обѣда, ему хорошо.
31. Пріѣхалъ изъ Петербурга Романіусъ съ письмомъ отъ князя Чернышева насчетъ Нестерова.
- Апрѣль. 2. Былъ у Нестерова, хотѣлъ ему показать письмо Чернышева, но онъ слишкомъ сегодня возбужденъ.
3. Началъ пить воды Боржомскія, и другіе пьютъ, какъ Симка, Крузенштернъ, Дондуковъ.
5. Показывалъ Нестерову письмо Чернышева, — онъ принялъ все это очень хорошо, — представилъ ему Романіуса.
27. Сегодня Нестеровъ былъ вечеромъ у пась — игралъ

въ преферансъ и былъ совершенно въ хорошемъ положеніи.

Май.

2. Былъ верхомъ у Нестерова и сообщилъ ему о его производствѣ. Былъ въ соборѣ у Экзарха, гдѣ крестились Болгарскій старшина Али-Абаевъ и два другіе. Нестеровъ былъ у насъ вечеромъ, игралъ въ омбръ; все хорошо, только онъ очень рисковалъ и покупалъ безъ причинъ.

4 и 5. *Въ Каджіорахъ.*

11. *Выездъ изъ Тифлиса. Мариенфельдъ.*

12. *Въ Царскихъ Колодицахъ.*

13. *Въ Лаодехи.*

14. *Въ Закаталъ.*

15. *Въ лагерь близъ Беладжика.*

16. *На ст. Чемахлинской.*

17. *На ст. Ахсу.*

18. *Въ Шемахъ.*

19. *Въ Алты-Агачъ.*

20. *Въ Кубъ.*

21--23. *Въ Кусарахъ.*

24. *Въ укрѣпленіи Хазры.*

25. *На постъ близъ Тифлискаго бывшаго укрѣпленія.*

26 и 27. *Въ укрѣпленіи Ахты.*

28 и 29. *Въ Рутуль.*

30—1. *Въ лагерь подъ Луцукомъ.*

Іюнь.

2. *Въ Цахуръ.*

3 и 4. *Въ лагерь подъ Луцукомъ.*

5. *Въ Рутуль.*

6—7. *Въ укрѣпленіи Ахты.*

8. *Въ Курахъ.*

9. *Въ Яроларъ.*

10. *Въ Корчалъ.*

11 и 12. *Въ Дербентъ. Скала съ оленьими рогами.*

13. *Въ Дишлагаръ.*

14. *Въ деревнѣ Гили.*

15 и 16. *Въ Т.-Х.-Шуръ.*

17. *Въ Петровскомъ.*
 18 и 19. *Въ Чиръ-Юрть.*
 20. *Въ Хасафъ-Юрть.*
 21. *Въ Таики-чу.*
 22. *Въ Червленной.*
 23. *Въ Грозной.*
 24—29. *Въ Воздвиженскомъ.*
 30—2. *Въ Грозной.*
- Июль. 3—5. *Въ Сунженской.* Приѣхалъ фельдъегеръ съ извѣстіемъ, что Великій Князь Наслѣдникъ будетъ скоро къ намъ.
 6—9. *Въ Владикавказъ.*
 10. *Въ Екатериноградъ.*
 11 и 12. *Въ Пятигорскъ.*
 13. *Въ Кисловодскъ.*
 24. Фельдъегеръ приѣхалъ съ письмомъ и маршрутомъ Великаго Князя Наслѣдника. Поэтому онъ долженъ выѣхать изъ Петербурга 23 Августа, быть въ Ялтѣ, въ Тамани 15 Сент., въ Тифлисъ 25 — 28; назадъ въ Тифлисъ, послѣ Имеретіи и Эривани, 5-го Октября, въ Шурѣ — 14, Владикавказѣ 22 и въ Ставрополѣ 24-го.
 29. Отправилъ фельдъегеря въ П.-Бургъ съ поправленнымъ маршрутомъ Великаго Князя.
- Августъ. 12. Кн. Захарій Эристовъ убитъ въ лѣсу Лезгинами, ѣдучи въ Тифлисъ, какъ видно, потому, что Бельгардъ назначилъ начальникомъ военнымъ и гражданскимъ въ Закаталѣ Давидова; получивъ это печальное извѣстіе, я немедленно послалъ въ Гори приѣхавшаго вчера Георгія Эристова (автора) къ отцу и вдовѣ покойнаго.
 14. Меллеръ выписанъ изъ Желѣзноводска и съ нимъ, Нестеровымъ и Вольфомъ мы разсматривали и почти рѣшили дѣло зимней экспедиціи въ Чечнѣ. Можно совершенно видѣть и радоваться, что Нестеровъ настоящимъ образомъ выздоровѣлъ.

16. Узнали, что полковникъ *Штсманъ* застрѣлился по причинѣ, что жена бѣжала отъ его жестокости.
19. Пять Кара..., которые увезли недавно дочь Туганова, будучи вытребованы сюда, когда имъ былъ объявленъ кн. Эристовымъ арестъ, бросились на лошадей и начали сопротивляться, стрѣляли и пошли на гору къ Кресту; тамъ были окружены и двое изъ нихъ убиты пулями, трое бросились: одинъ прямо по садамъ внизъ, гдѣ и убитъ казаками, другой въ ресторацію и влѣзъ на хоры, гдѣ надо было штурмовать его съ лѣсницею и тамъ заколотъ; третій бросился къ намъ на конюшню, гдѣ встрѣченъ сперва солдатомъ съ вилою, потомъ нашъ драгунъ равиль его шашкою, но и самъ раненъ въ трехъ мѣстахъ; тутъ подоспѣлъ Елико, посланный зачѣмъ-то мною съ горы, гдѣ я смотрѣлъ на происходящее, и немедленно бросившись на него, убилъ его шашкою, которая тутъ же переломилась пополамъ. Всего изъ пяти четверо, между коими зачинщикъ, убиты, а пятый, братъ его, опасно раненъ и отправленъ въ госпиталь. У насъ убитъ гренадеръ линейнаго баталіона, ранены и скоро умерли еще одинъ гренадеръ и одинъ служившій въ рестораціи, и еще ранены нашъ драгунъ и одинъ унтеръ-офицеръ линейнаго баталіона. Вечеромъ ѣздили на Крестъ, гдѣ видѣли еще кровь зачинщика и его брата.
20. Послѣ обѣда на Слободкѣ собралъ въ кружокъ солдатъ, тамъ бывшихъ, и надѣлъ знакъ отличія на гренадера Павлова, который первый пошелъ по лѣстницѣ на ушедшаго отчаяннаго Кара... въ рестораціи.
25. Получили отъ Козловскаго извѣстіе о взятіи Слѣпцовымъ Шалинслои засѣки.
26. Александръ Голицынъ пріѣхалъ изъ Владикавказа; онъ былъ въ славномъ дѣлѣ Слѣпцова.
29. Пріѣхалъ Дондуковъ съ официальнымъ извѣстіемъ (рапортомъ) отъ Слѣпцова (черезъ Ильинскаго).

- Сентябрь. 1. Андреевскій и Семень Михайловичъ отправились въ Алупку дожидаться тамъ Великаго Князя.
9. *Въ Пятигорскъ.*
11. *Въ Бьломечетовъ.*
- 12, 13. *Въ Прочномъ Окопъ.*
14. *Въ Темировскомъ.*
15. *Въ Усть-Лабъ.* Узнали, что Великій Князь не былъ въ Новороссійскомъ по причинѣ бури и этимъ ускорилъ днемъ весь маршрутъ; во время обѣда пріѣхали Семень Михайловичъ и Дондуковъ, — въ Крыму все было очень хорошо. Приходятъ свѣдѣнія о сильномъ сборѣ Магометъ Амина.
16. Семень Михайловичъ, Шаховской и Александровичъ поѣхали въ Тифлисъ. Свѣдѣнія о сборахъ подтверждаются: ихъ два и одинъ въ 25 верстахъ отъ Лабъ.
17. По подтвержденіи всѣхъ извѣстій о сборахъ, что они очень близки, хотятъ безпокоить проѣздъ Наслѣдника, знаютъ уже, что онъ ускоритъ маршрутъ, и еще болѣе потому, что разставленные для конвоевъ войска нужно сосредоточить для дѣйствія по обстоятельствамъ, — мы ночью рѣшили на перемѣну маршрута Е. И. В. — не ѣхать уже на Темиргой, а показать ему только сегодня Некрасовскую станицу на Лабѣ и возвратиться ночевать сюда. Великій Князь пріѣхалъ въ 11-омъ часу, смотрѣлъ почетный караулъ и представляющихся, былъ у обѣдни въ полковой церкви, потомъ завтракалъ; во второмъ часу мы поѣхали верхомъ въ Некрасовскую, видѣли тамъ Едлинскаго, казаковъ-мальчиковъ съ пушками и пр. Воротались черезъ крѣпость.
18. *Въ Те... укрѣпленіи* и станицѣ. Поѣхали въ 8 ч., прибыли на мѣсто въ 3¹/₄ ч., погода перемѣнчивая, съ дождемъ.
19. *Въ Николаевской станицѣ.* Поѣхали въ 8 ч., прибыли въ 6 ч.
20. *Въ Суворовской.* Поѣхали въ 6, пріѣхали въ 5.

21. *Въ Пятигорскѣ.* Поѣхали въ 6 ч. Были въ Исунтукѣ, въ Кисловодскѣ ходили по саду, смотрѣли Нарзанъ и ванны. Эристовъ встрѣтилъ насъ близъ Кисловодска.
22. *Въ Нальчикѣ.* Прибыли въ Нальчикъ въ 5^{1/2} ч., дурная погода; въ 4-хъ верстахъ встрѣтили насъ всѣ князья, узбеки и проч. большой и малой Кабарды и всѣхъ племень центра.
23. *Въ Владикавказѣ.* Смотрѣли поутру въ 7 ч. Кабардинцевъ и Кубанцевъ.
24. *Въ Квишеть.* Поѣхали въ 8^{1/2} ч. отъ осмотра 1 баталіона Тенгинскаго, 1 Навагинскаго и артиллеріи Опочинина; въ Даріелѣ заложили мостъ каменный; черезъ Кашнуръ верхомъ; завтракъ былъ у Казбека.
25. *Въ Тифлисъ.* Поѣхали въ 6^{1/2} ч., прибыли въ Тифлисъ въ 4^{1/2}. Встрѣча чудесная, были сперва въ соборѣ — всѣ верхомъ.
26. Въ 10^{1/2} ч. были у Великаго Князя Бехменъ-Мирза, кн. Г. Е. Эристовъ, царевичъ Окропиръ, Экзархъ и викаріи; потомъ мы съ нимъ поѣхали смотрѣть арсеналь, саперныя казармы и школу; были у Бехменъ-Мирзы, въ школѣ у межевциковъ, въ гимназіи, въ заведеніи Св. Нины, въ корпусномъ Штабѣ, въ новомъ театрѣ и въ Институтѣ. Потомъ у насъ обѣдъ на 112 особъ, а вечеромъ небольшой балъ. Все было очень хорошо; я былъ у Эристовыхъ.
27. Въ 11 ч. у развода и ученія учебнаго баталіона; потомъ смотрѣли строящійся мостъ. Великій Князь оттуда пошелъ къ Эристовымъ, оттуда въ казармы линейнаго баталіона и въ Навтлугъ. Все было очень хорошо.
28. Въ 11 ч. смотръ трехъ баталіоновъ 1-го Гренадерскаго, 1-го Карабинернаго и учебнаго; все было какъ нельзя лучше, и Великій Князь былъ очень доволенъ; потомъ были саперныя работы и взрывы; смотрѣли казармы учебнаго баталіона и запасную аптеку. По-

томъ ѣздили верхомъ по Кукамъ, Авлобару и черезъ банный мостъ по горѣ домой. Вечеромъ базарный праздникъ прекрасный.

29. Въ 9 ч. Великій Князь поѣхалъ; у церкви Св. Георгія Экзархъ благословилъ. Съ Великимъ Княземъ поѣхалъ въ коляскѣ кн. Бебутовъ, также поѣхалъ Коцебу.

Октябрь.

4. Въ Салами.

5. Въ Елизаветполь.

6. На ст. Туръ-Яничайской.

7. Въ Шемахъ.

8. Въ Баку.

9. На ст. Казимъ-Бурунъ.

10. Въ Кубъ.

11. Въ Куссарахъ.

12. Писалъ записки и письмо къ Великому Князю.

15. Въ Кубъ. Великій Князь пріѣхалъ въ 8 часовъ.

16. Въ Дербентъ. Въ Куссарахъ Великій Князь смотрѣлъ 7 ротъ Графскаго полка и былъ весьма доволенъ. Юсуфъ-Бекъ встрѣтилъ на своей границѣ и за Самуромъ далъ завтракъ, прибыли въ Дербентъ въ 6-мъ часу.

17. Въ Джилагоръ. Смотрѣли 3 роты линейнаго баталіона №..., госпиталь, портъ, мечеть, училище уѣздное и татарское. Великій Князь былъ и въ крѣпости, — здѣсь оставилъ насъ кн. Бебутовъ. Поѣхали въ 10¹/₂ час., туманъ и дождь. Последнія станціи ѣхали съ трудомъ.

18. Въ Карабудакентъ и въ Гили. Смотрѣлъ 5 баталіонъ Самурскій, казармы и лазаретъ. Поѣхали въ 8 часовъ, погода скверная и дорога тяжелая. Шамхалъ встрѣтилъ не доѣзжая Буйнаки. Въ Карабудакентѣ déjeuner dinatoire и тутъ со мною случилось: лошадь повозочная ударила меня въ ногу и повалила меня. Я ѣхалъ до Гили въ дормезѣ; какъ пріѣхали туда, уже становилось темно, то тутъ и почевали.

19. Въ Т. Х. Шуръ. Рѣшился сегодня еще ѣхать въ

дормезѣ и сидѣть дома въ надеждѣ, что завтра буду готовъ на все. Погода сдѣлалась прекрасная. Поѣхали въ 8 ч. въ Шуру, прибыли въ 10^{1/2} ч. Великій Князь смотрѣлъ въ Гили 1-й баталіонъ Апшеронскаго, а въ Шурѣ 5-й.

20. Пошли въ 7 ч. въ Ишкарты, оттуда верхомъ до Караяльскаго спуска, я отчасти въ дрожкахъ. Великій Князь чрезвычайно доволенъ Дагестанцами и Апшеронцами и стрѣлками, которые насъ конвоировали вмѣстѣ съ двумя эскадронами драгунъ.
21. *Въ Чиръ-Юртъ.*
22. *Въ Хассавъ-Юртъ.* Смотръ драгунскаго полка; очень хорошо, кромѣ малыхъ ошибокъ офицерскихъ. Великій Князь очень доволенъ и много благодарилъ. Поѣхали въ 9 ч. черезъ крѣпость и нижею дорогой до Внезапнаго, оттуда въ Хассавъ-Юртъ прибыли въ 4 ч. Великій Князь видѣлъ Кабардинцевъ и очень доволенъ.
23. *Въ Червленной.* Великій Князь смотрѣлъ строенія и два баталіона 1-й и 3-й Кабардинскіе, очень доволенъ. Прибыли въ Червленную въ 5 час. Великій Князь въ восхищеніи отъ Гребенцевъ, ихъ плясокъ, хороводовъ и проч.; дѣлалъ тревогу—двѣ сотни тотчасъ явились.
24. *Въ Грозной.* Поѣхали въ 9 ч.; были проводы одной сотни и славная джигитовка; завтракъ въ Горачеводскѣ. Великій Князь первыя 6 верстъ верхомъ, потомъ все въ коляскѣ, я же изъ нея не выходилъ. Дождь цѣлый день. По дорогѣ разставлены Тенгинцы, Навагинцы и Линейные. Прибыли въ Грозную въ 2 ч., въ караулѣ 5-ая кар. рота Куринская—очень хороша.
25. *Въ Воздвиженскомъ.* Поѣхали въ ... час., частью пѣшкомъ, частью въ экипажѣ; на курганѣ Ермолова былъ завтракъ отъ меня. Великій Князь ѣздилъ на гору, занятую нашими двумя ротами; оттуда обыкновенно Тангихъ стрѣлялъ изъ пушки. Прибыли въ Воздвиженскую въ 4 часа; поѣхали на ту сторону смотрѣть башню, госпиталь и проч.

26. *Въ Ачкюь.* Великій Князь все верхомъ; завтракъ въ Урусъ-Мортанѣ. Великій Князь видѣлъ 1-й и части 2-го и 4-го баталіона Куринскаго и очень ими доволенъ; потомъ пошли въ Ачкюй; между башнею и Валерикомъ я было сѣлъ въ коляску, какъ вдругъ Дондуковъ пріѣхалъ мнѣ сказать, что Великій Князь съ частью авангарда бросился влѣво къ чернымъ горамъ,—я поскакалъ и нашелъ его уже на мѣстѣ, верстахъ въ трехъ отъ дороги;—онъ увидѣлъ бекетъ непріятельскій, поскакалъ къ нему и при немъ, послѣ выстрѣловъ отъ бекета, начальникъ онаго былъ убитъ мирными Чеченцами, поскакавшими съ Великимъ Княземъ и Мангуродзевымъ съ конвоемъ. На Валерикѣ встрѣтили Ильинскаго и Слѣпцова и пришли въ Ачкюй въ 4^{1/2} ч. Великій Князь былъ въ театрѣ.
27. *Въ Владикавказъ.* Пошли въ 7 час., пришли въ Владикавказъ въ 5 ч.; все какъ нельзя лучше. Великій Князь всѣмъ доволенъ и въ церкви благодарилъ за благополучный конецъ пути.
28. Великій Князь поѣхалъ въ 7^{1/2} часовъ; я былъ съ нимъ въ госпиталѣ и тамъ съ нимъ простился. Отправилъ фельдъегеря въ догонку Вел. Кн. съ письмами къ Государю и кн. Чернышеву—я прошу для Великаго Князя 4-го Георгія. По желанію Великаго Князя, я наградилъ всѣхъ трехъ офицеровъ моего конвоя и еще Арцу и Долгіева за дѣло у башни.
29. Эрстовъ ѣхалъ сюда уже темнотою, былъ атакованъ разбойниками въ 3-хъ верстахъ отсель, и насилу ускакалъ.
31. *Въ Коби.* Служилъ благодарственный молебенъ по случаю благополучнаго путешествія Великаго Князя.
- Ноябрь. 2. *Въ Тифлисъ.*
8. Получилъ печальное извѣстіе, что генераль Челяевъ 5-го числа въ Заваталѣ скончался.
23. Получилъ рескриптъ отъ Государя съ благодарностью насчетъ путешествія Великаго Князя.

- Декабрь. 17. Приѣхалъ фельдъегерь съ лентой Св. Екатерины для Лизы и съ приказомъ о большомъ здѣсь производствѣ. До конца года въ Тифлисѣ.

1851-й годъ.

Въ Тифлисѣ.

- Январь. 1. Приѣхалъ фельдъегерь, привезъ мнѣ отъ Наслѣдника табакерку съ портретомъ и саблю, которую онъ носилъ здѣсь. Лизѣ отъ Цесаревны браслетъ.
14. Мирскій приѣхалъ съ рапортомъ о дѣлахъ въ Чечнѣ.
- Февраль. 5. Дондуковъ приѣхалъ поутру. Я былъ на мѣстѣ вчерашней Тамаши, гдѣ, особливо близъ аптеки, видны слѣды. Въ самой аптекѣ разбиты окошки и двери. Говорятъ, что много разбитыхъ чановъ и нѣсколько лавокъ портныхъ и фруктовыхъ пострадало.
23. Ъздилъ верхомъ съ Дондуковымъ.
- Мартъ. 1. Получилъ отъ Слѣпцова черезъ Ильинскаго извѣстіе, присланное лазутчиками о славномъ дѣлѣ Крюковскаго съ кавалеріей около Шалей.
2. Въ 12 ч. собраніе всѣхъ Орбеліановыхъ, чтобы устроить раздѣлъ всего родового ихъ имѣнія, четырехъ домовъ: 1) Сардара, 2) царевны Феклы, 3) Тамасъ-Швили, 4) Георгія, т.-е. Марьи Ивановны и М-е Besak. Они согласились назначить съ cadaго дома депутата, потомъ медиаторовъ и приступить прилежно къ раздѣлу.
4. Лорисъ-Меликовъ приѣхалъ изъ Чечни—дѣло 27-го было подъ начальствомъ кн. Барятинскаго. Тавлинцы оставили 276 тѣлъ. На другой день Козловскій ходилъ до Герменчуга, и 1-го Марта отрядъ распущенъ, и въ эти послѣдніе два дня не было ни одного выстрѣла.
12. Приѣхали Барятинскій и Луи Николаи; онъ здоровъ, но еще почти безъ голоса.
- Апрѣль. 1. Отъ Нестерова худыя извѣстія. Барятинскій ѣдетъ туда завтра и съ нимъ ѣдетъ Соколовъ.

- Апрѣль. 7. Приѣхалъ фельдъегерь съ рескриптомъ о зимней экспедиціи и грамотой въ драгунскій полкъ о георгиевскомъ штандартѣ для 4-го дивизіона за отличіе въ Чечнѣ и особенно въ дѣлѣ Барятинскаго.
15. Свадьба Гагарина.
18. Получилъ отъ Аргутинскаго 3 значка, отнятыя у Аджи-Мурата въ хорошемъ дѣлѣ, гдѣ, къ сожалѣнію, убитъ полковникъ Золотухинъ.
27. *Выездъ изъ Тифлиса. Въ Колоніи.*
28. *Въ Царскихъ колодцахъ.*
29. *Въ Закапаль.*
- 30 и 1. *Въ Кахъ.*
- Май. 2. *Въ Закапаль.*
3. *Въ Лагодекахъ.*
4. *Въ Кварель.*
5. *Въ Цинодаль.*
6. *Въ Гамбарахъ.*
7. *Въ Морткобскомъ монастырѣ.*
8. *Въ Тифлисъ.*
10. Коцебу уѣхалъ въ Θεодосію для морскихъ ваннъ. Военный докладъ съ Вольфомъ, гражданскій — съ Щербининымъ.
11. Писалъ много въ Петербургъ о Симкѣ, отъ котораго и отъ его певѣсты получилъ сегодня письма; писалъ также все, что нужно для отправленія Нестерова въ Москву.
18. *Въ Гори.*
19. *Въ казацкомъ селеніи Али.*
20. *Въ лагерь у Гарбаула.*
21. *Въ Бьлогорь.*
22. *Въ Боржомъ, пребываніе по 26 Іюня.*
- Іюнь. 27. Въ 12 часовъ поѣхали въ *Ахалцыхъ* съ Гагаринымъ, Соллогубомъ, Дондуковымъ, Вольфомъ и Ми.....омъ.
- 29 и 30. *Въ Боржомъ.*
- Іюль. 1. *Въ Мухрани.*
2. *Въ Квишетъ.* Здѣсь нашель Гр. Перовскаго.

- 3—5. *Въ Владикавказъ.*
 6. *Въ Сунжинской станиць.*
 7. *Въ лагерь у Алхалъ-Юрта.* Толковалъ съ Слѣпцовымъ, Барятинскимъ и Вольфомъ о всѣхъ дѣйствіяхъ и приготовленіяхъ, отслужилъ молебень.
 8. *Въ Воздвиженской.*
 9. *Въ Грозномъ.*
 10—12. *Въ Червленной.*
 13. *Въ Моздокъ.*
 14. *Въ Екатериноградъ.*
 15. *Въ Шатиорскъ.*
 16. *Въ Кисловодскъ.*
- Августъ. 2. Рѣшился ѣхать послѣзавтра на правый флангъ, не дожидаясь болѣе здѣсь извѣстій изъ Дагестана.
 3. Получилъ извѣстіе изъ Кубы о бѣгствѣ Гаджи-Мурата.
 4. *Въ Бьломечетской.*
 5. *Въ Прочномъ окопъ.*
 6. *Въ Темировевскъ.*
 7—9. *Въ отрядъ, въ лагерь на Бьлой.*
 10. *Въ с. Тифлисской.* Въ Тенгинской пасъ встрѣтилъ Мацурадзевъ и Деллингаузенъ отъ кн. Аргутинскаго съ прекрасными извѣстіями изъ Дагестана. Прочитавши эти извѣстія при всѣхъ, отправились прямо дорогою въ Тифлисскую. Покамѣсть кн. Аргутинскій прогонялъ Гаджи-Мурата и усмирялъ Табасаранъ, генералъ Грамотинъ близъ Кумуха побилъ и прогналъ Шамиля.
 11. *Въ станиць Новопокровской.*
 12. *Въ Куцовской.*
 13. *Въ Ейскъ.*
 15—17. *Въ моръ.*
 18. Въ Алупкѣ. Нашли Мар. Васильевну Столынину и многихъ другихъ.
 26. Свадьба Семена Михайловича; я былъ при обрученіи въ домѣ, но въ церковь ѣхать не могъ.
- Сентябрь. 14. *Выездъ изъ Ялты. Въ моръ.*

15. *Въ Николаевъ.*
 17. *Въ Елизаветградъ.* Государь былъ у меня.
 18. *Въ дорожъ.*
 19. *Въ Одессъ.*
 20. Приѣздъ Великихъ Князей.
 25. *Въ моръ.*
 26. *Въ Алуцкъ.* Нашель Лорисъ-Меликова съ хорошими извѣстіями съ обоихъ фланговъ.
- Октябрь. 2. Говорятъ, что сегодня мой юбилей пятидесятилѣтней службы, я же думалъ, что это было въ Сентябрѣ, въ день коронаціи Императора Александра. Великіе Князья благополучно отплыли въ Одессу *).
10. *Выѣздъ изъ Я.тм. Въ моръ.*
 11. *Въ Θεодосіи.*
 12. *Въ Керчи,* сухимъ путемъ.
 13. *Въ моръ.*
 14. *Въ Новороссійскъ.*
 17. *Въ Екатеринодаръ.* Подъѣзжая около 3-хъ часовъ, встрѣтили насъ до 200 Шоксуговъ, Нетухайцевъ и другихъ Закубанцевъ. Они всѣ говорятъ о покорности, но нельзя еще согласиться на условія.
 20—22. *Въ Ставрополь.* Сем. Мих. поѣхалъ принимать полкъ.
 25—27. *Въ Владикавказъ.*
 30—1. *Въ Воздвиженскомъ.*
- Ноябрь. 2. *Въ Грозной.*
 6—8. *Въ Шуръ.*
 10—11. *Въ Дербентъ.*
 14 и 15. *Въ Баку.*
 16 и 17. *Въ Шемахъ.*
 22. Приѣздъ въ *Тифлисъ.*
 27. Поутру получили отъ Семена Михайловича извѣстіе, что Гаджи-Муратъ явился къ нему въ Воздвиженское.

---

*) 3 Октября была свадьба Булгакова съ Юліей Исленьевой; я и кв. Голицына были посаженные жениха, а Лиза съ кв. В. С. Голицынымъ у невесты шаферами у жениха Дондуковъ и Башмаковъ.

- Декабрь.
29. Вчера послалъ полковника Агіева за Гаджи-Муратомъ.
  30. Обѣдъ Персидскому посланнику.
  8. Гаджи-Муратъ пріѣхалъ.
  9. Тархановъ привелъ ко мнѣ Гаджи-Мурата.
  13. Получилъ печальное извѣстіе, что Слѣпцовъ убитъ 10-го числа въ дѣлѣ, впрочемъ не важномъ, счастливымъ и въ которомъ всего у насъ убито 6 человекъ.
  14. Отправилъ Мицурадзева въ Кутаисъ по извѣстному дѣлу.
  16. Былъ пѣшкомъ съ княгиней у Дондукова, которому сегодня Андреевскій дѣлалъ операцію (заполкъ); операція при небольшомъ употребленіи хлороформа удалась очень хорошо и Дондуковъ самъ весьма радуется, что операція сдѣлана.
  18. Сегодня Гаджи-Муратъ отправился въ Грозное. Былъ у Дондукова, который смотритъ лучше.
- До конца года въ Тифлисѣ.

1852-й годъ.

Въ Тифлисѣ.

- Январь.
11. Получилъ извѣстіе о блистательномъ началѣ зимней экспедиціи, истребленіи Автура и Генд. . . . . и особенномъ отличіи Семень Михайловича.
  12. Отправили Циммермана, пріѣхавшаго съ извѣстіемъ изъ Чечни, въ Петербургъ съ представленіемъ Сем. Мих. къ Георгіевскому кресту и Бяратинскаго къ 3-му классу.
  21. Лорисъ-Меликовъ пріѣхалъ съ Гаджи-Муратомъ; во время обѣда пріѣхалъ урядникъ Гуреевъ изъ Урусъ-Мортана съ извѣстіемъ о двухъ славныхъ дѣлахъ Бяратинскаго и Вревскаго въ верховьяхъ малой Чечни; все было успѣшно, но къ несчастію убитъ храбрый и добрый Крюковской.
- Февраль.
3. Кн. Дондуковъ (отецъ) пріѣхалъ, все обошлось хорошо при свиданіи съ Александромъ и, кажется, очень . . . . , при этомъ ажитація скоро пройдетъ; мы были съ Лизою у нихъ.

9. Ёздилъ верхомъ съ кн. Дондуковымъ (отцомъ).
10. Ёздилъ верхомъ съ кн. Дондуковымъ. Получилъ официально увольненіе Семенова съ просимою ему пенсією и назначеніе на его мѣсто и по округу и въ совѣтъ барона Николаи.
22. Вечеромъ Лорисъ-Меликовъ пріѣхалъ съ извѣстіемъ о прекрасномъ движеніи и успѣшныхъ дракахъ кн. Барятинскаго черезъ Маюртукъ въ Куринское.
25. Ёздили верхомъ съ Лизою, Дондуковымъ и Сафоновымъ.
- Мартъ. 12. Вечеромъ пріѣхали Сем. Михайловичъ и Марья Васильевна.
29. Пріѣхалъ фельдъегерь съ рескриптомъ и титуломъ свѣтлости.
30. Пріѣхалъ къ намъ Оглобинъ отъ ген. Меллера съ извѣстіемъ о славномъ набѣгѣ его на хуторъ Талчика, въ которомъ наши Куринцы взяли 2 пушки и значекъ Талчика; также Баклановъ имѣлъ дѣло на Мичикѣ и перевелъ до 300 душъ за Качкалыкъ. Въ 12 ч. разгавливаніе. Отправилъ нарочнаго за Гаджи-Муратомъ и Лорисъ Меликовымъ.
- Апрѣль. 12. Гаджи-Муратъ уѣхалъ въ Нуху съ Бучкіевымъ, вмѣсто Л. Меликова.
25. Поутру получено извѣстіе, что Гаджи-Муратъ съ 4-мя его людьми поутру 23-го (онъ бѣжалъ 22-го) найденъ и истребленъ въ лѣсу близъ станціи. . . . Онъ защищался отчаянно 5 часовъ сряду, при чемъ у насъ изъ милиціонеровъ и другихъ 2 убито и 9 ранено.
30. Привезли голову Гаджи-Мурата.
- Май. 20. *Выездъ изъ Тифлиса* черезъ Гори, Джавахъ, Кутаисъ въ Боржомъ.
- Пребываніе въ Боржомѣ съ 29 Мая по 16 Юля.
- Іюль. 20—21. *Въ Тифлисъ.*
- 22—16 Августа въ *Каджорахъ.*
- Августъ. *Въ Тифлисъ.*

19. Гагаринъ пріѣхалъ отъ кн. Барятинскаго съ извѣ-
стіемъ о славномъ дѣлѣ въ большой Чечнѣ. Сем.
Мих. имѣлъ прекрасное дѣло въ Аргунскомъ ущельѣ.
21. *Въ Владикавказъ.* Открытіе моста у Даріала.
25. *Въ Михайловскомъ.*
- 26—28. *Въ Воздвиженскомъ.*
29. *Въ Грозномъ.*
30. *Въ Червленной.*
31. *Въ Моздокъ.*
- Сентябрь. 1. *Въ Екатериноградъ.*
2. *Въ Пятигорскъ.*
3. *Въ Кисловодскъ.*
4. Кончилъ дѣло объ ограбленіи почты. Получилъ
извѣстія, что Чернышевъ уволенъ отъ Министерства,
и кн. Долгорукій назначенъ на его мѣсто.
5. Заключилъ дѣло провіанское, ставропольское и
много другихъ.
6. *Въ Бьломечетской.*
- 7 и 8. *Въ Прочномъ окопѣ.*
9. *Въ Новопокровской.*
10. *Въ Куцовой.*
- 11 и 12. *Въ Ейскъ.*
- 13—15. *Въ морь.*
- 16—26. *Въ Алуцкѣ.*
27. *Въ морь.*
28. *Въ Севастополь.*
- Октябрь. 1. *Въ Севастополь.* Государь пришелъ на Владиміръ
въ 6 ч. утра, въ 7^{1/2} я былъ у него и потомъ
кругомъ флота, когда онъ пошелъ въ Адмиралтей-
ство, я воротился и у воротъ стараго Адмиралтей-
ства представилъ Государю всѣхъ нашихъ господъ.
Въ 7 ч. былъ у Государя съ докладомъ и много
сдѣлано, между прочимъ о Рашнинѣ. Семенъ Ми-
хайловичъ, Елико и друг. въ Генераль-Маіоры.
2. Въ 11 час. ночи Государь отплылъ, а мы въ 11^{3/4}
въ Алуцку.

- 3—12. *Въ Алуцкѣ.*
 13 и 14. *Въ Симферополь.*
 15. *Въ морь.*
 16 и 17. *Въ Тамани.*
 18. *Въ Анапѣ.*
 19. *Въ Новороссійскѣ.*
 20. *Въ лагерѣ на Адаумѣ.*
 21 и 22. *Въ морь.*
 23 и 24. *Въ Сухумѣ.*
 25. *Въ Очамчири.*
 26. *Въ Анаклии.*
 27 и 28. *Въ Зудиди.*
 29. *Въ Квашикарахъ.*
 30 и 31. *Въ Хани.*
- Ноябрь. 1 и 2. *Въ Кутаисѣ.*
 3. *Въ Квириш.*
 4. *На ст. Малиты.*
 5. *Въ Гори.*
 6. *Въ Тифлисѣ.*

1853 годъ.

Въ Тифлисѣ.

- Январь. 2. Гр. Кассини пріѣхалъ отъ Мейендорфа съ извѣстіемъ, что пароходъ пришелъ въ Менгезауръ; этимъ Кура измѣнила свой характеръ и сдѣлалась, наконецъ, судоходною. Сегодня писалъ Государю объ отпускѣ Сем. Мих. для отвоза жены въ Парижъ посоветываться съ докторомъ Chaumel насчетъ непонятной болѣзни Марьи Васильевны. Мирскій поѣхалъ въ Барятинскому въ зимнюю экспедицію.
- Февраль. 1. Очень занятъ отпращиваніемъ фельдъегеря по событіямъ имѣнія Колонтарева; по этому дѣлу я отправилъ сегодня ген. Реади вмѣстѣ съ г. Волицкимъ для узнаванія обо всемъ, для успокоенія Государя, особливо по причинѣ слуховъ, которые распространились по этому дѣлу.

- Апрѣль. 4. Узналъ, что Ванька Каинъ умеръ и сегодня его похоронили.
28. *Выездъ изъ Тифлиса.* Гамбары.
29. *Въ Цинандаль.*
- Май. 1. *Въ Кварели.*
2. *Въ Лагодехи.*
- 3 и 4. *Въ Закаталахъ.*
- 5 и 6. *Въ Кахъ.*
7. *Въ Царскихъ колодцахъ.*
- 9—13. *Въ Тифлисъ.*
14. *Въ Пасанауръ.*
15. *Въ Коби.*
- 16—23. *Въ Владикавказъ.* 21-го во время обѣда пріѣхалъ курьеромъ (черезъ Сухумъ-Калэ) адъютантъ кн. Меншикова баронъ Веллебрандъ, съ извѣстіемъ о разрывѣ негоціацій и что Меншиковъ уже въ Николаевѣ.
- 24—31. *Въ дорожъ. Въ Боржомъ.*
- Іюнь. 17. Дондуковъ пріѣхалъ, совсѣмъ здоровъ.
21. Пріѣхалъ Токаревъ съ донесеніемъ о шумѣ въ Тифлисъ по дѣлу мяса. Кн. Бебутовъ уѣхалъ въ Тифлисъ. По извѣстіямъ отъ Кобулова, что хищники прокрались на Чихисхави, и мы взяли мѣры осторожности, а въ Чихисхави послали Крыжановскаго съ казаками.
- Іюль. 2. Сегодня экспедиція съ Вольфомъ и все устроилось хорошо, онъ поѣдетъ около 10-го на морскія купанья и Барятинскій приметъ должность пачальника штаба.
25. *Въ Чибуретъ-Чахъ.*
26. *Въ Ахалкалахъ.*
27. *Въ Тамбовкь.*
28. *Въ Храмъ.*
- 29 и 30. *Въ Манимъ.*
31. *Въ Дре.*
- Августъ. 1. *Въ Каджорахъ.*
2. Слава Богу, торги какъ на продовольствіе, такъ и на акцизъ кончились, кажется, хорошо. Извѣстій по

турецкимъ дѣламъ нѣтъ, но о Магометъ Еминѣ вчера получено, что онъ дѣйствительно подвинулся къ сторонѣ Карачая, но Карачаевцы собрались противъ него, всѣ паши мирныя тоже, и онъ долженъ былъ отойти безъ всякаго успѣха и со стыдомъ. Теперь увидимъ, что будетъ со стороны Шамиля.

11. Вечеромъ Ходзько былъ у насъ съ Теодолитомъ, смотрѣли комету.
19. Прощался съ кн. Бебутовымъ, который поѣдетъ въ воскресенье въ Эривань, чтобы все осмотрѣть и распорядиться по дѣламъ и безпорядкамъ на границѣ.
26. Я былъ сильно занятъ всѣми извѣстіями и необходимыми распоряженіями по теперешнимъ труднымъ и неприятнымъ обстоятельствамъ. Кн. Григорій Орбеліанъ пишетъ, что Шамиль прошелъ близъ Закаталъ.
28. Мнѣ сегодня довольно хорошо и было бы еще лучше, ежели бы было меньше дѣлъ и неприятныхъ заботъ; получилъ извѣстіе, но не прямо отъ него, что кн. Григор. Орбеліанъ имѣлъ третьяго дня сильное дѣло съ войсками Шамиля, который все еще стоитъ на высотахъ противъ Закаталъ. Кн. Андрониковъ собираетъ поголовно жителей Сягнахскаго уѣзда. Вечеромъ получилъ оффиціальныя рапорты отъ кн. Гр. Орбеліана о хорошемъ дѣлѣ 26-го; онъ силенъ, и хотя не можетъ атаковать Шамиля въ его позиціи на горахъ, но вездѣ пойдетъ за нимъ, ежели онъ покажется на плоскости.
29. Вчера многіе слышали пушечныя выстрѣлы со стороны Кахетіи, все это очень беспокоитъ. Весь день безпокоюсь, родъ ипохондріи, но желудокъ и спина здоровы; извѣстій никакихъ нѣтъ; о пушечныхъ выстрѣлахъ никакого нѣтъ извѣстія.
30. Я въ томъ же положеніи; извѣстій никакихъ важныхъ нѣтъ и *очень скудно* — все надѣюсь на движеніе кн. Аргутинскаго. Вечеромъ ничего новаго не узнали,

только Врангель изъ Царскихъ Колодцевъ пишетъ, что слышны выстрѣлы и сообщенія съ кн. Григоріемъ никакого нѣтъ. Дай Богъ, чтобы Аргутинскій скоро двинулся. Мнѣ вообще немного лучше вчерашняго; но безпокойство все сильное.

31. Мнѣ довольно хорошо, *но сильно безпокоюсь* объ дѣлахъ вообще. Шамиль ничего новаго еще не предпринялъ, но тамъ дерутся и кн. Аргутинскій еще 25-го на Турчадагѣ не зналъ о нашествіи на Закаталы. Отправилъ Понеста къ Бебутову, Вахтапга Орбелиана въ Баргалинскій участокъ для приготовления тамъ поголовной милиціи всадниковъ по примѣру того, что Мамука теперь дѣлаетъ въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ. Нико Эрстовъ и Сумбатовъ отправлены къ Мамукѣ для употребленія въ его ополченіи.

- Сентябрь. 1. Получилъ извѣстіе сперва отъ Андроникова, а потомъ отъ самого кн. Гр. Орбелиана, что кн. Аргутинскій выступилъ съ Турчадага 27-го и идетъ въ тылъ Шамилю. Сегодня проходили здѣсь въ Коды 3 сотни линейныхъ казаковъ.
3. Безпокойство есть въ Кахетіи отъ прошедшихъ партій. Получилъ отъ Челяева, что кн. Аргутинскій 30-го ночевалъ въ окрестностяхъ Лучака—все-таки все это *очень безпокоитъ*. Отъ кн. Гагарина получилъ рапортъ, что кн. Дадіанъ умеръ. Бздиль верхомъ *одинъ* (больше для развлеченія отъ *безпокойства*—боюсь, что начавшаяся холодная погода и снѣгъ не помѣшали бы кн. Аргутинскому).
4. Мнѣ довольно хорошо, но какъ будто поутру забну. Безпокойства по дѣламъ Лезгинской линіи исчезаютъ по хорошимъ оттуда извѣстіямъ. Отъ Врангеля получилъ подтвержденіе о хорошемъ оборотѣ на Алазани. Кн. Григорій разбилъ Ирабскаго наиба въ Чердахлахъ; Давіиль-Бекъ, послѣ разбитія его въ Бѣлоканахъ, истребилъ переправы въ Муганлю и

- Аллало и, какъ говорятъ, пошелъ съ одной кавалеріей къ Елису. Теперь остается узнать объ Аргутинскомъ, но дурного оттуда уже, кажется, быть не можетъ.
5. Извѣстія съ Лезгинской линіи хорошія; надо думать, что Шамиль ушелъ въ горы, но была ли у него или нѣтъ встрѣча съ Аргутинскимъ, не знаемъ. Мамука съ невѣроятною скоростью прошелъ съ милиціею: былъ въ Ендорѣ 2-го числа, а въ Муганло лично въ тотъ же день, а съ милиціею 3-го до 3000 человекъ. Во время обѣда пріѣхалъ фельдъегерь съ бумагами и письмомъ отъ Государя, — рѣшеній по турецкимъ дѣламъ еще нѣтъ.
7. Извѣстія поутру между собою не согласны: Вревскій пишетъ, что Шамиль уже въ Веденѣ; кн. Григорій пишетъ отъ 4-го, что Шамиль спустился, чтобы осаждать Месельдигорское укрѣпленіе, и онъ старается оному помочь. Всѣ прочія извѣстія частныя говорятъ, что Шамиль ушелъ и оставилъ на своей позиціи рогатый скотъ. Мамука съ своей конницей въ Бѣлоканахъ. Данииль Бекъ изъ Аллало пошелъ по направленію на Кахъ — *не знаю чему вѣрить*. Около 2-хъ час. пріѣхалъ Шаховской съ бумагами отъ кн. Григорія отъ вчерашняго числа: пишетъ, что въ тотъ же день онъ соединится съ кн. Аргутинскимъ, котораго передовые уже были въ виду, и по соединеніи пойдутъ атаковать Шамиля, который осаждаетъ Месельдигорское укрѣпленіе. Тамъ гарнизонъ въ 500 штыковъ и только беспокоитъ недостатокъ воды — къ счастью пошелъ дождь. Мамукиной милиціи вмѣсто 2000 съ нимъ пришло разомъ только 200 и, можетъ быть, столько же идетъ сзади. Все это даетъ надежду, но до полученія рѣшительнаго извѣстія нельзя опять не беспокоиться.
8. Мнѣ хорошо, кромѣ безпокойства, въ ожиданіи развязки съ Шамилемъ и о томъ, что надо отвѣчать Государю.

9. *Слава Богу*, дѣла на Лезгинской кончены и весьма хорошо. Нико Эрнстовъ пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что укрѣпленіе Месельдигорское освобождено и Шамиль бѣжалъ на Джурмутъ. Вечеромъ пріѣхалъ Заридзевъ отъ кн. Меншикова съ хорошимъ предложеніемъ послать въ Сухумъ-Кале одну бригаду скорѣе, и я успѣлъ въ ту же минуту писать о томъ къ военному министру.
18. Отъ кн. Меншикова пріѣхалъ капитанъ Крабе съ извѣстіемъ, что 13-ой дивизіи три полка 20-го числа пойдутъ на корабляхъ изъ Севастополя; они думаютъ высадку сдѣлать въ Бомборахъ.
- Октябрь. 3. Получилъ отъ кн. Меншикова курьера-флота лейтенанта Попова, что Омаръ-Паша далъ кн. Горчакову 2 недѣли срока выйти изъ К.
11. *Пріѣздъ въ Тифлисъ*. Извѣстія отъ Гагарина о сильныхъ сборищахъ и демонстраціяхъ Турковъ противъ Гурійской границы. Сильное безпокойство по дѣламъ. Кн. Бебутовъ, идучи сюда, сильно заболѣлъ въ Манглосѣ.
15. Такъ какъ кн. Бебутовъ очень слабъ, то рѣшено, что онъ на время ничѣмъ не будетъ заниматься и что кн. Бяратинскій поѣдетъ въ видѣ начальника штаба, чтобы все взять въ руки по границѣ.
18. Пріѣхалъ отъ кн. Гагарина Зубаловъ съ извѣстіемъ, что турки начали войну взятіемъ поста св. Николая (таможеннаго).
20. Выѣхалъ верхомъ къ драгунскому полку у заставы.
28. Я передалъ подробности по военнымъ дѣламъ, кромѣ дѣйствующаго корпуса, г. Реату. Безпокоюсь особливо о Гуріи и сильная ипохондрія.
29. Простился съ кн. Бебутовымъ, который отправился въ Александрополь.
- Ноябрь. 3. Поутру получилъ черезъ кн. Андроникова отъ ген. Брунера изъ Сурама, что будто 1-го числа Ковалевскій побилъ турокъ и взялъ 2 пушки—дай Богъ,

чтобы это была правда. Вечеромъ пріѣхалъ Барятинскій; нѣкоторыя непріятныя подробности о дѣлахъ около Александрополя и отсутствіе всякаго извѣстія отъ Ковалевскаго опять чрезвычайно меня беспокоятъ.

4. Цѣлое утро никакихъ извѣстій объ Ахалцыгѣ — *безпокойство* и разстройство во мнѣ еще *гораздо больше*, нежели когда бы то ни было, и совершенно несносно.
  5. Получилъ отъ кн. Андроникова и разрѣшилъ ему идти съ секурсомъ и взять начальство въ Ахалцыхѣ. Въ часъ пріѣхалъ Мирскій съ извѣстіемъ о хорошемъ дѣлѣ Елико Орбеліана съ 7 баталіонами у Баяндурѣ противъ самого Сераскира, который ретировался черезъ Арпачай.
  17. Поутру сильное безпокойство. Въ первомъ часу получили радостныя извѣстія о прекрасной побѣдѣ кн. Андроникова надъ турками близъ Ахалцыха. Молебень, вездѣ колокольный звонъ.
  25. Пріѣхалъ Скобелевъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что 19-го числа кн. Бебутовъ разбилъ Сераскира у Башнадыкларъ.
- Декабрь. 10. Торжественная встрѣча князя Андроникова.
12. Мы всѣ опечалены дурными извѣстіями объ Ильѣ Орбеліановѣ. Андреевскій пріѣхалъ, Илья скончался 8-го числа. Мы очень опечалены, и есть почему.
  13. Мнѣ какъ вчера. Печаль объ Ильѣ.
До конца года въ Тифлисъ.

1854-й годъ.

Въ Тифлисъ по 3-е марта.

- Мартъ. 4. *Выздѣ изъ Тифлиса.*
- 17—17 Апрелья *въ Ставрополь.*
- Апрѣль. 17. *Выздѣ изъ Ставрополя въ Мошныя и за гранцу.*

Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

(Воспоминанія князя Дондукова-Корсакова).

Приступая къ характеристикѣ такой высоковыдающейся личности, какъ личность кн. Воронцова, я не намѣренъ касаться официальной ея стороны, которая доставила князю заслуженную память, какъ одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ, замѣчательныхъ дѣятелей своего времени. Я могу указать на тѣ особенности его характера и привычекъ, на ту нравственную сторону его жизни, на тѣ отгѣнки пронизательнаго ума его, тѣ слабости и достоинства высокой природы его, которые имѣлъ случай такъ близко изучить во время долготѣней моей службы при покойномъ намѣстникѣ Кавказа.

Поставленный въ молодыхъ еще лѣтахъ въ исключительное передъ товарищами моими по службѣ положеніе по отношеніямъ моимъ къ кн. Воронцову, я пользовался его полнымъ довѣріемъ, скажу болѣе — насколько сердце князя способно было любить, онъ любилъ меня и во многихъ случаяхъ трогательно доказывалъ свое ко мнѣ расположеніе.

Съ 1846 г. князь приблизилъ меня къ себѣ, сперва въ качествѣ адъютанта, сопровождавшаго его во всѣхъ поѣздкахъ по краю. Я разбиралъ и докладывалъ всѣ подаваемые массы прошеній, дѣлалъ отмѣтки и передавалъ оныя въ подлежащія мѣста къ исполненію. Скоро къ этимъ обязанностямъ присоединились новыя; подъ диктовку князя писалъ я всѣ почти его частныя и официальныя

письма; впоследствии, привыкшись къ формамъ изложенія князя, я облегчалъ трудъ его, самъ составляя отвѣты и подавая ихъ только къ подписи. До меня эти обязанности лежали на Щербининѣ и баронѣ Николаи—но первый былъ назначенъ правителемъ канцеляріи, а второй сухостью, необщительностью и холодностью формъ видимо стѣснялъ князя.

Мало-по-малу и вскорѣ я сдѣлался, ежели могу такъ выразиться, старческою привязанностью и привычкою князя. Въ 7 часовъ обыкновенно я долженъ былъ являться къ нему въ кабинетъ и писать подъ его диктовку, распечатывать и докладывать полученную почту и читать газеты, такъ какъ князь слѣдилъ постоянно за всѣми событіями, какъ въ Россіи, такъ и за границей, и получалъ значительную массу журналовъ. Затѣмъ около 8^{1/2} часовъ обыкновенно княгиня и семейство собирались въ кабинетъ пить чай, который я раздѣлялъ съ ними, а съ 9-ти часовъ начиналась уже официальная дѣятельность князя, доклады—гражданскіе: правителей канцеляріи, военные: начальника штаба и другихъ. Въ то время въ Тифлисѣ два раза въ недѣлю получалась только экстраспочта и на извѣстное время прекращалось даже всякое сообщеніе по случаю заваловъ въ горахъ. Князь Воронцовъ имѣлъ привычку почти съ каждой экстраспочтой отправлять частныя письма Военному Министру или другимъ, разъясняя или настаивая на дѣлахъ, имѣющихъ въ глазахъ его особое значеніе. Въ письмахъ этихъ, обыкновенно представляемыхъ военнымъ Министромъ Государю, высказывалось много того, что не могло быть высказано, а иногда и терпимо въ официальной перепискѣ. Я всегда удивлялся той ловкости, осторожности, съ которой князь въ этихъ дипломатическихъ приемахъ умѣлъ проводить свои мысли и требованія. Способность его диктовать была положительно изумительна; онъ часто во время диктовки принималъ постороннихъ лицъ, бесѣдовалъ о разнородныхъ предметахъ и, по прошествіи нѣкотораго времени (которое я обыкновенно употреблялъ, чтобы курить въ сосѣдней адъютантской комнатѣ), онъ продолжалъ диктовку совершенно свободно съ того мѣста, на которомъ остановился.

Последнее время я даже, по желанію князя, присутствовалъ при всѣхъ докладахъ, сидя за особымъ столомъ около окна, за его

письменнымъ столомъ, отмѣчая все, что онъ мнѣ указывалъ изъ дѣлъ для составленія частныхъ писемъ министру. Я такъ приваровился къ его слогу и взглядамъ, что подъ конецъ самъ составлялъ эти письма и рѣдко, когда князь исправлялъ ихъ. На французскомъ языкѣ князь чрезвычайно свободно и ловко диктовалъ, но были и тутъ извѣстныя фразы, которыя составляли необходимую принадлежность каждаго письма его и которыя всегда слѣдовало включать. При изложеніи своихъ мыслей на русскомъ языкѣ встрѣчались извѣстнаго рода галлицизмы и нѣкоторыя обветшалыя выраженія и формы фразъ, которыя, къ удовольствію князя, я всегда старался включить въ составляемые мною письма.

Кромѣ двухъ положенныхъ приемныхъ дней въ недѣлю, когда Воронцовъ принималъ представляющихъ къ нему по службѣ въ залѣ, около кабинета, и всѣхъ просителей въ большой бѣлой залѣ дворца, ежедневно князь принималъ всѣхъ имѣющихъ къ нему особенное дѣло и требовалъ къ себѣ для переговоровъ по разнымъ вопросамъ въ теченіе дня различныхъ, какъ официальныхъ, такъ и частныхъ лицъ. Доступность въ этомъ отношеніи князя могла лишь быть сопоставлена съ тою обходительностью, привѣтливостью и участіемъ, съ которыми онъ встрѣчалъ каждаго. Простота его обхожденія еще болѣе выставяла высокое его положеніе и достоинство его. Сколько разъ я имѣлъ случай убѣдиться въ жизни, что оффиціальная недоступность, напускная важность и театральность формъ скрываютъ въ начальникѣ истинтивную неувѣренность собственнаго достоинства и желаніе наружными формами прикрыть скудость нравственнаго содержанія своего. Никогда не могъ я понять начальниковъ, которыхъ, къ сожалѣнію, столько видѣлъ, постоянно старавшихся наружными формами поддерживать свое достоинство. Такъ дорожить тѣмъ, что составляетъ неотъемлемую принадлежность и условіе въ начальникѣ, лучше всего доказываетъ внутреннее недовѣріе къ себѣ и сознаніе своей нравственной несостоятельности.

Воронцовъ такъ высоко стоялъ своимъ прошедшимъ и настоящимъ, что онъ не опасался никогда показывать себя человѣкомъ во всѣхъ случаяхъ сношеній своихъ съ подчиненными и управляемыми.

Обыкновенно около 2-хъ или 3-хъ часовъ попудни, смотря по количеству дѣлъ, князь прекращалъ свои кабинетныя занятія и ежедневно, какая бы ни была погода, выѣзжалъ кататься верхомъ. Около двухъ часовъ являлся въ кабинетъ старый англичанинъ, грумъ его Джимъ, и спрашивалъ, какую сѣдлать лошадь; затѣмъ князь выѣзжалъ безъ всякаго конвоя, въ сопровожденіи Джима и казака, часто со мною, иногда и съ княгиней. Въ эти поѣздки онъ осматривалъ городъ, окрестности его, производимыя работы и дѣлалъ визиты. (Послѣдніе годы своей жизни онъ исключительно посвящалъ свои прогулки визитамъ княгинѣ Эрстовой и княгинѣ Монанѣ Орбеліани и всегда ѣздилъ одинъ).

Въ шестомъ часу князь обыкновенно возвращался домой, передѣвался и съ нетерпѣніемъ ждалъ обѣда, такъ какъ онъ никогда не завтракалъ и за чаемъ ѣлъ только два яйца съ англійскими toast'ами и въ послѣдніе годы только позволялъ себѣ около часу пополудни выпить рюмку хинной водки съ маленькимъ бисквитомъ. Мы всѣ удивлялись съ нашими молодыми аппетитами этому воздержанію, а Щербининъ съ обыкновеннымъ юморомъ своимъ увѣрялъ, что не стоитъ имѣть такого громаднаго состоянія, чтобы голодать въ продолженіе болѣе 60-ти лѣтъ. Зато за обѣдомъ, всегда весьма сытнымъ и вкуснымъ, но незатѣйливымъ, въ которому обыкновенно приглашались многіе, такъ что насъ садилось за столъ отъ 10-ти до 20-ти человѣкъ, князь Воровцовъ всегда съ жадностью обращался къ двумъ первымъ блюдамъ — супу или щамъ (которые онъ очень любилъ и обыкновенно ѣлъ по двѣ тарелки); такъ же обращался онъ и со вторымъ блюдомъ—ростбифъ или бульи, всегда подаваемый съ рассыпчатымъ картофелемъ по-англійски, и въ это время не принималъ никакого участія въ общемъ разговорѣ и не любилъ, чтобы его тревожили. Послѣ второго блюда князь равнодушно относился къ остальному обѣду и весьма охотно вмѣшивался въ общій разговоръ. За обѣдомъ князь пилъ особенный весьма старый хересъ, который подавался ему одному, такъ какъ немного оставалось въ его погребѣ этого вина, доставшагося ему, кажется, отъ дѣда. Остальное вино, подаваемое къ столу (исключая праздничныхъ дней), было отличное вахетинское, которое князь очень любилъ, и крымское шампанское изъ его садовъ. Послѣ обѣда пили

кофе въ большой гостиной, и князь закуривалъ пахитоску, которую онъ иногда курилъ и утромъ.

Вечеромъ князь имѣлъ правило никогда не заниматься дѣлами и за всю мою службу, кажется, всего разъ пять пришлось мнѣ видѣть и отчасти участвовать въ занятіяхъ князя по вечерамъ. Онъ мнѣ часто говорилъ, давая совѣты гигиеническіе: „*levez vous de bonne heure, faites de l'exercice dans la journée, mais évitez toujours les occupations le soir—cela mène à l'abrutissement, on peut devenir чиновникъ*“.

Въ 8 часовъ аккуратно князь садился въ кабинетъ за карточную копѣчную игру; онъ игралъ часто въ преферансъ и вистъ, но любимая его игра была старинная „*hombré*“. Обыкновенными его партнерами въ эту игру были кн. Василій Осиповичъ Бебутовъ и княгиня Воронцова. Въ 12 часовъ, напившись чаю, князь обыкновенно кончалъ свой день и ложился спать.

Въ походахъ и путешествіяхъ, вездѣ старался онъ сохранить этотъ образъ жизни и его всегда видимо разстраивало всякое отступленіе отъ усвоенныхъ имъ привычекъ. Но нельзя сказать, чтобы князь былъ рабомъ своихъ привычекъ,—когда того требовали обстоятельства, онъ всегда подчинялся и инымъ условіямъ, никогда не измѣняя ни сдержанности своей, ни обаятельному своему со всѣми обхожденію. Князь крайне невзыскателенъ былъ въ своихъ требованіяхъ; дорогой, походами онъ удовлетворялся самымъ простымъ помѣщеніемъ. Ужасные, далеко не гастрономическіе, обѣды и вообще пища, которую приходилось ѣсть въ поѣздкахъ нашихъ и на приглашенныхъ обѣдахъ въ провинціи, совершенно удовлетворяли князя, лишь бы были щи, каша, баранина или рисъ. Я никогда не встрѣчалъ человѣка его лѣтъ болѣе сносливаго выдерживать всякаго рода лишенія, болѣе неразборчиваго, менѣе взыскательнаго и всегда спокойнаго, какъ князь Воронцовъ. Сила воли его въ этомъ случаѣ была замѣчательна, и совѣстно было окружающимъ его на что-нибудь роптать или выражать неудовольствіе, при видѣ той спиходительности и добродушія, съ которыми князь всегда переносилъ всѣ подобныя мелкія невзгоды, а частью и неудовольствія.

Теперь предстоитъ мнѣ коснуться нравственной стороны вы-

сокой личности князя Воронцова. Невольно останавливаюсь передъ волнующими меня при этомъ чувствами и побужденіями. Князю Воронцову считаю себя всѣмъ обязаннымъ; не говоря о сердечномъ участіи, которое я встрѣтилъ въ немъ, въ добрѣйшей княгинѣ и во всемъ семействѣ его, — я обязанъ ему своимъ служебнымъ воспитаніемъ, своими взглядами на многія государственныя задачи настоящаго времени, обязанъ его примѣру тѣмъ обращеніемъ съ людьми и съ дѣлами, которымъ, по возможности, стараюсь руководиться въ моихъ сношеніяхъ и дѣйствіяхъ. Я старался привить себѣ его широкіе взгляды на глубокую преданность чувству долга, его стойкость въ преодоленіи препятствій и, къ сожалѣнію, только до извѣстной степени могъ усвоить уживчивость его характера, особенно со старшими. Съ другой стороны, ежели я и старался, и до сихъ поръ стараюсь не раздѣлять его скептическаго мнѣнія о людяхъ, избѣгать его эгоистическаго направленія и другихъ слабостей этого высокаго характера, то нѣтъ сомнѣнія, что отношенія мои съ княземъ Воронцовымъ охладили во многомъ мой идеализмъ, мою склонность и мою вѣру въ безусловную добросовѣстность людей и вообще дали болѣе практическій складъ моей отъ природы довѣрчивой и впечатлительной натурѣ. Я считалъ бы себя несчастливымъ, ежели бы опытъ жизни въ этомъ отношеніи заставилъ меня утратить послѣднія мои очарованія, и лучше согласенъ въ этомъ случаѣ нравственно вынести многое, чѣмъ окончательно лишиться того, что, по-моему, составляетъ и счастье, и отраду въ жизни — вѣру въ честь и добродѣтель людей.

Понятно послѣ сказаннаго, какъ тяжело мнѣ будетъ выставить слабости человѣка, памяти котораго я такъ привязанъ, какъ больно будетъ самому мнѣ сознавать тѣ темныя стороны личности, такъ глубоко мною чтимой и уважаемой. Но тѣмъ не менѣе рѣшаюсь высказаться, какъ я понималъ и понимаю князя Михаила Семеновича Воронцова, и выставить примѣры въ подтвержденіе моего о немъ сужденія.

Князь отъ природы щедро надѣленъ былъ всѣмъ тѣмъ, что составляетъ высокую, во всѣхъ отношеніяхъ выдающуюся изъ ряда, государственную личность. Знаменитое рожденіе, огромное состояніе, многостороннее и тщательное воспитаніе, сроднившее его по взгля-

дамъ и привычкамъ съ либеральными формами просвѣщенной Англїи, наконецъ провицательный отъ природы умъ его, самое мягкое любящее сердце и сила воли, ознаменовавшая блистательное поприще его жизни, создали въ кн. Воронцовѣ человѣка, назначеннаго судьбою играть видную роль въ его эпохѣ, служившей проявленію столькихъ высокихъ доблестей въ отечествѣ нашемъ. Роль, которую игралъ князь въ отечественную войну, командованіе имъ оккупационнаго корпуса во Франціи послѣ 1814 года *), управленіе или, лучше сказать, созданіе Новороссійскаго края, взятіе въ 1828 г. Варны, наконецъ многолѣтняя и плодотворная дѣятельность князя на Кавказѣ составляютъ дорогія страницы для исторіи русской военной славы и гражданскаго преуспѣянія. Тяжело, передъ столь знаменательными дѣяніями въ жизни человѣка, касаться слабыхъ его сторонъ и проникать, такъ сказать, въ сокровенныя тайны, разоблачающія нравственные его недостатки. Недостатки эти были плодомъ того времени, тѣхъ отношеній и той сферы, гдѣ приходилось князю исказить многое высокое, данное ему природой, и подчинить всѣ эти дары условіямъ времени, въ которомъ онъ жилъ, и положенія, въ которомъ находился.

Природная сердечная доброта князя не подлежитъ никакому сомнѣнію, до смерти своей онъ сохранилъ ее во всѣхъ наружныхъ проявленіяхъ. Насколько я понимаю князя, на дѣйствіа его также вліяла привычка дѣлать добро и, всего болѣе, холодный голосъ разсудка. Князь испыталъ много сердечныхъ разочарованій въ прежнее время, онъ слишкомъ недоувѣрялъ, сомнѣвался, можетъ быть, даже и презиралъ людей, какъ плодъ жизненнаго опыта, чтобы не утратить способность любить. Я часто думалъ, сколько страданій, сколько борьбы должно было перенести сердце князя, чтобы дойти до подобнаго состоянія, сколько нравственныхъ мученій долженъ былъ испытать онъ, чтобы утратить вѣру въ добро

---

*) Нельзя не упомянуть здѣсь объ извѣстномъ поступкѣ Воронцова, обнаруживающемъ истинную натуру *grand seigneur'a*, которымъ онъ во всемъ былъ проникнутъ. Князь оставлялъ Францію послѣ 14-го года и, не желая, чтобы какое-либо нареканіе падало на русскія войска, потребовалъ свѣдѣнія о долгахъ, сдѣланныхъ, какъ нижними чинами, такъ и офицерами всего ввѣреннаго ему корпуса, и передъ выступленіемъ заллатилъ всю сумму, простирившуюся, сколько мнѣ рассказывали, до одного милліона франковъ изъ собственныхъ его денегъ.

и человѣчество — но это такъ; и чувствительность князя, и всегдашняя его готовность къ помощи и участію были, какъ сказано, скорѣе дѣломъ привычки и разсудка, чѣмъ исключительно чувства.

Иногда однако я уловлялъ въ немъ невольные проблески того, чѣмъ такъ щедро сердце его въ началѣ награждено было природой.

Разскажу случай, бывшій со мною, кажется, въ 1848 г. Мы находились лѣтомъ въ крѣпости Воздвиженской, гдѣ князь провелъ около мѣсяца, слѣдя за дѣйствіями нашихъ экспедицій въ большой Чечнѣ. Здѣсь получена была съ фельдъегеремъ изъ С.-Петербурга одна изъ самыхъ неприятныхъ бумагъ, которая за службу мою при князѣ онъ когда либо получалъ отъ Государя и военнаго Министра, кн. Чернышева. Дѣло было въ томъ, что обращали вниманіе князя на неправильность его дѣйствій по представленію на откупъ извѣстному Посполитаки мѣновыхъ дворовъ на правомъ флангѣ Кавказа и вообще на злоупотребленія монополіею этого откупщика въ Черноморіи. Князь въ то время слѣпо вѣрилъ командиру войсками на Кавказской линіи ген.-лейтн. Завадовскому, хитрому и далеко не безкорыстному хохлу, подъ личиною простоты скрывавшему весьма неблаговидныя дѣйствія свои, особенно на Черноморіи *). Все дѣло это очень взволновало князя, онъ далъ мнѣ одному прочесть эти бумаги и приказалъ запереть ихъ въ одинъ изъ извѣстныхъ зеленыхъ ящичковъ, которые всегда возилъ съ собою и въ которыхъ складывалъ секретныя бумаги и болѣе важныя черновыя его переписки. На другой день мы выѣхали изъ Воздвиженскаго. Князь приказалъ фельдъегерю слѣдовать за нимъ и сказалъ мнѣ, что по прибытіи въ Екатериноградъ онъ продиктуетъ мнѣ отвѣты на полученныя неприятныя бумаги. Мы вышли изъ Воздвиженскаго рано, обѣдали въ Грозной и пріѣхали на ночлегъ въ Червленную. Тутъ князь приказалъ мнѣ написать какія-то ничтожныя распоряженія въ Тифлисъ, чтобы отправить ихъ съ обратнымъ курьеромъ, который ожидалъ насъ въ Екатериноградѣ, гдѣ назначена была дневка. Въ Червленной весь вечеръ и часть ночи провелъ я въ веселой бесѣдѣ съ пріятелями и утромъ, когда пришелъ къ князю, нашелъ его весьма

---

*) Какъ о немъ, такъ и о Посполитаки придется говорить впоследствии.

взволнованнымъ; его камердинеръ сказалъ мнѣ, что онъ не спалъ почти всю ночь—онъ видимо былъ подъ впечатлѣніемъ неудовольствія на него Государя. Когда я вошелъ, князь спросилъ меня написалъ ли я письма въ Тифлисъ, — я отвѣтилъ, что нѣтъ и что только по полученіи почты изъ Екатеринограда намѣренъ это сдѣлать, такъ какъ, вѣроятно, придется еще что прибавить по полученіи Тифлискаго курьера. Князь съ раздраженіемъ, которое почти въ первый разъ я у него видѣлъ, возразилъ мнѣ: „il ne s'agit pas de raisonner, mais de remplir les ordres, que je vous donne“. Я никогда подобнаго замѣчанія отъ него не слыхалъ; видимо было, что въ этомъ незаслуженномъ упрекѣ онъ изливалъ только на мнѣ свое волненіе и раздраженіе по другому дѣлу. Меня, я помню, это очень оскорбило. До Екатеринограда онъ всю дорогу былъ чрезвычайно сухъ и задумчивъ. Здѣсь встрѣтила насъ княгиня Воронцова, которая пріѣхала изъ Тифлиса, чтобы слѣдовать съ княземъ на воды въ Кисловодскъ. На другое утро князь рано призвалъ меня и началъ диктовать весьма длинное письмо на имя Государя и еще болѣе пространное объясненіе по Черноморскимъ дѣламъ на имя кн. Чернышева на французскомъ языкѣ. Когда это было кончено, князь выѣхалъ верхомъ, а я остался переписывать набѣло эти письма. Передъ обѣдомъ оцъ приказалъ мнѣ прочесть переписанное. Я былъ все это время дѣйствительно, подъ влияніемъ сдѣланнаго мнѣ замѣчанія, въ сильномъ раздраженіи, въ отношеніи князя велъ себя непривычно сухо и невнимательно и даже, сознаюсь, неприлично. Князь все это хорошо замѣчалъ, но не высказывался. Наконецъ, когда я прочелъ ему тщательно переписанныя письма, за которыми просидѣлъ въ страшную жару съ самаго утра, князь на каждомъ переписанномъ листѣ перечеркнулъ и переправилъ въ обоихъ письмахъ по одному слову, какъ, на примѣръ,—на мѣсто *puisque* — *parceque* и все въ этомъ родѣ. Явно, что цѣлю его было этимъ наказать меня. При горячности моего характера, можно себя представить, что я испытывалъ. Не сказавъ ни слова, я принялся за работу. Когда князь самъ позвалъ меня къ обѣду, я не пошелъ и остался въ кабинетѣ, переписывая до самаго вечера. Идя спать, князь спросилъ, сколько осталось.—Я отвѣтилъ, что, просидѣвъ весь вечеръ, кончалъ только

одно письмо. Надобно замѣтить, что письма къ Государю нужно писать большими буквами, чрезвычайно четко и потому медленно, равно и Министру, такъ какъ послѣднее назначалось къ докладу Государю. Около 12 часовъ князь удалился въ сосѣднюю комнату, гдѣ была его спальня. Я нарочно не пошелъ на квартиру, а остался въ кабинетѣ, чтобы доказать князю, сколько времени и труда стоять его ненужныя поправки. Кажется, было 5 часовъ утра, когда я кончилъ переписку и ушелъ домой. Въ 7 часовъ я былъ уже у князя, который зналъ отъ камердинера, что я недавно только окончилъ работу. Сѣвши за письменный столъ, онъ сталъ со мной ласково разговаривать, — видимо ему жаль меня было. Онъ приказалъ прочесть письма, подписалъ ихъ и связалъ мнѣ: „je crois, que nous avons tout dit“. Я молчалъ. Князь продолжалъ: „Vous pensez peut-être, que nous avons trop dit?“ Я, съ худо сдержанной злобой, отвѣтилъ ему его Червленской фразой: „il ne s'agit pas de raisonner, quand on reçoit des ordres“. Князь въ это время ходилъ по кабинету; я тогда взялъ одну изъ черновыхъ и заперъ ее въ зеленый ящикъ и, въ раздраженіи своемъ, позволилъ себѣ въ высшей степени дерзкую и неумѣстную выходку—другую черновую разорвалъ на мелкіе куски и съ ожесточеніемъ бросилъ въ корзинку. Во все время этихъ глупыхъ гнѣвныхъ порывовъ моихъ князь продолжалъ ходить по кабинету, заложивши за спину руки. Я спросилъ: „можно печатать пакеты и отправить фельдъегеря въ Петербургъ?“ Онъ отвѣчалъ утвердительно и, когда я кончилъ печатать, подошелъ сзади ко мнѣ, такъ что я его не замѣтилъ, поцѣловалъ меня въ голову и съ выраженіемъ доброты на лицѣ, которое я никогда не забуду, сказалъ мнѣ, потрепавъ по плечу: „mon cher D., dans ma vie j'ai eu des chefs encore plus désagréables, que ça“. Я до того былъ сконфуженъ и растроганъ незаслуженнымъ участіемъ и вниманіемъ князя, что, помню, въ слезахъ бросился къ нему на шею, прося его извинить мнѣ раздраженіе и простить неприличность моей выходки. Князь отечески обнялъ меня и сказалъ: „n'en parlons plus, mon cher, et allons prendre le thé, ma femme nous attend“. Я никогда не забуду этой сцены, которая привязала меня, ежели можно было, еще больше къ рѣдкому моему начальнику.

Во время тяжкой моей болѣзни въ началѣ 1852 г. въ Тифлисѣ, князь также мнѣ показалъ такое участіе, которое могло только исходить отъ сердца. Но объ этомъ скажу въ свое время при воспоминаніяхъ.

Я зналъ князя уже въ преклонныхъ лѣтахъ; нѣтъ сомнѣнія, что въ эти годы притупляется многое, холодный старческій эгоизмъ, мысль только о себѣ и своемъ спокойствіи заставляютъ человека избѣгать всего того, что можетъ идти въ разрѣзъ съ чувствомъ себялюбія, овладѣвающимъ старостью. Но князь Воронцовъ до послѣдней поры тщательно умѣлъ скрывать эти чувства, онъ неизмѣнно, въ глазахъ другихъ, казался всегда принимающимъ самое сердечное участіе въ дѣлахъ и лицахъ; слеза являлась на глазахъ его, нервное пожатіе руки, измѣненіе голоса въ данныхъ случаяхъ всегда обнаруживали въ немъ человека глубоко воспримчиваго и чувствительнаго. Самые близкіе, какъ я, можетъ быть, могли только оцѣнить различіе наружнаго отъ внутренняго. Въ князѣ, къ сожалѣнію, не было одного—это религіознаго чувства. Сынъ своего вѣка, воспитанный въ вольтерьянскомъ направленіи, въ немъ не было теплой, живой вѣры; умъ и разсудокъ замѣняли въ немъ то святое чувство, которое такъ сильно поддерживаетъ человека въ жизни и служить такимъ утѣшителемъ въ минуту смерти. Князь вообще не любилъ говорить о религіи, допуская ее только въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ средство, а ежели говорилъ, то съ большимъ скептицизмомъ и подсмѣиваясь всегда нацѣ наружными формали. Все это въ молодомъ человекѣ скорѣе можетъ быть объяснимо, но въ старикѣ его лѣтъ разговоры и насмѣшки о религіи, сказанныя большею частью, чтобы подразнить княгиню или графиню Шуазель, весьма набожныхъ, всегда производили на меня, несмотря на молодость мою, неловкое впечатлѣніе.

Припоминаю, какъ разъ во время поста, чуть ли не передъ самой страстной недѣлей, въ которую и князь и всѣ мы говѣли въ дворцовой домово́й церкви, онъ какъ-то за утреннимъ чаемъ разсказывалъ княгинѣ и графинѣ Шуазель, которыя хвалили какое то сочиненіе о страсти Господней, какъ одинъ пасторъ произвелъ на своихъ слушателей проповѣдью о страстяхъ Спасителя такое впечатлѣніе, что всѣ рыдали, плакали, а женщины приведены были

почти въ истерическое нервное состояніе. Доброму пастору стало такъ жаль своихъ прихожанъ, что онъ, чтобы успокоить ихъ и смягчить впечатлѣніе проповѣди, сказалъ имъ съ каеэдръ: „*Consolez vous, mes enfants, peut-être, que tout cela n'est pas vrai!*“ Въ устахъ старика подобный, даже сказанный съ цѣлью подразнить, анекдотъ производилъ весьма тягостное впечатлѣніе, и можно себѣ представить, какъ въ этихъ случаяхъ страдала княгиня.

Другой разъ, сколько мнѣ помнится, на вербное воскресенье, былъ принесенъ князю къ подписи смертный приговоръ надъ тремя разбойниками Лезгинской линіи, приговоренными къ повѣшенію въ крѣпости Закаталахъ. Неизвѣстно по какому случаю, узнала объ этомъ княгиня и просила меня никакъ не допустить князя подписывать эту бумагу во время говѣнія и, кажется, и его самого объ этомъ просила. Я взялъ приговоръ со стола князя и спряталъ его въ свой столъ. Въ Четвергъ, послѣ причастія или въ Пятницу утромъ—хорошо не помню—князь вспомнилъ о бумагѣ и, потребовавъ ее отъ меня, съ улыбкою сказалъ: „*Maintenant la Princesse n'a du moins rien à redire*“ и хладнокровно подписалъ приговоръ. На меня произвело сильное впечатлѣніе это хладнокровное, скажу болѣе, сардовическое отношеніе князя къ религіозному чувству, которое особенно должно было возбудить и развить недавнее причащеніе Св. Тайнъ.

Еще большее отсутствіе теплой вѣры выказалъ князь во время тяжелой своей болѣзни въ Алупкѣ, но объ этомъ скажу въ воспоминаніяхъ своихъ 1851 года.

Въ сношеніяхъ съ людьми князь выказывалъ замѣчательный тактъ и знаніе человѣческаго сердца; онъ съ каждымъ умѣлъ говорить подходящимъ языкомъ; особенно простота и привѣтливость его обвораживали всѣхъ, имѣющихъ къ нему дѣло. Всякій выходилъ отъ князя подъ обаяніемъ его приѣма, довольный и полный надеждъ. Часто надеждамъ этимъ приходилось не осуществляться, часто также обѣщанія князя измѣнялись совершенно въ противную сторону и послѣдствіемъ самаго ласковаго приѣма было удаленіе отъ должности или преданіе суду, и въ этомъ отношеніи многіе довольно скоро переставали безусловно вѣрить приѣмамъ князя. Но тѣмъ не менѣе, онъ не утратилъ въ массахъ до конца силы обаянія своего

обхожденія. Часто случалось мнѣ, по выходѣ изъ кабинета какого-нибудь лица, тутъ же слышать мнѣніе о немъ князя большею частью вѣрное, но противоположное тому, что онъ говорилъ вышедшему лицу. Я помню какъ на первыхъ порахъ меня возмущало это лицемѣріе, и иногда даже случалось говорить объ этомъ князю въ интимныхъ бесѣдахъ съ нимъ. Онъ всегда смѣлся, говорилъ мнѣ: „Vous êtes trop jeune. Vous comprendrez cela plus tard“.

Хочу разсказать здѣсь одинъ случай. Кажется, въ 1848 г. были мы въ Шемахѣ и приходилось отправлять курьера въ Тифлисъ. Князь диктовалъ мнѣ утромъ много писемъ и, между прочимъ, отвѣтъ генералу Бѣлявскому, тогдашнему военному губернатору въ Кутаисѣ, на письмо, въ которомъ онъ просилъ уволить его отъ занимаемой имъ должности. Надобно замѣтить, что Бѣлявскій нисколько не оправдалъ ожиданій князя при назначеніи его на эту должность. Совершенно незнакомый съ гражданскими порядками, онъ своею заносчивостью, самоувѣренностью и безтактностью запуталъ всѣ дѣла и въ управляемомъ имъ краѣ возставилъ всѣхъ противъ себя. Князь не зпалъ, какъ отъ него отдѣлаться, и не хотѣлъ явно сознаваться въ ошибочности своего выбора, но нисколько не стѣснялся высказывать передъ ближними свое неудовольствіе противъ Бѣлявскаго. Онъ очень обрадовался просьбѣ его объ увольненіи (вызванной, впрочемъ, непріятными отношеніями съ княземъ) и со всегдашней своей улыбкой началъ диктовать отвѣтъ. Какъ теперь помню это письмо, писанное по русски. Оно все заключалось въ сожалѣніи о рѣшеніи губернатора оставить свой постъ, и выражалась надежда, что онъ измѣнитъ свои намѣренія и будетъ продолжать содѣйствовать князю въ его трудномъ управленіи съ такимъ же усердіемъ и знаніемъ дѣла, какъ до сего времени. Я помню даже выраженіе: „неужели Вы, при старости лѣтъ моихъ, откажете мнѣ въ вашей полезной службѣ и т. д.“. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ, зная мнѣніе князя о Бѣлявскомъ. Князь же, видя мое недоумѣніе, улыбался и продолжалъ диктовать. Подписавъ письмо, онъ тутъ же началъ мнѣ диктовать другое военному Министру, начинавшееся словами: „Mon cher P-se, enfin je puis me débarrasser de cet imbécile de Beliawski. . .“

Я положилъ перо и такъ былъ въ этомъ случаѣ наивенъ, что сказалъ князю: „permettez, mon P-се, d'appeler Nicolaï; j'aimerais, que les lettres ne soient pas écrites de la même main et surtout de la mienne“. Князь добродушно расхохотался этой, сознаю, весьма глупой моей выходкѣ и сказалъ: „с'est très beau, mais c'est bien jeune. Appelez Nicolaï“ и потомъ, помнится, припоминалъ мнѣ этотъ случай нѣсколько разъ со смѣхомъ. Я никакъ не могъ понять, почему онъ такъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ, когда ничто не мѣшало ему открыто поступить съ Бѣлявскимъ. Я думаю, что иногда забавляло его дурачить людей. Бѣлявскій, получивъ трогательное письмо князя, вслѣдъ затѣмъ прочелъ въ приказѣ о назначеніи своемъ во фронтную службу въ Россію.

Можетъ быть, какъ я понимаю, тутъ дѣйствовало, кромѣ сложившейся опытомъ жизни и привычки, и эгоистическое чувство князя: онъ избѣгалъ тщательно всѣхъ неприятныхъ сценъ, объясненій и всего того, что могло волновать его или разстраивать его обиденную жизнь. Меня всегда поражало во всѣхъ случаяхъ самообладаніе князя. Никогда почти онъ не выходилъ изъ сдержанности своей и не измѣнялъ хладнокровной осанки своей. Раздраженіе его замѣчалось только нѣкоторымъ дрожаніемъ голоса, извѣстною гримасою рта и прищуриваніемъ глазъ, но въ словахъ его почти никогда не вкрадывалось какое либо рѣзкое выраженіе. Много, когда онъ себѣ позволялъ язвительный намекъ или замѣчаніе. Но тѣмъ не менѣе, всѣ положительно боялись князя и ово понятпо—никто не зналъ и не могъ подозрѣвать послѣдняго его слова, всякій его опасался и страшился послѣдствій, ежели когда-нибудь обыкновенная сдержанность князя перейдетъ въ гнѣвное раздраженіе. Въ этомъ отношеніи князь до конца оставался неразгаданнымъ.

Во всѣхъ дѣловыхъ вопросахъ, предстоявшихъ обсужденію и рѣшенію князя, меня всегда поражала проникательность его ума, широкій взглядъ на вещи и въ извѣстныхъ случаяхъ замѣчательная по его положенію практическая опытность, при отсутствіи знанія мелочей, которыя такъ чужды были его характеру, не говоря уже объ изученіи имъ человѣческой природы со всѣми ея слабостями. Бывало, при сложномъ докладѣ, при чтеніи записки, при разсматри-

ваніи представленнаго проекта, гдѣ все казалось такъ вѣрно, дѣльно и логично,—вниманіе князя вдругъ останавливалось на какомъ-либо ничтожномъ, повидимому, обстоятельстве или фразѣ редакціи, онъ приказывалъ отмѣтить ее, дослушивалъ все до конца и тогда высказывалъ свой взглядъ на замѣченное имъ. Выходило, что князь именно попадалъ на главное, на суть вопроса, мысль его проливала новый свѣтъ на все дѣло и окончательно измѣняла сложившіяся первоначально мнѣнія и убѣжденія. Это несомнѣнный признакъ и лучшее доказательство государственнаго ума кн. Воронцова. Не было человѣка болѣе либеральнаго во взглядахъ и формахъ, какъ князь. Полученное имъ въ Англии воспитаніе несомнѣнно оставило слѣды свои на всей жизни его; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что умъ Воронцова вполне сознавалъ въ то время необходимость извѣстной доли произвола въ начальникѣ и, хотя подъ самыми мелкими формами, но въ отношеніи къ своей власти кн. Воронцовъ былъ положительно деспотъ. Онъ допускалъ всякія сужденія, но разъ принявъ иногда, къ сожалѣнію, и сознательно-ложное направленіе, онъ не допускалъ противорѣчій, а еще болѣе тѣни сопротивленія.

Князь былъ врагъ всякихъ канцелярскихъ формальностей, онъ не переносилъ бюрократизма во всѣхъ его видахъ, а постояннымъ предметомъ его язвительныхъ насмѣшекъ были чиновничьи приемы начальника Штаба и другихъ лицъ управленія. Онъ очень любилъ разсказывать анекдоты изъ прежней своей практики, обо всѣхъ абсурдахъ нашей бюрократической системы, напр., требованіе изъ Министерства свѣдѣній отъ исправниковъ о количествѣ саранчи въ уѣздѣ и т. под. Многосложный сводъ нашихъ законовъ князь глубоко презиралъ, онъ мало его зналъ и всегда увѣрялъ, что ежели не въ одной, то въ другой книгѣ можно найти тотъ законъ, который желаешь. Онъ не любилъ, когда ему выставляли различныя статьи свода, и очень часто съ особеннымъ удовольствіемъ не исполнялъ закона или дѣйствовалъ въ противность оному, если считалъ въ извѣстномъ вопросѣ для общаго дѣла это полезнымъ. Въ то время все это можно было дѣлать — все молчали и все прикрывалось довѣріемъ Государя къ намѣстнику и властью его на Кавказѣ.

Князь былъ покровителемъ фритредеровъ; одесскій порто-франко былъ его созданіемъ, онъ всегда враждебно относился къ таможенѣ, и я помню, когда мы съ нимъ изъ Одессы возвращались въ 1850 г. на Кавказъ черезъ Редуть-Кале и озабочены были, какъ провезти купленную нами въ порто-франко контрабанду, то князь приказалъ всѣ наши ящики написать на свое имя, и они прошли, разумѣется, безъ осмотра. Обстоятельство это очень его забавляло, и вещи наши были намъ выданы изъ его дома въ Тифлисѣ. Онъ часто говорилъ: „*Quand le diable dans sa malveillance pour l'humanité créa les douanes, Dieu dans sa bonté inventa la contrabande*“.

Воропцова всегда очень интересовало экономическое развитіе вѣреннаго ему края. Какъ въ Новороссійскомъ краѣ, такъ и на Кавказѣ князь чрезвычайно заботился о разведеніи полезныхъ растений, усовершенствованіи винодѣлія и лучшихъ способахъ обработки земли и извлеченія доходовъ отъ плодородной почвы Кавказа. Въ Тифлисѣ заведена была образцовая ферма. Князь снабжалъ всѣхъ желающихъ виноградными крымскими лозами изъ своихъ садовъ и вообще его чрезвычайно занимали и служили ему развлеченіемъ успѣхи въ краѣ той или другой отрасли садоводства. Особенное вниманіе обратилъ онъ на воздѣлываніе марены и въ прикаспійскихъ провинціяхъ и Кумыцкой плоскости, и просвѣщенному его содѣйствію обязана была эта отрасль промышленности своимъ замѣчательно быстрымъ развитіемъ. Заботы его распространялись такъ же и на минеральныя богатства Кавказа. По его приказанію, изслѣдованы весьма многія мѣстности, и ежели неудачно построенный Алагирскій серебряный заводъ около Владикавказа не оправдалъ возлагаемыхъ въ то время надеждъ, то открытіе Тквибульскихъ каменно-угольныхъ залежей въ Имеретіи, на посту Хумары, на Кубани, въ Койтаѣ, въ Дагестанѣ и въ другихъ мѣстахъ, также болѣе правильная обработка нефтяныхъ источниковъ въ краѣ и вообще то движеніе, которое князь далъ частной предпримчивости и промышленнымъ силамъ на Кавказѣ, составляютъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ его управленія. При князѣ дѣйствительно торговыя и промышленныя силы страны вышли изъ прежняго рутиннаго направленія, благодаря тому просвѣщенному

и либеральному участию, которое онъ принималъ въ этихъ вопросахъ. Положительно каждый частный человѣкъ находилъ въ своемъ дѣлѣ въ лицѣ князя, при его доступности, не только опытнаго совѣтника, но и мощнаго покровителя противъ канцелярскихъ и бюрократическихъ порядковъ, которыми всегда тормозится частная предпримчивость у насъ въ Россіи и которымъ такъ не сочувствовала натура князя и широкой взглядъ его на дѣло.

Воронцовъ имѣлъ системою постоянно покровительствовать туземному населенію, хранить, по возможности, его обычаи, историческія преданія и порядки. Нѣтъ сомнѣнія, что направленіе это имѣло свою хорошую сторону въ политическомъ отношеніи и, отчасти, административномъ, но много нареканій на князя,—особенно, разумѣется, со стороны чиновниковъ,—и порицаній его дѣйствій приходилось слышать, и дѣйствительно въ извѣстной степени они были справедливы. Князь впадалъ часто въ крайности, но зато пользовался полнымъ довѣріемъ и особою привязанностью туземцевъ, часто употреблявшихъ во зло участіе къ нимъ Главнаго начальника. Въ послѣдніе годы управленія на Кавказѣ, вслѣдствіе и другихъ, совершенно частныхъ, причинъ и постороннихъ вліяній, система князя обратилась въ положительную слабость къ Грузинамъ. Интересы частныхъ лицъ и семействъ до того имъ усваивались, что часто онъ приносилъ въ жертву болѣе важныя общіе интересы и даже справедливость своимъ старческимъ влеченіямъ къ Грузинамъ. Замѣчательно было, какъ я уже говорилъ, въ князѣ глубокое знаніе человѣческаго сердца и людей; онъ умѣлъ всегда пользоваться слабою стороною каждаго и, при наружной простотѣ своего обхожденія, изучать весьма вѣрно склонности и характеръ лицъ, съ которыми имѣлъ дѣло. Долговременный опытъ жизни, къ сожалѣнію, заставлялъ его весьма скептически относиться къ человѣчеству, но при поразительномъ самообладаніи князь никогда этого не показывалъ и умѣлъ даже заставлять вѣрить въ свою довѣрчивость и часто совершенно мнимое участіе. Разумѣется, князь могъ ошибаться въ людяхъ, но сколько я его понимаю, онъ ошибался почти всегда сознательно и терпѣлъ недостойныхъ людей, глубоко презирая ихъ, или въ виду той пользы для дѣла, которую онъ отъ

нихъ извлекалъ, или же изъ чисто эгоистическихъ личныхъ видовъ. Достаточно вспомнить о докторѣ А.....

Князь Воронцовъ безусловно вѣрилъ въ медицинскія познанія А..... и въ этомъ отношеніи, повидимому, не ошибался. А..... такъ долго состоялъ при князѣ, такъ принаровился къ его натурѣ, что положительно поддерживалъ его и чрезвычайно удачно, хотя иногда и самыми рѣшительными средствами, исцѣлялъ князя отъ его болѣзней. Къ тому же онъ умѣлъ выставлять свои знанія и пріобрѣсти неограниченное, какъ къ медику, довѣріе князя. Несмотря на хитрый умъ его и несомнѣнныя познанія, грубость формъ А....., безтактность и неразборчивость выраженій на каждомъ шагѣ должны были поражать аристократическую натуру князя. Онъ иногда даже высказывался объ этомъ, но въ присутствіи А..... рѣшительно все терпѣлъ и сносилъ. Съ каждымъ годомъ видимо усиливалось вліяніе этого человѣка на князя; онъ видѣлъ въ немъ единственное средство къ поддержанію своего потрясеннаго лѣтами и болѣзнью организма, а по мѣрѣ ослабленія физическихъ силъ князь все болѣе и болѣе привязывался къ жизни и дорожилъ ею. А..... очень хорошо это понималъ и пользовался своимъ вліяніемъ для всевозможныхъ корыстолюбивыхъ своихъ цѣлей; кромѣ того, по безпокойному своему характеру, любилъ вмѣшиваться во всѣ дѣла, высказывать самыя рѣзкія и пристрастныя сужденія о лицахъ и нравственно и матеріально, можно сказать, торговалъ своимъ вліяніемъ.

А..... вообще никто не уважалъ и не любилъ. Онъ необыкновенно ловко, особенно въ послѣдніе годы, умѣлъ пользоваться слабостями князя и, женившись на грузинкѣ, служилъ орудіемъ для многихъ несправедливыхъ и даже вопіющихъ дѣлъ въ пользу извѣстныхъ личностей и фамилій, покровительствуемыхъ княземъ. Онъ не былъ въ сущности дурной человѣкъ, и сердце было у него доброе, но онъ обладалъ въ высшей степени духомъ интриги, былъ до крайности раздражителенъ и не разбиралъ никакихъ средствъ для достиженія своей цѣли. Онъ компрометировалъ князя такъ часто и во многомъ, не скрывая своего вреднаго вліянія, что положительно много пристрастныхъ и даже неблаговидныхъ распоряженій намѣстника были плодомъ подпольныхъ дѣйствій А.....

Въ 1847 г., когда съ отрядомъ мы осаждали укрѣпленный аулъ Салты, князь сильно заболѣлъ глазами. Онъ долженъ былъ все время въ темной палаткѣ избѣгать свѣта и, наконецъ, болѣзнь его до того усилилась, что угрожала ему потерю зрѣнія. Въ то время бывшій у насъ въ отрядѣ извѣстный Пироговъ положительно высказался въ самомъ неблагопріятномъ смыслѣ объ исходѣ болѣзни. Князь, съ замѣчательнымъ терпѣніемъ переносившій всѣ физическія страданія, страшно пораженъ былъ мыслью ослѣпнуть. А....., никогда ни въ чемъ несомнѣвающейся, самъ былъ крайне взволнованъ и озабоченъ. Наконецъ рѣшился онъ на самое энергическое и, кажется, еще никогда въ то время не испробованное средство. Онъ сильнымъ растворомъ ляписа началъ дѣлать впрыскиванія въ глаза князя и окончательно вылечилъ его. Я помню, что въ 1849 г., когда глазныя болѣзни свирѣпствовали во французскихъ войскахъ при осадѣ Рима, князь получилъ брошюру, въ которой упоминалось о ляписѣ, какъ специфическомъ средствѣ въ этой болѣзни. Можно себѣ представить, какъ этимъ воспользовался А..... и сумѣлъ укрѣпить вѣру князя въ его медицинскія знанія.

Кажется, въ 1849 или 50-мъ году, извѣстный армянинъ И. М..... М....., одинъ изъ главныхъ подрядчиковъ Кавказской арміи, представилъ, разумѣется черезъ А....., проектъ поставки изъ Россіи спирта для войскъ въ Дагестанъ. Прежде, какъ въ Закавказьѣ, такъ и въ Дагестанѣ, войска наши постоянно снабжались туземнымъ спиртомъ изъ винограда — по линіи изъ Кизляра, а въ Грузіи водкой изъ Кахетіи. Весьма малое количество хлѣбнаго вина доставлялось изъ Россіи. А....., имѣвшій всегда стачки со всѣми подрядчиками, уже нѣсколько времени передъ тѣмъ высказывалъ свое мнѣніе о вредномъ вліяніи на здоровье войскъ винограднаго вина и о преимуществѣ хлѣбнаго. Князь весьма основательно никакъ не соглашался съ этимъ мнѣніемъ и, кромѣ того, въ употребленіи мѣстнаго спирта видѣлъ поощреніе мѣстной промышленности. Проектъ условія М..... былъ переданъ не въ штабъ, какъ того требовалъ порядокъ, а въ канцелярію. Не помню кто, Сафоновъ или Щербининъ, не рѣшаясь идти противъ А....., но видя явно въ этомъ зло-

употребленіе, просили меня объяснить дѣло князю и оградить его отъ справедливыхъ нареканій. Я взялъ контрактъ и, помню, утромъ высказалъ свое мнѣніе князю, не жалѣя А....., и при этомъ указалъ, что мнимая выгодность цѣнъ въ сравненіи съ существующими есть явный обманъ. Дѣло въ томъ, что въ контрактѣ было сказано: поставку такого-то количества категорическаго (такъ называлось казенное порціонное вино войскамъ) дозволяется ввести въ такіе-то порты Каспійскаго края для довольствія войскъ по такой-то цѣнѣ, затѣмъ прибавлено — и чарочнаго. Эта послѣдняя оговорка не стѣсняла уже подрядчика ни количествомъ ввозимаго вина, ни цѣною продажи въ раздробъ, и равносильна была вытѣсненію изъ употребленія туземнаго спирта не только въ Дагестанѣ, но и въ Грузіи. Князь былъ пораженъ моими доводами, нѣсколько разъ прочитывалъ контрактъ и сказалъ мнѣ, улыбаясь: „certainement il y a de l'A..... la dessous,—mais cette fois-ci cela ne lui réuissira pas“. На другое утро, до моего прихода, князь, вѣроятно, рѣзко поговорилъ съ А....., потому что, когда я вошелъ въ кабинетъ, контрактъ лежалъ на столѣ и сконфуженный А..... со страшной злобой посмотрѣлъ на меня и вышелъ изъ комнаты. Князь ничего не сказалъ, но видимо былъ взволнованъ; контрактъ положилъ онъ въ ящикъ своего стола. На другой день А....., придя утромъ въ кабинетъ, сталъ при мнѣ пристально всматриваться въ глаза князя; старикъ встревожился, когда А..... сказалъ ему, что онъ замѣчаетъ красноту и раздраженіе. Сейчас же были спущены шторы въ кабинетѣ. Князю надѣли зеленый зонтикъ на глаза и началось какое-то леченіе, вслѣдствіе котораго въ продолженіе 7-ми или 8-ми дней его уже не выпускали изъ темной спальни. Въ семействѣ и городѣ поднялась общая тревога, всѣ надежды сосредоточились на А..... Возмущенный всѣмъ тѣмъ, чему я былъ свидѣтелемъ, я, кажется, княгинѣ высказалъ мои догадки и, впрочемъ, ни передъ кѣмъ не скрывалъ своего мнѣнія о дѣйствіяхъ А..... Князь наконецъ поправился, но контрактъ былъ подписанъ и дѣло сдѣлано—дальнѣйшія подробности мнѣ неизвѣстны. Рассказываю объ этомъ фактѣ, какъ объ одномъ изъ поразившихъ меня болѣе всего въ отношеніяхъ князя въ послѣдніе годы его жизни въ дѣлу,

когда эгоистическое чувство самосохраненія брало верхъ надъ общественными интересами. Я помню, какъ обстоятельство это меня крайне огорчило. Князь избѣгалъ говорить со мной о контрактѣ М....., и мнѣ помнится, что какъ-то разъ я нарочно намекнулъ на это дѣло, что возбудило временно явное неудовольствіе противъ меня князя. Можетъ быть, А..... удалось убѣдить князя и другими болѣе вѣскими передъ моими доводами — сердечно желалъ бы для памяти князя этому вѣрить.

Князь Воронцовъ любилъ строгую исполнительность по службѣ и, вообще, не допускалъ, чтобы прекословили или противодѣйствовали его видамъ и намѣреніямъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ, какъ выше сказано, совершенный деспотъ; неудовольствіе свое высказывалъ всегда сдержанно и скорѣе язвительными намеками, но мнѣніе о лицѣ неисполнившемъ его виды или непонявшемъ его приказанія устанавливалось надолго въ памяти князя, и много надобно было сдѣлать впоследствии, чтобы измѣнить составившійся у него взглядъ о достоинствахъ или способностяхъ человѣка.

При самомъ же исполненіи князь совершенно не обращалъ вниманія на форму, лишь бы была суть дѣла. Такъ совершенно безразлично было написать ему рапортъ по возложенному порученію на бѣлой или сѣрой бумагѣ, явиться за приказаніями или съ докладомъ въ мундирѣ или въ сюртукѣ безъ эполетъ и т. п. Вообще, въ службѣ онъ держался духу и смыслу, а не наружной формы. Для окружающей его молодежи и приближенныхъ нельзя было вообразить себѣ болѣе свисходительнаго, внимательнаго и добраго начальника. Всѣ шалости молодежи, разумѣется неимѣющія характера ни буйства, ни явнаго неприличія, встрѣчали скорѣе въ немъ симпатичный интересъ къ проявленію молодости, чѣмъ взыскательное отношеніе начальника къ своимъ подчиненнымъ.

Приведу одинъ примѣръ. Какъ-то разъ, возвращаясь изъ театра въ прекрасную весеннюю Тифлисскую ночь, зашелъ я поужинать въ клубъ, расположенный на площади, какъ разъ передъ домомъ Главнокомандующаго. Къ зданію клуба примыкалъ на площади садъ, открытый со всѣхъ сторонъ на улицу. Въ этомъ саду нашелъ я товарища своего Васильчикова и двухъ-трехъ пріятелей, ужинавшихъ на открытомъ воздухѣ. Я подсѣлъ къ нимъ и

вдругъ родилась мысль послать за оркестромъ музыки гренадерскаго полка, чтобы усладить нашъ кейфъ. Задумано и сдѣлано. Меньше чѣмъ черезъ часъ, 60 музыкантовъ стояли передъ нами въ саду, который мы освѣтили свѣчами и фонарями, и на первые звуки музыки стали сходиться изъ сосѣднихъ домовъ къ намъ знакомые, публика смотрѣла на насъ съ улицы, народу роздали вино и образовался импровизированный пиръ. Собралось много знакомыхъ, другихъ посылали мы будить и зазывать и такимъ образомъ пропировали до разсвѣта. Затѣмъ съ хоромъ музыки пошли гулять по городу, давая серенады спавшимъ товарищамъ. Въ 7 часовъ я былъ однакоже, по обыкновенію, на службѣ у князя. Я замѣтилъ въ немъ немного усталый видъ; онъ ласково спросилъ меня: „вчера вы, кажется, кутили, что у васъ было?“ Я разсказалъ ему все наше препровожденіе времени. Князь очень смѣялся мысли призвать хоръ музыки на первоначальный ужинъ, состоявшій изъ 4-хъ персонъ, и тутъ же припомнилъ, какъ вутилъ онъ во время Циціанова въ 1802 г. въ томъ же Тифлисѣ еще молодымъ офицеромъ. Когда я вышелъ изъ кабинета къ завтраку, который намъ обыкновенно подавали на другой половинѣ дворца, камердинеръ князя Джіованни, котораго не знаю почему такъ называли (онъ же былъ просто Иванъ Донцовъ, знающій, правда, всѣ иностранные языки одинаково плохо), разсказалъ мнѣ слѣдующее. Отъ непомятаго нашего шума, криковъ ура и грома музыки князь проснулся въ первомъ часу ночи и приказалъ Джіованни узнать, что происходитъ на улицѣ, откуда всѣ звуки долетали до спальни его. Камердинеръ, вышедши на балконъ, увидѣлъ насъ всѣхъ на площади въ саду и просилъ позволенія у князя дать знать намъ, чтобы мы не тревожили его сонъ. Князь разсердился на Джіованни, запретилъ ему не только насъ тревожить, но даже и говорить, что мы его разбудили, сказавъ: „слава Богу, что моя молодежь довольна и веселится“. Намъ всѣмъ ужасно совѣстно было, что никому это въ голову и не пришло, и съ тѣхъ поръ избрали мы театромъ своихъ ночныхъ увеселеній ботаническій садъ и другія мѣста въ городѣ, но въ клубъ болѣе музыки не приглашали. Когда случались какія-либо шалости въ городѣ, князь, зная, что я постоянно въ нихъ участвовалъ, всегда

разспрашивалъ меня о нашихъ походахъ и сердечно смѣялся нашимъ шуткамъ. Хочу, въ доказательство того, какъ князь добродушно и снисходительно понималъ наши шутки и фарсы, рассказать о случаѣ, бывшемъ подъ Салтами въ 1847 г.

Въ первое время осады, наибъ Шамяля Хаджи-Муратъ почти каждую ночь вывозилъ, сколько помнится, 4 или 5 орудій на высоты, господствующія надъ нашей позиціей и постоянно тревожилъ нашъ лагерь. Выстрѣлы непріятеля преимущественно были направлены на горную террасу, гдѣ расположенъ былъ штабъ главнокомандующаго. Стрѣляли гранатами на весьма дальнее разстояніе и навѣсными выстрѣлами, на которые наша артиллерія не могла отвѣчать. Обыкновенно, какъ начиналась стрѣльба, всѣ мы выходили съ княземъ на обрывистую оконечность нашей позиціи; въ темныя южныя ночи полетъ свѣтящихся гранатъ ясно обозначался и мы до того примѣнились, что почти всегда угадывали, куда должна была лечь граната. Многія изъ нихъ не долетали до позиціи, но большая часть дѣйствительно достигала цѣли и разрывалась то въ самомъ штабѣ, то на нижнихъ террасахъ расположеннаго подъ нами лагеря. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, покуда не прогнали мы непріятеля, это зрѣлище служило намъ развлеченіемъ и подавало поводъ ко многимъ шуткамъ и фарсамъ. Докторъ А..... положительно не могъ преодолѣть присущаго ему чувства самосохраненія; при каждомъ выстрѣлѣ опъ приходилъ въ тревожное безпокойство, волненіе его переходило всѣ предѣлы приличій и достоинства и постоянно служило предметомъ нашихъ насмѣшекъ. Палатка А..... расположена была недалеко отъ ставки главнокомандующаго; позади его на нижней террасѣ была моя палатка, въ которой я жилъ съ Васильчиковымъ, и около меня палатка извѣстнаго впоследствии по защитѣ Севастополя Влад. Ив. Истомина, принимавшаго въ 47 г. въ составѣ штаба князя участіе въ Салтинской экспедиціи. Какъ бывало стемнѣть, передъ временемъ, когда обыкновенно непріятель начиналъ стрѣльбу по лагерю, мы зажигали, подъ предлогомъ заготовлять уголь для самовара, огромный костеръ около нашей палатки, зарево котораго освѣщало и палатку А..... Сначала Э..... С..... употреблялъ угрозы и ругательства надъ нашими денщиками,

наконецъ просьбы къ намъ, чтобы потушить костеръ, который, по мнѣнію его, привлекалъ непріятельскіе выстрѣлы прямо на его палатку. Мы, разумѣется, не обращали вниманія на его доводы и только больше разжигали костеръ. Жалобы А..... на насъ князю остались тоже безъ успѣха: князь съ хладнокровной своей улыбкой отвѣчалъ, что онъ не можетъ препятствовать намъ разводить костры, гдѣ и когда намъ угодно. А....., вслѣдствіе этого, торжественно предсказывалъ, что, благодаря намъ, не только его, но и князя палатка неминуемо будетъ разорвана непріятельскими граватами, самъ же, какъ только начиналась стрѣльба, пользуясь темнотою ночи, обыкновенно скрывался на террасахъ, въ мѣстахъ, по его мнѣнію, болѣе безопасныхъ. Мы постоянно за нимъ слѣдили, что составляло предметъ шутокъ и разговоровъ всего штаба — и, наконецъ, придумали слѣдующее школьничество. Во время стрѣльбы прокрались мы незаметно въ палатку А....., кинжаломъ прорѣзали верхнюю часть холста въ нѣсколькихъ мѣстахъ и положили на койку его два осколка гранаты. Затѣмъ потушили, разумѣется, костеръ свой и, когда все успокоилось, прослѣдили, какъ А..... изъ своего убѣжища прокрадывался на почлегъ въ палатку. Онъ въ этихъ случаяхъ никогда не зажигалъ огня, изъ опасенія привлечь непріятельскіе выстрѣлы. Какое же было его удивленіе, когда, ложась на койку, онъ наткнулся на осколки гранаты. Позвавъ казаковъ, онъ поднялъ страшную тревогу и шумъ, покуда мы задыхались отъ смѣха за его палаткой. На несчастье А....., въ эту ночь пошелъ проливной дождь и прорѣзанная крыша палатки пропускала весь ливень на его койку. Я зналъ, что Эрастъ Степановичъ непременно доложитъ объ этомъ обстоятельствѣ утромъ князю съ новой жалобой на наши костры, почему, вставши пораньше, я взошелъ въ палатку князя и рассказалъ ему о нашей шалости, прося сохранить секретъ и не выдавать насъ А..... Князь смѣялся до слезъ и серьезно выдержалъ свою роль, когда А..... доложилъ ему объ опасности, которой онъ подвергался. Князь обѣщавъ ему запретить намъ разводить костры и потомъ рассказывалъ мнѣ всю эту сцену, добродушно смѣясь надъ трусостью Эр. Степановича. Повидимому, князь не выдалъ насъ, такъ какъ

въ 1870 г., когда я посѣтилъ А..... на его дачѣ около Одессы, гдѣ онъ жилъ въ отставкѣ, я видѣлъ у него на каминѣ знаменитые осколки, которые онъ мнѣ показывалъ, несколько не подозрѣвая настоящаго дѣла.

Вообще князь чрезвычайно любилъ, чтобы молодежь была молодежью, веселилась — иногда и черезъ мѣру. Онъ никогда не порицалъ излишняго, можетъ быть, проявленія нашихъ жизненныхъ силъ, но не любилъ въ молодыхъ людяхъ всякую напускную и неестественную лѣтамъ серьезность. Разумѣется, все должно было происходить прилично, въ самомъ даже часто неприличіи, какъ подобаешь порядочнымъ, но увлекающимся молодымъ людямъ. Нравственные понятія его въ отношеніи семейной жизни, къ сожалѣнію, были очень широки; его интересовали даже наши интриги въ обществѣ, и часто слышалъ я отъ него довольно циническое выраженіе о супружескомъ бытѣ: „Eh, mon cher, quand on le sait, c'est bien peu de chose, et quand on ne le sait pas ce n'est rien du tout“.

Князь принималъ всегда участіе во всѣхъ даже частныхъ дѣлахъ ему приближенныхъ. Достаточно было ему узнать о нуждахъ кого-нибудь, чтобы совершенно естественно и просто придти ему на помощь со свойственною ему одному только деликатностью настоящаго *grand seigneur*'а. Онъ былъ чрезвычайно щедръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разборчивъ. Часто случалось мнѣ докладывать ему о нуждахъ бѣдныхъ офицеровъ и никогда князь не отказывалъ въ пособіи или даже выручкѣ изъ затруднительнаго положенія заслуженныхъ или достойныхъ людей. Припоминаю одинъ случай. На правомъ флангѣ на Лабѣ комендантомъ Тимергоевского укрѣпленія и вмѣстѣ съ тѣмъ командиромъ расположеннаго тамъ линейнаго баталіона былъ извѣстный старикъ полковникъ Генигъ, всю свою службу проведеній на Кавказѣ. Этотъ замѣчательный человѣкъ пользовался общимъ уваженіемъ и имѣлъ огромное вліяніе на покорныя и непокорныя намъ сосѣднія съ укрѣпленіемъ Черкесскія племена. Его справедливость, честность, въ случаѣ нужды боевая энергія, а главное знаніе характера населенія и широкое гостепріимство были извѣстны почти всѣмъ черкесамъ праваго фланга. Онъ никогда не измѣнялъ разъ данному слову и часто

немирные князья прѣзжали къ нему судиться или совѣтоваться по своимъ частнымъ внутреннимъ дѣламъ. Онъ, по азіатскому обычаю, прѣзжихъ одарялъ богатыми подарками, оружіемъ или лошадьми и тѣмъ поддерживалъ свое вліяніе между непокорными племенами. Словомъ, Генигъ былъ честный, умный и во всѣхъ отношеніяхъ отличный человѣкъ, но жилъ далеко не по средствамъ, и когда ему пришлось сдавать баталіонъ, то у него педоставало казенныхъ суммъ, кажется, до 4-хъ тысячъ. Приходилось заслуженному старику идти подъ судъ и потерять плоды долговременной своей службы. Князь зналъ хорошо и умѣлъ цѣнить Генига. Въ то время мы прѣзжали по Кубани и я, узнавъ о затрудненіи Генига, не остановился все рассказать князю, и онъ немедля приказалъ мнѣ изъ своихъ денегъ отправить Генигу 4.000 р.

Говоря о качествахъ князя, нельзя также не сознавать и того эгоистическаго направленія, съ которымъ онъ смотрѣлъ вообще на людей. Онъ дѣйствительно цѣнилъ, поощрялъ, скажу болѣе, привязывалъ своимъ обхожденіемъ тѣхъ, изъ которыхъ онъ могъ извлечь пользу какъ для себя, такъ и для дѣла; но разъ какъ надобность въ лицахъ миновалась или по какимъ либо обстоятельствамъ нельзя было князю болѣе ожидать того, чѣмъ онъ въ немъ дорожилъ, то онъ такъ же легко съ ними разставался, какъ скоро забывалъ все прошлое *). Въ отношеніи себя онъ дѣйствительно не жалѣлъ тѣхъ, которые необходимы были ему по его привычкамъ. При всемъ своемъ вниманіи, онъ часто не хотѣлъ замѣчать ни физической усталости, ни даже часто изнеможенія при исполненіи его требованій. При этомъ иногда дѣйствительно вырывались у него сердечные проблески участія и даже благодарности, но скоро это заглушалось эгоистическимъ стремленіемъ къ удовлетворенію своихъ привычекъ. Все это испыталъ я на себѣ и скажу, что ежегодно съ лѣтами все болѣе развивалась эта сторона характера князя. Такъ, на примѣръ, онъ мало думалъ о служебныхъ выгодахъ ему близкихъ лицъ, ежели они могли въ чемъ либо не сходиться съ его личными интересами.

---

*) О разставаніи моемъ съ княземъ будетъ упомянуто въ воспоминаніяхъ за 53 годъ.

Въ 1849 г., во время Венгерской кампаніи, я прибылъ съ княземъ въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ былъ по нѣкоторымъ важнымъ для Кавказа вопросамъ снестись съ Министрами, передъ поѣздкою своею въ Варшаву для совѣщанія съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ. По военной части въ Петербургѣ при князѣ былъ помощникъ начальника Штаба генер. Гоголь, по гражданской баронъ Николаи, изъ адъютантовъ — я одинъ. Ген. Гоголь остался по дѣламъ въ Петербургѣ, только я и Николаи сопровождали князя въ Варшаву и еще казачій офицеръ Мансурадзевъ, начальникъ конвойной команды князя, почти всегда съ нами ѣздившій, да, кажется, два или три писаря по военной и гражданской части. Въ Варшавѣ намъ было отведено помѣщеніе въ Лазенкахъ въ зданіи Померанцева, около дворца, гдѣ жилъ Государь. Баронъ Николаи, подъ предлогомъ тѣсноты помѣщенія, остановился въ гостинницѣ въ самой Варшавѣ и почти все время нашего пребывания уклонялся отъ всякаго дѣла, такъ что по гражданской и военной канцеляріи пришлось работать мнѣ одному. Мы пробыли, кажется, 6 или 7 дней въ Лазенкахъ. Я до того былъ занятъ и заваленъ дѣлами, подготовленіемъ докладовъ и составленіемъ записокъ, ежедневнымъ отправленіемъ фельдъсгерей изъ Петербурга и Кавказа съ дѣлами на имя князя, что всего одинъ разъ удалось мнѣ только провести вечеръ въ городѣ и повеселиться. Въ страшную лѣтнюю жару я рѣшительно проводилъ и дни, и почти цѣлыя ночи, за бумагами въ маленькой комнатѣ, раздѣленной корридоромъ отъ 2-хъ или 3-хъ комнатъ, которыя занималъ князь. Каждое утро, иногда не спавши цѣлую ночь, я являлся къ князю съ записками и бумагами, которыя онъ долженъ былъ докладывать Государю. Обыкновенно около 11-ти часовъ я надѣвалъ мундиръ и съ портфелемъ доклада сопровождалъ князя въ Лазенки до самой двери кабинета Государя, гдѣ передавалъ князю бумаги, вкратцѣ припоминая ему содержаніе оныхъ; затѣмъ ожидалъ въ залѣ его выхода и, возвратившись домой, немедленно садился за исполненіе бумагъ. Мнѣ приносили изъ дворца обѣдъ и обыкновенно до разсвѣта я не разгибался отъ письменнаго стола. Князь каждый вечеръ, возвращаясь отъ Государя, гдѣ онъ обыкновенно игралъ въ карты, заходилъ ко мнѣ, передавалъ приказанія и рассказывалъ

многія подробности о своихъ разговорахъ съ разными лицами по поводу дѣйствій въ Венгріи, политическаго настроенія Европы и взглядовъ Государя на Кавказскія наши дѣла. Въ теченіе дня также часто приходилъ онъ ко мнѣ въ комнату; было такъ жарко, что я сидѣлъ въ одной рубахѣ, и князь былъ такъ добръ, что никогда не позволялъ мнѣ одѣваться. Разъ даже, заставъ меня дремавшимъ на маленькомъ диванѣ, въ ожиданіи переписки писаремъ заготовленныхъ мною бумагъ, онъ пошелъ въ свою комнату, тихонько принесъ мнѣ подушку и осторожно подложилъ мнѣ подъ голову. Я узналъ это отъ его челоуѣка, у котораго онъ постоянно спрашивалъ, въ которомъ часу я ложился и удивлялся, видя меня въ 7 часовъ уже у себя въ кабинетѣ готовымъ къ обычной работѣ. Мнѣ онъ никогда не выразилъ на словахъ ни своей благодарности, ни участія къ моему положительно изнеможенному состоянію. Разъ только, помню, подошедши къ столу, за которымъ я писалъ и не замѣчалъ его прихода, онъ поцѣловалъ меня въ голову (это была его привычка) и сейчасъ же ушелъ въ свою комнату. Другой разъ, видя, что отъ бессонницы и жары у меня страшно болѣла голова, онъ, выѣзжая куда-то, когда я его проводилъ съ лѣстницы, съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ: „тегісі, топ ані“.

Къ Николаи онъ обращался только тогда, когда сему послѣднему угодно было пріѣхать изъ города въ Лазенки, не измѣняя въ отношеніи къ нему нисколько своего обычнаго расположенія и привѣтливости.

Наконецъ настала минута отъѣзда. Наканунѣ этого дня утромъ явился Николаи въ мундирѣ къ князю и съ обыкновенною важностью и сухостью своею просилъ представить его Государю. Князь нашелъ это совершенно естественнымъ и приказалъ Мансурадзе также явиться. Я взялъ портфель съ докладомъ и пошелъ вмѣстѣ съ ними и съ княземъ во дворецъ. Видѣвши, что князь мнѣ ничего не говоритъ, я, передавъ бумаги, остался дожидаться въ другихъ комнатахъ. Князь вызвалъ Николаи и Мансурадзе и представилъ ихъ Государю; первый, кажется, тутъ же былъ поздравленъ камергеромъ, а второй получилъ слѣдующій чинъ. Я же, взявъ отъ князя докладъ, вмѣстѣ съ нимъ вернулся домой.

Признаюсь, я никогда не испыталъ такого чувства озлобленія, какъ то, которое овладѣло мною въ эту минуту. Нѣтъ сомнѣнія, что Государь поздравилъ бы меня флигель-адъютантомъ, можетъ быть и вѣроятнѣе всего, что это званіе, отклонивъ меня отъ Кавказа, лишило бы меня возможности сдѣлать ту карьеру, которую я сдѣлалъ, и упрочить такъ счастливо свою жизнь. Не сомнѣваюсь и твердо вѣрю, что судьба устроила все къ лучшему, но въ ту минуту, о которой говорю, я чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ невниманіемъ князя. Я недоумѣвалъ: хотѣлъ ли онъ наказать меня за мою гордость, ожидая, что я буду его просить, чего никогда не дѣлалъ для себя, или это была просто забывчивость съ его стороны, что для меня было еще оскорбительнѣе. Потомъ, размышляя, я пришелъ къ убѣжденію, быть можетъ, слишкомъ самонадѣянному и для меня лестному, что въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ чисто эгоизмъ князя, привыкшаго ко мнѣ и опасавшагося, что съ новымъ назначеніемъ я долженъ буду оставить мою при немъ службу. Къ счастью, князь немедленно выѣхалъ изъ дому и я имѣлъ нѣсколько часовъ времени, чтобы, успокоившись, вполнѣ вступить въ полное самообладаніе, и тогда поставилъ я себѣ задачей ни въ чемъ не показывать князю, что обстоятельство это чѣмъ либо подѣйствовало на меня и на мои къ нему отношенія. Я имѣлъ достаточно силы воли, чтобы выдержать вполнѣ характеръ; я встрѣтилъ князя съ обычными своими приемами и сѣлъ съ нимъ въ карету въ обратный путь въ С.-Петербургъ, немедленно взявшись за чтеніе послѣднихъ газетъ. Видимо князь чувствовалъ себя въ неловкомъ передо мною положеніи, что служило мнѣ лучшимъ удовлетвореніемъ накипѣвшимъ во мнѣ чувствамъ. Онъ необычайнымъ вниманіемъ своимъ старался выказывать мнѣ свое особое расположеніе во время всей дороги, и тутъ въ первый разъ за чаемъ онъ удѣлилъ мнѣ ложку изъ бутылки столѣтняго рому, котораго онъ никому не давалъ (у него всего оставалось отъ дѣда пять таковыхъ бутылокъ и онъ изрѣдка, при усталости, наливалъ въ свой стаканъ ложку этого необыкновеннаго напитка). Разъ даже предложилъ мнѣ курить въ каретѣ, чего онъ не допускалъ, и обыкновенно я курилъ на станціи, покуда мѣняли лошадей. Ромъ я выпилъ, курить отказался и съ своей стороны чутко слѣдилъ за

собою, чтобы не измѣнить себѣ въ моемъ поведеніи съ княземъ. Съ такими дипломатическими приѣмами мы доѣхали благополучно до Петербурга, гдѣ я забылъ все случившееся и съ прежнею привязанностью предался моему влеченію къ князю.

Не знаю, это ли обстоятельство повліяло на то, что годъ спустя, т.-е. въ 1850 г., при приѣздѣ Государя Наслѣдника на Кавказъ, гдѣ я все время вмѣстѣ съ княземъ сопровождалъ Его Высочество, только-что произведенный въ ротмистры, вдругъ, по возвращеніи Наслѣдника въ Петербургъ, Высочайшимъ приказомъ произведенъ былъ въ полковники. Ясно, что такой неожиданной, выходящей совершенно изъ ряда, наградой я обязанъ особому личному ходатайству Воронцова черезъ Наслѣдника у Государя. Я помню, что когда мнѣ объявлена была эта награда, я вѣрить не хотѣлъ, а князь, съ непритворною радостью поздравляя и обнимая меня, сказалъ: „enfin, mon cher, je puis vous prouver, combien j'apprécis vos services et combien je suis content de vous“. Относилось ли это къ Варшавскому эпизоду — не знаю, но князь ничего не говорилъ безъ цѣли, и скорѣе думаю, что этимъ онъ хотѣлъ намекнуть на рассказанное мною обстоятельство.

Князь чрезвычайно высоко понималъ и цѣнилъ военныя доблести, давая собою всегда примѣръ исполненія военнаго долга съ тою естественностью и простотою, которая еще болѣе выставляла его достоинства. Онъ не любилъ хвастовства въ военномъ дѣлѣ и вообще всякаго фанфаронства, и въ храбрости болѣе всего цѣнилъ скромность; трусость онъ презиралъ глубоко, а человѣкъ подверженный этой слабости окончательно терялъ въ его глазахъ. Припоминаю случай во время осады аула Салты въ 1847 г. Мы шли съ княземъ по траншеѣ на полуружейный выстрѣлъ отъ стѣнъ непріятельскихъ укрѣпленій; впереди насъ шелъ командиръ Ширванскаго полка Плацъ-Бекъ-Кокунъ, — массивная, громаднаго роста, чрезвычайно воинственная фигура, но не съ таковою же душою; по траншеѣ расположены были его баталіоны. Мѣстами насыпи не были достаточно высоки, и горцы обыкновенно пользовались этимъ, чтобы стрѣлять въ проходящихъ. Въ этихъ мѣстахъ Кокунъ, при огромномъ своемъ ростѣ, сгибался. Князь, увидѣвъ эту продѣлку раза два, не вытерпѣлъ и, остановившись въ одномъ изъ

опасныхъ мѣсть, сказалъ: „полковникъ, я всегда хотѣлъ помѣриться съ вами ростомъ — станьте-ка со мной“. Кокунъ, разумѣется, повиновался и общій хохотъ всей свиты служилъ лучшимъ наказаніемъ его слабонервности. Между тѣмъ, нѣсколько пуль просвистѣло надъ княземъ и Кокунемъ. Главнокомандующій, продолжая путь, сказалъ ему: „однако же вы значительно выше меня ростомъ, берегите свою голову“. Во мнѣніи князя репутація Кокуня была навсегда установлена.

Странно, какъ при той привычкѣ, которую имѣлъ князь обращаться съ людьми, при томъ англійскомъ воспитаніи, которое онъ получилъ, наконецъ, при той высокой роли, которую онъ такъ давно игралъ, онъ былъ въ сущности застѣнчивъ. Это меня всегда удивляло. Совершенно свободно, опредѣленно и ясно выражаясь въ маломъ кружкѣ, князь видимо стѣснялся говорить оффиціально передъ большимъ собраніемъ; несмотря на лѣта его, онъ положительно былъ взволнованъ передъ тѣмъ, чтобы говорить, старался всегда избѣгать всѣхъ подобныхъ случаевъ, а ежели говорилъ, то весьма мало и съ видимымъ замѣшательствомъ.

Въ домашнемъ или близкомъ кругу князь очень любилъ рассказывать и весьма интересно рассказывалъ многія подробности о прошломъ, иногда весьма забавные анекдоты, и любилъ подсмѣиваться надъ своими и добродушно тѣшился дѣлаемыми мною фарсами.

Помню, какъ, кажется, въ 1850 г., будучи въ С.-Петербургѣ, я подписался на Модный Журналъ на имя графини Шуазель, жившей тогда въ Тифлисѣ съ Воронцовыми. Надобно сказать, что добрейшая графиня, несмотря на преклонныя лѣта свои, была до крайности умна, любезна, любила смѣяться, но имѣла весьма, оригинальныя стороны, надъ которыми Воронцовъ часто подсмѣивался. Между прочимъ, она никакого вниманія не обращала на свой туалетъ и была всегда, Богъ знаетъ какъ, одѣта. Утромъ за чаемъ въ кабинетѣ получается почта и журналы; я преспокойно отдаю графинѣ пакетъ съ напечатаннымъ ея адресомъ. Каково было удивленіе ея и смѣхъ князя, когда оказалось, что это модный журналъ. Сначала думали, что это ошибка почтальона, но такъ какъ присылка продолжалась еженедѣльно и постоянно служила

предметомъ насмѣшекъ князя, то явно было, что это чья-нибудь фарса. Я пресерьезно взялся узнать, кто это сдѣлалъ, и князь приказалъ написать официальную бумагу въ почтамтъ. Тогда пришлось признаться ему, что сдѣлалъ эту шалость я. Надобно было видѣть, какъ онъ смѣялся, общая мнѣ сохранить тайну. Но болѣе мѣсяца онъ не выдержалъ и рассказалъ графинѣ, отъ которой мнѣ за это сильно досталось. Разумѣется, какъ началось, такъ и кончилось все смѣхомъ.

Иногда князь былъ до того добродушенъ и благодушенъ, когда ничто особенно не озабочивало его, что въ эти минуты онъ на меня производилъ самое обаятельное впечатлѣніе. Я, казалось, угадывалъ тогда въ немъ все то, что холодный разсудокъ и горькій опытъ жизни исказили въ его высокой душѣ, въ его любящемъ и мягкомъ сердцѣ.

Въ послѣдніе годы я положительно, какъ говорилъ, сдѣлался одной изъ его старческихъ привычекъ. Я принаровился совершенно къ его характеру; скажу болѣе, — сердечно привязался къ нему, сознавая его слабости. Меня глубоко огорчала, даже мучила необходимость сознавать недостатки князя, которые, при впечатлительности моей, особенно въ послѣдніе годы, должны были умѣрять уваженіе къ личности, къ которой до сихъ поръ еще сохраняю непритворную и неизмѣнную сердечную привязанность. Князь это все, повидимому, хорошо понималъ, — сколько сердце его способно было любить, онъ любилъ меня. Ни съ кѣмъ, можетъ быть, во время поѣздокъ въ одномъ экипажѣ или постоянныхъ занятій въ кабинетѣ онъ не былъ такъ откровененъ, насколько онъ могъ быть, какъ со мною. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ семейныхъ дѣлахъ, рассказывалъ многое изъ прошлаго и никогда не стѣснялся высказывать свое мнѣніе о лицахъ. Съ другой стороны, считаю знакомъ его ко мнѣ довѣрія, что никому и, можетъ быть, никогда не позволялъ князь съ глазу на глазъ говорить съ собою такъ, какъ мнѣ. Я часто ему говорилъ, увлекаясь своею привязанностью: *je n'ai qu'un seul moyen, mon P-ce, de Vous payer le tribut de reconnaissance, que je Vous dois, qu'en vous disant ce, que les autres n'osent vous faire entendre la verité.* Онъ вѣрилъ моему чистосердечію, иногда былъ недоволенъ, но никогда не останавливалъ меня. Были

случаи, когда онъ съ чувствомъ вставалъ съ своего мѣста, бралъ за голову и цѣловалъ меня. Случалось также, что недовольный моими иногда рѣзкими выходками и несоотвѣтствующими его личнымъ видамъ взглядами на дѣло или личность, употреблявшую во зло довѣріе князя, онъ перемѣнялъ разговоръ или съ холодною отворачивался отъ меня. Иногда нѣсколько часовъ спустя, иной разъ и на слѣдующій день, онъ просто пожималъ мнѣ руку, говоря: „merci, mon ami“, и больше ничего. Я понималъ, въ чемъ дѣло, но понималъ также, что больше объ этомъ говорить не слѣдуетъ. Утѣшаюсь мыслью, что преданностью моею къ князю мнѣ удалось, благодаря этимъ отношеніямъ, во многомъ, можетъ быть, остановить несправедливое рѣшеніе, вызванное лицами, злоупотреблявшими довѣріемъ князя и пользовавшимися его слабостью. Такъ же часто я имѣлъ утѣшеніе видѣть, что князь измѣнялъ свое мнѣніе о достойныхъ личностяхъ, оклеветанныхъ передъ нимъ низкими и подлыми интригами.

Въ послѣднее время я почти одинъ изъ адъютантовъ постоянно сопровождалъ князя въ его поѣздкахъ. Ѣздили мы обыкновенно по краю въ такъ называемыхъ желтыхъ дрожкахъ—родъ низкаго фэтона на четверку лошадей, но среди котораго въ длину экипажа была еще скамейка; князь укладывалъ обыкновенно на нее свои ноги. Всю почти дорогу, подъ палящимъ солнцемъ, при пыли и вѣтрѣ, приходилось читать князю газеты или записки; онъ не могъ ни минуты быть совершенно празднымъ. Можно себѣ представить, что я терпѣлъ при исполненіи этой пытки въ продолженіе ежедневныхъ переѣздовъ. Князь часто во время чтенія дремалъ, даже засыпалъ, но достаточно было только пріостановиться чтеніемъ, чтобы князь сейчасъ пробудился и спросилъ: „ouï en sommes nous, mon cher?“

Я помню, въ 1849 г., ѣхавши на этотъ разъ въ дормезѣ изъ Петербурга въ Варшаву, мнѣ пришлось читать въ продолженіе всего пути. Когда я замѣчалъ, что князь дѣйствительно уснетъ, я клалъ газету, бумагу или книгу къ себѣ на колѣни и, закрывши глаза, громко бормоталъ невнятные слова; мнѣ случалось самому при этомъ засыпать, иногда я просто притворялся спящимъ. Тогда князь осторожно поднималъ газету, иногда подкладывалъ мнѣ по-

душку подъ голову и самъ дѣйствительно засыпалъ. На каждой станціи Джіованни подносилъ мнѣ обыкновенно стаканъ вина или грогу, чтобы освѣжить засохшее отъ чтенія горло; я иногда приходилъ въ ожесточеніе, но добродушное постоянно вниманіе князя заставляло немедленно умолкать всякое чувство неудовольствія противъ него. Этимъ впрочемъ не кончались мои испытанія въ путешествіи; по всему пути и въ мѣстахъ остановки массаи подавались просьбы; я обязанъ былъ разбирать ихъ, докладывать и потомъ пересылать въ канцелярію или штабъ по принадлежности. Большая часть изъ нихъ были незаконныя или неудобноисполнимыя жалобы на рѣшенія Сената, на резолюціи, исполненныя еще при Ермоловѣ и проч. Подобныя просьбы, конечно, не удовлетворялись и въ слѣдующую поѣздку тѣми же лицами опять подавались.

Князь всегда удивлялся необыкновенной моей памяти и часто со смѣхомъ выслушивалъ мои доклады о подаваемыхъ прошеніяхъ. Между прочимъ, припоминаю слѣдующій случай. Не помню въ которомъ году, ѣхали мы изъ Нухи въ Шемаху въ тѣхъ же желтыхъ дрожкахъ. На степи паслись стада съ татарскихъ кочевьевъ, какой то старикъ татаринъ посреди дороги остановилъ экипажъ, поднимая прошеніе надъ головой съ обыкновеннымъ крикомъ: „сердаръ, орзимъ варъ“ (намѣстникъ, просьба есть). Князь велѣлъ остановить экипажъ и принять прошеніе; я, зная немного по-татарски, передалъ старику, что будетъ разобрано, и мы поѣхали дальше. Не развертывая прошенія, я тутъ же доложилъ князю, что татаринъ проситъ о разысканіи и возвращеніи ему двухъ буйволовъ, украденныхъ въ 1820 г. Князь отнялъ у меня прошеніе, положилъ въ карманъ и, пріѣхавъ на станцію, самъ прочелъ—оказалось вѣрно. Татаринъ этотъ во второй или третій разъ подавалъ намъ при поѣздѣ прошеніе.

Разборъ этихъ просьбъ отнималъ не мало у меня времени, и обыкновенно я это дѣлалъ вечеромъ, а иногда и ночью. Днемъ не было времени, потому что, когда мы пріѣзжали по маршруту въ какое-нибудь укрѣпленіе, станицу или штабъ-квартиру, то немедленно, переодѣвшись (мы еле успѣвали завтракать), князь сейчасъ же выѣзжалъ верхомъ осматривать, что слѣдовало. Я долженъ былъ сопровождать его и мы возвращались только къ обѣду. Ве-

черомъ, когда князь садился играть въ карты, я былъ свободенъ, ежели только не приходилось принимать и отправлять курьеровъ и разбирать бумаги. Баронъ Николаи, хотя и сопровождалъ насъ, но до того излѣнился, что и гражданскія дѣла и почту приходилось часто мнѣ за него докладывать, а писать письма уже положительно выпадало на мою только долю во всѣхъ дневкахъ и продолжительныхъ остановкахъ. Если къ этому прибавить, что въ каждомъ углу Кавказа были у меня знакомые, сослуживцы по экспедиціямъ, пріятели, которые наперерывъ зазывали къ себѣ на угощеніе вечеромъ, продолжавшееся иногда до разсвѣта, а между тѣмъ въ дорогѣ къ 6-ти часамъ утра всегда надо было быть готовымъ къ отъѣзду, то можно себѣ представить до какой степени иногда служба моя изнуряла меня.

Послѣдніе годы князь очень ослабѣлъ здоровьемъ послѣ своей болѣзни въ 1851 г. и уже княгиня почти постоянно ѣздила съ нимъ въ дорезѣ. Чтеніе газетъ въ дорогѣ перешло къ ней, и князь съ тѣмъ же эгоизмомъ заставлялъ ее безостановочно читать. Нельзя было безъ глубокаго уваженія и состраданія къ княгинѣ, которая къ тому же должна была прибѣгать къ очкамъ, смотрѣть какъ она, при лѣтахъ своихъ, цѣлые часы исполняла съ истиннымъ самопожертвованіемъ эту тяжелую обязанность; но она вся предалась въ послѣдніе годы князю, всѣ ея заботы устремлены были только на его спокойствіе и уходъ за нимъ. Можно сказать, что въ это время ея жизнь сосредоточилась въ князѣ и въ исполненіи къ нему своихъ обязанностей. Это было достаточнымъ искупленіемъ всего прошлаго, ежели оно существовало, какъ о томъ говорили; но я зналъ княгиню всегда преданною своему долгу, съ весьма развитымъ религіознымъ направленіемъ. Со времени пріѣзда на Кавказъ графини Шуазель, направленіе это значительно усилилось и дѣятельность ея вся поглощена была мыслью дѣлать добро и сочувственно относиться ко всѣмъ страданіямъ и несчастіямъ ближняго.

Княгинѣ Воронцовой теперь 84 года; я по возможности навѣщаю ее въ Одессѣ. Не говоря о томъ чувствѣ сердечной моей привязанности къ княгинѣ и той глубокой преданности, которую къ ней питаю, при видѣ ея воскресаютъ въ памяти моей всѣ воспо-

минанія счастливой прошлой службы моей при князѣ Воронцовѣ, и сама княгиня съ чисто материнскимъ чувствомъ всегда встрѣчаетъ и принимаетъ меня до сихъ поръ, какъ одного изъ самыхъ близкихъ къ покойному князю.

Здѣсь въ общихъ чертахъ высказалъ я, какъ я ихъ понимаю, всѣ отмѣтки характера высокой личности князя Воронцова. Приведенные мною отдѣльные примѣры, которыхъ такъ много мнѣ случалось видѣть по службѣ моей, служили основаніемъ сложившагося у меня взгляда; въ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ моихъ нерѣдко встрѣтятся случаи, гдѣ придется говорить о нравственныхъ проявленіяхъ князя въ различныхъ обстоятельствахъ—этимъ дополнится связанное мною о немъ въ этомъ краткомъ очеркѣ.

Кончаю мою характеристику князя Воронцова съ тѣмъ же чувствомъ, съ которымъ началъ: съ безпредѣльною благодарностью и сердечною привязанностью къ его священной для меня памяти и съ глубокимъ сожалѣніемъ о слабостяхъ и недостаткахъ личности, которую желалъ бы сохранить ничѣмъ не помраченной въ памяти сердца моего. Но пишу для себя эти воспоминанія и не могу лицемѣрить предъ самимъ собою, и ошибоченъ, можетъ быть, но во всякомъ случаѣ чистосердеченъ взглядъ мой на высокую историческую личность князя Воронцова.

С Л Ъ П Ц О В Ъ.

(Изъ воспоминаній князя Дондукова-Корсакова).

Личность Слѣпцова до того сдѣлалась извѣстна на Кавказѣ и память о немъ до того сохранилась, что хочу сказать нѣсколько словъ объ этой дѣйствительно своеобразной и энергичной натурѣ. Во время командованія генерала Нейдгардта, Слѣпцовъ былъ, кажется, капитаномъ арміи и состоялъ адъютантомъ при начальникѣ штаба генералѣ Александрѣ Семеновичѣ Траскинѣ; ничѣмъ особенно онъ до того времени не отличался, исключая необыкновенной своей пылкости, энергіи и горячности, доходившихъ до послѣднихъ предѣловъ. Помню, какъ въ 44-мъ году, вечеромъ, сидя съ нимъ въ товарищескомъ кругу у братьевъ Мезенцевыхъ, разговоръ зашелъ о Траскинѣ, котораго обвиняли въ неблаговидныхъ сдѣлкахъ его съ провіантскими подрядчиками и вообще въ корыстолюбивомъ направленіи (что, къ сожалѣнію, кажется не было лишено основанія). Слѣпцовъ вскочилъ съ своего мѣста со словами: „не имѣю фактовъ и потому лишенъ права защищать своего генерала“ и вышелъ изъ квартиры. Всѣ привыкли къ выходкамъ Слѣпцова и никто не обратилъ на это вниманіе. Черезъ часъ является вновь въ нашъ кружокъ Слѣпцовъ, по уже въ мундирѣ и съ азартомъ говорить: „застрѣлю перваго, кто позволитъ себѣ задѣвать честь Траскина; я сейчасъ отъ него, потребовалъ отъ него честнаго слова и клятву, что онъ никогда не бралъ взятокъ, я ему вѣрю и не позволю болѣе оскорблять его“. Въ 1846 году начато было, по

предложенію князя Воронцова, заселеніе новой передовой Сундженской линіи. Слѣпцовъ, въ чинѣ майора, былъ назначенъ командиромъ вновь формируемаго полка. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать,—только энергія, предприимчивость и отчаянная храбрость его могли преодолѣть всѣ препятствія и затрудненія для новаго поселенія. День и ночь отражая непріятельскія нападенія, Слѣпцовъ умѣлъ вселить въ новыхъ переселенцахъ (большею частью охотникахъ изъ казаковъ Терской линіи) такую удалъ и духъ, который вскорѣ сдѣлалъ Сундженскій полкъ грозою всей малой Чечни. Не ожидая вторженія въ наши предѣлы непріятеля, самыми отважными и неожиданными набѣгами Слѣпцовъ со своими храбрами Сундженцами постоянно тревожилъ непріятеля, чѣмъ давалъ возможность казакамъ устраивать свое хозяйство. Положительно подъ конецъ не Чеченцы держали нашу линію въ страхѣ, а вся малая Чечня ежеминутно ожидала набѣговъ Слѣпцова. Сундженская линія вскорѣ сдѣлалась, несмотря на передовое положеніе свое, однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ казачьихъ поселеній Кавказа. Имя Слѣпцова гремѣло положительно на Кавказѣ, удачи его набѣговъ и довѣріе къ его распорядительности и отважности приковали къ нему сердца всѣхъ его подчиненныхъ. Казаки и подчиненныя Слѣпцову войска положительно обожали его, несмотря на всѣ строгости, а иногда и несообразныя выходки запальчиваго его характера. Насколько Слѣпцовъ былъ хозяиномъ, и замѣчательнымъ даже хозяиномъ, въ отношеніи экономическаго быта Сундженскаго населенія, настолько не былъ онъ хозяиномъ въ отношеніи себя; имѣя очень порядочное состояніе, онъ все прожилъ на Сунджѣ широкимъ Кавказскимъ гостепримствомъ своимъ и щедростью въ отношеніи ввѣренныхъ ему казаковъ. Семейство каждаго убитаго казака или потерпѣвшаго какое-либо несчастіе въ хозяйствѣ находило въ немъ самаго заботливаго и щедраго покровителя.

Горячность и запальчивость, не знавшія предѣловъ, были главные недостатки Слѣпцова; онъ постоянно хватался то за пистолеты, то за шашку, но раздраженное его настроеніе быстро смѣнялось или совершенно дѣтскимъ добродушіемъ, или совершенно женскою чувствительностью. Это была сердечная, впечатлительная и до рыцарства благородная натура. Не помню въ которомъ году,

но незадолго передъ смертью своей, Слѣпцовъ, въ виду совершенно разстроенныхъ дѣлъ своихъ, отправился въ отпускъ въ Саратовскую губернію и взялъ съ собою нѣсколько Сундженскихъ казаковъ въ видѣ тѣлохранителей. Приѣхавъ по какимъ-то дѣламъ въ Саратовъ, одинъ изъ этихъ казаковъ за какое-то буйство былъ взятъ въ полицію. Слѣпцовъ, узнавъ объ этомъ, съ остальными бросился на выручку Сундженца, съ обнаженными пашками, съ пистолетными выстрѣлами, разбилъ всю Саратовскую полицію и, выручивъ казака, уѣхалъ на Кавказъ. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвелъ подобный набѣгъ въ мирномъ губернскомъ городѣ. Объ этомъ, какъ о чрезвычайномъ событіи, было донесено Государю, началось слѣдствіе и дѣло, можетъ быть, дурно кончилось бы для Слѣпцова, ежели бы онъ дожилъ до его окончанія въ 51 году.

Смерть этого любимца Кавказа, олицетворявшаго въ себѣ всѣ качества и удачу кавказскаго казака, глубоко и тяжело поразила всѣхъ; долго Сундженцы не могли забыть объ утратѣ своего героя; сколько грустныхъ пѣсенъ, теперь еще раздающихся по станицамъ Сунджи, папоминають объ утратѣ Слѣпцова, восхваляя его доблести и душевное расположеніе къ казакамъ. Слѣпцовъ, сраженный вражеской пулей, умеръ, можно сказать, во время, не переживъ своей славы. Обладая всѣми качествами лихого партизана и замѣчательнаго казачьяго командира полка, особенно на передовой линіи, Слѣпцовъ не обладалъ, по мнѣнію моему, тѣмъ хладнокровіемъ, разсудительностью и безпристрастнымъ отношеніемъ къ дѣлу, которое необходимо начальнику на болѣе высшемъ посту; строптивость его характера и непомерная горячность на другомъ мѣстѣ и въ другомъ служебномъ положеніи, безъ сомнѣнія, заставили бы Слѣпцова много и много потерять изъ такъ справедливо заслуженной имъ репутаціи на передовой Сундженской линіи.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

1840—1844 гг.

Князя Дондукова-Корсакова.

СЫНОВЬЯМЪ МОИМЪ МИХАИЛУ И НИКОЛАЮ.

Вамъ, дорогія дѣти мои, посвящаю воспоминавія мои, съ вами хочу подѣлиться и свѣтлыми и горькими минутами жизни моей. Все пережитое, испытанное, перечувствованное мною да послужить вамъ въ жизни во многомъ и указаніемъ и опытомъ въ томъ, что суждено, можетъ, и вамъ испытать и перечувствовать. Молю Бога, чтобы сохранилъ въ васъ тѣ правила добра и чести, то чувство долга къ отечеству, обществу и семьѣ, которымъ я обязанъ былъ тѣмъ, что при всѣхъ увлеченіяхъ и проступкахъ молодости моей не запятвалъ себя ни однимъ безчестнымъ дѣломъ, при воспоминаніи о которомъ приходилось бы мнѣ красвѣть передъ вами.

Понятія, отношенія и взгляды мѣняются со временемъ, и каждый псевольно подчиняется до извѣстной степени требованіямъ вѣка своего и среды, въ которой приходится ему жить; но есть извѣстныя неизблемыя и вѣчныя нравственныя правила, которыя одни только могутъ оградить челоуѣка отъ паденія и поддержать его во всѣхъ испытаніяхъ жизни. Какъ строго въ этомъ отношеніи нужно слѣдить за собою и какъ легко первый шагъ къ уклоненію отъ этихъ правилъ влечетъ по скользкому пути къ отрицанію всего нрав-

ственного, всего честнаго, и какъ незамѣтно свыкаешься со всѣмъ тѣмъ, что прежде внушало порицаніе и отвращеніе! Но ежели доброе имя и достоинство человѣка ограждается исполненіемъ гражданскаго долга и честностью въ обширномъ смыслѣ этого слова, то для сердца его нужно другое болѣе святое чувство, чтобы укрѣпить человѣка въ добрѣ и поддержать духъ его въ тяжкія минуты жизни. Чувства семейной привязанности и теплая вѣра въ Провидѣніе сколько разъ спасали меня отъ многоаго; сколько утѣшеній и сколько отрады доставили они мнѣ даже въ самыхъ горькихъ испытаніяхъ. Въ молодости обыкновенно легко смотришь на религіозное чувство, отвлекаемый жизненной суетой и развлеченіями, — съ семейнымъ бытомъ болѣе развивается это чувство: невольно сознаешь потребность высшаго покровя и благословенія надъ тѣмъ, что такъ дорого и близко сердцу и что человѣкъ не въ силахъ дать. Всякая чистая привязанность возвышаетъ человѣка, очищаетъ его, предохраняетъ отъ эгоизма и развиваетъ религіозное чувство — такъ по крайней мѣрѣ испыталъ я на себѣ съ тѣхъ поръ, какъ Богъ благословилъ меня семейнымъ счастіемъ. На старости, когда физическія силы оставляютъ человѣка, слабѣетъ и сила воли и тѣ умственные побужденія разсудка, которыя поддерживали его энергію и руководили дѣйствіями въ жизни, — остается одно только сердце, которое до послѣдняго біенія сохраняетъ потребность любить и вѣровать. Въ эти минуты, полагаю я, ежели человѣкъ поддерживалъ и не затушилъ въ себѣ религіознаго чувства своего, смерть должна быть ему легка, и будущее не страшитъ его, при твердой вѣрѣ и упованіи на благость и милосердіе Бога. Много видѣлъ я умирающихъ и меня всегда поражало спокойствіе послѣднихъ минутъ честныхъ и вѣрующихъ людей, точно также какъ тяжело въ памяти моей вѣзалось воспоминаніе предсмертныхъ нравственныхъ томленій и страха смерти у лицъ, не находящихъ въ эти торжественныя минуты опоры въ религіозномъ чувствѣ.

Безпредѣльная моя привязанность къ отцу моему, самая теплая любовь къ достойной матери вашей, которой я обязанъ столькими годами счастья и нравственнымъ обновленіемъ своимъ, наконецъ, тѣ нѣжныя чувства, которыя связываютъ меня съ вами, дѣти мои, служили и служатъ теперь самую твердую и чистою опорю мнѣ

въ жизни. При мысли о дорогихъ существахъ, кажется, недоступны должны быть всякіе безчестные помыслы и дѣйствія, могущіе помрачить доброе имя или спокойствіе тѣхъ, кого такъ любишь. Да поддержи и васъ эти чувства во всемъ святомъ, добромъ и честномъ на предстоящемъ пути жизни вашей.

26 ноября 1874 года. Кіевъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ продолженіе долгой жизни моей и особенно дѣятельной службы, а также по исключительному положенію, въ которое часто поставленъ я былъ обстоятельствами и судьбою, многое пришлось мнѣ испытать, многое передумать и перечувствовать. Я былъ свидѣтелемъ и участникомъ разныхъ событій, значеніе которыхъ принадлежитъ оцѣнкѣ будущаго; служба моя еще въ молодыхъ лѣтахъ привела меня въ самое близкое соприкосновеніе съ такими личностями, имена которыхъ принадлежатъ исторіи. Впослѣдствіи, занимая уже высшія административныя должности, я имѣлъ еще больше возможности, стоя лицомъ къ лицу съ важными реформами, обновившими весь гражданскій строй нашей Руси, оцѣнить ихъ значеніе и обсудить многія ошибки и увлеченія времени, въ примѣненіи идеи къ дѣлу. Близкія отношенія мои ко всемъ главнымъ дѣятелямъ переживаемой нами эпохи дали мнѣ также возможность короче узнать характеры и направленія извѣстныхъ личностей и, къ сожалѣнію, часто убѣждаться въ неправильности ихъ взглядовъ, себялюбивомъ направленіи и равнодушіи къ насущнымъ интересамъ Россіи. Много испыталъ я въ этомъ отношеніи разочарованій; но тѣмъ свѣтлѣе отражаются въ памяти моей воспоминанія о достойныхъ лицахъ, которыя, не поддаваясь растлѣвающему вліянію нашей эпохи, сумѣли сохранить въ дѣйствіяхъ и убѣжденіяхъ своихъ чувства преданности долгу, чести и любви къ отечеству. Несмотря на многія разочарованія, до сихъ поръ сохранилъ я много свѣжихъ еще чувствъ и съ увлеченіемъ, иногда даже слишкомъ исключительно и страстно, предаюсь всецѣло ввѣренному мнѣ дѣлу, которое

привыкъ всегда близко принимать къ сердцу. Я чувствую, что въ извѣстной степени этотъ недостатокъ часто вредить успѣху, но я до такой степени всегда страшусь равнодушія и подчиненія общаго дѣла личнымъ интересамъ и взглядамъ, что молю Бога лучше сохранить во мнѣ этотъ недостатокъ, чѣмъ впасть въ противоположную крайность. Отъ природы я очень воспріимчивъ; лѣта охладили во мнѣ пылъ молодости, доходящій иногда до безумной горячности; я привыкъ болѣе владѣть собою, но и теперь часто ощущаю проявленія той необузданности натуры моей и неумѣренности въ рѣчахъ и сужденіяхъ, о которыхъ часто приходится еще сожалѣть мнѣ.

Необыкновенно крѣпкое отъ природы тѣлосложеніе и вообще здоровье, несмотря на раны, болѣзни, перенесенныя лишенія, труды и, къ сожалѣнію, неумѣренную мою жизнь въ молодости, не измѣняютъ мнѣ еще при настоящихъ лѣтахъ моихъ и до сихъ поръ поддерживаютъ энергію и дѣятельность мою. Я привыкъ физически выносить неимовѣрное: десятки тысячъ верстъ проѣздивъ я курьеромъ на перекладныхъ, стараясь всегда отличаться передъ прочими фельдъегерями скоростью ѣзды; тысячи верстъ проѣхавъ я верхомъ по Кавказу и Персіи, перенося весело и съ увлеченіемъ всякую усталость. Меня всегда привлекали препятствія, опасности и всякаго рода приключенія; особенное чувство удовольствія ощущалъ я въ продолженіи того, что другимъ казалось невозможнымъ. Сколько глупостей, сколько шалостей я дѣлалъ, сколькимъ опасностямъ напрасно подвергала меня эта свойственная мнѣ предприимчивость. Часто все это дѣлалъ я изъ излишней удачи и фанфаронства; но по большей части это было вызвано потребностью моей натуры безотчетно и широко расходовать избытокъ жизненныхъ силъ моихъ. Начальники мои, при тогдашнихъ условіяхъ Кавказа, — Воронцовъ и Муравьевъ особенно цѣнили хорошую сторону этихъ качествъ, снисходительно относясь къ худой ихъ сторонѣ. Между товарищами это ставило меня коноводомъ всѣхъ нашихъ кутежей и предпріятій. Меня очень любили за находчивость мою и постоянно веселый нравъ; а во всѣхъ важныхъ случаяхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ дорожили также моимъ совѣтомъ и практическимъ взглядомъ на дѣло. Вообще я очень счастливъ

въ жизни отношеніями моими и большею частью находилъ между начальниками, подчиненными и товарищами скорѣе сочувствіе, нежели вражду, зависть или нерасположеніе. Этому много, можетъ быть, способствовалъ уживчивый, общительный и всегда веселый характеръ мой; а также и то, что я былъ постоянно врагъ всякаго притворства; меня всегда возмущало все напускное, неестественное, притворное, какъ призналъ той природной нравственной скудости чловѣка, которую онъ старается прикрывать чужимъ, иногда очень неудачно, заимствованнымъ отъ другихъ. Вообще, прямой откровенный нравъ мой не переносилъ въ молодости лицемѣрія и притворства; впоследствии, по положенію моему, я самъ долженъ былъ, хотя съ внутреннимъ отвращеніемъ, прибѣгать къ этимъ несвойственнымъ натурѣ моей приемамъ; нужно было смотрѣть на жизнь и отношенія, какъ они есть, а не такъ, какъ они должны быть. Я старался только въ крайней необходимости прибѣгать къ приемамъ, съ которыми такъ сроднилось настоящее общество и извиненіе находилъ въ совѣсти своей, что никогда не дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ лично для себя, а имѣлъ въ виду интересы другихъ или успѣхъ ввѣренныхъ мнѣ дѣлъ. Сколько добрыхъ, честныхъ, хорошихъ началъ утрачивается въ жизни, при необходимости подчиняться извращеннымъ понятіямъ той обстановки и той среды, въ которой приходится жить и дѣйствовать. Я на Кавказѣ, при качествахъ и недостаткахъ своихъ, приобрѣлъ репутацію хорошаго распорядительнаго боевого офицера, участвовалъ во всѣхъ экспедиціяхъ и походахъ моего времени и всегда уклонялся по возможности отъ штабной службы. Я обыкновенно просилъ о прикомандированіи меня къ фронтовымъ частямъ; это давало мнѣ возможность ближе освоиться съ понятіями кавказскаго офицера и солдата, а впоследствии часто доставляло мнѣ поводъ оказывать услуги и помощь несчастнымъ боевымъ сослуживцамъ моимъ, благодаря положенію моему при князѣ Воронцовѣ.

Я полагаю, что военная моя репутація достаточно упрочилась, чтобы имѣть возможность откровенно высказать свои убѣжденія и чувства относительно того, что называютъ храбростью. Я рѣшительно не допускаю безусловной храбрости, я понимаю въ разгаръ сраженія увлеченіе, забвеніе опасности, даже какое-то

невольное нервное возбужденіе; но я никакъ не могу согласиться съ тѣми хвастливыми выходками лицъ, которыя увѣряютъ, что они съ радостью и увлеченіемъ вступаютъ въ бой; я говорю не о новичкахъ, впервые бывающихъ въ огнѣ, а о военныхъ, испытавшихъ уже опасность. Много случалось мнѣ быть въ дѣлахъ, и самыхъ жаркихъ, и я положительно думаю, что, идя на штурмъ непріятельской позиціи или вступая въ перестрѣлку, передъ началомъ дѣйствія каждый охотно бы согласился избѣгнуть предстоящей опасности, ежели бы ему гарантировали, что никто не узнаетъ о его слабости и что честь и военная репутація его останутся непомянутыми. По мнѣнію моему, въ томъ именно и заключается истинная храбрость, чтобы силою воли подчинить это инстинктивное чувство самосохраненія, присущее физической природѣ человѣка, другому высшему нравственному чувству, — чувству исполненія долга, поддержанія чести, знамени, которому служишь, мундира, который носишь, — въ этомъ и заключается истинная, по моему мнѣнію, военная доблесть.

Я зналъ достойнаго командира Моздокскаго Казачьяго полка полковника графа Аминова, составившаго себѣ прежде на Кавказѣ вполне заслуженную репутацію храбрѣйшаго офицера; впоследствии онъ совершенно оглохъ и дурно видѣлъ... Я припоминаю, какъ онъ въ перестрѣлкахъ, передъ завалами чеченцевъ, а часто и подъ близкими непріятельскими орудійными выстрѣлами, спокойно разбѣжжалъ передъ цѣпью, не слыша и не видя опасности, и иногда только хладнокровно говорилъ: „Mann solle doch hier schiessen“. Я на себѣ, по крайней мѣрѣ (исключая перваго серьезнаго дѣла, гдѣ былъ раненъ на штурмѣ заваловъ передъ Дарго), постоянно испытывалъ всякій разъ, когда начиналось дѣло, то врожденное (полагаю каждому) чувство самосохраненія и внутренняго томленія, о которомъ упоминалъ. Стоитъ преодолѣть это чувство и, съ разгаромъ боя, все измѣняется и притупляется всякое сознаніе опасности. Чѣмъ менѣе развитъ человѣкъ, тѣмъ больше въ бою онъ дѣлается равнодушенъ и тѣмъ сильнѣе въ немъ развивается какое-то ожесточеніе и даже жажда крови; начальникамъ въ этихъ случаяхъ легче: отвѣтственность за ввѣренную часть, заботы и распоряженія о дѣйствіяхъ даютъ другое направленіе мыслямъ и заставляютъ

относиться гораздо равнодушнѣе къ собственной опасности. Я испыталъ также сказанное на себѣ, когда во главѣ полка или отрядовъ приходилось мнѣ распоряжаться въ бою. Какую важную въ этихъ случаяхъ роль играло хладнокровіе и самообладаніе! Нѣтъ ничего убійственнѣе въ дѣлѣ, какъ суетливость начальника и безпрестанныя измѣненія данныхъ приказаній. Въ доказательство, какъ дѣйствуетъ физическая сторона и нервы на человѣка въ вопросѣ о храбрости, не могу безъ чувства глубокаго участія и сожалѣнія не вспомнить о дорогой и любимой мною личности генерала В. Замѣчательный умъ и познанія его, въ высшей степени благородное направленіе и развитое чувство долга и чести и рѣдкая, особенно въ то время, гражданская доблесть этого человѣка представляли въ немъ одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей того времени; но онъ положительно не могъ слышать свиста пуль или ядеръ: нервы его до того разстраивались, что онъ терялъ всякое присутствіе духа, даже чувство собственнаго достоинства; между тѣмъ ему часто приходилось въ походахъ и экспедиціяхъ испытывать свою слабость, которую не могъ онъ не сознавать и не въ силахъ былъ преодолѣть. Часто видѣлъ я также истинно и постоянно храбрыхъ людей, которые, вслѣдствіе нравственнаго или физическаго состоянія своего въ данную минуту, не поддерживали вполне заслуженной прежде репутаціи своей. Какъ осторожнымъ слѣдуетъ быть поэтому въ военныхъ сужденіяхъ о храбрости людей, по первому впечатлѣнію, прежде, чѣмъ вполне узнаешь настоящія боевыя качества офицера! Сдѣлаю по этому поводу нѣкоторое сравненіе: сколько мы знаемъ доблестныхъ именъ во флотѣ, которые не выносили моря, но несмотря на страшную морскую болѣзнь, честно и добросовѣстно исполняли свой долгъ. Достаточно назвать имена Нельсона и Корнилова. Многіе же, не бывъ въ состояніи преодолѣть морскую болѣзнь, оставляли службу; я также слышалъ отъ старыхъ моряковъ, проводшихъ почти всю жизнь въ морѣ и никогда не страдавшихъ морскою болѣзью, что вдругъ чувствовали себя подверженными оной наравнѣ съ новичками. Физическое расположеніе человѣка и нервное его состояніе, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, въ этихъ случаяхъ играютъ важную роль; только морская болѣзнь во флотѣ не порочитъ чести офицера, а

въ сухопутныхъ войскахъ слабость нервовъ лишаетъ военнаго всего, что должно быть ему свято и дорого—чести и боевой репутаціи. Здѣсь, какъ и во всемъ въ жизни, чувство долга и сила воли одни должны быть вызываемы на помощь слабости человѣческой природы.

Я говорилъ о своемъ влеченіи къ преодолѣнію препятствій и вообще какой-то предпріимчивости характера моего; этимъ, можетъ быть, объясняется и страсть моя къ передвиженіямъ и путешествіямъ. При этомъ меня особенно всегда привлекали и даже теперь привлекаютъ малоизвѣстныя страны съ болѣе дикою природою, съ болѣе особенными нравами, гдѣ предстоитъ испытать и лишенія и препятствія. Этимъ объясняется, можетъ быть, и обаяніе, произведенное на меня Кавказомъ и, вообще, прелесть для меня Востока.

Я очень много въ жизни путешествовалъ, посѣтивъ почти всю Европу, не говоря о Кавказѣ и болъшей части Россіи; мнѣ случалось бывать также и въ Персіи и Азіатской Турціи и въ сѣверной части Африки, даже Марокко, и теперь еще цѣль желаній моихъ есть ознакомиться съ сѣвѣрною частью нашего отечества, Бѣлымъ моремъ и, наконецъ, Сибирью до береговъ Тихаго Океана. Меня также всегда манила мысль посѣтить Индію и Америку. Вѣроятно, при лѣтахъ моихъ и по служебному положенію моему, эти мечты никогда не осуществятся и я буду продолжать, какъ доселѣ, только увлекаться чтеніями путешествій въ эти страны и новѣйшими изслѣдованіями малоизвѣстнаго намъ сѣвернаго полюса. Считаю нелишнимъ упомянуть здѣсь объ этомъ особенномъ съ самаго дѣтства моего направленіи моего воображенія: еще 12-лѣтнимъ ребенкомъ я умолялъ отца опредѣлить меня въ морскую службу. Отецъ, весьма основательно не поддаваясь этому дѣтскому настроенію мыслей, поставилъ мнѣ условіемъ окончаніе университетскаго курса, а затѣмъ предоставлялъ уже сознательно избрать ту карьеру, которую пожелаю. Было уже поздно тогда мнѣ поступать на свамью Морского Корпуса: я избралъ военную службу и никакъ не раскаиваюсь въ своемъ выборѣ, по до сихъ поръ чувствую особое влеченіе къ морю и пользуюсь всякимъ случаемъ, чтобы удовлетворить своей страсти къ морскому плаванію.

Мнѣ часто приходило на мысль: при тѣхъ разнообразныхъ впечатлѣніяхъ, которыми наполнялась моя жизнь, передать бумагѣ свои воспоминанія, но доселѣ все ограничилось нѣкоторыми замѣтками, кажется, въ 1847 и потомъ 1849 году, которыя мною были впоследствии затеряны; составилъ я также записку объ исторіи заселенія Кавказа, которую также въ походѣ потерялъ; наконецъ, уже въ 1854 году, находясь при Александропольскомъ госпиталѣ раненымъ въ сраженіи при Кюрюкъ-дара, я продиктовалъ юнкеру своего полка Бергеру нѣсколько воспоминаній о видѣнномъ мною въ этомъ замѣчательномъ сраженіи. Потомъ еще, по возвращеніи съ полкомъ изъ Азіатской Турціи въ штабъ-квартиру Чир-Юртъ, въ 1856 году, я также продиктовалъ тому же Бергеру, тогда произведенному въ офицеры, свои воспоминанія о кампаніи 1855 года въ Азіатской Турціи. Обѣ эти замѣтки мои, имѣющія скорѣе оффиціальныя характеръ, переслапы мною въ 1874 году Его Высочеству Намѣстнику Кавказа, вслѣдствіе вызова его о доставленіи старыми Кавказцами своихъ воспоминаній для предполагаемаго изданія, кажется, Кавказскаго Сборника.

Лучшимъ временемъ было бы, разумѣется, для занятій по воспоминаніямъ моимъ время, проведенное мною въ отставкѣ; но эти 6 лѣтъ я, сперва проживая въ деревнѣ, постоянно озабоченъ былъ приведеніемъ въ порядокъ сильно разстроенныхъ продолжительною службою хозяйственныхъ дѣлъ моихъ, потомъ около 2-хъ лѣтъ провелъ за границею съ семействомъ при отцѣ моемъ и, наконецъ, поглощенъ былъ заботами о матеріальныхъ интересахъ отца, угрожающихъ разореніемъ всему семейству нашему. Въ 1868 году я вновь поступилъ на службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и въ 1869 году назначенъ Генералъ-Губернаторомъ въ Кіевъ. Ознакомившись со сложными вопросами новой для меня администраціи, послѣ 6-лѣтняго управленія краемъ, я успѣлъ достаточно распредѣлить и обстановить свои занятія, чтобы имѣть довольно свободнаго времени, особенно по вечерамъ. Часто семейство мое и близкіе окружающіе меня уговаривали меня начать составленіе записокъ и воспоминаній о моей жизни и службѣ; я постоянно отговаривался, останавливаясь передъ затрудненіями исполненія,—покуда разъ вечеромъ состояцій при мнѣ по особымъ

порученіямъ чиповникъ Гаккель, совершенно домашній, близкій намъ человекъ, искренно намъ преданный и на скромность котораго вполне могу разсчитывать, не предложилъ мнѣ свои услуги, чтобы писать подъ мою диктовку. Воспользовавшись хорошимъ моимъ расположеніемъ духа въ этотъ вечеръ, онъ принесъ заранѣе заготовленные имъ тетради и убѣдилъ меня начать диктовать. Это было, кажется, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1874 года.

Такимъ образомъ началъ я писать свои воспоминанія и, невольно увлекаясь прошедшимъ, придалъ запискамъ размѣры, далеко переходящіе за предѣлы первоначальныхъ предположеній моихъ. Матеріалами до сихъ поръ служить мнѣ только хорошая моя память; я намѣренъ, ежели удастся мнѣ (о чемъ хлопочу), собрать какія-либо оффиціальныя данныя или книги, относящіяся къ описываемымъ мною событіямъ, и по нимъ предполагаю провѣрить и исправить мои воспоминанія. Удастся ли мнѣ это исполнить, не знаю, равно неизвѣстно до какого времени суждено мнѣ довести записки эти, которыя началъ съ воспоминаній своихъ по окончаніи университетскаго курса и вступленія на поприще самостоятельной жизни и дѣятельности. Постараюсь, по мѣрѣ силъ и свободнаго времени, довести до возможнаго конца начатый мой трудъ. Цѣль настоящихъ записокъ совершенно частная; пишу ихъ для дорогихъ дѣтей моихъ, которыя одни могутъ найти въ нихъ интересъ по тѣмъ нѣжнымъ чувствамъ, которыя они ко мнѣ питаютъ и которыя составляютъ счастье и отраду моей жизни. Ежели черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ случайно, можетъ быть, запискамъ моимъ суждено будетъ сдѣлаться достояніемъ общимъ, то наврядъ-ли онѣ могутъ представить какой-либо интересъ, кромѣ характеристики нравовъ, понятій и личностей давно прошедшаго времени; самые же факты и событія, вѣроятно, будутъ уже давно и подробно разработаны, на основаніи болѣе положительныхъ матеріаловъ. Личный взглядъ мой и оцѣнка описываемаго времени могутъ быть во многомъ ошибочны, сужденія о личностяхъ не совпадать съ сложившимися о нихъ мнѣніями, но пишу чистосердечно, откровенно, какъ понималъ, какъ чувствовалъ, стараясь избѣгнуть всякаго пристрастія, присущаго человѣческой природѣ. Время наложило свою печать на многое, и потому надѣюсь не поддаваться страсти и

увлеченіямъ, которыя могли бы вліять на правильность и добросовѣстность взглядовъ моихъ, ежели бы писалъ записки по мѣрѣ переживаемыхъ событій. Затѣмъ, могу во многомъ несомнѣнно ошибаться, но ошибаться неволью, безъ всякой предвзятой цѣли, безъ всякаго мелкаго лицепріятія или несвойственной сердцу моему злости.

Ergare humanum est.

ГЛАВА I.

Университетъ. — Графъ Уваровъ и новый университетскій уставъ. — Студенты и профессора тогдашняго времени. — Наше начальство: отецъ, Плегневъ, Филиповъ, Фицгумъ. — Студенческія шалости и взглядъ на нихъ Государя. — Сравненіе тогдашняго духа университетовъ съ нынѣшнимъ. — Поѣздка за границу: Гамбургъ, Магдебургъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Саксонская Швейцарія. — Встрѣча съ отцомъ въ Маріенбадѣ и путешествіе съ нимъ. — Пребываніе въ Венгріи у графа Пальфи. — Возвращеніе въ Россію и поступленіе въ Кирасирскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Цесаревича полкъ. — Тогдашній взглядъ на военную службу. — А. Н. Араповъ. — Жизнь въ Гатчинѣ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1840 года я кончилъ выпускные экзамены и оставлялъ Петербургскій университетъ, въ которомъ провелъ на юридическомъ факультетѣ четыре изъ лучшихъ годовъ моей юности; мнѣ предстояла новая самостоятельная жизнь и кругъ дѣйствій, — новыя для меня столкновенія съ людьми и жизнью; однимъ словомъ, мнѣ предстояла тогда неизвѣстная и неизмѣримая будущность.

Передъ изложеніемъ моихъ дальнѣйшихъ воспоминаній, хочу бросить бѣглый взглядъ на университетское мое прошлое и въ краткихъ чертахъ описать университетскій студенческій нашъ бытъ того времени.

Изъ университетскаго благороднаго пансіона (нынѣшняя I-я гимназія) поступилъ я въ 1836 году очень молодымъ — тогда мнѣ было только 16 лѣтъ — въ Петербургскій университетъ. Счастливымъ обстоятельствомъ было, что я поступилъ и пробылъ на университетской скамьѣ самый блестящій періодъ его существованія. Во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ то время стояла просвѣщенная личность такого государственнаго человѣка, каковъ

былъ графъ Уваровъ, создавшій замѣчательный тогдашній университетскій уставъ. Обширное многостороннее его образованіе, его разумное практическое отношеніе къ дѣлу, при довѣрїи, которымъ Уваровъ пользовался у Государя, и заслуженномъ имъ сочувствїи общества, вполне обеспечивали успѣхъ той учебной реформы, которую суждено было ему внести въ Россію. Съ его несомнѣнными государственными способностями, онъ сумѣлъ, безъ насилія, безъ особой ломки, замѣнить обветшалый, схоластическій прежній порядокъ обученія новыми своими взглядами на преподаваніе: новыя науки нашли почетное мѣсто въ существующихъ доселѣ программахъ, а главное университеты освѣжились новымъ научнымъ элементомъ въ лицѣ молодыхъ людей, вернувшихся изъ заграничныхъ университетовъ, куда они посланы были, на счетъ Правительства, изъ лучшихъ русскихъ студентовъ, чтобы ознакомиться съ новыми приемами преподаванія, съ новыми взглядами на науку всѣхъ европейскихъ знаменитостей того времени. Этими свѣжими силами замѣнились большею частью прежніе профессора, получившіе образованіе въ семинаріяхъ и Духовныхъ Академіяхъ. Очень понятно, въ какія формы тогда облекалась наука и какими несовременными уже приемами она передавалась молодежи. На первомъ курсѣ, когда университетъ нашъ еще помѣщался въ скромномъ и неудобномъ деревянномъ зданіи около Семеновскаго полка (теперь тамъ, кажется, какое-то церковное подворье) я засталъ еще многихъ представителей прежняго порядка.

Въ 1837 году университетъ нашъ переведенъ былъ на Васильевскій Островъ во вновь отдѣланное и приспособленное зданіе Петровскаго времени 12-ти коллегій, гдѣ находится и нынѣ. Студентамъ сдѣлалось обязательно носить новую, присвоенную имъ, однообразную форму съ синими воротниками, съ золотымишитыми петлицами; шпага, трехъугольная шляпа и офицерскаго образца пинель довершали нашъ тогдашній костюмъ. Прежде были также мундиры съ красными воротниками, но они надѣвались только въ торжественныхъ случаяхъ и обыкновенно студенты ходили въ партикулярномъ платьѣ. Это нововведеніе положительно считаю весьма полезнымъ и разумнымъ; оно немедленно создало извѣстную солидарность между членами университетской семьи: у студентовъ яви-

лось понятіе о чести мупдира, товарищество уврѣпилось, сплотилось и въ каждомъ явилось самолюбіе не уронить званіе студента.

Замѣчательные молодые наши профессора: Порошинъ, двое братьевъ Кугорги, Ивановскій, Колмаковъ, хотя и слабѣе другихъ, но и Барщевъ и Крапихфельдъ, а изъ прежнихъ Фишеръ, Шнейдеръ, Никитенко своими несомнѣнными познаніями, а первые упомянутые профессора съ нераздававшимся доголѣ въ стѣнахъ университета краснорѣчивымъ изложеніемъ своихъ предметовъ и критически-философскимъ отношеніемъ къ наукѣ положительно завлекали своихъ слушателей. Профессора наши крайне добросовѣстно относились къ обязанностямъ своимъ и развѣ только болѣзнь заставляла ихъ манкировать лекціями.

Мода на университеты въ тогдашнее время побуждала всѣхъ молодыхъ людей высшаго аристократическаго круга поступать въ университеты, которые, впрочемъ, далеко не закрыты были и всѣмъ другимъ сословіямъ. Въ мое время въ Петербургскомъ университетѣ числилось до тысячи человекъ различныхъ сословій студентовъ. Сравнивая тогдашній университетскій бытъ съ нынѣшнимъ состояніемъ университетовъ, представляется весьма прискорбное явленіе: въ тѣ времена, когда о новыхъ реформахъ нашего государственнаго строя не было и помину, студенты, собравшы со всѣхъ концовъ Россіи, различныхъ состояній, различныхъ по воспитанію, жизни, обстановкѣ и привычкамъ, всѣ сливались въ одну общую студенческую семью, одушевлены были однимъ и тѣмъ же общимъ духомъ, дорожили одними и тѣми же интересами, и о сословной розни не было и помину именно въ то время, когда понятія въ Россіи и самыя права, предоставленныя закономъ, такъ рѣзко отдѣляли сословія между собой. Въ то время профессора нисколько не отдѣлялись отъ насъ, считая себя солидарными съ нами. По выходѣ съ лекціи, любимые нами профессора, окруженные своими слушателями, обыкновенно провозжались съ Васильевскаго острова черезъ Неву на Адмиралтейскую площадь и нѣкоторые съ нами слѣдовали до квартиры. Говорили о наукѣ, о разныхъ занимающихъ общество вопросахъ— о политикѣ никогда не было и рѣчи. Профессора посѣщали наши вечеринки, иногда и устраиваемые кнейпы. На нихъ обыкновенно пѣлись хоромъ нѣмецкія *Burschenlieder* и особыя наши русскія сту-

денческія пѣсни; ихъ была цѣлая книжка, и какъ восторженно отзывались тогда въ сердцѣ нашемъ эти звуки беззаботной, неиспытанной еще жизнью, молодости нашей. Мы навѣщали также профессоровъ своихъ и они снабжали насъ книгами и пособіями для дополненія слышанныхъ лекцій; записокъ пи печатанныхъ, ни литографированныхъ тогда еще не было: мы все записывали сами. Это дѣлалось обыкновенно слѣдующимъ образомъ: трое, четверо студентовъ составляли кружокъ и записывали одновременно слушаемыя ими лекціи, потомъ собирались и составляли общія записки, по которымъ кружокъ и готовился къ экзамену. Профессора ежегодно мѣняли программы своихъ лекцій и интересовали насъ многосторонними разборами того же предмета.

Университетское начальство, то есть администрація, совершенно отечески относилось къ намъ и пользовалось полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ студентовъ.

Попечителемъ Учебнаго Округа въ то время былъ добрый отецъ мой, отецъ также и для всей подвѣдомственной ему молодежи; онъ вникалъ въ нужды каждаго, всякій имѣлъ къ нему свободный доступъ, онъ постоянно помогаль студентамъ, заботился о нихъ, часто на экзаменахъ ходатайствовалъ за нихъ у профессоровъ и по выходѣ изъ университета старался способствовать устройству ихъ будущей службы. Онъ вообще оставилъ по себѣ добрую память во всѣхъ прежнихъ студентахъ, и теперь съ благодарностью и любовью вспоминающихъ о немъ. Ректоромъ былъ достойный профессоръ Плетневъ, инспекторомъ благородный и нами сердечно уважаемый Николай Павловичъ Филипповъ, а впоследствии Александръ Ивановичъ Фицтумъ, котораго также всѣ мы очень любили.

Какъ выше сказано, между нами была особая солидарность и мы дорожили студенческимъ званіемъ. У насъ было, по примѣру германскихъ университетовъ, свое непризнанное закономъ студенческое общество, былъ и свой тайный судъ съ нѣмецкими фершисами и исключеніемъ изъ университета. Съ особою строгостью преслѣдовался всякій безчестный поступокъ; одинъ изъ самыхъ строгихъ и нещадныхъ судей былъ студентъ баронъ Будбергъ ¹⁾. Рѣшенія

¹⁾ Баронъ Александръ Будбергъ впоследствии нашъ посланникъ въ Парижѣ, а затѣмъ членъ Государственнаго Совѣта.

этого суда исполнялись всегда безпрекословно. На публичных гуляніяхъ, въ театрахъ, обыкновенно, по взаимному согласію, присутствовали старшіе и пользующіеся вліяніемъ студенты, чтобы предупредить всякія безобразія и непріятныя столкновенія, особенно съ полиціей. За то на Васильевскомъ Островѣ мы имѣли обширное поприще и для разгула и для нашихъ шалостей; ходили кутить на биржу въ лавки Елисеѣва и въ гостинницу вдовы Гейде, гдѣ тогда за рубль ассигнаціи получали порядочный обѣдъ и опивались сквернымъ пивомъ. Ходили также въ 27 линію кататься съ ледяныхъ горъ какого-то шустерь-клуба, при чемъ били пѣмцевъ, сидя на ихъ спинахъ, спускались съ горъ и, вообще, производили на Васильевскомъ Островѣ всевозможныя шалости. Когда же дѣло нами домашнимъ образомъ не могло быть улажено и принимало болѣе серьезныя размѣры, то мы всегда первые доносили о томъ начальству. Инспекторъ обыкновенно улаживалъ дѣло, а когда этого нельзя было, то обращались къ отцу моему. Онъ отправлялъ студентовъ немедленно въ карцеръ и ѣхалъ къ тогдашнему Оберъ-Полиціймейстеру Генераль-Адъютанту Кокошкину, доброму пріятелю и товарищу отца моего по службѣ въ Преображенскомъ полку. Кокошкинъ утромъ, донося о происшествіи Государю, старался смягчить происшествіе, докладывалъ, что студенты всѣ арестованы университетскимъ начальствомъ и преувеличивалъ ожидающія молодыхъ людей послѣдствія отъ строгости того же начальства. Николай Павловичъ обыкновенно говорилъ: „съ нихъ уже взыскано, скажи однако, чтобы не губили карьеру молодыхъ людей“. Все кончалось пѣсколькими днями ареста, извиненіями предъ обиженными или, большею частью, денежнымъ вознагражденіемъ побитыхъ пѣмцевъ по общей складѣѣ. За все пребываніе мое въ университетѣ не было ни одного столкновенія ни съ однимъ изъ профессоровъ, ни съ университетскимъ начальствомъ, никакой манифестаціи, ни тѣни безпорядка въ стѣнахъ университета. Я нарочно упоминаю объ этомъ, чтобы обрисовать тѣ отношенія, которыя существовали тогда въ университетѣ.

Пособія бѣднымъ студентамъ въ ихъ болѣзни, въ необходимости иногда по семейнымъ дѣламъ ѣхать въ деревню, или въ другихъ крайнихъ случаяхъ, всегда раздавались; хотя не было такъ

называемой кассы, но всегда въ распоряженіи кого-нибудь изъ старшихъ былъ извѣстный фондъ или собирались извѣстнымъ кружкомъ на каждый случай деньги для помощи нуждающимся товарищамъ. Такъ какъ мы всѣ почти знали другъ друга, то освѣдомившись объ нуждахъ кого-либо, собирались въ своемъ кружкѣ и передавали деньги отъ имени товарищей, такъ что получавшій никогда не зналъ источника, изъ котораго онъ получалъ пособіе и имени лицъ ему помогавшихъ.

У насъ былъ швейцаромъ извѣстный заслуженный старикъ Василій Прытковъ; грудь его была покрыта медалями и орденами, заслуженными въ отечественную войну; честнѣйшій и всѣми уважаемый старикъ, онъ на этой должности пробылъ кажется лѣтъ 30 и скончался въ глубокой старости. На похоронахъ его въ Петербургѣ, говорятъ, провожала масса настоящихъ и прежнихъ студентовъ. Когда богатые студенты выходили изъ университета, чтобы помочь бѣднымъ и не оскорблять ихъ самолюбія, былъ еще слѣдующій между нами обычай: мундиры, шпаги, шляпы, платья оставляли Прыткову, пазначая самую ничтожную цѣну за вещи въ пользу швейцара; бѣдные студенты покупали ихъ у него и онъ всегда честно исполнялъ это порученіе. Наши негласные студенческіе порядки, наши незаконныя сходки, общества и суды насколько не были тайною ни для начальства, ни для профессоровъ; на нихъ смотрѣли совершенно разумно, какъ на весьма естественное проявленіе молодости и желанія подражать самостоятельнымъ формамъ германскихъ университетовъ. Ничего никогда политическаго въ нашихъ проявленіяхъ не было, все ограничивалось тѣснымъ кругомъ университетскаго нашего быта. Это корпоративное начало служило даже начальству лучшимъ орудіемъ для надзора за студентами и, при томъ уваженіи и довѣрии, которыми оно тогда пользовалось между нами, студенты старались всячески не вводить начальство въ отвѣтственность. Сіе же послѣднее всегда заботливо и отечески старалось ограждать насъ отъ послѣдствій нашихъ молодыхъ проступковъ и шалостей. Не смотря на извѣстнаго рода разгулъ между студентами, лѣность весьма многихъ, нельзя не сознаться, что въ общемъ паука занимала въ нашихъ тогдашнихъ стремленіяхъ немаловажное мѣсто; занимались большею

частью усердно, общее образованіе получалось весьма солидное, а для желающихъ посвятить себя исключительно какой-либо научной специальности, нашъ тогдашній университетъ представлялъ къ этому всё средства и пособія. Уваровская эпоха университетовъ дала Россіи весьма много людей на государственномъ поприщѣ послѣднихъ лѣтъ, вышедшихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Студенты того времени отличаются просвѣщеннымъ широкимъ своимъ взглядомъ на дѣло; иногда, можетъ быть, они страдаютъ увлеченіемъ то въ ту, то въ другую сторону въ важныхъ вопросахъ, составляющихъ задачу нашего времени, но смѣло можно сказать, что большею частью всё доселѣ дѣйствуютъ по убѣжденію, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ошибочному, но честно желаютъ пользы и добра своему отечеству. По крайней мѣрѣ такъ было въ отношеніи Петербургскаго университета; не знаю, какъ было въ другихъ.

Въ продолженіе довольно многолѣтней жизни моей я встрѣчался и на служебномъ поприщѣ, и какъ частный человекъ, съ прежними товарищами. Замѣчательно, какъ несмотря на разницу положеній и часто убѣжденій, университетскія отношенія наши сохраняются между нами. Я помню, какъ, послѣ десятковъ лѣтъ разлуки, мнѣ пришлось встрѣтиться съ старыми студентами на 50-лѣтнемъ юбилеѣ университета въ Петербургѣ въ 1869 году. Мы дружески радостно вновь сошлись, какъ будто только навануѣ оставили скамью нашей alma mater.

Въ настоящее время мы видимъ между студентами полнѣйшую рознь; всё проявленія сословной вражды, политическихъ и социальныхъ агитацій, заразившихъ вообще настоящее общество, находятъ также себѣ доступъ въ стѣнахъ университетовъ; молодежь, вмѣсто того, чтобы посвящать свой трудъ на изученіе науки и на приготовленіе себя къ служенію обществу, а избытокъ своихъ жизненныхъ силъ тратить на свойственныя молодости удовольствія, не выходя изъ тѣснаго, такъ дорогого каждому человеку, товарищескаго своего круга, съ университетской скамьи уже желаетъ руководить обществомъ и разрѣшать социальные вопросы, увлекаясь несбыточными теоріями преступной пропаганды, погубившей столько живыхъ и молодыхъ силъ у насъ въ Россіи. Весьма понятно, почему не могутъ быть допускаемы въ настоящемъ направленіи

студенческія корпораціи, принимающія сейчасъ политической отгѣновъ; также кассы, сборы которыхъ идутъ не на помощь нуждающимся товарищамъ, а на усиленіе средствъ преступной пропаганды за границей и въ нашихъ предѣлахъ.

Нынѣшніе профессора относятся также иначе къ своимъ студентамъ, начальство же университетовъ, самъ Министръ, поставлены новыми уставами въ полное безсиліе вліять на противодѣйствіе существующему злу. Коренное измѣненіе многихъ нынѣшнихъ положеній является насущною необходимостью. Къ чему было для созданія теперешняго порядка или, лучше сказать, безпорядка разрушать замѣчательныя образовательныя начала, созданныя графомъ Уваровымъ?

Что стало съ того времени съ университетами? Замѣчательный уставъ Уварова измѣненъ, вся система поколеблена, вся связь учащихся съ учащимися разорвана, излишнія строгости къ студентамъ одно время, непонятный либерализмъ потомъ, наконецъ профессорская автономія, отклонившая ихъ отъ прямого призванія служить наукѣ, сосредоточила только все стремленія ихъ на мелкихъ интересахъ и интригахъ своего ученаго кружка. Въ настоящее время профессора, разъ написавши записки, публикуютъ ихъ и онѣ служатъ предметомъ торговли. Большею частью профессора заняты другими дѣлами для удовлетворенія матеріальнымъ стремленіямъ вѣка и манкируютъ постоянно лекціи; весьма рѣдкія, но тѣмъ болѣе достойныя уваженія, личности составляютъ исключеніе изъ этого общаго направленія. Равнодушіе ихъ къ студентамъ или излишнее заискиваніе легкой популярности выходками на лекціяхъ не научнаго, а политически-соціального свойства, исказили все преданія прежняго времени, все достоинство прежнихъ университетовъ и весь нравственный и общественный бытъ студентовъ.

Отсутствіе мупдира и однообразной формы, вмѣстѣ съ другими причинами, разорвали всякую связь между студентами; враждебныя между собой партіи, сословная непріязнь, зависть и окончательное отсутствіе всякаго приличія формъ составляютъ отличительную черту студентскаго общества теперешняго времени. Не знаю, какъ въ другихъ университетахъ, но Кіевскій, близко мнѣ знакомый, вполнѣ, по крайней мѣрѣ, соответствуетъ тому

взгляду и мнѣнію, который я высказалъ. Кто тому виною? Вѣкъ ли нашъ съ его неустановившимися началами, утопіи ли и ложныя понятія общественныхъ вопросовъ, наконецъ духъ ли отрицанія, или преобладаніе матеріализма надо всѣмъ, что прежде составляло естественную принадлежность свѣжихъ чувствъ молодости, или самое распоряженіе правительства породило настоящій порядокъ вещей?—Я думаю, что то и другое: мы шагаемъ въ послѣднее время такъ быстро по пути реформъ, безъ достаточнаго подготовленія къ тому почвы и общественныхъ понятій. Руководящіе движеніемъ дѣйствуютъ, можетъ быть, по-своему и добросовѣстно, съ желаніемъ блага, но положительно имъ неизвѣстна Россія, характеръ, духъ и потребности ея населенія.

Сначала либерально открыли широкій доступъ всѣмъ къ университетскому образованію; по окончаніи онаго вышедшіе изъ прежней среды молодые люди сталкивались со всевозможными разочарованіями и затрудненіями на предстоящемъ имъ служебномъ поприщѣ, затѣмъ масса недовольныхъ, возбужденная эпидемическимъ, можно сказать, либеральнымъ направленіемъ 60-хъ годовъ, возбудила опасенія правительства; явилась новая система—возбужденное волненіе приписали реальному ученію, манія классицизма дошла до послѣднихъ предѣловъ возможнаго; тысячи молодыхъ людей ежегодно за неуспѣхи въ мертвыхъ языкахъ исключаются изъ заведеній, умножая собою массу недовольныхъ въ Россіи. Самыя несбыточныя утопіи, преступныя пропаганды находятъ подготовленную почву для своихъ замысловъ въ этой несчастной молодежи. Правительство преслѣдуетъ, весьма естественно, эти проявленія, но ничего не предпринимаетъ, чтобы предупредить причины явнаго зла. Полнѣйшее отсутствіе всякой послѣдовательной системы дѣйствій и солидарности между министерствами довершаютъ общій хаосъ различныхъ направленій. Странно видѣть, какъ учебныя заведенія въ Россіи принадлежатъ различнымъ вѣдомствамъ, и какъ каждое вѣдомство дѣйствуетъ отдѣльно и даже враждебно между собой. Чтò можно ожидать отъ молодежи, поставленной въ такія неопредѣленныя условія воспитанія и вступающихъ въ жизнь при такомъ неустановившемся взглядѣ самого правительства на начала, долженствующія вести Россію къ благо-

состоянію и къ прочной будущности ея гражданскаго благоустройства.

Но я незамѣтно уклонился отъ цѣли своего разсказа; возвращаюсь къ выпуску моему изъ университета.

Въ самыхъ первыхъ числахъ іюня, послѣ устроеннаго нашимъ выпускомъ, при участіи многихъ профессоровъ, торжественнаго прощанія и кнейпы въ Парголовѣ ¹⁾, я разстался съ университетскими товарищами своими и черезъ нѣсколько дней, сопровождаемый до Кронштадта матерью и всѣмъ семействомъ, отправился на пароходѣ за границу. Въ Мариенбадѣ я долженъ былъ соединиться съ отцомъ моимъ, который тамъ лѣчился, и вмѣстѣ съ нимъ предпринять поѣздку по Европѣ въ продолженіе лѣта и части осени предстоящаго года. Тогда не было желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и весьма мало въ Европѣ: сообщеніе производилось пароходами и большею частью на почтовыхъ. Я выѣхалъ изъ Кронштадта въ Травемюнде и оттуда черезъ Гамбургъ, Лейпцигъ, Дрезденъ и Карлсбадъ въ Мариенбадъ. Мнѣ было тогда 20 лѣтъ отъ роду; въ первый разъ на палубѣ парохода я почувствовалъ себя совершенно одинокимъ, отдѣленнымъ отъ семейства, съ которымъ до тѣхъ поръ не разставался. Я вступалъ въ непредѣльную и неизвѣстную для меня будущность новой самостоятельной жизни; я никогда не забуду впечатлѣній моихъ въ этотъ день; я всегда любилъ море и страсть моя къ морю, путешествіямъ, сохранилась и до сихъ поръ. Я помню, какъ отъ понятнаго нравственнаго состоянія духа моего я почти всю ночь провелъ на палубѣ парохода, бессознательно смотря на шумящія волны, погружаясь въ размышленіе о всемъ, что лежало у меня на сердцѣ и тревожило неопытное молодое воображеніе мое. Отрадно мнѣ было, какъ молодому человѣку, то чувство свободы, которое овладѣло мною, но съ другой стороны это помрачалось разлукою со всѣмъ тѣмъ, что

---

¹⁾ Праздникъ этотъ устроенъ былъ на Поклонной горѣ, въ лѣсу, среди живописной, но вполне дикой, окружающей лѣсистой мѣстности. Мнѣ удалось быть теперь на этихъ мѣстахъ и любоваться Озерками, съ массою роскошныхъ дачъ и густымъ лѣтнимъ населеніемъ дачниковъ, и все это на мѣстахъ, гдѣ въ описываемое время мы зимою, благодаря разрѣшенію товарища нашего гр. Шувалова, студентами ходили на охоту на волковъ и, сколько помнится, даже разъ на лосей.

привлекало и поглощало до сихъ поръ мои юношескія лѣта: воспоминанія о семействѣ, разлука съ добрыми университетскими товарищами, неизвѣстность будущности поглощали въ тѣ минуты всѣ мои мысли. На другой день, уже сжившись съ положеніемъ своимъ, я смѣло смотрѣлъ на новую свою обстановку со всеми очарованіями и надеждами молодости и съ энергіей, всегда присущей моему, тогда свѣжему и предприимчивому, характеру. Я вскорѣ познакомился со всеѣмъ весьма пріятнымъ обществомъ нашего парохода и на третій день мы прибыли въ Травемюнде, откуда дилижансомъ я прибылъ въ Гамбургъ. Меня очень заинтересовалъ этотъ городъ и совершенно новые для меня нравы этого главнаго въ то время центра Германской торговли. Пробывъ два или три въ Гамбургѣ, пароходомъ по Эльбѣ я отправился въ Магдебургъ. Упомяну здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, ничтожномъ въ сущности, но которое въ настоящее время имѣетъ свое значеніе: въ числѣ пассажировъ, большею частью изъ нѣмцевъ, находились два нѣмецкіе барона изъ нашихъ остзейскихъ провинцій; за общимъ столомъ на пароходѣ, я помню, какъ одинъ изъ нихъ (кажется баронъ Шиллингъ) при общихъ разговорахъ о Россіи всегда говорилъ: „bei uns in Russland“, а другой курляндецъ, говоря о родинѣ, ипаче не отзывался о ней, какъ „in unsern Ostseeprovinzen“. Я помню также, какъ какой-то толстый нѣмецъ горячо заступался за Россію противъ другого; оказалось, что это какой-то колбасъ-мастеръ, прожившій лѣтъ 15 въ Россіи и разбогатѣвшій въ Москвѣ.

Въ Лейпцигѣ попалъ я совершенно случайно на весьма интересное событіе, которое, разумѣется, другой разъ мнѣ не удастся видѣть. Я пробылъ въ Лейпцигѣ два дня для участвованія въ празднованіи 400-лѣтняго юбилея кнѣгопечатанія и открытія памятника Гуттенбергу. Весь городъ переполненъ былъ прїѣзжими и я съ трудомъ нашель почти на чердакѣ какую-то конурку. Все происходило со свойственною нѣмцамъ торжественностью и скукою; на северномъ обѣдѣ на нѣсколько тысячъ человѣкъ, по подиискѣ, въ налаткахъ, расположенныхъ на площади, произносилось песнѣтное количество рѣчей, восторженно привѣтствуемыхъ, въ которыхъ я не понялъ ни слова. При открытіи памятника про-

ходило какое-то войско, различныя корпораціи со значками нестройно, но весьма важно, при звукахъ музыки, къ полному умилению огромной публики, покрывавшей какъ площадь, такъ и всѣ прилегающіе къ памятнику улицы и дома. Меня больше всего поразили господствующій порядокъ, при полномъ почти отсутствіи всякой полиціи, и безпрекословное повиновеніе распоряженіямъ ратуши, прибитымъ ко всѣмъ домамъ, гдѣ за программу празднества указывалось, въ какихъ мѣстахъ и на какихъ улицахъ, во сколько рядовъ, слѣдовало стоять публикѣ. Невольно вспомнилъ я о петербургскихъ нашихъ народныхъ гуляньяхъ и даже еженедѣльныхъ разводахъ на площади, гдѣ въ то время цѣлый сонмъ и буточниковъ и квартальныхъ такъ щедро пользовался кулачными приѣмами для удержанія публики въ указанныхъ мѣстахъ, и какъ достаточно было въ нашихъ публичныхъ садахъ усмотрѣть только дощечку съ надписью „просить травы не мять“, чтобы около этого мѣста была протоптана широкая тропинка по газону.

Въ Дрезденѣ я пробылъ тоже около сутокъ, наскоро осмотрѣвъ картинныя галереи и достопримѣчательности города. Затѣмъ, познакомившись въ гостинницѣ съ двумя пруссаками, я нанялъ коляску и мы вмѣстѣ предприняли путешествіе въ саксонскую Швейцарію. Живописная эта мѣстность и видъ горъ и скалъ, которыя въ первый разъ пришлось мнѣ видѣть, произвели на меня весьма памятное впечатлѣніе. Погода намъ вполне благопріятствовала и со спутниками своими я объѣхалъ всѣ замѣчательныя мѣста этого живописнаго угла Саксоніи. Въ гостинницахъ обыкновенно предлагались книги для записыванія именъ профѣзжающихъ и свидѣтельство, что оставались довольны заведеніемъ. Я помню нѣсколько оригинальныхъ надписей: такъ, на примѣръ, въ Bastei въ книгѣ какой-то чувствительный нѣмецъ написалъ цѣлое стихотвореніе, гдѣ описывались прелести природы и строфы котораго кончались возгласомъ: „Meine Clara, aber find' ich nicht“. Какой-то шутникъ, пріѣхавшій послѣ, написалъ слѣдующее: „Clara ist zu finden Dresden, Müllergasse 4, Stoch N.....“ Еще въ другомъ мѣстѣ, называемомъ Kuhstall, на скалѣ высѣчены были слѣдующіе стихи поэтическимъ нѣмцемъ: „Ich habe ihn gesehen, ich habe

ihn gesehen, ich habe den göttlichen Kuhstall gesehen“, другой нѣмецъ подъ этимъ вырѣзалъ слѣдующую вещь: „Ich habe es gelesen, ich habe es gelesen; es ist ein Ochs im Kuhstall gewesen“.

Наконецъ, прибыли мы въ той-же коляскѣ, нанятой на всю поѣздку, до Пирны, гдѣ часа два пришлось мнѣ ждать срочнаго дилижанса на Карлсбадъ и Мариенбадъ. Здѣсь спутники мои, которые все время ѣздили въ моей коляскѣ и почти угощались мною, выразили желаніе скромнымъ обѣдомъ въ гостинницѣ въ Пирнѣ угостить меня и отблагодарить за любезное знакомство. Заказанъ былъ отвратительный обѣдъ и подана бутылка шампанскаго; но каково было мое удивленіе, когда затрубилъ рожокъ кондуктора дилижанса и когда подали счетъ и я увидѣлъ, что весь расходъ разложенъ на трехъ. Припомню еще одно обстоятельство относительно таможни. Въ Пруссіи я испыталъ всю строгость тамошней таможни, при самомъ холодномъ и полномъ достоинства отношеніи чиновниковъ къ законному исполненію своего долга, по проѣздѣ же на границу Австріи представился слѣдующій фактъ: всѣ пассажиры разложили и раскрыли свои чемоданы на дворѣ передъ Zollamt. Я спросилъ у кондуктора, какъ тутъ быть — онъ отвѣтилъ мнѣ лаконически: „ein Thaler“; наконецъ вышелъ какой-то толстый въ очкахъ рыжій чиновникъ, съ коленкоровымъ чехломъ на правомъ рукавѣ для предостереженія локтя отъ тренія. Онъ подходилъ къ каждому пассажиру, разспрашивая куда ѣдетъ, затѣмъ протягивалъ руку со словами: „Wünsche ihnen eine glückliche Reise“, при этомъ ему подавалось приношеніе, которое онъ безцеремонно клалъ въ карманъ, чемоданъ запирался и таможенные служители быстро бросали его въ дилижансъ. Такимъ образомъ поступилъ и я, отдѣлавшись отъ всякаго осмотра. Остановившись на нѣсколько часовъ въ Карлсбадѣ, я наконецъ прибылъ въ Мариенбадъ, гдѣ прижалъ къ сердцу добраго отца моего, съ нетерпѣніемъ давно ожидавшаго меня. На этихъ водахъ было довольно большое общество русскихъ и особенно аристократическихъ венгерскихъ и австрійскихъ фамилій, какъ-то: фамилія Пальфи, Зичи, Эстергази, Гавріяни и другихъ, съ которыми я познакомился. На водахъ находилась графиня Нессельроде, жена тогдашняго нашего канцлера. Отецъ мой съ ними очень былъ друженъ и, увѣренный черезъ связи свои

предоставить мнѣ видную карьеру по дипломатіи, мечталъ отелонить меня отъ постояннаго намѣренія моего избрать военное поприще. Отецъ мой поставилъ мнѣ и братьямъ моимъ непремѣннымъ условіемъ окончить университетское воспитаніе, а затѣмъ обѣщаль благословить насъ въ ту карьеру, которую каждый себѣ избересть. Онъ остался вѣренъ взгляду своему и нисколько впоследствии не препятствовалъ поступленію моему въ военную службу. Мы очень сошлись съ милымъ и любезнымъ обществомъ венгерцевъ и австрійцевъ, и отецъ мой обѣщаль на обратномъ пути въ Россію посѣтить графа Пальфи осенью во время охоты въ феодалномъ его замкѣ Штамфенѣ.

По окончаніи леченія въ Маріенбадѣ, мы съ отцемъ предприняли поѣздку по Европѣ, посѣтили большую часть Германіи, Бельгію, Парижъ, потомъ Баденъ, Баварію, Швейцарію, Миланъ и сѣверную Италію, Венецію и, наконецъ, въ концѣ, кажется, сентября прибыли въ Венгрію.

Все видимое мною крайне интересовало меня новизною ощущаемыхъ впечатлѣній; тогда путешествія доставляли больше возможности и осмотрѣть и ознакомиться съ особенностями проѣжаемыхъ странъ. Мы ѣхали все на почтовыхъ въ своемъ экипажѣ, останавливаясь въ мѣстахъ, привлекавшихъ наше вниманіе, не стѣсненные никакии форпанами, никакими свистками и звонками желѣзныхъ дорогъ. Все меня, разумѣется, занимало, но не скажу, чтобы особенно завлекало; при тогдашнемъ настроеніи моихъ мыслей, мнѣ хотѣлось поскорѣй поступить на службу, скорѣе начать то военное поприще, къ которому всѣ, по понятіямъ того времени, стремились и которое представляло особую, еще не испытанную, заманчивость въ молодомъ воображеніи моемъ. Скажу также, что по тогдашнимъ понятіямъ всякій считалъ для себя обязанностью служить и не только долгомъ передъ государствомъ, но также въ отношеніи къ обществу и семейству. Какъ измѣнились прежнія понятія, при томъ направленіи, которое овладѣло нынѣшнимъ молодымъ поколѣніемъ!

Хочу остановиться, при этомъ краткомъ перечнѣ осмотрѣнныхъ въ то время мною мѣстностей, на пребываніи моемъ въ замкѣ Штамфенѣ. Графъ Пальфи въ числѣ, кажется, пяти венгерскихъ

магнатовъ принадлежалъ къ тѣмъ аристократическимъ родамъ Венгріи, которые сохранили особыя еще феодальныя права. Онъ имѣлъ право верховной юрисдикціи надъ всѣми проживающими на его земляхъ, даже право жизни и смерти за извѣстныя преступления, между прочимъ за браконьерство (кажется даже изъ привилегій не было вычеркнуто *jus primae noctis*). Все это, разумѣется, было мертвою буквою и существовало только *de jure*, но во вѣднѣйшей обстановкѣ широко отзывались феодальныя преданія. Великолѣпный замокъ Пальфи былъ наполненъ съѣхавшимися со всей Венгріи на охоту магнатами, составлявшими цвѣтъ тогдашней аристократіи, — общество было въ высшей степени пріятное и образованное. Гостепріимство оказывалось самое роскошное, самое широкое; каждое утро значительный хоръ роговой музыки въ богатыхъ ливреяхъ выстраивался на дворѣ замка и давалъ сигналъ къ отправленію на охоту. Охота была дѣйствительно царская: такъ, напримѣръ, для фазановъ были особыя мѣста съ прорубленными просѣками, на которыя загонщики выгоняли дичь; около каждаго приглашеннаго стояли егеря съ заряженными ружьями на приготовленныхъ заранѣе мѣстахъ. Масса фазановъ была неимовѣрная — я помню, что на нашей охотѣ было убито въ одинъ день, кажется, до 800 штукъ. Для охоты за зайцами, кабанамъ были особыя мѣста, — во всего замѣчательнѣе это устройство охоты на оленей. Обыкновенно поочередно у каждаго магната ежегодно охотились на извѣстнаго рода дичь и самымъ строгимъ образомъ наблюдалось, чтобы не производилось ни одного выстрѣла въ мѣстахъ не назначенныхъ для охоты. Въ этотъ годъ не было охоты на оленей, но я имѣлъ случай видѣть въ лѣсахъ гр. Пальфи повѣрку оленей. Это происходило слѣдующимъ образомъ: посреди поляны, окруженной вѣковыми нетронутыми лѣсами, была построена двухъэтажная бесѣдка, въ которой жалюзи замѣняли окна; мы собрались въ верхнемъ этажѣ, а въ нижнемъ охотники играли на рогахъ какой-то условленный мотивъ. Посреди поляны устроены были ясли съ кормомъ для олепей и старикъ сторожъ, не скрываясь, расхаживалъ около своей хижины. Мало-по-малу сбѣгались изъ лѣсу дикіе олени на знакомые имъ звуки и кормились у яслей, и такимъ образомъ ихъ повѣряли. Обыкновенно весьма робкіе при малѣй-

шемъ шумѣ, они нисколько не боялись стараго сторожа. Охота же происходила въ весьма отдаленномъ отъ этой поляны разстояніи. Въ Штамфенѣ провели мы чрезвычайно весело и пріятно время въ теченіе трехъ или четырехъ дней. Тогда уже было начало волненія политическихъ партій въ Венгріи; я помню совершенно дружескіе и оживленные споры хозяина замка, консерватора Пальфи, съ либеральными тенденціями графа Зичи. Революція и измѣненіе обветшалыхъ старыхъ порядковъ Венгріи были тогда какъ бы въ воздухѣ, и вскорѣ послѣдующія событія измѣнили весь прежній отжившій гражданскій строй этой страны.

Изъ Венгріи, черезъ Галицію, посѣтивъ замѣчательныя соляныя копи въ Величкѣ, мы пріѣхали въ Варшаву, гдѣ я первоначально и думалъ поступить въ армейскій, и именно Сумскій гусарскій полкъ. Я уже, при содѣйствіи отца, вступилъ въ нѣкоторыя сношенія съ военнымъ начальствомъ, какъ вдругъ получили мы отъ матушки горестное извѣстіе о кончивѣ двухлѣтняго брата моего. Эта вѣсть, сильно опечалившая отца, измѣнила и всѣ мои намѣренія; я поспѣшилъ съ нимъ въ Петербургъ къ матушкѣ и семейству, зная насколько присутствіе мое будетъ служить отрадою въ ихъ горѣ, и тамъ уже рѣшился опредѣлиться юнкеромъ въ единственный армейскій полкъ, числящійся въ составѣ гвардейской кирасирской дивизіи, въ кирасирскій, тогда Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича, полкъ, расположенный въ Гатчинѣ, который обыкновенно называли Гатчинскимъ полкомъ.

Въ то время студенты и лица гражданскаго вѣдомства не имѣли возможности поступать въ гвардейскіе полки; нужно было пройти черезъ тогдашнюю школу гвардейскихъ подпоручиковъ, пажескій корпусъ или другое военпо-учебное заведеніе, чтобы пользоваться правомъ поступить въ гвардію. Понятно, что кончившій курсъ университета студентъ тяготился снова обречь себя на нѣсколько лѣтъ школьной скамьи въ военномъ заведеніи и предпочиталъ пользоваться трехмѣсячнымъ правомъ, предоставленнымъ закономъ для производства въ арміи студентовъ изъ юнкеровъ въ офицеры. Законъ этотъ, какъ я самъ испыталъ на себѣ, былъ одною только мертвою буквой; вообще гвардейское начальство и особенно великій князь Михаилъ Павловичъ смотрѣли тогда на студентовъ

весьма несочувственно. Я и нѣкоторые товарищи мои по университету (большою частью, впрочемъ, неокончившіе курсъ) были исключеніями, посвятивши себя военному поприщу. Въ гвардіи, не знаю ужъ почему, считали студентовъ въ то время вредными въ войскахъ, по либеральному будто бы своему воспитанію.

Общій характеръ тогдашней военной службы отличался самыми мельчайшими, ремешковыми требованіями; вся нравственная сторона дѣла приносилась въ жертву наружному блеску, всѣ условія были не для приготовленія войска къ войнѣ, а къ отчетливымъ движеніямъ на разводахъ и парадахъ. Достаточно указать на слѣдующее: кремневое тогдашнее ружье до того чистилось пескомъ и кирпичемъ, что положительно теряло всякую вѣрность въ стрѣльбѣ; гайки, укрѣпляющія стволъ къ ложу, пригонялись какъ можно свободнѣе, чтобы приемы были *темписты*. Пригонка ранцевъ крестобразно черезъ грудь, бѣлая амуниція, требующая постоянной чистки, наконецъ узкая пригонка мундировъ, безобразные, тяжелые головные уборы—все это крайне стѣсняло и утомляло солдата во вредъ его здоровью. Въ кавалеріи манежная выѣздка лошадей, при тогдашнихъ требованіяхъ, положительно ихъ портила: лошади были или съ ослабленными крестцами, или съ разбитыми ногами. Обращеніе съ солдатами было крайне взыскательное и все оставлено было безконтрольному произволу начальника: палки, розги, фухтеля играли самую безобразную роль на всѣхъ ученьяхъ. Требовалось самое отчетливое исполненіе приемовъ и построений; солдатъ дѣлался машиной; запуганный, онъ терялъ способность мышленія и чувство собственного достоинства. Зато какъ равнялись на парадъ, какъ дѣлали ружейные приемы, какъ стройно стрѣляли, заряжая на 12 темповъ. Цѣльная стрѣльба была совершенно дѣломъ второстепеннымъ въ войскахъ; во время службы моей въ полку я не помню ни разу, чтобы солдаты стрѣляли боевыми патронами. Разъ на маневрахъ около Ропши, на одномъ маршѣ, въ довольно жаркій день, когда нашъ полкъ потребовали на рысяхъ, въ полку пало, кажется, 13 лошадей, раскормленныхъ до-нелзя, по тогдашнему обыкновенію, для парадовъ и не выдержавшихъ усиленной походной ѣзды.

Полкомъ нашимъ командовалъ генералъ Александръ Николае-

вичъ Араповъ, слывшій лучшимъ полковымъ командиромъ въ гвардіи. Онъ зналъ до тонкости фронттовую службу и дѣйствительно, какъ говорится, умѣлъ показать товаръ лицомъ. Но что для этого и дѣлалось! Я помню, что въ теченіе всей зимы изъ образцоваго пѣхотнаго полка, негласно отъ начальства, посылалась къ намъ, по дружескимъ отношеніямъ командировъ, команда пѣхотныхъ унтеръ-офицеровъ, при офицерѣ, для обученія нашихъ кирасиръ пѣшему строю. Какія истязанія испытывали наши солдаты отъ этихъ пѣхотныхъ профессоровъ. Они учили также и насъ юнкеровъ; я помню слѣдующее изреченіе къ намъ одного унтеръ-офицера при объясненіи маршировки: „держитесь на бедрахъ, подымайте ногу со всевозможною великатошью, опускайте ее, какъ будто люта звѣря придавить хотите, возьмите наклонъ корпуса на точку, не упираясь на оную, идите!“ Что могъ понять солдатъ изъ этой галиматъи? А какъ ихъ били за это непониманіе! Пѣхотные армейскіе офицеры, инструкторы, служили предметомъ всевозможныхъ школьничествъ нашихъ офицеровъ и обыкновенно спаивались съ кругу въ нашемъ полку. Какія тоже у нихъ были выраженія. Я помню, какъ на ученіи, гдѣ готовился нашъ кирасирскій баталіонъ къ разводу, штабсъ-капитанъ Сурманевъ, истощивъ всевозможныя ругательства надъ нашими дологаями (такъ назывался кирасирь), кричалъ съ азартомъ въ манежѣ: „Забыли вы, мерзавцы, Бога, забыли святаго заповѣди Его,—ихъ всѣ солдатъ можетъ забыть, но одну всегда долженъ помнить свято, это 11-ую заповѣдь: „во фронтѣ стоять смирно“. Все это припоминаю, чтобы показать тогдашнія понятія и требованія.

Строгости были неимовѣрныя, но все касалось до мелочей, а между тѣмъ злоупотребленія дѣлались страшныя. Я помню, какъ тотъ же Араповъ на разводѣ, чтобы скрасить нашъ фронтъ, одѣлъ кирасирами пѣхотныхъ образцовыхъ солдатъ и такъ они прошли передъ Государемъ. Другой разъ вахмистру 1-го эскадрона Лазареву, лично извѣстному Государю и Наслѣднику, онъ велѣлъ сбрызнуть огромные бакенбарды и усы и подѣхать за ординарца отъ другого эскадрона, какъ отличнѣйшему ѣздоку, на молодой лошади, съ которой не могъ справиться настоящій ея хозяинъ. Я испыталъ даже на себѣ, до какой степени дерзость обмана начальства дохо-

дила въ то время. Это было въ лагерѣ въ Красномъ Селѣ; я ѣздилъ очень хорошо и считался ординарческимъ офицеромъ; когда я отъѣздилъ свою очередь за ординарца отъ 1-го эскадрона, въ которомъ служилъ, Араповъ на слѣдующемъ разводѣ проситъ меня опять ѣхать за ординарца отъ 3-го эскадрона на его лошади, несовершенно выѣзженной, которую онъ хотѣлъ очень дорого сбыть вновь произведенному офицеру. Я отъѣздилъ чрезвычайно удачно, и Государь Николай Павловичъ, когда я съ нимъ поровнялся, скомандовалъ: „стой“, похвалилъ мою ѣзду и посадку и спросилъ у Арапова, какъ фамилія. Тотъ, не смущаясь, отвѣтилъ: „3-го эскадрона поручикъ Сосновскій“. Вѣтеръ былъ весьма сильный и всѣ мы покрыты были густою черною пылью, — но чтобы было, если бы покойный Государь узналъ правду. Все это въ то время сходило и даже считалось особою ловкостью и находчивостью начальства, — въ настоящее время подобныя вещи, полагаю, немислимы.

Арапова, несмотря на недостатокъ образованія, отсутствіе всякой деликатности и часто неосновательную строгость, офицеры довольно любили за дѣйствительно доброе его сердце, а главное за то, что онъ такъ умѣлъ выказать полкъ, что постоянно начальство насъ хвалило и ставило въ примѣръ другимъ полкамъ. Дѣйствительно, по тогдашнимъ требованіямъ, полкъ былъ въ прекрасномъ видѣ и общество офицеровъ отличное. Къ намъ поступали люди весьма богатые, изъ лучшихъ фамилій, не выдержавшіе тѣхъ пустыхъ экзаменовъ, которые требовались въ то время для гвардіи. Такъ, на примѣръ, до меня тамъ служилъ князь Алекс. Ив. Барятинскій, вышѣнній фельдмаршалъ, выпущенный въ этотъ армейскій полкъ изъ школы за неуспѣхи въ наукахъ; изъ этого же полка вышелъ гр. Карлъ Ламбертъ, бывшій намѣстникомъ въ Варшавѣ. Въ немъ служили впоследствии при мнѣ: кн. Владиміръ Барятинскій, извѣстный Мартыновъ, Веревкинъ, братья Зиновьевы, Лихачевъ, Ланской, Голицынъ, Собиръ, Платоновъ, Вреде, Даль, Прэнъ, Четвертинскій и многіе другіе товарищи, изъ которыхъ мало въ настоящее время осталось въ живыхъ и о которыхъ сохраняю самую лучшую память.

45 верстъ отдѣляло насъ отъ Петербурга, желѣзной дороги не было, и это, можетъ быть, одна изъ причинъ, почему въ полезу

такъ сближались офицеры и установилось такое дружеское между ними товарищество. Но зато и шалостямъ не было конца. Извѣстны въ то время были наши фарсы: выѣздъ англійскаго посланника въ Гатчину, ночью освѣщеніе всего дворца; зимою шалости на большой дорогѣ, гдѣ поворачивали обратно проходящіе возы со спящими мужиками, которые просыпались въ утру на постояломъ дворѣ, откуда выѣзжали, и приписывали это лѣшему, обходившему обозъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Въ городѣ, въ свѣжныя ночи, взявъ команду, закапывали до крышъ дома жителей, которые къ утру должны были прорывать галлерей, чтобы попасть на улицу—тому подобныя ребячества занимали насъ въ праздной и скучной стоянкѣ. Многіе изъ насъ, въ томъ числѣ и я, постоянно почти ѣздили въ Петербургъ, но это было крайне утомительно, и обыкновенно къ 8-ми часамъ утра уже нужно было быть въ Гатчинѣ на ученьи или ѣздѣ; для этого мы держали лихія тройки съ подставой въ Пулковѣ. Духъ полка былъ дѣйствительно хорошъ и всѣ чрезвычайно принимали къ сердцу успѣхи и репутацію полка на смотрахъ и отзывы о немъ начальства. Службу знали мы хорошо, и за рѣдкими исключеніями офицеры имѣли отличныхъ лошадей, чѣмъ хвастались передъ прочими полками дивизіи.

Я поступилъ въ полкъ юнкеромъ на трехмѣсячныхъ университетскихъ правахъ, а прослужилъ въ этомъ званіи 14 мѣсяцевъ. Я занимался чрезвычайно усердно службой и былъ на счету лучшихъ юнкеровъ. Полковой командиръ благоволилъ ко мнѣ и три раза я былъ представленъ на смотру для производства, въ числѣ прочихъ юнкеровъ гвардейскаго корпуса, тогдашнему корпусному командиру Великому Князю Михайлу Павловичу и онъ всякій разъ, посмотрѣвши на меня, отставлялъ отъ осмотра, говоря: „университетскій, рано, пусть подождетъ“. Таково было предубѣжденіе его противъ студентовъ. Наконецъ, въ Генварѣ 1841 г. я былъ произведенъ Великимъ Княземъ въ корнеты и не скажу, чтобы особенно меня порадовалъ этотъ чинъ. Я былъ очень доволенъ, но особеннаго восторга не чувствовалъ, особенно сравнивая тогдашнее мое впечатлѣніе съ тѣмъ, которое я испыталъ, когда на Кавказѣ совершенно неожиданно былъ произведенъ въ полковники — тогда я дѣйствительно ошалѣлъ отъ радости.

Въ продолженіе около трехъ лѣтъ, которыя я прослужилъ въ полку офицеромъ, я по службѣ положительно не испыталъ никакихъ неурядностей. Чрезвычайно сошелся я и, смѣю сказать, былъ любимъ своими товарищами и всегда отличаемъ начальствомъ.

Въ заключеніе воспоминаній моей полковой жизни въ Гатчинѣ разскажу бывшій со мною случай на маневрахъ, кажется, въ 1842 г. Маневры кончались и готовились послѣ послѣднихъ движеній къ такъ называемому куделю (*coup d'oeil*). Это было послѣ маневровъ общее картинное расположеніе войскъ на Красносельскомъ военномъ полѣ, на которое обыкновенно пріѣзжала Императрица и весь дворъ въ экипажахъ. Покойный Государь своимъ звучнымъ голосомъ командовалъ движеніями; кирасирская бригада, въ которой принадлежалъ нашъ полкъ, выстроилась развернутымъ фронтомъ, а въ интервалахъ полковъ проскакивала образцовая конная батарея. Я ѣздилъ передъ 1-мъ взводомъ 1-го эскадрона; помню даже, какъ я далъ шенкель лошади, чтобы посторониться отъ скачущаго орудія; въ это время сдѣлался взрывъ, и я съ лошадыю былъ выброшенъ импетомъ шаговъ на 30 или болѣе впередъ эскадрона. Я не могъ себѣ отдать отчета въ первую минуту о случившемся, но когда пороховой дымъ разсѣялся и я возвратился къ мѣсту, то увидѣлъ страшную картину: опрокинутое и врывшееся въ землю орудіе, передка котораго не существовало, трупы лошадей, обгорѣвшая и изувѣченная прислуга, въ страшныхъ мученіяхъ валяющаяся на землѣ. Нѣсколько кирасиръ и лошадей моего взвода тоже легко были ранены и контужены и я почувствовалъ боль въ правомъ плечѣ и шеѣ. Когда сняли съ меня кирасы и колетъ, то правая часть головы, шея и все плечо вздулись пузыремъ. Дѣло въ томъ, что я также сильно былъ контуженъ, вѣроятно, осколкомъ шины отъ передка; задняя часть кирасы моей, къ счастью, не картонной, а желѣзной, передѣланной изъ юнкерской, была совершенно согнута и вдавлена. Этому обстоятельству, можетъ быть, и обязанъ я, что не получилъ болѣе серьезныхъ поврежденій. Немедленно прискакалъ со всею свитой къ мѣсту происшествія Николай Павловичъ, заботливо относясь къ раненымъ. На землѣ лежалъ, лицомъ внизъ, артиллерійскій офицеръ поручикъ Дьяконскій съ совершенно обгорѣлыми волосами. Государь, обратившись къ своему

доктору Наумовичу, сказалъ: „надобно ему пустить кровь“. Дьяконскій всталъ и, грозя пальцемъ Государю, возразилъ: „нѣтъ, Николай Павловичъ, этому ужъ не бывать“. Оказалось, что у него отъ сотрясенія мозга сдѣлалось временное разстройство ума, отъ котораго онъ послѣ излечился. Меня также Государь очень милостиво и заботливо разспрашивалъ о случившемся. Между тѣмъ, Государыня уже подъѣзжала, войска выдвинули впередъ и прислали роту пѣхоты, чтобы закрыть отъ Императрицы раненныхъ. Я со взводомъ тоже остался на мѣстѣ и назначенъ былъ проводить до Краснаго Села повозки съ ранеными. Ужасныя тутъ были сцены! Въ первый разъ видѣлъ я tetanos на одномъ изъ артиллеристовъ, который весь обгорѣвшій неподвижно стоялъ, и въ столбнякѣ мы его довели до госпиталя. У большей части артиллеристовъ были выжжены глаза, у фейерверкера, когда его подняли, совершенно отдѣлилась рука и тутъ же онъ умеръ. У кирасиръ были только легкія контузіи, я самъ черезъ недѣлю оправился. Все произошло отъ того же смотрового, а не военнаго отношенія къ дѣлу: въ то время чрезвычайно цѣнилась быстрота стрѣльбы изъ орудій, для чего въ передкѣ держались снаряды не въ шуфлахъ, какъ то требовалось, а въ простыхъ мѣшкахъ. Вѣроятно крышка передка отъ сильнаго движенія треснула и пороховая пыль пробилась наружу, а артиллерійскій № съ фитилемъ, при сниманіи орудія съ передка, заронилъ искру на крышу—по крайней мѣрѣ тогда всѣ объясняли такъ этотъ случай. Строжайшее слѣдствіе, разумѣется, ничего не открыло, но тогда же приказано было номерамъ съ фитилемъ не снимать орудій съ передковъ.

ГЛАВА II.

Мое назначеніе на Кавказъ.—Причины, побудившія меня къ тому.—Отношенія мои къ отцу.—Великій Князь Михаилъ Павловичъ.—Отъѣздъ въ Октябрѣ 1844 г.—Знакомство съ Ермоловымъ въ Москвѣ.—Ставрополь.—Владикавказъ.—Нестеровъ.—Пріѣздъ въ Тифлисъ.—Знакомство съ А. Е. Тимашевымъ.—Корпусный командиръ А. И. Нейдгартъ.—Его отношенія къ С.-Петербургу и причина оставленія имъ Кавказа.—Мои отношенія къ нему.—Проводы Нейдгарта въ 45 году.

Пустая полковая жизнь и особенно ремешковья требованія тогдашней службы не удовлетворяли моимъ военнымъ стремленіямъ. Я желалъ болѣе серьезной боевой дѣятельности, избравъ для себя карьеру, которая болѣе всего подходила къ моему пылкому и предпримчивому характеру. Кавказъ представлялъ тогда лучшій и единственный исходъ для всѣхъ находящихся въ такомъ состояніи, какъ я былъ въ то время. Я сообщилъ о своемъ намѣреніи отцу моему, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ, наконецъ, благословилъ меня на кавказскую службу. Я сначала думалъ перейти въ казаки въ Малороссійскій полкъ, которымъ командовалъ тогда знакомый отцу полковникъ Рихтеръ, но въ управленіи нерегулярныхъ войскъ я узналъ, что для поступленія въ казаки нужно было въ то время приписаться съ потомствомъ въ это сословіе. Пришлось отказаться отъ этого предположенія и тогда отецъ получилъ согласіе Нейдгарта на принятіе меня въ свой штабъ, въ качествѣ состоящаго по особымъ порученіямъ.

Были еще другія обстоятельства, имѣвшія вліяніе на рѣшеніе мое оставить Петербургъ. Еще въ студенческіе годы въ юномъ сердцѣ моемъ возродилась привязанность къ близкой родственницѣ моей, воспитывавшейся въ домѣ отца моего. Она была немногими годами моложе меня, и весьма естественно, что общая семейная жизнь наша въ эти юные годы развивала во мнѣ чувства, которыя не могли и не должны были привести къ какому-либо, даже въ далекомъ будущемъ, исходу. Я хорошо зналъ мнѣніе добраго отца моего насчетъ подобныхъ между родственниками браковъ и воля и спокойствіе его были для меня во всю жизнь мою дороже всего въ мірѣ. Здѣсь мѣсто указать на отношенія мои къ покойному отцу моему. Это одна изъ самыхъ сильныхъ привязанностей, кото-

рую я испыталъ во всей жизни моей и которой я остался вѣрнѣе до самой смерти незабвеннаго въ сердцѣ моемъ отца моего. Самыя обстоятельства сложились такъ, чтобы соединить насъ; какъ старшій въ семьѣ, я постоянно сопутствовалъ ему во всѣхъ поѣздкахъ его; постоянный обмѣнъ мыслей сближалъ насъ и, когда настали года моего юношества и молодости, я сдѣлался вѣрнѣйшимъ другомъ отца моего. Не было тайной сердечной мысли, не было горя, радости, не было матеріальныхъ или дѣловыхъ заботъ, съ которыми бы онъ не дѣлился со мною съ полною откровенностью и довѣріемъ. Со своей стороны я платилъ ему тѣмъ же; всѣ увлеченія, ошибки молодости моей въ любящемъ сердцѣ его находили не одно только отеческое, но чистое дружеское отношеніе къ моей неопытности въ жизни и къ моей молодости. Въ отцѣ моемъ я находилъ опору въ сомнѣніяхъ моихъ, всегда честный добрый совѣтъ въ затрудненіяхъ и всегда ту безпредѣльную любовь, которую онъ до конца жизни питалъ ко мнѣ. Какъ часто вдали отъ него я сердцемъ и мыслью обращался къ нему во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ жизни, и какъ память о немъ всегда руководила мною на пути чести и добра. Этому святому чистому чувству многимъ, всѣмъ даже, я обязанъ, если живая, энергическая пылкая натура моя сохранилась еще до старости непомятая ни однимъ безчестнымъ поступкомъ, отъ котораго приходилось бы мнѣ краснѣть и скрывать отъ друга — жены моей — и столь близкихъ сердцу дѣтей моихъ.

На склонѣ жизни своей отцу пришлось испытать много горя, много разочарованій; къ тому же матеріальныя его дѣла совершенно разстроились и его мучила мысль оставить послѣ себя любимую имъ семью, привыкшую къ роскошной жизненной обстановкѣ, въ самомъ стѣснительномъ и затруднительномъ положеніи въ будущихъ средствахъ существованія. Всему, разумѣется, была причиною добрая, довѣрчивая натура отца моего. Я не встрѣчалъ чловѣка болѣе расположеннаго помочь ближнему; это составляло какъ бы катехизисъ всей его жизни, и никто болѣе его не былъ снисходительнѣе, доброжелательнѣе къ чловѣчеству, какъ онъ. Зато врядъ ли кто испытывалъ болѣе обмаловъ, неблагодарности и разочарованій всякаго рода. — Но все это никакого не имѣло вліянія на чистую душу отца моего; онъ опять съ тѣмъ же сердечнымъ

увлеченіемъ поддавался новымъ предпріятіямъ, новымъ жертвамъ, чтобы одолжить ближняго.

Покуда нравственныя и физическія силы не оставляли отца, онъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ наживалъ состояніе, принимая участіе въ разныхъ предпріятіяхъ, расходуя щедро и безотчетно, всегда въ пользу семьи и другихъ, нажитое. Но когда съ лѣтами силы его ослабли, обстоятельства измѣнились, излишнее довѣріе къ лицамъ, которымъ онъ такъ безопасно вѣрялъ все свое достояніе, грозило ему окончательнымъ раззореніемъ. Въ этомъ положеніи засталъ я отца, пріѣхавъ къ нему въ отпускъ съ семействомъ моимъ осенью 1861 г. въ деревню Псковской губерніи, въ село Глубокое. Для меня отчаянное положеніе въ то время дѣлъ отца моего, которое онъ такъ тщательно скрывалъ отъ матери моей и семейства, чтобы не тревожить ихъ, не было тайною. Сколько разъ нѣжною любовью моею къ отцу въ разговорахъ съ нимъ старался я поднять павшій духъ его и вселить въ него надежды, которыхъ и самъ не имѣлъ, на благопріятный исходъ дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, отъ котораго зависѣло его спокойствіе и матеріальная будущность всего семейства. Моя постоянная веселость, мои доводы развлекали, оживляли бѣднаго отца, но тяжкая дума видимо и постоянно лежала у него на сердцѣ.

Разскажу обстоятельство, которое до сихъ поръ извѣстно только женѣ моей, какъ вѣрнѣйшему другу моему. Разъ въ воскресный день были мы всѣ въ нашей Глубоковской церкви, построенной отцомъ моимъ. На клиросѣ, противоположномъ тому, на которомъ я стоялъ съ пѣвчими, стояло все семейство мое, въ то время удрученное еще другимъ семейнымъ горемъ, тяготѣвшимъ надъ всѣми нами. Мать молилась на колѣняхъ, сестры въ слезахъ окружали ее. Полная достоинства и христіанской покорности воля Провидѣнія, около нихъ стояла величественная фигура отца моего. Сѣдые густые волосы покрывали благородныя черты его, на которыхъ выражалось все, что въ эту минуту такъ тяжело лежало на сердцѣ его. Около клироса стояла жена, мой старшій 8-ми лѣтній сынъ и второй 3-хъ лѣтній ребенокъ на рукахъ у нянюшки.— Благословеніе Бога въ полномъ его милосердіи лежало на мнѣ

и семействѣ моемъ. Я вполне и во всемъ былъ счастливъ, вся семейная жизнь моя, служба, дѣла—все улыбалось мнѣ. Во всемъ испытывалъ я радость, удачу и успѣхъ. Не могу объяснить, какое чувство овладѣло мною въ эту минуту; я помню, что я отвернулся къ стѣнѣ и сталъ со слезами горячо молиться, какъ я никогда не молился въ жизни. Я просилъ у Бога помочь отцу, просилъ искупить личными страданіями моими спокойствіе старика, любимаго отца моего, моля только пощадить жену и дѣтей моихъ. Я хорошо помню, какъ вдругъ мнѣ сдѣлалось легко и свѣтло на душѣ, какъ будто чувствовалъ, что молитва моя услышана и принята Богомъ. На другой день отправился я съ братомъ моимъ Алексѣемъ верхомъ прогуляться; на довольно далекомъ разстояніи отъ села, спокойная и здоровая лошадь моя на шагъ вдругъ упала; я остался подъ нею и лошадь каталась на мнѣ, совершенно измяла мнѣ всю внутренность, повредивъ ребра, кишки, печень, почки,—все было раздавлено. Когда меня братъ высвободилъ изъ подъ лошади и привелъ въ чувство, я понялъ все свое положеніе; не бывъ въ состояніи переносить какое-либо движеніе въ экипажѣ и опасаясь испугать своихъ извѣстіемъ въ село, я, поддерживая руками всѣ раздавленные внутренности свои, имѣлъ однако сгоряча достаточно силы, чтобы при помощи брата дотащиться пѣшкомъ 6 верстъ до дому. Помню, какъ вошелъ я въ гостиную сказать о случившемся; но когда жена моя довела меня до спальни, то я потерялъ сознание.—Въ продолженіи 4-хъ мѣсяцевъ, сначала въ деревнѣ, а потомъ съ трудомъ перевезенный въ Петербургъ, я былъ постоянно между жизнью и смертью. Желѣзная натура моя и попеченіе и искусство доктора и домашняго друга нашего М. Н. Полякова спасли меня послѣ новыхъ различныхъ страданій. Созванные на консилиумъ первыя знаменитости Петербурга не допускали благопріятнаго исхода при страшныхъ поврежденіяхъ моихъ. Я вылезъ и никакими послѣдствіями на организмѣ моемъ не отозвался этотъ ужасный случай. Можно себѣ представить положеніе семьи моей.—Во время самыхъ невыносимыхъ страданій моихъ узналъ я, что совершенно неожиданно разрѣшено въ пользу отца моего дѣло въ Государственномъ Совѣтѣ,—дѣло, отъ котораго зависѣло благосостояніе

семейства и спокойствіе старика моего. Я невольно тогда вспомнилъ о молитвѣ моей и тогда же сказалъ о томъ женѣ, прося хранить тайну моего ей признанія.—Невѣрующіе могутъ все это приписать случаю, стеченію обстоятельствъ,—можетъ быть оно и такъ, но на меня это произвело впечатлѣніе, которое сохранию во всю жизнь. Это укрѣпило во мнѣ полную, твердую вѣру въ силу молитвы, которую не поколеблятъ никакіе анализы философіи и теоріи новѣйшаго направленія.

Впослѣдствіи, когда я былъ въ отставкѣ, сначала жилъ въ деревнѣ, а потомъ переѣхалъ за границу съ семействомъ, чтобы провести зиму съ отцомъ въ По, въ Пиринеяхъ, мнѣ Богъ помогъ еще разъ быть полезнымъ ему и семейству. Отецъ, по довѣрію своему, ввѣрилъ, въ видѣ залоговъ, свидѣтельства на большую часть имѣній своихъ по подряду холста въ военномъ Министерствѣ. Но получаемъ телеграмму, что подрядчикъ обанкротился и что всѣ залоговотца должны обезпечить подрядъ.—Новое угрожало раззореніе семейству; отецъ пораженный этою вѣстью, при преклонныхъ лѣтахъ его и болѣзни, не былъ въ состояніи поправить дѣло. Взявъ полную довѣренность отъ отца, я немедленно отправился въ Петербургъ, въ качествѣ залогодателя взялъ на себя подрядъ и при неимовѣрныхъ затратахъ и хлопотахъ мнѣ, послѣ годичныхъ заботъ, удалось освободить всѣ залоговотца.—Какъ я счастливъ былъ, какъ благодарилъ я Бога, что могъ, хотя слабо, отплатить чѣмъ-либо отцу за нѣжную любовь его и заботы обо мнѣ въ молодости моей.

Я въ то время былъ въ отставкѣ, вслѣдствіе неудовольствій и столкновеній моихъ на Дону съ Военнымъ Министромъ. Милютинъ былъ въ то время въ самомъ разгарѣ своихъ реформъ, во главѣ всей либеральной партіи, тогда господствующей въ Управленіи. Всѣ утопическія стремленія находили въ то время мѣсто, говорили даже о „жугу“ въ войскахъ и дисциплинарныхъ судахъ арміи,—это было послѣднее слово на пути либеральнаго абсурда. Въ Петербургѣ я постоянно въ обществѣ забавлялъ всѣхъ своими сужденіями и островами, безпощадно и часто пристрастно порицая распоряженія Милютина, и онъ это хорошо зналъ. По случаю подряда моего я сказалъ: *Quel coup du sort—me voilà forcé*

de fournir des calçons a un Ministère sans culottes. Шутка эта быстро разнеслась по Петербургу и извѣстна была и при дворѣ. Къ чести Милютина, котораго воззрѣнія я никакъ не могу раздѣлять, я долженъ сказать, что за злой языкъ мой онъ мнѣ отплатилъ полнымъ участіемъ и содѣйствіемъ во всемъ, что отъ него зависѣло въ освобожденіи залоговъ отца моего, какъ совершенно невиннаго въ острогахъ и выходкахъ, присущихъ всегда веселому характеру моему, но весьма часто неудобныхъ и даже неприличныхъ.

Послѣдній разъ я видѣлъ отца моего въ Кіевѣ, гдѣ былъ уже Генераль-Губернаторомъ Юго-Западнаго края. Онъ какъ будто предчувствовалъ кончину свою и весною 1869 г. объѣхалъ отсутствующихъ дѣтей своихъ, посѣтивъ, въ сопровожденіи сестры моей Ольги, меня въ Кіевѣ и брата Алексѣя, по мѣсту службы его, въ Смоленскѣ. Отецъ посѣщалъ меня также на Кавказѣ и въ Черкасскѣ, во время управленія моего на Дону. Какъ радовалъ его, помню, всякій успѣхъ въ служебной карьерѣ моей; онъ такъ счастливъ всегда былъ, посѣщая меня въ мѣстахъ моей административной дѣятельности, гдѣ интересовался и обстановкою моею и взглядомъ моимъ на дѣла, мнѣ порученныя. Онъ уже не былъ въ живыхъ, когда я былъ назначенъ Генераль-Адъютантомъ—это было всегда его завѣтною мечтою и желаніемъ.

Потомъ, вернувшись въ любимое имъ Глубокое, онъ послѣ кратковременной болѣзни, посреди семейства, тихо, безъ особыхъ страданій, скончался 29-го Августа 1869 года, на 75-мъ году отъ рожденія. Чистая христіанская душа его покоится съ праведными, и я твердо вѣрю, что молитвы и любовь его отражаются во всемъ, что я здѣсь испытываю радостей и счастливаго въ жизни. По роковой телеграммѣ о болѣзни отца, я немедленно съ семействомъ выѣхалъ въ Глубокое, но мнѣ не суждено было застать этого друга всей жизни моей въ живыхъ. Я имѣлъ однакожь утѣшеніе отдать послѣдній долгъ покойному отцу и перевести прахъ его въ свою деревню, Порховскаго уѣзда, село Полоное, гдѣ онъ покоится въ устроенномъ мною склепѣ и надъ могилой его воздвигнута часовня. Горе, которое я испыталъ отъ этой потери, невыразимо; тутъ только я появля, насколько дорогъ мнѣ былъ отецъ, насколько

жизнь его связана была съ моею и насколько тяжела была понесенная мною утрата.

Время, по благодати Божіей, все изглаживая, ослабило тѣ впечатлѣнія и чувства, которыя были бы невыносимы человѣческой природѣ, ежели бы сохраняли продолжительно свою первоначальную силу. Но ни теперь, ни впоследствии, безъ слезъ и умиленія не могу вспомнить о дорогомъ отцѣ моемъ.

Это-то чувство и руководило, несмотря на молодость мою, моимъ рѣшеніемъ ѣхать на Кавказъ въ описываемый мною періодъ жизни моей. Я чувствовалъ, что необходимый исходъ въ моемъ тогдашнемъ настроеніи былъ только одинъ—разлука. Я ни въ чемъ не преступилъ долга совѣсти и чести и надѣялся, что на Кавказѣ, въ новой боевой обстановкѣ, выйду побѣдителемъ изъ борьбы съ чувствомъ, тогда овладѣвшимъ мною. Долго еще, постепенно ослабѣвая, сохранялись во мнѣ впечатлѣнія и увлеченія молодости моей, доколѣ всякое воспоминаніе прошлаго не уступило мѣста другому, болѣе серьезному чувству, которому я обязанъ нравственнымъ, скажу, обновленіемъ своимъ и скоро 25-лѣтнимъ неизмѣннымъ своимъ счастьемъ.

Возвращаюсь къ опредѣленію моему на Кавказъ. Я подалъ въ переводъ, и первый разъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ негодованіемъ отказалъ мнѣ. Черезъ нѣсколько времени я возобновилъ свое ходатайство, при чемъ заявилъ полковому командиру, что въ случаѣ новаго отказа я рѣшился подать въ отставку. Наконецъ переводъ мой состоялся,—но съ отчисленіемъ по армейской кавалеріи. Этимъ я лишился чина штабсъ-ротмистра, который бы мнѣ скоро достался, еслибы я числился въ своемъ полку, состоя при ген. Нейдгартѣ, и я прослужилъ въ чинѣ поручика лишнихъ три года. Впрочемъ все такъ вознаградилось впоследствии, что никакъ не смѣю на это жаловаться.

Характеристиченъ былъ въ то время взглядъ Михаила Павловича на тогдашнюю кавказскую службу. Онъ былъ челоѣкъ самой доброй и самой высокой души, о чемъ много и много можно указать примѣровъ, но понятія его были своеобразны. Напускною строгостью наводя страхъ на всѣхъ, онъ думалъ этимъ поддерживать дисциплину и со своей точки зрѣнія считалъ, что онъ довелъ

войска до высшей степени совершенства. Онъ безпредѣльно преданъ былъ Государю, самымъ добросовѣстнымъ образомъ занимался ввѣренными ему частями и желалъ, чтобы все неудовольствіе за строгости падало всегда на него, а не на Государя. Все почти состояніе свое онъ тратилъ на помощь офицерамъ и дѣлалъ добро съ особымъ чувствомъ деликатности, которою онъ такъ мало руководился въ другихъ случаяхъ. Мнѣ извѣстенъ слѣдующій фактъ: разъ онъ послалъ, какъ фельдцейхмейстеръ, состоящаго при немъ артиллерійскаго генерала Бибикова инспектировать нѣсколько батарей, расположенныхъ въ Твери, Москвѣ и окрестностяхъ. По возвращеніи, Бибиковъ донесъ ему, что все нашель въ порядкѣ, но къ сожалѣнію у одного батарейнаго командира недоставало довольно крупной суммы въ ящикѣ. Первый разъ въ жизни увлекшись карточной игрой, батарейный командиръ проигралъ эту сумму въ Москвѣ; съ отчаяніемъ онъ объявилъ самъ свой поступокъ и ждалъ рѣшенія своей участи. Великій Князь сказалъ: „не называй мнѣ его имени, сважи, хорошо ли онъ служилъ прежде и какое у него семейство“. Когда Бибиковъ отвѣтилъ, что это отличный во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ, и что у него большое и весьма достойное семейство, то Михаилъ Павловичъ отдалъ свои деньги Бибикову, взявъ съ него слово, что онъ отошлетъ ихъ батарейному командиру, какъ свои собственныя, что никогда не будетъ называть Великому Князю фамилии этого офицера и никогда никому не будетъ говорить объ этомъ дѣлѣ. Бибиковъ сдержалъ обѣщаніе и только послѣ смерти Михаила Павловича рассказалъ объ этой высокой чертѣ его добраго сердца.

Когда я явился Великому Князю откланиваться передъ отъѣздомъ на Кавказъ, въ пріемной залѣ, гдѣ обыкновенно собирались всѣ представляющіеся и почти всѣ гвардейскіе командиры, онъ обратился ко мнѣ съ гнѣвомъ, упрекая, что оставляю гвардію, что не хочу служить честно, а только „шалаберничать“, и когда я что-то возразилъ, онъ окончательно разругалъ меня. Сконфуженный вышелъ я отъ этого неожиданнаго пріема. Таковы были понятія Великаго Князя о Кавказской службѣ — идеаломъ его была гвардія. Онъ впоследствии доказалъ мнѣ свое участіе и постоянное благоволеніе, когда я пріѣзжалъ съ Кавказа и встрѣчался съ нимъ. Когда онъ

узналъ, что я раненъ въ 45 г., то даже посылалъ къ отцу моему, чтобы имѣть обо мнѣ извѣстія. Я навсегда сохраню о немъ память, какъ о несноснѣйшемъ, но въ высшей степени достойномъ и добромъ человѣкѣ.

Наконецъ, въ концѣ октября 1844 г. всѣ приготовленія мои къ отъѣзду на Кавказъ были окончены. Напутствуемый благословеніями родителей и самымъ трогательнымъ прощаніемъ съ семьей, я отправился въ путь на Москву въ дорожной коляскѣ съ двумя людьми прислуги. Очень тяжело, не скрою, было у меня на сердцѣ, выѣзжая изъ Петербурга; много передумалъ я и перечувствовалъ во время трехъ дней слѣдованія на почтовыхъ до Москвы. Вскорѣ дорога имѣла и на меня свое благотворное, развлекающее дѣйствіе, а главное, сила воли и извѣстная настойчивость моего характера вскорѣ взяли верхъ надъ тревожившими меня впечатлѣніями. Въ Москвѣ пробылъ я, кажется, два дня и посѣтилъ Ал. Петр. Ермолова, знаменитость тогдашняго времени, пользовавшагося особымъ почетомъ Москвы. Я прежде еще былъ представленъ Ермолову отцомъ моимъ, который съ нимъ былъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ отечественной войны и въ особенности съ Кульмскаго сраженія, гдѣ отецъ мой имѣлъ счастье служить подъ начальствомъ Ермолова, который всю жизнь очень къ нему благоволилъ. Старый ветеранъ обласкалъ меня, принялъ какъ родного, много рассказывалъ о Кавказѣ и благословилъ меня на новое мое поприще. Впослѣдствіи Ермоловъ чрезвычайно полюбилъ меня, до самой смерти его я никогда не проѣзжалъ Москвы, не посѣтивши его. По нѣскольку часовъ сряду просиживалъ я у старика въ разсказахъ о Кавказѣ. Я имѣлъ случай оцѣнить его пытливый, хитрый умъ, необычайную свѣжесть памяти, полнѣйшее его знаніе Кавказа и государственный взглядъ на дѣло. Ермоловъ находился тогда въ опалѣ, которая въ Москвѣ и даже въ Россіи едва ли не доставляла ему высшее положеніе въ обществѣ, чѣмъ какой бы то ни былъ высшій постъ на службѣ. Онъ замѣчательно былъ остроуменъ и чрезвычайно ѣдко и мѣтко отзывался объ лицахъ, занимавшихъ въ то время высшее служебное положеніе. Старикъ очень любилъ постоянно веселый мой нравъ и шуточные мои анекдоты о Кавказѣ. Я часто заставлялъ его писавшимъ свои записки, онъ даже иногда

читалъ мнѣ отрывки изъ нихъ. Наконецъ, разъ подарилъ онъ мнѣ маленькій гравированный портретъ съ собственноручною подписью: „на тебѣ, Александръ, — сказалъ онъ, — вспоминай старика, который тебя любить и цѣнить“.

Онъ съ княземъ Воронцовымъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и въ постоянной перепискѣ, которую мнѣ же приходилось вести, писавши подъ диктовку Воронцова отвѣты на письма Ермолова. Онъ не иначе называлъ Воронцова, какъ „братъ Михайло“, не стѣснялся иногда кольнуть и его весьма мѣткими сужденіями о его характерѣ и дѣйствіяхъ на Кавказѣ. Замѣчательно было для меня, зная многое изъ *dessous des cartes*, какъ Воронцовъ и Ермоловъ въ перепискѣ своей хитрили другъ передъ другомъ.

Въ самую ужасную распутицу, по невылазной то грязи, то полоти, слѣдовалъ я черезъ Воронежъ и Донъ на Ставрополь. По широкой, обильной, но неустроенной русской землѣ двигался я ужасно медленно, со всевозможными препятствіями и расходами, припрягая часто воловъ въ загрузнувшій экипажъ свой.

Въ землѣ войска Донского встрѣтился я на станціи со старымъ кавказцемъ, возвращающимся въ мѣсту служенія въ Ставрополь, — корпуса топографовъ полковникомъ Горшковымъ. Съ нижняго чина продолжая служить болѣе 20-ти уже лѣтъ на Кавказѣ, онъ былъ живымъ архивомъ того времени. Онъ боготворилъ Вельяминова, съ которымъ дѣлалъ всѣ походы, и много разказами своими о событіяхъ и лицахъ помогъ мнѣ переносить скуку и монотонность длиннаго нашего пути. Черезъ Донъ въ Аксаѣ съ неимовѣрными затрудненіями удалось намъ переправиться съ экипажемъ на какихъ-то казачьихъ лодкахъ. Я мало въ то время обратилъ вниманія на этотъ край и на самый Черкасскъ, никакъ не подозревая, что черезъ 15 лѣтъ я призванъ буду управлять въ войскѣ Донскомъ.

Въ ноябрѣ прибылъ я, наконецъ, въ Ставрополь въ самое непривѣтливое осеннее время; шелъ снѣгъ хлопьями, покрывая улицы и дома и образуя непроходимую грязь на большей частью немощенныхъ улицахъ и площадяхъ города. Остановившись въ трактирѣ на большой улицѣ, я немедленно явился къ коменданту и начальнику штаба, генер. Норденштаму. Въ то время командующимъ войсками Кавказской линіи былъ ген.-адъютантъ Гурко,

находившійся въ отсутствіи по дѣламъ службы въ Тифлисѣ. Городъ Ставрополь не отличался, повидимому, отъ прочихъ городовъ Россійскихъ губерній: тѣ же неизмѣримыя площади и пустыри, тѣ же непомѣрно широкія улицы, тощія бульвары, огромный соборъ, нѣчто въ родѣ каменныхъ триумфальныхъ воротъ при вѣздѣ въ городъ, большое зданіе военнаго госпиталя, громаднѣйшій тюремный замокъ, гостинный дворъ, большая улица съ вывѣсками, въ родѣ „Ивановъ—портной изъ Парижа“ и проч. Тѣмъ не менѣе, пріѣзжаго поражала въ городѣ нѣкоторая особенность, доказывающая, что перейденъ рубежъ обыкновенной провинціальной жизненной обстановки, съ обычными губернскими сплетнями, личными мелкими интересами, съ узкимъ взглядомъ на людей и событія.— Въ гостинницахъ и кофейняхъ большую часть посѣтителей составляли военные, пріѣзжіе офицеры изъ различныхъ отрядовъ, полковые пріемщики, прибывшіе изъ штабъ-квартиръ въ комиссаріатскую комиссію и проч. Разговоръ, при обыкновенномъ разгулѣ трактирной жизни, преимущественно касался совершившихся военныхъ дѣйствій или предполагаемыхъ въ томъ или другомъ пунктѣ обширнаго и незамиротвореннаго еще Кавказа. Самый костюмъ военныхъ отличался своею особенностью: широкіе шаровары верблюжьяго сукна, длинные сапоги, папахъ и непремѣнный спутникъ каждаго въ то время кавказскаго офицера—пистолетъ и кинжалъ—дополняли оригинальнѣйшій видъ того новаго общества, съ которымъ суждено мнѣ было такъ тѣсно сродниться, такъ горячо полюбить.

Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Ставрополѣ, съ тѣми же остановками и затрудненіями, по случаю ненастной погоды, я добрался до Владикавказа; но здѣсь уже видно было по всей дорогѣ, что находишься вблизи непріятели и посреди военнаго населенія. Вездѣ по тракту казачьи посты, пикеты, укрѣпленныя станицы, всѣ жители вооружены, вездѣ слѣдуютъ съ осторожностью и на каждой станціи поражаютъ новопріѣзжаго рассказы о грабежахъ, набѣгахъ закубанцевъ, которые, по тамошнему выраженію, въ послѣднее время что-то очень стали „шалить“.

Мнѣ на дорогѣ показывали извѣстную Базовую балку, въ 40 или 50-ти верстахъ отъ Ставрополя, гдѣ бѣдный поручикъ Глѣбовъ, адъютантъ корпуснаго командира, былъ взятъ въ плѣнъ.

Это случилось такъ. Глѣбовъ ѣхалъ на перекладныхъ курьеромъ изъ Тифлиса; по дорогѣ встрѣчаетъ онъ знакомаго ему линейнаго казачьяго офицера поручика Атарщикова, въ офицерской шинели съ нѣсколькими, какъ онъ, вооруженными наѣздниками. Атарщиковъ останавливаетъ Глѣбова и разговариваетъ съ нимъ; вдругъ шайка выхватываетъ пистолеты, убиваетъ почтовыхъ лошадей, связываетъ и увозитъ привязаннаго къ сѣдлу Глѣбова въ степь и далѣе, черезъ Кубань, къ непокорнымъ племенамъ Черкесовъ. Дѣло въ томъ, что Глѣбовъ не зналъ, какъ незадолго передъ тѣмъ Атарщиковъ совершилъ какое то преступленіе по службѣ, измѣнилъ своей присягѣ, бѣжалъ въ горы и, предавшись непріятелю, набралъ шайку, съ которою хотѣлъ отличиться передъ черкесами особымъ подвигомъ и удалью. Жертвою этого былъ бѣдный Глѣбовъ; онъ довольно долго томился въ плѣну, былъ закованъ въ цѣпи и испытывалъ всевозможныя лишенія и истязанія. Все это дѣлалось тогда горцами, чтобы разжалобленное начальство или родные представляли наибольшій выкупъ за плѣннаго.—Требованія ихъ относительно Глѣбова, какъ адъютанта корпуснаго командира, были невозможны; тогда, при содѣйствіи нѣкоторыхъ преданныхъ намъ мирныхъ закубанскихъ князей, Глѣбова выгнали изъ плѣна и измученнаго доставили на линію. Онъ вскорѣ оправился и храбро и честно продолжалъ свою славную службу на Кавказѣ до 1847 г., гдѣ и былъ убитъ въ чинѣ полковника при взятіи аула Салты. Это была милая, беззаботная, энергичная личность, всѣми очень любимая на Кавказѣ.

Отъ станціи Екатериноградской, по переправѣ черезъ рѣку Малку, почтовая дорога слѣдовала черезъ Кабарду по лѣвому берегу Терека до самаго Владикавказа. Здѣсь недавно только поселенъ былъ Владикавказскій линейный казачій полкъ, сформированный изъ двухъ малороссійскихъ казачьихъ полковъ; ими командовалъ тогда полковникъ Мих. Серг. Ильинскій. Казаки эти отличались отъ прочихъ своимъ чисто-малороссійскимъ нарѣчіемъ, типомъ и характеромъ; они не имѣли ловкости остальныхъ казаковъ, но отличались особенно хладнокровіемъ и стойкостью, въ дѣлѣ съ непріателемъ были „зли“, какъ они говорили. Станіи не были еще окончательно обстроены и кабардинцы, хотя счи-

тавшіеся мирными, постоянно тревожили населеніе грабежами и разнаго рода шалостями. На этомъ участкѣ дороги иначе не ходили транспорты и проѣзжающіе, какъ съ оказіями, подъ прикрытіемъ войскъ и даже артиллеріи. Съ поселеніемъ полка это отмѣнилось, но нельзя было ѣздить безъ довольно сильнаго казачьяго конвоя и только днемъ; какъ смеркалось, останавливали всѣхъ на постахъ и станицахъ до утра. Съ ночлега отпускали только тогда, когда на разсвѣтѣ разѣздами былъ осмотрѣнъ и обезпеченъ путь.

Когда я прибылъ во Владикавказъ (первую видѣнную мною кавказскую крѣпость), начальникомъ округа былъ молодой еще генер. Петръ Петровичъ Нестеровъ, съ которымъ впослѣдствіи я такъ сблизился и котораго сердечно полюбилъ. Это была замѣчательно симпатичная и образованная личность; веселая натура его, доброта и обходительность привлекали къ нему положительно всѣхъ; подчиненные и общество искренно къ нему были привязаны.—Онъ имѣлъ несчастье вступить, по его положенію и образованію, въ неравный бракъ съ дочерью какого-то кавказскаго коменданта или плацъ-маіора Курилова, чрезвычайно красивой женщиной, но далеко не соотвѣтствующей, ни по воспитанію, ни по уму и характеру, достоинствамъ Петра Петровича. Онъ видимо тяготился своимъ положеніемъ и всегда счастливъ былъ, въ кругу товарищей и добрыхъ знакомыхъ, выйти изъ той домашней сферы и обстановки, въ которую вовлеченъ былъ обстоятельствами. Не старыхъ еще лѣтъ (онъ былъ, кажется, адъютантомъ Вельяминова), онъ считался въ то время старымъ кавказцемъ. Своею любезностью, гостепріимствомъ онъ былъ положительно душою общества. Домъ его открытъ былъ для всѣхъ; дома ли или нѣтъ Петръ Петровичъ—у него останавливались, какъ на постояломъ дворѣ.

Онъ привыкъ, что всѣ офицеры обращались къ нему, занимая деньги при отѣздѣ или проѣздѣ черезъ Владикавказъ. Помню, какъ, будучи разъ проѣздомъ во Владикавказъ и имѣя сообщить нѣчто секретное Нестерову (въ ожиданіи прибытія курьерской тройки, за которой я послалъ на стацию), я вызвалъ его на пару словъ въ кабинетъ. Петръ Петровичъ весьма флегматически подошелъ къ бюро и, отомкнувъ оный, спрашиваетъ: „combien vous faut-il, mon cher?“ и крайне удивился,

когда узналъ, что я вызвалъ его не для того, чтобы просить дедъ—такъ онъ привыкъ, что подобный пріемъ вызова въ кабинетъ обозначалъ извѣстную просьбу.

Впослѣдствіи Нестеровъ, очень цѣнимый княземъ Воронцовымъ, былъ назначенъ командующимъ войсками всего лѣваго крыла кавказской линіи. Въ 1849 г. въ страшно холодную зиму былъ я съ нимъ въ экспедиціи въ большой Чечнѣ. Лагерь нашъ стоялъ на Аргуни и, чрезвычайно чувствительный къ холоду, Нестеровъ, не совсѣмъ еще къ тому здоровый, почти не выходилъ изъ кухонной палатки своей. Онъ постоянно нагрѣвалъ ее днемъ и ночью спиртомъ, который зажигалъ въ большомъ мѣдномъ тазу. Ежедневно посѣщалъ я Петра Петровича и, когда только аванпостная служба, которую я отправлялъ, командуя казаками, позволяла это, проводилъ у него вечера; въ свободное же время я приходилъ къ нему и обѣдать и ужинать. Отъ спиртныхъ испареній воздухъ въ его палаткѣ былъ невыносимъ; сколько ни уговаривалъ его я и состоящій при немъ преданный ему маіоръ Черновъ измѣнить этотъ способъ согрѣванія палатки, Нестеровъ настоялъ на своемъ и вскорѣ тяжкія пагубныя послѣдствія отозвались на немъ. Одинъ вечеръ, когда мы пришли къ нему ужинать, Петръ Петровичъ, въ которомъ мы съ нѣкоторыхъ поръ замѣчали странности и необыкновенную возбужденность, вдругъ вскочилъ на приготовленный для ужина столъ; явные признаки пораженія мозга обнаружались, всѣми уважаемый начальникъ лишился разсудка. Его немедленно вывезли изъ отряда въ Грозную, а потомъ привезли въ Тифлисъ, гдѣ князь и княгиня Воронцовы съ трогательною заботливостью слѣдили за его лѣченіемъ. Нестерову была отведена квартира и съ нимъ поселился преданный ему Черновъ. И всѣ дни почти проводилъ съ сумасшедшимъ и онъ особое ко мнѣ питалъ довѣріе. У него не было опредѣленнаго пункта помѣшательства; онъ безъ умолку постоянно говорилъ всякій вздоръ, узнавалъ почти всѣхъ, но бессонныя ночи приводили его въ страшное нервное возбужденіе. Разъ онъ въ шутку бросилъ въ меня большой мѣдной чернильницей, и я едва избѣгъ удара въ голову, въ время наклонившись. Когда я строго сказалъ Нестерову, что послѣ этого я къ нему ходить не буду, онъ страшно зарыдалъ, бросился на

колѣни, умолялъ меня простить его, какъ будто понявъ свой поступокъ, совершенный впрочемъ въ припадкѣ обыкновенной его неестественной веселости. Нестерова лѣчилъ Андреевскій самыми сильными средствами; въ него втирали ежедневно огромное количество Меркурія, кромѣ другихъ средствъ. -- Разъ за обѣдомъ у Воронцова получаю записку Чернова: „пріѣзжай сейчасъ, Богъ возвратилъ разсудокъ Нестерову, онъ тебя немедленно требуетъ“. Я вскочилъ изъ-за стола и нашелъ Петра Петровича совершенно покойнымъ. Съ полнымъ сознаниемъ, что онъ былъ лишень разсудка, разсказалъ онъ мнѣ до мельчайшихъ подробностей все, что онъ дѣлалъ, даже говорилъ въ сумасшествіи, объясняя, что онъ все помнилъ и все сознавалъ, но не имѣлъ силы остановить себя. Проснувшись послѣ обильнаго пота въ этотъ вечеръ, онъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и просилъ, чтобы никто болѣе не видалъ его, исключая князя и княгини, которыхъ хотѣлъ поблагодарить за сердечное попеченіе о немъ. Затѣмъ просилъ меня выхлопотать ему у Воронцова содержаніе съ тѣмъ, чтобы никто не зналъ объ отъѣздѣ его изъ Тифлиса и онъ могъ бы съ этими средствами поселиться и кончить жизнь свою на берегахъ Волги, откуда онъ былъ родомъ. — Я пораженъ былъ этимъ рѣдкимъ фізіологическимъ и психическимъ явленіемъ. Нестеровъ говорилъ совершенно разумно, съ достоинствомъ, перерывая постоянно рыданіями и слезами свои разказы, говоря, что это за грѣхи его Богъ послалъ ему самую тяжкую кару, которую можетъ испытывать человѣкъ. Въ тотъ же вечеръ князь и княгиня посѣтили Нестерова, съ которыми онъ объяснился, поражая столь внезапною переменною и самого доктора Андреевскаго. — На другой день припадки вновь возобновились и больной впалъ въ прежнее состояніе, но черезъ недѣли двѣ онъ опять оправился; кажется, два года былъ здоровъ. — Онъ проживалъ въ Пятигорскѣ, постоянно былъ угрюмъ и задумчивъ, избѣгалъ разговоръ о своей болѣзни и вообще потерялъ всю прежнюю свою веселость. Подъ конецъ онъ опять лишился разсудка и вскорѣ умеръ.

Тяжелое впечатлѣніе возбуждаетъ во мнѣ воспоминаніе о Нестеровѣ, которому предстояло, можетъ быть, еще много хорошаго и блестящаго въ служебной карьерѣ его.

Объ остальномъ обществѣ Владивавказа, съ которымъ тогда на короткое время познакомился, я упомяну въ своемъ мѣстѣ.

По Дарьяльскому ущелью сталъ я подниматься на Кавказскій хребетъ. Ларсъ, Дарьялъ и снѣжныя вершины Казбека поражали меня величественностью новой для меня картины. На перевалѣ, особенно въ чортовой долинѣ, лежали глубокіе снѣга и въ ущельѣ случалось переѣзжать черезъ завалы, нестаявшіе еще отъ прошлаго года.

Наконецъ отъ станціи Квишетъ дорога постепенно стала спускаться по долинѣ Арагвы къ Тифлису. Я былъ уже въ Грузіи; все вѣяло востокомъ и новыми для меня впечатлѣніями посреди живописной природы юга. Тутъ впервые увидѣлъ я безпечныхъ грузинъ, услышалъ зурну, видѣлъ на плоскихъ крышахъ проѣзжаемыхъ деревень веселые танцы грузинокъ, оцѣнилъ кахетинское вино и шашлыки въ грузинскихъ духанахъ и, наконецъ, восхищенный окружающею меня природою, пріѣхалъ вечеромъ въ Тифлисъ.

Я остановился въ единственной въ то время возможной гостинницѣ, на Эриванской площади, Василія Крылова, съ тою грязною и неудобною обстановкою, которою отличались всѣ гостинницы губернскихъ городовъ въ Россіи. Былъ относительно довольно порядочный столъ у Крылова, и обязательная личность хозяина привлекала къ нему всѣхъ пріѣзжихъ изъ столицы. Здѣсь квартировало много гвардейскихъ офицеровъ, прибывшихъ повеселиться въ Тифлисъ, послѣ неприведшей ни къ какой цѣли экспедиціи ген. Нейдгарта въ Солатавію, лѣтомъ 1844 г. Въ числѣ этихъ офицеровъ находился также поручикъ Кавалергардскаго полка А. Е. Тимашевъ. Я съ нимъ въ Тифлисъ познакомился, сблизился и добрыя отношенія наши сохранились постоянно съ того времени. Наконецъ, оба на время оставивши служебную дѣятельность въ 1867 г., мы вновь встрѣтились и провели зиму съ семействами нашими въ По въ Пиренеяхъ. Здѣсь я постоянно и ежедневно видѣлся съ Александромъ Егоровичемъ и вполнѣ оцѣнилъ качества, его отличавшія. Съ назначеніемъ его Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1868 г., онъ уговорилъ меня вновь изъ отставки поступить на службу въ его вѣдомствѣ, и я былъ назначенъ Кіевскимъ генераль-губернаторомъ.

Тимашевъ провелъ часть зимы съ 44 г. на 45-й годъ въ Тифлисѣ; со своею ловкостью и свѣтскимъ обращеніемъ, при находчивости ума его, онъ положительно былъ львомъ тогдашняго Тифлискаго общества. Я никогда не забуду того восторга, того безпредѣльнаго счастья, съ которымъ Тимашевъ узналъ въ Тифлисѣ о назначеніи его флигель-адъютантомъ. Я сидѣлъ у него въ номерѣ въ гостинницѣ, когда онъ получилъ письмо отъ матери своей съ этимъ извѣстіемъ. Не думаю, чтобы кого-либо и когда либо Царская милость такъ порадовала, какъ молодого поручика Тимашева въ то время.

На другой день послѣ пріѣзда моего явился я начальнику своему, тогдашнему корпусному командиру Александру Ивановичу Нейдгарту, который принялъ меня со свойственною ему наружною холодностью и начальническимъ обхожденіемъ, но представилъ меня семейству своему, приказавъ вмѣстѣ съ прочими поочередно при немъ дежурить.

А. И. Нейдгартъ былъ типъ, выработанный тогдашними условіями военной службы. Обладая несмѣтными теоретическими познаніями, замѣчательною добросовѣстностью и преданностью своему долгу, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ олицетвореніемъ того педанства (отчасти присущаго его нѣмецкой натурѣ), той мелочности и формализма, которыми обстановлялись въ то время всѣ требованія службы. Направленіе это убивало въ людяхъ всякую самостоятельность, всякое живое проявленіе и отношеніе къ дѣлу, и рѣдко только нѣкоторые исключительныя натуры находили въ себѣ достаточно нравственныхъ силъ, чтобы поставить себя независимыми передъ тяготѣвшимъ тогда надъ всѣми административнымъ гнетомъ. Нейдгартъ, съ честью пройдя многолѣтнюю карьеру свою, большею частью въ подначальственномъ положеніи, однако ознаменовавши себя военными дарованіями и примѣрами мужества при штурмѣ Варшавы, никогда не испытывалъ самостоятельной служебной независимости. Онъ былъ слѣпымъ исполнителемъ воли начальства, хотя благородная его натура сознавала всегда неумѣстность и даже вредъ многихъ правительственныхъ распоряженій.

Надобно сказать, что при назначеніи на Кавказъ, послѣ генерала Головина, онъ попалъ въ самую тяжелую и трудную эпоху

управленія. При немъ совершились всѣ наши потери въ Дагеставѣ, съ которыми утратили мы всю матеріальную и нравственную силу нашу въ этой части Кавказа. При немъ обнаруживались плоды несвоевременной пагубной реформы гражданскаго управленія, введенной сенаторомъ Ганомъ; онъ былъ искупителемъ и жертвою всѣхъ ошибокъ прошлаго. Весьма понятно, какъ наши петербургскіе кабинетные дѣятели того времени, во главѣ которыхъ стоялъ военный Министръ князь Чернышевъ ¹⁾, старались всю вину совершающихся событій сваливать на мѣстное начальство Кавказа, и какъ вводили въ заблужденіе Государя тѣми мѣрами и тѣми военными предположеніями, которыя создавали они въ кабинетахъ своихъ для исправленія ими же испорченнаго дѣла. Въ Петербургѣ же начертанъ былъ планъ экспедиціи 1844 г. въ Солатавію. Когда отрядъ подошелъ къ укрѣпленной позиціи при оврагѣ Толенгуль, которую защищаль Шамиль со всѣми своими скопищами, Нейдгартъ имѣлъ достаточно мужества и храбрости, чтобы не предпринимать кровопролитнаго штурма позиціи, сознавая всю безцѣльность самаго успѣха при несомнѣнныхъ потеряхъ, которыми онъ долженъ былъ сопровождаться. Это еще больше возбудило противъ Нейдгарта петербургскихъ руководителей.

Я засталъ положеніе его, уже и дотолѣ зависимое, вполне невыносимымъ. Не было мелкихъ оскорбленій и канцелярскихъ придиорокъ, которыми бы военное министерство не осыпало этого почтеннаго и стараго слугу. Укажу одинъ примѣръ для характеристики существовавшаго направленія въ Петербургѣ. Нейдгартъ получилъ формальный запросъ отъ военнаго Министра, съ требованіемъ объясненій о неправильности отчета, въ которомъ было показано, между прочимъ, кажется 6 руб. израсходованными на полотеровъ дома корпуснаго командира. Нейдгартъ получилъ особую экстраординарную сумму для пріемовъ въ извѣстные торжественные дни; 6-го декабря, въ день именинъ Государя, при скуд-

---

¹⁾ Послѣ поѣздки своей въ 1842 г. на Кавказъ, со свойственною ему надменностью, самонадѣянностью и духомъ интриги, Чернышевъ выдавалъ себя за человека вполне знающаго Кавказъ, вполне изучившаго его, несмотря на краткое свое пребываніе въ краѣ, и поэтому единственнаго судью и распорядителя военныхъ дѣйствій на Кавказѣ.

ныхъ своихъ средствахъ, онъ приказалъ всѣ расходы по оффиціальному балу, обыкновенно даваемому въ этотъ день, произвести на свой счетъ и въ отвѣтъ на бумагу о полотерахъ увѣдомилъ о сдѣланной имъ экономіи суммамъ министерства.

Онъ уже давно просилъ о своемъ увольненіи; разрѣшеніе тянулось и преемника ему не назначалось, хотя всѣмъ извѣстна была непрочность дальнѣйшаго пребыванія Нейдгарта въ управленіи края.

Александръ Ивановичъ былъ отличнымъ семьяниномъ, горячо любившимъ дѣтей своихъ, и вообще въ частной своей жизни давалъ примѣръ всѣхъ семейныхъ добродѣтелей, а по службѣ безотчетной преданности своему долгу. Но какъ въ семейной жизни, такъ и въ служебныхъ отношеніяхъ педанство его не знало предѣловъ. Обыкновенно онъ назначалъ часы съ минутами для пріема по дѣламъ извѣстныхъ лицъ; дежурному подавалась объ этомъ записка, и какъ только стрѣлка показывала указанный часъ, то слѣдовало докладывать Александру Ивановичу. Онъ тогда смотрѣлъ на свою записку и на множество часовъ имѣющихся у него въ кабинетѣ (у него была страсть къ часамъ) и приказывалъ впускать. Ежели кто хоть на нѣсколько минутъ опаздывалъ, то онъ отказывалъ въ пріемѣ и откладывалъ его на другой день.

Разскажу одинъ случай со мной. Мнѣ Нейдгартъ поручилъ произвести какое-то дознаніе по стачкѣ мясныхъ торговцевъ на Тифлискихъ базарахъ. Зная требовательность Нейдгарта и вообще холодное и, хотя вѣжливое, но суровое, его обращеніе съ подчиненными, я совершенно тщательно исполнилъ порученіе, отчетливо и аккуратно переписалъ свой рапортъ на фформенной бумагѣ и доложилъ Александру Ивановичу. Онъ остался очень доволенъ, расспрашивалъ о мельчайшихъ подробностяхъ и, наконецъ, даже любезно поблагодаривъ меня, отпустилъ. Мы всѣ очень боялись Нейдгарта, и я, въ восторгѣ, что окончилъ порученіе, вернулся домой и, сбросивъ мундиръ, съ товарищами началъ праздновать это счастливое событіе. Вдругъ прибѣгаетъ казакъ и требуетъ меня къ корпусному командиру; я наскоро одѣваюсь и являюсь. Нейдгартъ сидитъ въ кабинетѣ и, указывая на письменный столъ свой, съ неудовольствіемъ говоритъ: „это что вы надѣлали, поручикъ“.

Я въ недоумѣніи смотрю на столъ и не знаю, что отвѣчать. Наконецъ онъ говоритъ: „поправьте карандаши: уходя отъ меня, въ локоть ихъ всѣ спутали“. У старика была привычка имѣть на столѣ симметрически расположенные карандаши, которые я дѣйствительно по неосторожности сдвинулъ съ мѣста.

Но всѣ эти странности скрывали самое теплое сердце и самыя благородныя побужденія въ этомъ достойномъ человѣкѣ.

Когда пріѣхалъ гр. Воронцовъ въ Тифлисъ, Александръ Ивановичъ, отправившій заранѣе свое семейство въ Москву, былъ въ весьма непріятномъ и щекотливомъ положеніи. Человѣческая неблагодарность, подлость и влеченіе ко всему новому обнаружилось въ полной своей отвратительной наготѣ въ отношеніи къ Нейдгарту. Положительно онъ былъ оставленъ всѣми; даже родной сынъ его Борисъ, бывшій при немъ, велъ себя въ отношеніи къ отцу крайне, по моему, неприлично. Въ Тифлисскомъ домѣ, предоставивъ всю главную часть Воронцову, Нейдгартъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, которые онъ оставался по пріѣздѣ графа, помѣщался въ трехъ или четырехъ комнатахъ къ сторонѣ сада. Я и Глѣбовъ изъ военныхъ и Крузенштернъ изъ гражданскихъ безсмѣнно дежурили при немъ и исполняли его порученія. Наконецъ, когда Нейдгартъ уѣзжалъ, мы просили у гр. Воронцова разрѣшенія проводить нашего бывшаго начальника, Крузенштернъ до первой отъ Тифлиса станціи, а я и Глѣбовъ на линію черезъ Кавказскій хребетъ. На первой станціи Горцыскаръ старикъ видимо былъ тронутъ нашимъ вниманіемъ, но нисколько не измѣнилъ холодныхъ и тяжелыхъ своихъ отношеній къ подчиненнымъ; онъ рѣзко приказалъ намъ скакать впередъ на тройкѣ для заготовленія лошадей и ожидать его пріѣзда на станцію, разговаривая съ нами только служебнымъ тономъ и въ видѣ приказанья. Такъ мы доѣхали до подножья горъ на станцію Квишетъ, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ у управляющаго тогда Осетинскимъ округомъ полковника вн. Авалова. Послѣ поздняго обѣда, мы съ Глѣбовымъ удалились въ сосѣдній флигель, гдѣ въ маленькой комнатѣ на двухъ изломанныхъ кроватяхъ, лежа на принесенной соломѣ, совсѣмъ раздѣвшись, закурили трубки и потребовали изъ духана кахетинскаго вина. Комнату освѣщала сальная свѣча, воткнутая въ ка-

кую-то бутылку и мы дружески бесѣдовали между собой. Каково было наше удивленіе, когда черезъ нѣсколько времени отворяется дверь и входитъ Ал. Ив. Нейдгартъ въ сѣромъ штатскомъ пальто, съ фуляромъ на шеѣ, съ ермолкой на головѣ и съ сигаркой въ зубахъ. Мы вскочили, оторопѣвши отъ страха. Нейдгартъ, садясь на нашу койку, не позволилъ намъ одѣться и сказалъ: „теперь передъ вами не корпусной командиръ, а старикъ Нейдгартъ, который пришелъ благодарить васъ за участіе и за сыновнюю вашу къ нему заботливость, которую никогда онъ не забудетъ; я теперь, какъ частный человѣкъ, пришелъ посидѣть съ вами“. Затѣмъ приказалъ своему дворецкому принести отличнаго кахетинскаго вина и провелъ цѣлый часъ съ нами, веселый, добродушный, какимъ мы никогда его не подозрѣвали. Прощаясь, онъ обнималъ насъ, видимо разстроенный. Мнѣ эта сцена осталась весьма памятна. Отчего именно избралъ Нейдгартъ Квишетъ, чтобы изъ холоднаго начальника сдѣлаться тѣмъ истинно-добрымъ человѣкомъ, которымъ онъ былъ отъ природы? Послѣдующіе дни и въ Владикавказѣ Ал. Ив. не измѣнилъ въ отношеніи къ намъ новаго, столь непривычнаго для насъ, обхожденія. Его очень тронулъ, не доѣзжая до Владикавказа въ Ларсѣ, поступокъ Нестерова. Этотъ послѣдній имѣлъ весьма непріятныя служебныя отношенія съ Нейдгартомъ, который вообще не благоволилъ къ Петру Петровичу и зналъ, что онъ сильно порицаетъ его образъ дѣйствій и управленіе. Мы приѣхали въ Ларсѣ, когда уже стемнѣло; до Владикавказа оставалось 20 верстъ по лѣвому берегу Терека, и дорога эта часто подвержена была покушеніямъ горцевъ съ противоположной стороны. Нестеровъ принялъ на этомъ пространствѣ все мѣры военной предосторожности и въ полной парадной формѣ, съ двумя сотнями казаковъ въ конвоѣ, освѣщая факелами трудную дорогу, верхомъ у колеса кареты всю станцію провожалъ Нейдгарта. Передъ домомъ его, гдѣ на ночлегъ остановился бывшій корпусный командиръ, была выстроена рота въ почетномъ караулѣ; городъ и крѣпость иллюминированы и вообще оказанъ былъ такой почетъ Нейдгарту, котораго никогда онъ не встрѣчалъ отъ Нестерова, когда былъ его прямымъ начальникомъ. На другой день мы провожали Ал. Ив. до Екатеринограда, гдѣ я и Глѣбовъ простились навсегда

съ нашимъ достойнымъ начальникомъ. Я никогда не забуду, какъ онъ трогательно благодарилъ, благословлялъ и на память подарилъ мнѣ походную трубу свою, которую и теперь сохраняю въ имѣніи моемъ въ с. Полоной.

Ал. Ив. Нейдгартъ умеръ въ Москвѣ, не помню въ которомъ году, а о семействѣ его, претерпѣвшемъ, какъ я слышала, много горя и испытаній, не имѣю никакихъ свѣдѣній. Знаю, что старшій сынъ Борисъ служить, кажется, въ опекуновомъ совѣтѣ; онъ никогда не былъ мнѣ симпатиченъ.

ГЛАВА III.

Описаніе Тифлиса.—Церковь св. Давида.—Эриванская площадь.—Лавка M-me Labielle.—Армянскій базаръ.—Лѣвый берегъ Куры.—Духанъ слезъ.—Общественная жизнь въ Тифлисѣ.—Семейные вечера у Нейдгарта.—Его семейство.—Струтинскій.—Тифлисская молодежь.—Я командированъ на встрѣчу экзарху Исидору.—Извѣстіе о назначеніи гр. Воронцова Главнокомандующимъ Кавказской арміи.—Его прибытіе въ Тифлисъ 25-го марта 1845 г.—Приготовленія къ походу.—Праздникъ въ честь Воронцова, данный городомъ.—Выѣздъ въ Червленную.

Теперь мѣсто сказать о впечатлѣніи, произведенномъ на меня Тифлисомъ и о тогдашнемъ обществѣ этого города.

Тифлисъ, съ его восточной оригинальной обстановкою и живописнымъ расположеніемъ по берегамъ Куры, произвелъ на меня то обаяніе, которое ощущалъ всякій, посѣщавшій впервые этотъ благословенный уголокъ нашего обширнаго отечества. Въ описываемое время Тифлисъ сохранялъ еще вполнѣ азіатскій характеръ; та примѣсь европейскаго элемента, которая еще не успѣла вполнѣ стереть обычай и преданія страны, придавала, можно сказать, новую прелесть и разнообразіе тогдашнему очаровательному Тифлису.

На правомъ берегу Куры амфитеатромъ, прилегающимъ къ горамъ, расположена была главная часть города. Ближе къ Курѣ, въ банному мосту, сосредоточивалась торговая и промышленная жизнь Тифлиса. Выше, по теченію Куры, примыкала часть города, гдѣ обитала грузинская аристократія; тутъ былъ извѣстный рядъ домовъ и дворовъ, обыкновенно называемый Орбельяновскимъ ауломъ. Отсюда начинались уже зданія позднѣйшаго времени: домъ началь-

ника гражданскаго управленія, штабъ со своими казенными фасадами, и къ горамъ примыкала уже европейская, такъ сказать, часть города съ огромною Эриванскою площадью, составляющею центръ верхнихъ кварталовъ города. Здѣсь проходилъ широкій Головинскій проспектъ, на которомъ стоялъ домъ главнокомандующаго съ великолѣпнымъ садомъ, арсеналь и, далѣе къ выѣзду въ городъ, съ Петербургской заставы до комендантскаго дома уже строились, съ огромными промежуточными пустырями, нѣсколько домовъ на европейскій ладъ (здѣсь былъ уже тогда домъ кн. А. Г. Чавчавадзе). Вскорѣ пустыри эти застроились огромными двухъ и трехъ этажными зданіями, а пространство до Куры еще все занято было большею частью саклями, между которыми высились нѣсколько древнихъ церквей. Отъ Эриванской площади къ Салаланскому ущелью и около Аббасабадской площади были довольно уже правильныя улицы, гдѣ преимущественно въ двухъэтажныхъ домахъ жили богатые армяне. Отъ Ханской улицы, съ извѣстной аптекой Шмита на углу Эриванской площади, вверхъ по ущелью къ горамъ тянулись великолѣпныя Салаланскіе сады, впоследствии вырубленные и уступившіе мѣсто новымъ кварталамъ и домамъ.

Почти въ центрѣ этихъ садовъ нанялъ я только что выстроенный одноэтажный домъ нѣкоего кн. Юсифа Аргутинскаго и почти до отъѣзда моего изъ Тифлиса прожилъ у этого добраго хозяина.

Надъ Тифлисомъ, на скатѣ скалистой мѣстности, окаймляющей его съ юга, находился извѣстный монастырь св. Давида, гдѣ похороненъ прахъ Грибоѣдова и куда по извилистой тропинкѣ по вечерамъ, какъ тѣни, тянулись въ бѣлыхъ своихъ чардахъ грузинки на поклоненіе иконѣ. Онѣ обращались къ горному источнику, вытекающему изъ скалы, съ повѣрьемъ, что бездѣтныя могутъ этимъ паломничествомъ приобрѣсти потомство. Это дѣйствительно многимъ удавалось—но по другимъ причинамъ.

Эриванская площадь, впоследствии застроенная при мнѣ громаднымъ караванъ-сараемъ Томамышева, посреди которой находился изящный Тифлисскій театр (недавно сгорѣвшій), тогда представляла собою огромный, незамощенный пустырь, окаймленный домами Головинскаго проспекта съ одной стороны, полиціей—съ другой, зданіемъ Духовной семинаріи—съ третьей, и началомъ базара—

съ четвертой. На этой площади, въ центрѣ города, обыкновенно былъ складъ бревенъ для производящихся построекъ. Я помню, какъ безопасно собирались мы по вечерамъ, когда спадетъ солнечный жаръ, на эту площадь; какъ патріархально, въ домашнихъ костюмахъ нашихъ, располагались мы на складахъ бревенъ, призывали зурну, поощряли плески грузинъ, угощались кахетинскимъ, куря трубки и производили большое „веселейство“, какъ говорили грузины, собравшіеся въ толпы.

Эриванская площадь была нашимъ сборнымъ пунктомъ; на углу ея, по улицѣ, ведущей къ Эриванскому базару, въ маленькомъ домѣ была извѣстная въ то время лавка француженки вдовы *M-me Labielle*, гдѣ можно было получать отличный швейцарскій сыръ и настоящее шампанское. Эта добрая, пожилая уже, женщина была нашимъ общимъ другомъ и смѣшила насъ своими оригинальными выходками. У нее было двѣ, тогда еще очень молоденькія, дочери, вышедшія впоследствии замужъ за очень порядочныхъ чиновниковъ, изъ которыхъ одинъ сдѣлалъ даже служебную карьеру. Она очень любила болтать и балагурить съ нами и, когда разговоръ заходилъ слишкомъ далеко, выпроваживала изъ лавки дочерей, говоря: „*sortez, mes demoiselles, je veux me dilater la râte avec ces polissons*“. *M-me Labielle*, родомъ изъ южной Франціи, была замѣчательно хорошая старуха. Она меня до крайности любила за постоянное мое къ ней вниманіе и вѣжливость, и я упоминаю о ней, чтобы рассказать, какъ разъ, узнавши, что я, нуждаясь въ деньгахъ, у кого-то занялъ, она обиженная пришла ко мнѣ, говоря, что никогда не забудетъ моего къ ней недоверія. Она вообще всѣмъ намъ предлагала безъ всякихъ процентовъ деньги, когда нужно было.

Въ 1852 г., когда, опасно заболѣвъ, я почти безнадежно лежалъ въ Тифлисѣ, до приѣзда ко мнѣ отца моего и сестры, она въ продолженіи около мѣсяца трогательно ухаживала за мною и, расположась на полу на тюфякѣ около моей комнаты, при малѣйшемъ моемъ движеніи вскакивала, чтобы помочь и услужить мнѣ. Я съ благодарностью вспоминаю всегда объ этой простой, но истинно доброй женщинѣ.

Отъ Эриванской площади тянулся къ Курѣ армянскій базаръ.

На немъ постоянно толпились черводарскіе караваны верблюдовъ и лошадей, привозившихъ товары въ Тифлисъ съ разныхъ мѣстъ Персіи и Закавказья. Узкая улица Эриванскаго базара, пролегающая отъ площади къ банному мосту черезъ Куру, а съ другой стороны къ Эриванской заставѣ и таможенѣ, представляла свой особенный типъ. На этой же улицѣ, на берегу Куры, находился знаменитый своею древностью Сіонскій каѳедральный соборъ и помѣщеніе экарха Грузіи. Въ открытыхъ на улицу лавкахъ встрѣчались всѣ производства отъ серебряныхъ дѣлъ до портняжничества и т. д. Всѣ мастерскія и лавки выходили на улицу и были открыты проходящимъ; здѣсь въ зеленыхъ рядахъ продавались фрукты и вся живность; узкая улица оглашалась криками продавцовъ, муши (носильщики—преимущественно имеретины разинскаго округа) съ огромными ношами на мускулистыхъ плечахъ своихъ безпрестанно сбивали съ ногъ проходящихъ; тулуджи (торговцы водой) на мулахъ и лошадяхъ доставляли изъ Куры въ огромныхъ бурдюкахъ на вьюкахъ воду во всѣ дома города. Въ крытыхъ базарахъ производилась торговля коврами, шелковыми матеріями и другими болѣе цѣнными предметами. Персидскій и другіе каравансарай каждый имѣли свой особенный типъ; страшный запахъ черемши (дикій чеснокъ) наполнялъ воздухъ; все это кипѣло движеніемъ и жизнью, на крышахъ каравансараявъ и лавокъ раздавался звукъ зурны, пѣли и плясали лезгинку; все это имѣло свою особенную прелесть, вся эта разнохарактерная масса составляла картину, привлекающую и своею новизною, и своимъ разнообразіемъ всякаго, вновь прибывшаго въ Тифлисъ.

Все это постепенно въ глазахъ моихъ, за время пребыванія моего на Кавказѣ, измѣнилось, теряло свою привлекательную особенность и врядъ ли Тифлисъ, который я оставилъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ, въ настоящее время, кромѣ живописнаго своего расположенія, чѣмъ либо отличается отъ общаго типа всѣхъ городовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что наружный видъ, удобства жизни отъ этого улучшились, воздухъ города, особенно армянскаго базара, очистился, — но врядъ ли отъ того выиграла нравственность и патріархальность нравовъ столь дорогой намъ Грузіи, не подготовленной

еще къ столь рѣзкому переходу и къ насильственному и искусственному привитію къ ея обществу европейскихъ обычаевъ и не свойственнаго склада жизни.

За баннмъ мостомъ, на лѣвомъ берегу Куры, на крутой скалѣ высился Метехскій замокъ, составляющій какъ бы постоянную цитадель, посреди которой красовалась великолѣпная древней архитектуры церковь. На противоположномъ берегу, т.-е. со стороны города, примыкалъ крутой гребень, отдѣляющій Салаланское ущелье отъ другого не менѣ живописнаго оврага. На южномъ скатѣ этой мѣстности расположенъ былъ террасами, такъ называемый, ботаническій садъ, постоянное мѣсто нашихъ пикниковъ. Къ Курѣ поманутый гребень оканчивался развалинами прежней Тифлисской крѣпости, съ сохранившимися башнями эпохи царей грузинскихъ; у самаго же берега Куры находились знаменитыя тифлисскія бани съ ихъ сѣрными минеральными водами. На лѣвомъ берегу рѣки — отъ Метехскаго замка, вверхъ по теченію, до нѣмецкой колоніи — тянулись предмѣстья Авлабаръ и Куки, въ то время представлявшія группы живописно разбросанныхъ сакель и духановъ, гдѣ широко въ то время кипѣла грузинская жизнь. Ниже отъ Куры, въ одной верстѣ отъ Метехъ, было отдѣльное поселеніе, гдѣ помѣщались огромные провіантскіе и комисариатскіе склады Закавказья и все интендантское управленіе. На правомъ берегу рѣки таможня и тюремный замокъ составляли предѣлъ города къ Эриванской заставѣ. Эта мѣстность покрыта была садами съ пѣкоторыми дачами и рѣдкими грузинскими домами. За то выѣзды изъ города отличались несмѣтнымъ количествомъ духановъ, гдѣ обыкновенно производились всѣ встрѣчи и проводы. Между нами установился этотъ обычай, и всѣмъ тогдашнимъ сослуживцамъ моимъ памятенъ на выѣздѣ изъ города къ Владикавказу, на рѣчкѣ Верѣ, духанъ, который мы прозвали духаномъ слезъ. Сколько забавныхъ и веселыхъ сценъ происходило на этомъ духанѣ. Я помню, какъ разъ при проводахъ съ Кавказа датской службы капитана Дютла ¹⁾, участвовавшего съ нами въ экспедиціи 1847 г. и котораго искренно мы всѣ полюбили, Васильчиковъ, уже не зная, чѣмъ почтить това-

¹⁾ Дютла въ чинѣ генерала съ честью палъ въ послѣдней войнѣ Дани съ Пруссіей, при защитѣ Альзена.

рища, купилъ бурдюкъ вина въ этомъ духанѣ и совершенно бѣлыхъ почтовыхъ лошадей, затѣмъ положили мы въ повозку разстроганнаго Дютла и простились навсегда съ этимъ истинно хорошимъ человѣкомъ.

Общество Тифлиса того времени сосредоточивалось не исключительно въ домѣ главнаго начальника; такъ какъ условія жизни и требованія того времени отличались особенной простотой и невзыскательностью, то почти всѣ немного достаточныя семейства имѣли возможность принимать у себя. Былъ даже между нами обычай вечеромъ, когда мы были свободны, ходить или ѣздить верхомъ, какъ выражались мы, на свѣчки, и ежели знакомый намъ домъ освѣщенъ — значитъ хозяева дома, и безцеремонно шли мы на вечеръ. Насъ всегда встрѣчало самое гостепріимное радушье, играли въ карты, иногда устраивали подъ фортепьяно танцы; наконецъ хозяева, при видѣ собравшихся гостей, заказывали незатѣйливый ужинъ, подавалось кахетинское вино, и всѣ веселились естественно, безъ всякаго стѣсненія. Были и званые вечера, гдѣ, разумѣется, хотя всегда скромная, но требовалась другая обстановка. Такъ мы собирались въ домѣ генерала Гурки, начальника дивизіи Ренненкампа, кв. Чавчавадзе, ген. Козлянинова, стараго кавказскаго ген. Коханова, полковника Ефимовича и во многихъ другихъ домахъ. Иногда также посѣщали интеллигентскіе вечера въ Навтлугѣ, гдѣ производили своего рода эффектъ, какъ пріѣзжіе изъ столицы (Тифлиса). Обыкновенно на эти вечера ѣздили мы верхомъ; иногда они были очень оживленны, — общество живущее въ Навтлугѣ было довольно значительно.

У генерала Нейдгарта были еженедѣльные танцевальныя вечера, кромѣ большихъ оффиціальныхъ баловъ, гдѣ всегда бывало очень весело. Семейство Нейдгарта состояло изъ жены его Анны Борисовны и трехъ очень милыхъ дочерей; при Александрѣ Ивановичѣ состоялъ такъ же сынъ его Борисъ, Измайловскаго полка поручикъ; прочіе меньшіе дѣти воспитывались въ Петербургѣ. Это было очень милое, доброе и патріархальное семейство, о которомъ сохраняю постоянно самую лучшую память. Въ то время въ кругу нашей молодежи въ Тифлисъ проводилъ зиму пріѣхавшій изъ Кіева адъютантъ Бобикова, какой-то графъ Струтинскій, на видѣ чрезвычайно

ловкій, любезный и образованный молодой человекъ. Онъ сумѣлъ очень хорошо себя поставить въ домѣ Нейдгарта и совершенно обворожилъ Анну Борисовну; онъ очень ухаживалъ за одной изъ дочерей и она считалась почти уже его невѣстой. Въ одну изъ обыкновенныхъ нашихъ прогулокъ верхомъ, въ которой участвовали Струтинскій и сынъ Нейдгарта, бывшій такъ же съ нами немолодой уже капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Арсеньевъ (прокутившійся гвардейскій офицеръ, только что пріѣхавшій изъ Петербурга) совершенно наивно обратился къ Струтинскому со словами: „*jaі vu, mon cher, votre femme à Pétersbourg, elle va parfaitement bien*“. Можно себѣ представить, какое на всѣхъ произвели впечатлѣніе эти слова. Мы немедленно вернулись въ городъ и потребовали объясненія отъ Струтинскаго. Оказалось, что онъ женатъ, оставилъ жену свою, и вообще—наглый типъ польскаго проходимца, хотя графа, такъ мѣтко схваченный Кобылинымъ въ свадьбѣ Кречинскаго. Струтинскій на другой же день оставилъ Тифлисъ, но это событіе глубоко огорчило почтеннаго Александра Ивановича и все его семейство, которое вслѣдъ за тѣмъ вскорѣ выѣхало въ Россію, по полученіи извѣстія о назначеніи гр. Воронцова.

Послѣ того я разъ встрѣтилъ Струтинскаго въ Торжкѣ въ томъ же капитанскомъ чинѣ командиромъ инвалидной этапной роты, въ крайне трудномъ положеніи, но прежнее нахальство и ложь не оставляли его—онъ при этомъ занялъ у меня нѣсколько денегъ. Затѣмъ въ 70-хъ годахъ, удрученный старостью и болѣзнями, въ полнѣйшей нищетѣ, явился ко мнѣ въ Петербургѣ Струтинскій, прося о пособіи. Онъ жилъ гдѣ-то въ Екатерингофѣ и снискивалъ себѣ пропитаніе переводами романовъ. Я узналъ потомъ, что Струтинскій, потерявъ первую жену, за извѣстную плату рѣшился продать свое имя и титулъ, женившись на любовницѣ богатаго человека; обвинявшись и получивъ деньги, онъ немедленно былъ выгнанъ изъ дома. Когда я его видѣлъ, онъ кончалъ въ нищетѣ свою позорную жизнь.

Изъ молодыхъ людей въ то время, составлявшихъ наше общество, назову изъ штаба Нейдгарта: Глѣбова, вв. Козловскаго, Трубецкаго, Девьера, Дружинина, полковника Россильона, Володскаго; изъ пріѣзжихъ: Тимашева, Минквица, Абазу (нынѣшняго члена

Государственнаго Совѣта), Вревскаго, Клементія Россетъ и упомяну о кавказцахъ братьяхъ Мезенцовыхъ и поручикѣ Слѣпцовѣ (адъютантѣ генерала Траскина), впоследствии пріобрѣвшемъ такую извѣстность. Изъ гражданскихъ ближе всего сошлись мы съ добрымъ Крузенштерномъ, Голицынымъ (такъ плачевно кончившимъ) и французскимъ консуломъ Моно, весьма милымъ человѣкомъ. Мы почти ежедневно видѣлись, проводили все время вмѣстѣ и жили чрезвычайно дружно и беззаботно; педантизмъ Нейдгарта касался только служебныхъ отношеній и нисколько не стѣснялъ нашей товарищеской обыденной жизни.

Во время кратковременной моей службы при тогдашнемъ корпусномъ командирѣ я былъ командированъ для пріивѣтствія и пріема вновь назначеннаго на Кавказъ экзарха Грузіи Исидора, впоследствии С.-Петербургскаго митрополита. Я встрѣтилъ Его Высокопреосвященство на станціи въ гор. Душетѣ и проводилъ его до Тифлиса. На пути экзархъ останавливался въ замѣчательномъ храмѣ Мцхетахъ, самой древнѣйшей столицѣ Грузіи. Онъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе простотою своего обхожденія и, главное, тѣмъ осмысленнымъ участіемъ, съ которымъ онъ относился къ древнимъ церковнымъ памятникамъ Кавказскаго края. Во все время пребыванія Исидора въ Грузіи я сохранилъ съ нимъ лучшія отношенія, довольно часто навѣщалъ его въ городѣ и въ его лѣтней резиденціи около Тифлиса.

Онъ съ интересомъ слѣдилъ за современными событіями и я постоянно посылалъ къ нему отъ князя иностранные и другіе журналы. Во время пребыванія его въ 1850, кажется, году на водахъ въ Боржомѣ, я всегда сопутствовалъ ему въ его прогулкахъ верхомъ въ горы и лѣса, окружавшіе эту мѣстность, и гдѣ часто встрѣчались развалины древнихъ православныхъ храмовъ, которыми такъ изобилуетъ вся Грузія, съ очень хорошо сохранившимися фресками. Исидоръ особенно любилъ ѣздить верхомъ и былъ отличнымъ и смѣлымъ наѣздникомъ; въ прогулкахъ нашихъ я всегда любилъ слушать его просвѣщенный взглядъ на вещи и пользоваться его свѣдѣніями о древнемъ христіанскомъ бытѣ въ Грузіи. Экзархъ, при сочувственномъ содѣйствіи князя Воронцова, много сдѣлалъ для края по части возобновленія древнихъ храмовъ,

поддержки остатковъ древности и вообще оставилъ по себѣ весьма хорошую память въ Грузіи, гдѣ всѣ его любили за простоту въ обхожденіи и христіанскія его добродѣтели.

Предмѣстникомъ его въ экзархатѣ былъ Евгений, котораго я еще засталъ, необыкновенно грубый, своеправный и вполнѣ необразованный человѣкъ. При немъ состоялъ архитекторомъ нѣкій французъ Риннаръ, отвергавшій и Бога и всякую святыню. Расскажу примѣръ вандальскаго обращенія и Евгенія и Риннара съ тогдашними церковными остатками древности. Всѣ стѣны Мцхетскаго собора разукрашены были фресками, сколько помнится, VIII и IX столѣтій; требовалась ремонтировка церкви, и Риннаръ, назначенный на эти работы съ согласія экзарха, изъ пренебреженія ко всякой святынѣ, забѣлил густою бѣлою краскою всю замѣчательную своею древностью живопись собора. Я помню, сколько трудовъ впоследствии стоило, при участіи, кажется, вн. Гагарина, открыть и возобновить хотя часть этихъ замѣчательныхъ фресокъ.

Мнѣ случалось впоследствии встрѣчаться съ Исидоромъ въ Петербургѣ, когда онъ былъ уже митрополитомъ; удрученный старостью и болѣзнями, онъ всегда восторженно припоминалъ о пребываніи своемъ въ Грузіи, какъ самой свѣтлой эпохѣ своей пастырской дѣятельности и говорилъ мнѣ, насколько невозможность ѣздить верхомъ въ Петербургѣ вліяетъ на здоровье его. Это былъ вообще весьма пріятный и общительный человѣкъ, чуждый обыкновенныхъ понятій и характера, присущихъ духовной кастѣ.

Между тѣмъ, южная весна была въ полномъ разгарѣ. Съ начала февраля во всѣхъ садахъ Тифлиса уже распустились миндальныя деревья, а въ концѣ мѣсяца вся природа Закавказья обновилась свѣжею зеленью.

Съ начала марта, а особенно по отъѣздѣ семейства Нейдгарта въ Россію, всѣмъ было извѣстно, что ожидается новый корпусной командиръ. Можно себѣ представить, какъ новое назначеніе интересовало всѣхъ, и какъ жадно жители Тифлиса ждали экстра-почты и извѣстій изъ Петербурга. Какъ нарочно, въ то время снѣжные завалы прекратили сообщеніе съ линіей и мы были безъ всякихъ извѣстій. Наконецъ, путь былъ очищенъ и получено извѣстіе о назначеніи гр. Воронцова уже не корпуснымъ

командиромъ, а Главноначальствующимъ Кавказской арміей, съ новыми и обширными полномочіями отъ Государя. Имя Воронцова извѣстно было всей Россіи и Кавказу, въ особенности по сношенію этого края съ Новороссійскимъ, гдѣ управленіе графа ознаменовано было его просвѣщенною и, по тогдашнимъ понятіямъ, либеральною дѣятельностью. Все въ Тифлисѣ засуетилось, все только и говорило о новомъ начальникѣ; составлялись всевозможныя предположенія и соображенія о будущемъ направленіи дѣлъ, — ожиданіямъ и надеждамъ не было конца. Тяжело было видѣть, какъ Нейдгартъ, истинно достойный уваженія по правиламъ и характеру своему, совершенно былъ забытъ. Но такова судьба каждаго начальника при смѣнѣ, таково естественное проявленіе человѣческой природы и общества, вообще склоннаго ко всякой перемѣнѣ, дающей просторъ надеждамъ и интригамъ многихъ. Александръ Ивановичъ, распорядившись о сдачѣ всѣхъ дѣлъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда гр. Воронцова, чтобы сложить съ себя не по силамъ и давно тяготѣвшее надъ нимъ бремя управленія Кавказа.

Графъ Воронцовъ, оставивъ Одессу, черезъ Керчь и Анапу, осмотрѣвъ тогдашнюю черноморскую береговую линію, высадился въ Редуть-Кале и черезъ Мингрелію и Имеретію прибылъ въ Тифлисъ 28 марта 1845 г., довольно поздно вечеромъ. Городъ былъ иллюминированъ и толпы народа и любопытныхъ наполняли улицы Тифлиса, встрѣчая громкими привѣтствіями новаго начальника отъ самаго вѣзда въ городъ до дворца Главнокомандующаго. Здѣсь встрѣтилъ графа Нейдгартъ, при почетномъ караулѣ, и они вмѣстѣ вошли въ домъ.

Хочу сказать о впечатлѣніи, которое произвелъ на меня въ то время новый Главнокомандующій, которому въ тотъ же вечеръ Нейдгартъ представилъ насъ, какъ лицъ своего штаба. Графъ чрезвычайно милостиво обошелся съ нами и объявилъ намъ, что оставляетъ при себѣ въ тѣхъ званіяхъ и должностяхъ всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ продолжать службу на Кавказѣ. Я смутно помнилъ гр. Воронцова съ 1834 или 35 г., когда я былъ съ отцомъ въ Крыму еще молодымъ мальчикомъ и, хотя часто бывалъ въ Алупкѣ, только что тогда начинавшей строиться, но мало помнилъ

графа. Теперь меня вполне поразила величественная наружность будущаго моего начальника. Высокаго роста, съ густыми сѣдыми волосами, безъ усовъ и бакенбардовъ, при отсутствіи всякой военной вытяжки, къ которой въ то время такъ привыкъ глазъ; необыкновенное достоинство и простота въ рѣчахъ и манерахъ, при обаятельномъ обхожденіи, составляли въ гр. Воронцовѣ рѣзкое исключеніе изъ всѣхъ военныхъ сановниковъ той эпохи. Въ графѣ видны были во всемъ слѣды англійскаго воспитанія его и того высокаго положенія, которое онъ занималъ въ обществѣ, и по рожденію своему, и по заслугамъ, ознаменовавшимъ долготѣнее служеніе его. Все это поразило меня, но скажу откровенно, на первыхъ порахъ не особенно увлекало; съ какимъ-то чувствомъ неопредѣленнаго и неизвѣстнаго смотрѣлъ я на будущую службу мою, при новой обстановкѣ и новыхъ условіяхъ, столь, повидимому, различныхъ отъ тѣхъ, къ которымъ до сихъ поръ привыкъ и съ которыми сроднился. Необыкновенная привѣтливость и вѣжливость графа насъ всѣхъ на первыхъ порахъ какъ бы озадачила и казалась чѣмъ-то неестественнымъ въ начальникѣ.

Четыре или пять дней оставался еще Нейдгартъ въ Тифлисѣ, обсуждая съ графомъ тогдашнія кавказскія дѣла. Наконецъ, Александръ Ивановичъ выѣхалъ изъ Тифлиса и, какъ выше описано, проводивши его на линію, я съ Глѣбовымъ вернулся обратно къ новому своему начальнику.

По благороднымъ понятіямъ и правиламъ графа Воронцова, изъявленіе преданности нашему старому начальнику не могло не понравиться ему, но иначе, кажется, смотрѣли на это окружающіе его и видѣли въ этомъ какую-то демонстрацію, по крайней мѣрѣ мнѣ это съ Глѣбовымъ такъ показалось. Вообще отношенія наши съ вновь прибывшей свитой Воронцова были первое время весьма натянуты. Съ своей стороны, мы также держали себя какъ-то особнякомъ и скорѣе склонны были порицать все во вновь пріѣзжихъ; но скорѣе начались приготовленія къ предстоящему походу; мысли и стремленія наши должны были принять другое направленіе.

Я наскоро сдѣлалъ всѣ нужныя тогда приготовленія; они были весьма не сложны: купилъ вычное сѣдло и сундуки, долженствовавшіе мнѣ служить такъ же кровати, переметныя сумы, приготовилъ

самое ограниченное число бѣлья и одежды. Верблюжьи шаровары, большіе сапоги и черкесскій костюмъ, при исправномъ оружіи, составляли все мое походное достояніе. Вьючныхъ и верховыхъ лошадей я купилъ по прибытіи въ Червленную и съ собою взялъ одного только человѣка Петра Толстого.

За двѣ недѣли до выѣзда въ походъ, со мной былъ случай, чуть не лишившій меня чести участвовать въ Даргинской экспедиціи. Я поѣхалъ верхомъ на очень бѣшеной арабской лошади, принадлежавшей англичанину Сеймуру, за городъ въ Навтлугъ проститься со своими знакомыми. Поднимаясь по крутой скалистой тропинкѣ къ Мехетскому замку, лошадь моя чего-то вдругъ испугалась, и я вмѣстѣ съ нею оборвался съ кручи и со значительной высоты катился до самаго берега Куры. У лошади ободрана была вся кожа на головѣ, груди и переднихъ ногахъ, мнѣ же врѣзался маленькій камень въ лѣвое колѣно; меня подняли грузины и отнесли въ ближайшую часть, гдѣ полицейскій докторъ вынулъ камень и сдѣлалъ мнѣ перевязку. Къ счастью, чашка въ колѣнѣ не была разбита, но воспаленіе и опухоль были чрезвычайно сильны; я не могъ дѣлать никакого движенія, потомъ ходилъ только съ помощью костылей и въ такомъ видѣ прибылъ въ Червленную, гдѣ скоро бросилъ костыли и скоро оправился. Черезъ три мѣсяца пришлось опять въ ту же Червленную прибыть на костыляхъ, но уже вслѣдствіе полученной мною раны въ Дарго.

Хочу упомянуть здѣсь о замѣчательномъ праздникѣ, данномъ графу Воронцову городомъ и обществомъ Тифлиса передъ отправленіемъ въ походъ. Дѣйствительно, это было нѣчто волшебное, фантастическое, совершенно въ восточномъ вкусѣ, со всею своеобразною и оригинальною обстановкою, отличавшею Тифлисъ того времени.

Весь городъ, особенно армянскій базаръ, былъ ярко иллюминированъ разноцвѣтными фонарями; всѣ окрестныя горы Тифлиса освѣщены нефтяными бочками; берегъ Куры и мосты покрыты были сплошными огнями. Въ каравансараяхъ изо всѣхъ лавокъ и оконъ висѣли богатые золотыя парчи и восточныя ткани, крыши домовъ всѣ покрыты были пестрою толпою, вездѣ гремѣла зурна и музыка. Изъ устроенныхъ въ каравансараяхъ и базарахъ фонтановъ лилось

кахетинское вино. Народъ толпами тѣснился за графомъ и графиней, обходившихъ улицы и каравансарай, устланные богатыми коврами; вездѣ съ восторгомъ привѣтствовали ихъ, и широко выразалось народное простодушное веселье грузинъ и сочувствіе ихъ къ новому Главнокомандующему. Я помню, что графъ и графиня были въ восторгѣ отъ сдѣланнаго имъ пріема и того великолѣпнаго зрѣлища, которое представлялъ живописный Тифлисъ въ этотъ вечеръ.

Кажется, въ самыхъ послѣднихъ числахъ апрѣля я выѣхалъ изъ Тифлиса и началъ свое военное поприще въ предстоящемъ походѣ.

ДѢЙСТВІЯ НА ЛѢВОМЪ ФЛАНГѢ ПРИ СРАЖЕНІИ У КЮРЮКЪ-ДАРА.

24-го Іюля 1854 года.

(Изъ воспоминаній князя Дондукова-Корсакова).

По отданной въ ночь съ 23 на 24 число диспозиціи, снявшись въ полночь съ лагернаго расположенія, войска въ безмолвной тишинѣ двигались по направленію къ Мелеко. Пѣхота съ ея артиллеріею, имѣя впереди сотни охотниковъ полковника Лориса-Меликова и сборныя линейныя полковника Скобелева сотни, слѣдовала двумя эшелонами; въ интервалѣ шель фѣрбантъ и запасной паркъ, подъ прикрытіемъ 2-хъ баталіоновъ (Ряжскихъ). За симъ слѣдовали: Драгунскій № 9 полкъ, Донская 7 Диватина батарея, 8 Драгунскій полкъ, 6 Донская батарея, 4 Драгунскій полкъ, дивизионъ 15 батареи Веревкина, и Донской № 20 полкъ.—Въ прикрытіе всей колонны слѣва слѣдовала мусульманская конная бригада, справа линейный полковника Каткова полкъ. Войска прошли около 4 верстъ въ сказанномъ направленіи, какъ съ первыми лучами восходящаго солнца показалась непріятельская конница на высотахъ Караяла, и впереди всей колонны, около горы болшой Ягвы, чернѣлись толпы конницы, какъ въ туманѣ видна была непріятельская пѣхота, подоспѣвшая изъ лагеря.

Когда мы еще прошли немного и выдвинулись изъ лощины, скрывавшей волнистую мѣстность Кюрюкъ-Дара, открылась вскорѣ и вся

линія непріятельской арміи, представляющая дугообразное расположеніе отъ горы Карааяль по направленію къ горѣ Ягны. На вершинѣ первой горы обрисовалась пѣхота съ 2 горными орудіями; у подошвы ея расположена была кавалерія; къ ней примыкала батарея; лѣвѣе—колонны пѣхоты, раздѣленные сильною батареею, составляли правый флангъ непріятеля; центръ примыкалъ къ правому флангу огромными массами пѣхоты, расположенной въ двѣ линіи, съ резервомъ и выдвинутою на позицію артиллеріею. Ясно видно было, что виднѣвшіяся войска, впереди нашей колонны, назначены были составлять лѣвый флангъ непріятеля и, по препятствіямъ мѣстности или темнотѣ ночи, не могли съ прочими частями занять предположенные мѣста; въ самомъ центрѣ непріятеля видно было, что войска не окончательно устроены; правый флангъ, состоявшій изъ отборныхъ Турецкихъ войскъ и примыкавшій къ сильной позиціи Карааяла, представлялъ совершенно устроенную боевую массу.

Здѣсь представлялось два плана дѣйствія: или немедленно атаковать флангъ непріятеля, или перемѣнить фронтъ по направленію Турецкихъ войскъ, осмотрѣвъ позицію. Наша боевая линія, протянувшись къ Мелеко, могла, подавшись немного впередъ и остановивъ свой лѣвый флангъ, повернуть во фронтъ и зайти правымъ плечомъ къ непріятельской линіи. Лѣвая оконечность непріятельскаго центра, не прикрытая отставшими около Ягновъ войсками, не могла бы, въ этомъ положеніи, принять боя. Турецкой арміи предстояла перемѣна фронта подъ наступательнымъ огнемъ нашей линіи. Оконечность Карааяла должна была остаться въ тылу ихъ праваго фланга; войска-же, назначенныя для составленія ихъ лѣваго фланга, не могли бы вступить въ линію и составили бы какъ бы отдѣльный, отрѣзанный отъ главныхъ силъ, отрядъ.

Смѣлымъ и рискованнымъ движеніемъ этимъ войска наши перемѣняли весь планъ непріятеля; отступленіе къ Карсу дѣлалось невозможнымъ; быстрый и дружный натискъ всей линіи могъ даровать намъ побѣду, результатами коей было бы совершенное истребленіе непріятеля, отрѣзаннаго отъ Карса и долженствующаго въ такомъ случаѣ отступить къ с. Огузлы и полямъ Кадыкъ-Лара. При преслѣдованіи, лагерь Турецкій со всею добычею оставался

вправо, а потомъ въ тылу нашемъ; путь къ Карсу совершенно былъ бы очищенъ.

Въ опроверженіе означеннаго предположенія можно возразить, что силы, собиравшіяся на лѣвомъ флангѣ непріятеля, могли обойти нашъ правый флангъ и даже ударить намъ въ тылъ; что, при отступленіи, Турки могли бы найти сильный опорный пунктъ въ оконечности Караала, что войска, остававшіяся въ лагерѣ, свѣжими силами могли бы, при нашемъ преслѣдованіи, сильно дѣйствовать на нашъ правый флангъ и, наконецъ, что такимъ движеніемъ совершенно открывался нашъ вагенбургъ.

Движеніе это, какъ сказано, болѣе чѣмъ смѣлое, предоставило бы судьбу всего отряда минутной случайности боя; отступленія намъ уже не было; оставалось или уничтожить совершенно Турецкую армію, или всѣмъ со славою лечь на полѣ битвы. Опытъ доказалъ однакожь, что не такъ неосновательны могли бы оказаться и надежды на успѣхъ. Турецкая армія, несмотря на европейское свое образованіе и необыкновенную стойкость, въ дѣлѣ при Кюрюкъ-Дара осталась однако вѣрна преданіямъ предковъ и руководящему ея фатализму; упорно выдерживая первый натискъ, переднія войска, при отступленіи, влекутъ за собой и заднія линіи; рѣдко послѣднія принимаютъ участіе въ боѣ и, при разстройствѣ одной части, остальные приходятъ въ смущеніе и малодушно отступаютъ, забывая о дѣйствительной своей силѣ и превосходствѣ въ людности. Въ дѣлѣ 24 числа можно было рассчитывать на внезапность нашего удара противъ непріятеля, смущеннаго неожиданнымъ появленіемъ на своемъ флангѣ нашихъ войскъ, на затрудненія, предстояція Туркамъ при перемѣнѣ фронта на огромномъ протяженіи линіи, наконецъ—на испытанное мужество нашихъ войскъ.

Непріятеля, находящагося вправо отъ насъ, можно было удержать отдѣльною колонною изъ резерва и, при разбитіи главныхъ силъ, нѣтъ сомнѣнія, что какъ тѣ, такъ и войска, остававшіяся въ лагерѣ, уклоняясь отъ дальнѣйшаго боя, искали бы спасенія въ бѣгствѣ по направленію къ Карсу, черезъ высоты, ограждающія тылъ непріятельскаго лагеря. Разстроенному и бѣгущему непріятелю Караалъ, по отдаленію отъ его центра, не могъ бы служить

опорою, и поля Бешъ-Кадыкъ-Дяра и Огузлова содѣлались бы снова могилою разъединеннымъ толпамъ бѣгущаго Турецкаго корпуса. Вагенбургъ же нашъ, достаточно укрѣпленный противъ башибузуковъ, не могъ бы сдѣлаться, по отдаленію отъ Караяла, цѣлью покушенія регулярныхъ войскъ; бой не могъ быть продолжительнымъ, минута должна была рѣшить побѣду.

Командующій корпусомъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе, соображаясь съ расположеніемъ Турецкой арміи, о перемѣнѣ фронта параллельно непріятельскому, и войска, зайдя правымъ плечомъ, стройно двинулись на назначенныя имъ мѣста. Огромное протяженіе непріятельской линіи, еще болѣе растянутое впоследствии прибытіемъ отставшаго лѣваго ихъ фланга, влекло за собою протяженіе и нашего фронта. При малочисленности войскъ отряда, значительные должны были составиться интервалы, и вотъ почему бой 24 числа представляетъ три совершенно отдѣльныя битвы, гдѣ мужество и самоотверженіе замѣняли численность, гдѣ общою связью было священное чувство чести и долга, воодушевляющее cadaго; отступленія никто не допускалъ, всякій чувствовалъ необходимость умереть или побѣдить. Чувства эти служили залогомъ побѣды; побѣда не измѣнила вѣрнымъ сынамъ своимъ.

На лѣвый флангъ нашей линіи назначены были сборныя казачьи полковника Скобелева сотни, за нимъ слѣдовалъ 9 Драгунскій, Донская № 7 батарея, 8 Драгунскій и Донской № 20 полкъ съ ракетными командами; пѣхота бѣглымъ шагомъ слѣдовала сзади, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ Бѣлевскаго егерскаго полка, съ Кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ и легкою № 7 батареею, а вскорѣ и 2 баталіона Тульскаго егерскаго полка. Поровнявшись съ центромъ непріятельскимъ, раздались первые выстрѣлы съ Турецкихъ батарей, первые предвѣщатели достославной битвы, покрывшей новою славою Русское оружіе.

Огонь непріятельскій, по отдаленію, не причинялъ намъ еще вреда, и колонны двигались впередъ. Подходя къ Караялу, нашихъ встрѣтилъ мѣткій огонь штуцернаго Турецкаго баталіона, разсыпаннаго въ стрѣлкахъ по скалистой покатости горы, и гранаты двухъ горныхъ единороговъ удачно рвались посреди Драгунскаго Н. П. Виртенбергскаго полка, шедшаго въ колоннахъ къ

атакѣ. Пятый дивизионъ былъ впереди, за нимъ 4 и 3 дивизионы. Въ этотъ моментъ получено было приказаніе подоспѣвшей пѣхотѣ не штурмовать гору, а оставивъ ее позади себя, податься впередъ противъ праваго непріятельскаго фланга. Для удержанія непріятеля со стороны горы, выдвинуты были 2 баталіона: 1 Тульскаго, 1 Бѣлевскаго егерскихъ полковъ, съ легкою № 7 батареею. Остальная пѣхота зашла лѣвымъ плечомъ и подалась колоннами впередъ, къ возвышенности, заслонявшей намъ непріятеля. Драгуны (№ 9 полкъ) подивизионно, захавъ лѣвымъ плечомъ, выстроились правѣе и позади пѣхоты, лицомъ къ непріятельскому фронту. Двѣ роты Кавказскаго стрѣлковаго баталіона разсыпались на лѣвомъ флангѣ Бѣлевцевъ и завели перестрѣлку съ Турецкими штуцерными. Линейныя казачьи полковника Скобелева сотни были переведены на правый нашъ флангъ.

Покуда сіе происходило на самой оконечности нашего лѣваго фланга, 8 Драгунскій полкъ, шедшій позади и правѣе Виртенбергцевъ, поровнявшись съ непріятельскою линіею и встрѣченный сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ батарей, получилъ приказаніе сбить непріятеля съ занимаемой имъ позиціи. Три дивизиона этого полка—1, 2 и 5, имѣя впереди комапдира сводной Драгунской бригады, г.-м. графа Нирода, стяжавшаго въ этотъ день своею рыцарскою храбростію единодушное уваженіе всего отряда, и предводимые полковымъ своимъ командиромъ, полковникомъ Кукилевскимъ, быстро и смѣло понеслись впередъ на главную батарею. Вскакавъ посреди орудій, драгуны, перерубивъ прислугу, овладѣли 4-мя непріятельскими пушками; но здѣсь встрѣтили ихъ 4 Турецкихъ баталіона прикрытія и, подъ убійственнымъ батальнымъ огнемъ пѣхоты, имѣя еще справа отъ себя сильную батарею непріятеля, драгуны принуждены были еще отбивать атаки регулярной Турецкой кавалеріи, бросившейся изъ-за Караяла на подкрѣпленіе своей артиллеріи.

Рукопашный бой, явившій столько примѣровъ личной храбрости и самоотверженія, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ этого полка, не могъ быть продолжителенъ. Уступая превосходству силъ, драгуны быстро отступили мимо подошвы Караяла, подъ огнемъ штуцерной стрѣлковой цѣпи, и пройдя лѣвѣе Бѣлевцевъ и

драгунъ 9 полка, пристроились позади боевой линіи къ остальнымъ дивизіонамъ полка. Вскорѣ 3 дивизіонъ, вмѣстѣ съ Донскимъ № 20 полкомъ и ракетною командою, былъ направленъ на правый флангъ и принялъ блистательное участіе въ дѣйствіяхъ нашей кавалеріи на этомъ пунктѣ. Во время описанной атаки раненъ командиръ полка, полковникъ Кукилевскій, саблею въ руку, но до окончанія дѣла не оставлялъ своего мѣста. Къ общему сожалѣнію, убитъ достойный командиръ 5 дивизіона, полковникъ Спицынъ, и командиръ 9 эскадрона, ш.-капитанъ Савичъ. Тяжело ранены капитанъ Дренякинъ, ш.-капитанъ Жилепковъ, поручикъ Батезапуло.

Смѣлая атака драгунъ 8 полка, скрытая отъ части войскъ нашего лѣваго фланга возвышеніемъ, занятымъ Бѣлевцами, была какъ отдѣльный эпизодъ кровавой драмы, долженствовавшей разыграться на этомъ пунктѣ нашей боевой линіи. Густая облака дыма, сильный ружейный огонь, прерываемый гуломъ орудій, возбѣщали бой упорный, съ трепетомъ сжимались сердца при мысли о товарищахъ, съ нетерпѣніемъ ждали закаленные въ бою Виртенбергцы своей очереди. Минута приближалась, имъ сужденъ былъ подвигъ славный, смерть ждала многихъ, слава всѣхъ. Съ отступленіемъ 8 полка, непріятельскія колонны двинулись впередъ; отборные три баталіона штуцеровъ шли въ первой линіи. Передъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ пѣхоты и артиллеріи, Бѣлевцы отодвинулись съ позиціи, и съ гикомъ непріятельскіе стрѣлки показали на возвышенности.

Минута была рѣшительная, торжественная. Мгновенная удача непріятели была несомнѣнна; баталіоны, стоявшіе на горѣ, съ жадностью ждали случая, чтобы ринуться на насъ; еще минута,—Турки, оглябая нашъ флангъ, отбрасывали насъ къ нашему центру и перемѣняли весь ходъ сраженія.

Но тутъ стоялъ полкъ, свято хранящій свою вѣковую славу; побѣдителямъ Кадыкъ-Ляра судьба готовила новый подвигъ. Виртенбергцы, по приказанію своего полкового командира, г.-м. князя Чавчавадзе, двинулись впередъ. Дивизіонъ Донской № 7 батареи, неразлучной сподвижницы подвиговъ драгунъ на Кавказѣ, былъ отдѣленъ отъ остальной части своей, дѣйствовавшей вправо отъ нашей линіи, пристроился къ дивизіонамъ, и храбрый эсауль

Кульгачевъ, сдѣлавъ предварительно нѣсколько выстрѣловъ гранатами, быстро повесся впередъ, въ 60 шагахъ отъ непріятеля снялъ съ передковъ и открылъ картечный огонь. Отважная запальчивость Кульгачева, воспоминавіе удачи подъ Кадыкь-Ляромъ занесли слишкомъ далеко смѣлыхъ Донцевъ; убійственный огонь непріятельскихъ штуцеровъ въ столь близкомъ разстояніи въ мгновеніе уничтожилъ почти всю прислугу орудія средняго завода, 34 человекъ были выбиты изъ строя. Командиръ взвода, эсаулъ Резановъ раненъ въ голову, вся упряжь перебита. Кульгачевъ, видя невозможность вывезти орудія, съ трудомъ вытащилъ передки и остальные 2 орудія своего дивизиона за фронтъ драгунъ и пристроился вправо къ остальной части батареи. Раненые три артиллериста, лежа подъ лафетомъ, зарядили въ послѣдній разъ пушку, и сдѣлавъ выстрѣлъ, пали героями.

Остались 2 орудія безъ передковъ, безъ прислуги, нѣмыми свидѣтелями кроваваго подвига Драгунъ, коихъ честь и слава сопряжены были съ пораненіемъ ввѣренныхъ прикрытію ихъ пушекъ. вмѣстѣ съ артиллерією справа двинулся и 5 дивизионъ Виртенбергцевъ, подъ начальствомъ испытаннаго въ боахъ полковника Тихотскаго; быстро понеслись драгуны на выстроившійся турецкій каре, смѣло врѣзались передніе всадники въ ряды непріятеля, умирая на острыхъ штыкахъ его штуцеровъ. Напрасна была отвага, напрасны жертвы! Съ упорствомъ смыкались ряды, стальная стѣна была непоколебима. Отведя назадъ дивизионъ, полковникъ Тихотскій, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, снова началъ строить его въ 50 шагахъ отъ оставшихся орудій. Въ этой жестокой схваткѣ тяжело раненъ храбрый ш.-капитанъ графъ Менгденъ, впереди ввѣреннаго ему 9 эскадрона; убитъ прапорщикъ Босвинъ; ранены прапорщики Суриковъ и Готовецкій.

Непріятельскіе стрѣлки ринулись впередъ, а турецкій офицеръ, махая шашкой, уже старался сдвинуть трофей; крѣпко билось сердце каждаго. Третій и четвертый дивизионы, подъ начальствомъ полковника, князя Дондукова-Корсакова, быстро несутся впередъ, вправо отъ орудій; при началѣ движенія, достойный командиръ 4 дивизиона, полковникъ Шульцъ, уже заплатилъ дань чести, постоянно руководившей храброй его службой, и раненый пулею въ високъ былъ вывезенъ за боевую линію. Во главѣ, подъ командой

маіора Петрова, шелъ 3 дивизионъ, за нимъ слѣдовалъ 4; не долго непріятель владѣлъ орудіями: драгуны опротивили немедленно отважныхъ и, въ пылу своего ожесточенія, бросились на баталіонъ, составившій сплошную кучку; переднія шеренги встрѣтили нашихъ штыками, стоя на колѣняхъ, заднія въ упоръ пускали свои выстрѣлы; справа отъ дивизионовъ батальный огонь другого баталіона выносилъ цѣлые ряды изъ строя. Драгуны отодвинулись назадъ и, не сводя глазъ со спорныхъ орудій, упорно строились подъ тѣмъ же огнемъ. Въ рядахъ слышны были слова: „умремъ, ребята, но покуда живы, орудій не сдадимъ“. Долго оставаться въ этомъ положеніи было невозможно; кромѣ неумолкаемаго огня штуцеровъ, сильная непріятельская батарея громила съ фронта драгунъ въ интервалы баталіоновъ. Третій дивизионъ снова бросился въ отчаянную схватку; снова рѣдѣвшая кучка непріятели встрѣтила его штыками, а съ фланга батальный огонь открылъ свое убійственное дѣйствіе; храбрые командиры эскадроновъ, капитаны Резановъ и Батіевскій пали героями на турецкихъ штыкахъ. Полковникъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ тяжело раненъ въ руку, подъ неустрашимымъ маіоромъ Петровымъ убита лошадь, ш.-капитаны Кузьминъ, Караваевъ, Петровъ 2, Машуновъ и прапорщикъ Драгилевъ сильно ранены, въ 4 дивизионѣ ш.-капитанъ Григоровичъ смертельно пораженъ пулею.

Драгуны снова принуждены отойти къ безмолвнымъ орудіямъ, поглотившимъ уже столько жертвъ. Мѣсто боя на пространствѣ 150 шаговъ покрыто было болѣе 200 труповъ лошадей, въ кровавыхъ схваткахъ болѣе половины драгунъ выбыло уже изъ строя, изъ 37 офицеровъ 23 убито, ранено или контужено.

Но спорныя орудія передъ глазами, и оставшаяся горсть храбрыхъ, малая числомъ, но твердая въ своемъ упорствѣ умереть, но не уступить мѣста, грозно удерживаетъ непріятельскія массы. Въ эту опасную минуту полковникъ Тихотскій, съ свойственною ему энергіею и военнымъ взглядомъ, выводитъ изъ бездѣйствія стоявшую позади пѣхоту, опасавшуюся за свой тылъ и флангъ отъ баталіоновъ, стоявшихъ на Караалѣ, и атаки кавалеріи, стоявшей влѣво. Съ барабаннымъ боемъ и крикомъ ура, влѣво отъ его дивизиона бросаются колонны Бѣлевцевъ; разстроенный потерями не-

пріятель начинаетъ отступленіе. Тихотскій ловить благоприятную минуту, смѣло ударяетъ въ пики съ остатками дивизіона и вырываетъ шесть орудій у непріятельской батареи, громившей съ фронта драгунъ; орудія эти, въ присутствіе Г. Бѣлявскаго, сданы пѣхотнымъ баталіонамъ, слѣдовавшимъ за кавалерію. Справа отъ него атакуютъ вновь горсть 3 дивизіона, за нимъ слѣдуетъ 4, и правѣе выдвигаются сформировавшіеся дивизіоны 8 Драгунскаго полка. Ожесточеніе было всеобщее, единодушный натискъ непреодолимъ. Кровь товарищей просила крови, и непріятельская пѣхота мгновенно смята, отступленіе превратилось въ совершенное бѣгство, и чувство пощады исчезло, его замѣнила жадность кровавой мести. Драгуны рубили и кололи бѣгущихъ; каждый Турокъ дорого разставался съ жизнью; раненые въ упоръ пускали свои послѣднія пули, но никто не въ силахъ былъ охладить всеобщаго воодушевленія. Правый непріятельскій флангъ, окончательно опрокинутый, даетъ возможность рѣшительному наступленію нашего центра, побѣда не подлежала уже сомнѣнію.

Разбирая съ критической точки зрѣнія дѣйствія нашего лѣваго фланга, должно сознаться, что первая отдѣльная атака 8 Драгунскаго полка, неподдержанная пѣхотою, была несвоевременна и начата на слишкомъ дальнемъ разстояніи отъ непріятеля; подвиги самоотверженія и храбрости противъ превосходныхъ турецкихъ силъ и неразстроенныхъ баталіоновъ не могли остановить необходимости отступленія, которое совершалось въ безпорядкѣ. Отступленіе Бѣлевскихъ баталіоновъ съ занятой ими позиціи было ошибкою; бездѣйствіе ихъ во время боя драгунъ Н. П. Виртенбергскаго полка было губительно для послѣднихъ; опасаться за тылъ и флангъ свой имъ было нечего; противъ Турецкой кавалеріи могли дѣйствовать, сформировавшись, дивизіоны 8 полка; натискъ войскъ, стоявшихъ на Караялѣ, могли удержать оставленные противъ горы 2 баталіона съ артиллерію.

Отдѣленіе къ этому пункту всей легкой № 7 батареи было распоряженіемъ самымъ пагубнымъ для драгунъ, лишенныхъ, послѣ перебитія прислуги Донскаго дивизіона, артиллеріи во все время боя.

Обращаясь къ дѣйствіямъ Н. П. Виртенбергскаго полка, ежели можно упрекнуть запальчивость Кульгачева, выдвинувшаго свои

орудія на слишкомъ близкое разстояніе отъ Турецкихъ баталіоновъ на невыгодную въ дощипѣ позицію, то нельзя порицать чувство драгунъ, кровью своею въ неравномъ бою защищавшихъ ввѣренныя охраненію ихъ пушки. Весь напоръ непріятельскаго праваго фланга, громадныя массы пѣхоты и убійственный огонь перекрестныхъ батарей не могли сдвинуть съ позиціи 6 эскадронъ полка, подъ конецъ часового кроваваго боя представляющей незначительную горсть храбрыхъ остатковъ славнаго войска.

Драгуны могли оставить орудія и отступить къ пѣхотѣ, потеря ихъ уменьшилась бы втрое, но въ эту рѣшительную минуту шагъ назадъ могъ бы повлечь за собой отступленіе дальнѣйшей пѣхоты и несовершенно выстроившихся дивизионовъ 8 Драгунскаго полка. Лѣвый флангъ былъ бы обойденъ и побѣда можетъ быть измѣнила бы знаменаъ нашимъ. Жертва драгунъ была необходима.

Едва ли не важнѣе ошибки при окончательномъ преслѣдованіи непріятеля. Большая часть войскъ и вся оставшаяся кавалерія лѣваго фланга была притянута къ центру; баталіоны непріятеля, стоявшіе на Караялѣ, считали свою гибель неизбѣжною; удивленные удаленіемъ нашихъ войскъ, они робко спустились по восточной покатости горы и безнаказанно отступили по направленію къ селенію Огузлы. Оставивъ часть кавалеріи и пѣхоты противъ отрѣзаннаго отъ своихъ непріятеля, баталіоны съ 2 орудіями принуждены были положить оружіе и украсили бы новыми трофеями сію достославную побѣду, гдѣ 18-тысячная армія Русскихъ на голову разбила 60-тысячный Анатолійскій корпусъ, составленный изъ отборныхъ Турецкихъ войскъ. Но побѣдителей не судятъ.

У Т у р о в ь .

На правомъ флангѣ:

42 бат.

9—10 батарей.

6 штуцеровъ,

2 баталіона, 4 полка кавалеріи.

16 п. кавалеріи,

Въ центрѣ:

84 орудія,

18—20 бат.

14 тыс. башибузуковъ.

2 батарей, одна 18 ор.

8 полковъ кавалеріи.

На лѣв. флангѣ:

14—16 батарей.

3 баталіона, 4 полка кавалеріи и башибузуковъ.

П о т е р и н а ш и.

	Ген.	Ш.-оф.	Об.-оф.	н. ч.
Убито	—	4	17	568
Ранено	1	9	70	1831
Контужено	1	9	29	444
	2	22	116	2843

У т у р о в ъ.

Убито . . . . . 2870.

Въ плѣну:	Ш.-оф.	Об.-оф.	н. ч.
	2	84	1932

Выпущено снарядовъ:

ракетъ	Изъ единороговъ:		Изъ пушекъ:		Итого.
	гранатъ	картечи	ядеръ	картечи	
128	958	160	1467	759	3344

ЦАРЕВНА ТЕОДОСИЯ ТЕОДОРОВНА.

1592—1594 гг.

„Государство къ государству не примѣняется: Великаго Государя нашего государство своимъ обычаемъ, а государя вашего государство своимъ обычаемъ“.

Стат. Спис. Григорія Нащокина.

„Устрой у себя, Царь, греческое училище, какъ живу ю искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости грозитъ изсякнуть до основанія“.

Мелетій Пигасть — Царю Теодору Ивановичу въ 1593 г.

---

15 мая 1591 г. совершилось въ Угличѣ извѣстное событіе и вслѣдъ за тѣмъ прибылъ въ Ярославль къ англичанину Горсею Аванасій Нагой. Тогда весь городъ заговорилъ о смерти Царевича Дмитрія и называли Годунова виновникомъ несчастія ¹⁾. Слухъ о сообщничествѣ Годунова съ быстротою молніи распространился повсюду. Крутыя мѣры правительства не помогли. Судь надъ Нагими и ссылка ихъ, удаленіе Царицы Маріи въ монастырь на Выксу только усилили подозрѣніе. Отнынѣ, чтобы ни дѣлалъ Годуновъ, какъ бы ни старался онъ заслужить добрую о себѣ память, все было напрасно. Неумолимо преслѣдовала его глухая молва, что

---

¹⁾ Horsay. Travels въ изданіи Bond'a.

онъ виновникъ пролитой въ Угличѣ крови. „Егда же,—говорить лѣтописецъ, — Борисъ прослыша про себя въ народѣ ропоть о убіеніи Царевича Димитрія — прискорбенъ бысть“ ¹⁾. Что оставалось дѣлать Годунову, опутанному въ подозрѣніи, отъ котораго уже не отдѣлаться ему во всю жизнь? Тогда— „прискорбенъ бысть“. И это чувство тяготѣло надъ нимъ до того роковаго дня, когда появилась тѣнь Угличскаго ребенка. И тогда, говоритъ лѣтописецъ, „Царь Борисъ ужастенъ бысть“ ²⁾.

Событія, послѣдовавшія за 15 мая 1591 г., всѣ объяснялись тайными дѣйствіями Годунова. Въ Москвѣ пожары смѣняются пожарами, молва винитъ Годунова. *Les nouvelles engendrent diverses pensées, l'on en murmureit* ³⁾... „Повелѣніемъ Годунова бысть пожаръ той“ ⁴⁾. Тогда же внезапно появляется подъ Москвою Крымскій Ханъ. Онъ уже на Пахрѣ и тревожно собирается рать. Годуновъ выказываетъ усиленную дѣятельность. Царь Феодоръ съ Кремлевскихъ стѣнъ видитъ татарскую силу, но онъ спокоенъ и твердъ въ своемъ упованіи на милость Божію, и примѣръ его успокаиваетъ воеводъ. Скоро однако дрогнула вся сила татарская и ушла обратно въ свои предѣлы. Что же остается въ итогѣ? Новое подозрѣніе на Годунова. Это онъ, говорятъ, привлекъ татаръ къ Москвѣ, чтобы отвлечь вниманіе отъ Угличскаго дѣла.

„Въ томъ же году сгорѣла большая часть Москвы, при содѣйствіи Бориса,—какъ говорили многіе“ ⁵⁾. Въ томъ же году, при содѣйствіи Бориса, какъ говорили многіе, явился въ Москву Ханъ татарскій, „дабы не было разслѣдованія о смерти Димитрія“.

Правительство старается всячески себя оградить и находитъ нужнымъ отправить посольство въ Литву. Послу Данилѣ Исленьеву даны подробныя наставленія.

„А будетъ кто молыть про зажигальниковъ ⁶⁾, что у нихъ тѣ слухи, будто зажигали Годуновыхъ люди, и Данилу говорити:

¹⁾ Лѣт. Ник.

²⁾ Ibid.

³⁾ Margeret.

⁴⁾ Степенная книга Латухина. Карамзинъ, т. X, стр. 250.

⁵⁾ Арс. Элассонскій. Записки, изд. Проф. Дмитриевскаго.

⁶⁾ Статейный Списокъ. Посольство Давиды Исленьева. Дѣло Моск. Арх. Минист. Пн. Д.

то нѣхто воръ бездѣльникъ сказывалъ, затѣвъ напрасно. Годуновы бояре именитые, великіе, а Борисъ Теодоровичъ Годуновъ тотъ начальной человѣкъ въ землѣ“.

„Вся земля отъ Государя ему приказана, а строеніе его въ землѣ таково, каково николи не бывало, какъ въ служилыхъ людехъ, такъ и въ торговыхъ, такъ и въ черныхъ; никто большой ни сильной никакова человѣка, ни худого сиротки, не избидить, и строеніе во всемъ; какъ города каменные на Москвѣ и въ Астрахани подѣлалъ, такъ всякое украшеніе многое устроилъ по всемъ городамъ, на Москвѣ, и по всемъ по большимъ государствамъ; такъ то учинилъ, у Государя печалуясь, что искони въ Московскомъ государствѣ не бывало; что ни есть земель всего государства, все сохи въ торханахъ учинилъ во льготѣ, даней никакихъ не емлютъ, ни посохъ, ни къ какому дѣлу, а городовые дѣла всякіе дѣлаютъ ис казны наймомъ, а плотниковъ устроено больше тысячи человѣкъ, да тѣхъ по всемъ городамъ и посылаютъ. И много того строенія и промысла Бориса Теодоровича, чего и переписать и переговорить не умѣтъ, какіе прибытки и легости починилъ, по Государеву приказу, слуга и конюшей бояринъ и воевода дворовой Борисъ Теодоровичъ Годуновъ подѣлалъ, а лихому человѣку воля что затѣвать, да только Богъ имъ не попуститъ, что на такихъ изводить. У Бориса Теодоровича обычай таковъ: хоти въ маломъ въ чемъ на брата или на племянника на его хто побьетъ челомъ, и Борисъ Теодоровичъ тотъ часъ и безъ суда своего, хоти передъ сиротинкою, обинеть и доправить велить безъ суда; таковъ Борисъ Теодоровичъ судъ праведной ввелъ, что отнюдь никтобъ никого не избидилъ“.

По поводу пожаровъ Исленьеву приказано говорить такъ: „а нечто учнутъ спрашивать про пожары Московскіе и про зажигальниковъ, и Данилу говорити: мнѣ въ то время на Москвѣ быти нелучилось, былъ на Государевой службѣ, а то поворовали мужики воры и *Нашихъ—Авонася съ братьею—люди*; то на Москвѣ сыскано, да еще тому дѣлу сыскному приговоръ не учиненъ, да то дѣло рядовое, что воръ своровалъ, и тому казнь будетъ, а безъ вора ни въ которомъ государствѣ не живетъ“¹⁾.

¹⁾ Ibid.

Насколько обстоятельно собрано здѣсь все, что должно клониться къ чести Годунова, настолько кратко и обрывисто дальнѣйшее объясненіе и притомъ по пункту самому щекотливому.

„А нѣчто учнутъ спрашивать о князѣ Дмитреѣ Углицкомъ, какимъ обычаемъ его не стало, и Данилу говорити: князя Дмитрея не стало судомъ Божиимъ, а былъ боленъ чернымъ недугомъ; таково было его приращенье; еще смала была на немъ та болѣзнь, а вѣтъ всякій человѣкъ не безсмертенъ“¹⁾.

Не обличаетъ ли эта странная послѣдняя фраза, что дѣло не спроста, — что въ немъ кроется что то недосказанное?

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 10-го пишетъ Горсей изъ Ярославля лорду Бурлею: „19-го числа несчастіе приключилось съ молодымъ княземъ девяти лѣтъ, сыномъ стараго Царя и братомъ нынѣшнему: онъ былъ жестоко и измѣннически убитъ; ему горло перерѣзали, въ присутствіи его дорогой матери Царицы; притомъ много сему подобныхъ поразительныхъ обстоятельствъ, о которыхъ я не смѣю писать, ибо оно столько тяжко, какъ возмутительно и опасно. Изъ за чего явились такія смуты и возмущенія, которыя причинили застой въ дѣлахъ Ея Величества“²⁾.

Когда посольство Исленьева отправлялось въ Литву, тамъ уже находился намѣстникъ Суздальскій Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ-Морозовъ съ товарищемъ, думнымъ дворяниномъ Игнатіемъ Петровичемъ Татищевымъ, и дьякомъ Постникомъ-Дмитріевымъ.

Данилѣ Исленьеву даны были отъ Годунова письма: „Хриштофу Радивилу двѣ грамоты да поминковъ аргамакъ съ нарядомъ, да два верблюда, да х канцлеру к Польскому въ Яну Замойскому грамоту, да аргамакъ въ нарядѣ, да два верблюда, да х канцлеру Литовскому ко Льву Сапѣгѣ грамоту, да поминковъ аргамакъ да верблюдъ“³⁾.

Цѣль посольства — разъяснить крымскія дѣла по поводу недавняго вторженія хана и вступить въ соглашеніе съ Польскимъ Королемъ противъ „татаръ“.

Радивилу, Замойскому и Сапѣгѣ посланы грамоты Годунова

1) Стат. Список. Пос. Исленьева. Дѣл. Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣл.

2) Horsay. Travels въ наданіи Вонга.

3) Ст. Список. Пос. Исленьева.

одного и того же содержания, только Радивилу послана еще другая грамота по дѣлу литовскихъ торговыхъ людей, которые оставались въ Москвѣ послѣ послѣдняго посольства (братьевъ Война). Эти торговые люди въ Дорогобужѣ имѣли свалку съ Царскими людьми, но Годуновъ желаетъ дѣло это замаять, чтобы не портить отношеній.

Въ своихъ грамотахъ Замойскому, Радивилу и Салтѣгѣ Годуновъ говоритъ о посылаемыхъ имъ поминкахъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что эти лица, знавшія о прибытіи Исленьева, словно избѣгаютъ съ нимъ встрѣчи. Повидимому, Исленьеву грозила та-же участь, что и посольству М. Г. Салтыкова, котораго все содержали въ Литвѣ и не давали ему возможности представиться Королю. Отчасти объясняется это смутнымъ положеніемъ внутреннихъ дѣлъ Польши и Литвы, какъ разъ въ 1591 году. Все это весьма ясно выражено въ статейномъ спискѣ Исленьева.

Вопросъ, предвидѣнный въ наказѣ Исленьеву, дѣйствительно былъ предложенъ приставомъ, но при томъ не совсѣмъ такъ, какъ предполагало Московское Правительство. „Да спрашивалъ приставъ Данилу про внязя Дмитрея про Углетцаго, которымъ обычаемъ ему смерть сталась? А мы де слышали, что его убили, и что де сдѣлали тому человѣку, кто его убилъ?“¹⁾

Какъ видимъ, предположеніе объ убійствѣ пущено въ Литвѣ, но по такому мнѣнію убійца одинъ человѣкъ, а не нѣсколько лицъ, какъ говорили наши.

Строго придерживаясь наказа, Исленьевъ отвѣчалъ извѣстными словами съ страннымъ окончаніемъ: „а вѣдь всякій человѣкъ не безсмертенъ!“ Спросили и о пожарахъ въ Москвѣ, и на это послѣдовалъ извѣстный отвѣтъ и указанія на Нагихъ— „Аеонасія съ братією“—и съ такимъ разсужденіемъ въ концѣ: „а безъ вора ни въ которомъ государствѣ не живется“. Выслушавъ жалобу Исленьева на буйство въ Дорогобужѣ, писарь Григорій сказалъ: „то де можетъ быть, наши де люди задорчивы“²⁾.

Изъ Минска Исленьевъ отправилъ грамоту въ Смоленскъ къ Д. Олябьеву „з греческими старцы“³⁾.

¹⁾ Пос. Исленьева.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

Какъ разъ въ 1591 году прибылъ въ Москву Діонисій Палеологъ, митрополитъ Тырновскій (въ іюнь 1591 г.) и привезъ Царю Феодору Ивановичу соборную грамоту объ утвержденіи патріаршества въ Россіи, — за подписью патріарховъ Константинопольскаго, Антиохійскаго, Іерусалимскаго, множества митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, — вмѣстѣ съ мощами и съ двумя коронами для Царя и Царицы; недоставало только одной подписи Александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса.

Діонисій Палеологъ съ своей греческой свитой появляется въ самый разгаръ толковъ по поводу Угличскаго событія 15 мая.

Онъ привезъ Царю грамоту, начинающуюся такъ:

„Благовѣрному и Тихомірному, Богомъ почтенному, святому Царю нашему и Самодержцу всея Россіи, Московскому, Казанскому, Астраханскому, Новгородскому и иныхъ. Православный Царь, Господинъ Феодоръ Іоанновичъ! Я смиренный митрополитъ Діонисій Тырновскій и Ларигій, Кантакузиновъ и Палеологъ и пріятель отъ патріарха и собора, меньшій рабъ святыя державы царства твоего, припадаю на колѣни и челомъ бью Величеству твоему и молю Христа Бога, да умножить державу твою и укрѣпитъ царство твое и учинитъ тебя свыше всѣхъ царей земныхъ. Аминь“. Далѣе слѣдуетъ суть грамоты: „исповѣдую державѣ твоей мое пришествіе, говоритъ Діонисій (рѣчь идетъ о признаніи Московскаго патріаршества), да будетъ на Москвѣ пятый патріархъ, подъ Іерусалискимъ и у Кіевскаго митрополита, чтобы именовался патріархомъ“¹⁾.

20 іюня 1591 г., всего черезъ мѣсяць послѣ Угличскаго событія, являлъ Діонисія и спутниковъ его въ Москвѣ Андрей Щелкаловъ. Архимандритъ Св. горы и Св. гроба и митрополитъ Діонисій привезъ Царю благословеніе и при этомъ сказалъ отъ лица Вселенскаго: „смирненіе наше собственными очами видѣли и порадовались благодати, величеству и распространенію, данному отъ Бога сему Царствію, ибо одинъ только на землѣ нынѣ Царь великій православный и не пристойно было бы не учинить воли его“.

„Когда же смирненіе наше пришли къ престолу въ Константинь градъ и объявили сіе дѣло, думу и прошеніе благовѣрнаго

¹⁾ А. Муравьевъ. Сп. Россіи съ Вост., ч. I.

Государя явственно прочимъ достохвальнымъ св. патріархамъ, оно показалось имъ любо и благословенно“.

Грамоту сію подписали патріархи: Вселенскій Іереміа, Антіохійскій Іоакимъ, Іерусалимскій Софроній, бывшіе на соборѣ 42 митрополита, 19 архіепископовъ и 20 епископовъ. Недостають только одной подписи: Александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса!

Понятно, что согласіе это было вынужденное. Оно и не скрывается. Понятно, что и въ Россіи далеко не всё сочувствовали патріаршеству, и пока Діонисій Палеологъ чрезъ посредство Андрея Щелкалова являлся Царю, другой Діонисій — „великій грамматикъ“ и сверженный митрополитъ — томился въ невольномъ затворѣ Хутынскаго монастыря. Конечно, онъ во главѣ всѣхъ недовольныхъ у насъ, какъ на Востокѣ во главѣ всѣхъ недовольныхъ стоялъ Мелетій Пигасъ. Отсюда естественно сближеніе между ихъ приверженцами и посредствующими лицами, между коими являлся, силою своего положенія и по значенію своему, думный дьякъ Андрей Щелкаловъ.

Еще въ 1591 году Мелетій Пигасъ писалъ патріарху Іереміи изъ Египта: „Знаю, что ты досадуешь дѣлу о возведеніи въ патріаршество Московской митрополіи“. Высказавъ свой взглядъ на это дѣло и сожалѣніе, что его словесныя и письменныя заявленія по этому дѣлу не принимаются Іереміей и только гнѣвятъ его, что поэтому онъ прекращаетъ свои заявленія, Мелетій заключаетъ: „молюсь, да будетъ милостивъ къ вамъ Господь Богъ и да даруетъ Онъ намъ сойтись другъ съ другомъ и насладиться благоуханіемъ розъ духовнаго дружелюбія, какъ испытали мы прикосновенія розовыхъ колючекъ“.

Не сочувствуя Московскому патріаршеству, Мелетій Пигасъ, однако, силою обстоятельствъ, не только примиряется съ нимъ, но и пишетъ Царю Ѳеодору знаменательное письмо, кончающееся слѣдующими словами: „устрой у себя, Царь, греческое училище, какъ живую искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости грозитъ изсякнуть до основанія“¹⁾.

Вопросъ о патріарствѣ, и безъ того жгучій, разрѣшается въ то самое время, когда страсти разгораются, въ виду только что

¹⁾ И. Малышевскій. Пат. Мелетій Пигасъ, ч. II, стр. 10.

совершившагося событія въ Угличѣ (15 мая 1591 г.). Появленіе какъ разъ въ это время греческаго элемента связываетъ его и впредь (помимо другихъ причинъ) съ судьбою Царевича Угличскаго и съ семьею его. Неудовольствіе среди духовенства окрашивается кровавыми пятнами Угличскаго разгрома. Давно ослабѣвшій союзъ Андрея Щелкалова съ Борисомъ Годуновымъ, послѣ 1587 года обостряется, а послѣ 1591 переходитъ во вражду.

Но возвратимся къ посольству Данилы Исленьева. Ясно было высказано послу относительно Льва Сапѣги: „воевода де Виленскій и канцлеръ Левъ Сапѣга нынѣ у себя въ имѣньяхъ, а у Короля де имъ не быть, и тебѣ де воеводы и канцлера Льва самому видѣть негдѣ“. Эти слова повторяются и въ другой разъ „и тебя де они посылаютъ отпраковать подканцлера Габріела Войну¹⁾, и тебѣ де повидѣть ихъ негдѣ“.

Исленьевъ настаивалъ, говоря, что у него есть къ посламъ наказъ „тайной“.

„Пріѣзжали къ Исленьеву въ королевскомъ селѣ въ Воронежъ Золотой Квашнинъ да Семейка Крыжинъ (жившій въ Литвѣ) и ѣхали съ Даниломъ до имѣнія доктора королевскаго Буцеля, до села Воротицы, —отъ Вороновъ 35-ть верстъ,—и съ Даниломъ ночевали“.

Посолъ нашъ воспользовался ими для допросовъ, и вотъ что узналъ онъ отъ нихъ. На вопросъ, почему не допускаютъ къ Королю М. Г. Салтыкова съ товарищами, они сказали: „вѣдаешь де самъ, что въ Польшѣ и въ Литвѣ самовольство, паны де межъ собой не згодятца и съѣзду не учинятъ, а канцлеръ де Янъ Замойскій разгнѣвался на Короля да 6 недѣль къ Королю не ѣздилъ и едва де ихъ паны поеднали“. Далѣе говорили о предполагаемой свадьбѣ Сигизмунда на нѣмкѣ: „и учинилось де въ Краковѣ повѣтріе, и Король де изъ Кракова выбѣжалъ, а нынѣ заперся въ городкѣ въ Вислицѣ и никакого чловѣка къ себѣ не пустить, а Королева де уткла изъ Аршева только сама десята“²⁾.

Прибылъ къ Исленьеву другой гонецъ и служебникъ князя Михаила Вишневецкаго, Матвѣй Семежковъ. Онъ говорилъ о дѣй-

¹⁾ Братья Войны вліятельные сторонники сближенія съ Россією. Габріель Война—подканцлеръ Литовскій. Его единомышленники Воловичи.

²⁾ Пос. Исленьева.

ствилхъ Вишневецкаго и Януша Зборажскаго (свойственника князя Мстиславскаго) противъ татаръ.

„12 октября приходилъ къ Исленьеву Псковитинъ Юрьевъ, сынъ Желѣзникова, Иванъ, а сказался, что его взяли подъ Псковомъ (при Баторіѣ), а нынѣ онъ хочетъ ѣхать къ Государю къ Москвѣ“. Исленьевъ отвѣтилъ, чтобы „онъ Государю послужилъ, что вѣдаетъ вѣстей, и онъ бы ему сказалъ, а какъ къ Москвѣ пріѣдетъ, и Государь его пожалуетъ великимъ жалованьемъ“. Желѣзниковъ сообщилъ о свадьбѣ Короля: „и паны де рада то свѣдали и женитца Жигимонту Королю у Максимилиана не дадутъ и ни въ чемъ ему не вѣрятъ“.

22 октября прибылъ къ Исленьеву еще гонецъ—служебникъ Новгородъ-Сѣверскаго воеводы Феодора Скумина—Москвитинъ Исакъ Дуровъ—и сказалъ слѣдующее: „взяли де его въ полонъ подъ Невлемъ и нынѣ онъ хочетъ ѣхать къ Государю къ Москвѣ“. И ему сказано тоже, что и Желѣзникову, чтобы онъ Государю послужилъ: „что вѣдаетъ вѣстей, и онъ бы ему сказалъ“. Служебникъ Скумина ¹⁾ сообщилъ ему: „паны де рада Жигимонту Королю отказали (въ помощи Свейскому Королю), полно де тебѣ и своей земли оборонять, и людей де Свейскому Ягану Королю въ наемъ не поступились“ ²⁾.

О положеніи М. Г. Салтыкова съ товарищами онъ говорилъ. „какъ де пришли сперва Государевы послы, и Польскіе де паны з Государемъ миру не хотѣли, а Литовскіе де паны з Государемъ миру хотѣли, и между пановъ была рознь, и Литовскіе де паны отъ Польши мало и не отложились, а хотѣли де посылать къ Государю, Царю и Великому Князю бить челомъ, чтобы Государь ихъ взялъ подъ свою руку, а нынѣ всѣ ужъ и Польскіе послы з Государемъ миру хотятъ, а *Короля де Жигимонта не любятъ объма землями* и женитца ему у Цезарева брата у Максимилиана не дадутъ, а стоитъ де за Короля одна Королева, а какъ де Королева умретъ, и впередъ де чаятъ обѣ земли—Польская и Литовская—будутъ подъ Государевою рукою“ ³⁾.

¹⁾ Скуминъ-Тышкевичъ, православный, также сторовникъ русскаго сближенія и вліятельный членъ литовской рады.

²⁾ Пос. Исленьева.

³⁾ Ibid.

Какъ не были упрямы съ польской стороны, но Д. Исленьевъ ихъ переупрямилъ. Онъ и слышать не хотѣлъ о возвратѣ безъ свиданія съ Королемъ, чего наконецъ и добился. Ему было объявлено, что Король назначилъ ему пріемъ, „а быть ему у Короля въ городкѣ Яновцѣ за Вислою рѣкою“. Пріемъ состоялся 27 ноября.

Во время королевскаго пріема находились и по правую руку Короля сидѣли: воевода краковскій Өирлей, панъ виленскій Янъ Кошка, воевода сендомирскій Юрій Мнишекъ, воевода равскій Станиславъ Костомскій. По лѣвую сидѣли: воевода березійскій Хриштафъ Зиповичъ, канцлеръ В. К. Литовскаго Левъ Сапѣга, подканцлеръ Короля Польскаго князь Янъ Тарновскій, подканцлеръ великаго княжества Литовскаго Габріель Война, подскарбій Короля Польскаго Янъ Өирлей, писари Ерощъ Воловичъ да Матвѣй Война.

Въ тотъ же день произошла встрѣча Исленьева съ М. Г. Салтыковымъ. „Того же дни пришли въ Каземеровъ (въ 5 верстахъ отъ Яновца) Государевы послы Михаилъ Глѣбовичъ съ товарищи, и Данило былъ у пословъ въ ночи тайно и наказъ Государевъ тайно посломъ отдалъ“. Салтыковъ съ товарищами выѣхалъ изъ Москвы до 15 мая 1591 года. Было о чемъ Исленьеву съ нимъ говорить, было что и рассказать.

„И пошелъ Данило изъ Казимерова Декабря въ 9 день зъ Государевыми послы вмѣстѣ“¹⁾).

Крымскія дѣла, о которыхъ была рѣчь у короля Сигизмунда, очень озабочивали Московское Правительство. Оно понимало, что татары не двинутся безъ одобренія Турецкаго султана. Оно знало, что казачество на югѣ являлось грознымъ врагомъ Турціи. Съ вѣдома и безъ вѣдома Москвы, казачество постоянными набѣдами тревожило сѣверный берегъ Чернаго моря. Запорожцы тѣснили землю Волошскую, Донскіе казаки напирали на Азовъ и Тавриду. Турція отвѣчала на набѣги казаковъ набѣгами крымской орды. Такова была неизбѣжная игра политики русской и турецкой. Сношенія наши съ Персією только усиливали подозрительность Турціи. Послѣднее появленіе татаръ подъ стѣнами Москвы было уже черезчуръ вызывательно. Необходимо было упорядочить и наши сношенія, тѣмъ болѣе, что послѣ 1591 года сильно озабочены были

¹⁾ Посольство Исленьева.

скрѣпленіемъ дружественныхъ сношеній тамъ, гдѣ они поколебались. Особенная забота была приложена къ улучшенію сношеній съ Англією, что и было удачно достигнуто. Обостреніе, достигшее полнаго развитія въ 1591 г. ¹⁾, теперь сгладилось. Литва, казачество—вотъ безпокойные элементы, на которые обращено особенное вниманіе Правительства, но эти элементы столько же внѣшніе, сколько и внутренніе. Мы видимъ сплошь да рядомъ Литву и казаковъ на нашей службѣ, на отдаленныхъ сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ, а гдѣ Литва и казачество—тамъ нерѣдко тайныя нити съ Угличемъ. Такъ, въ 1591 году, казаки и Литва съ паномъ Кобыльскимъ на Сѣверной Двинѣ. Правительство особенно теперъ озабочено, чтобы внѣшнія осложненія не мѣшали внутренней тревожной работѣ разбора Угличскаго дѣла и затиранія слѣдовъ событія, такъ недавно еще всколебавшаго домашній миръ Царской семьи.

Царь Феодоръ, переживъ въ 1591 году тяжкое Угличское испытаніе, былъ въ томъ же 1591 году награжденъ неожиданнымъ для него благополучіемъ, не только семейною, но и всероссійскою радостію. Царица Ирина забеременила, а въ слѣдующемъ 1592 году родила дочь, Царевну Феодосію.

Рожденіе Царевны Феодосіи было великою радостію для Царя Феодора и для Царицы Ирины.

Іюня въ 14 день крестилъ Государь дочь свою Царевну Феодосію въ Чудовѣ монастырѣ. Въ тотъ день обѣдали у него въ Грановитой палатѣ святители, бояре и царедворцы безъ мѣсть. Тогда „посла въ Іерусалимъ и во всю Палестинскую землю со многою милостынею“ ²⁾. Трифонъ Коробейниковъ и Михаилъ Огарковъ ѣздили къ патриархамъ Греческимъ съ даромъ пяти тысячъ 534 золотыхъ угорскихъ, 3 зол. португальскихъ (изъ коихъ каждый стоилъ 10 червонцевъ), сверхъ множества соболей, куницъ и пр. ³⁾.

„Въ лѣто 7100 (1592) въ маѣ мѣсяцѣ, 26 числа индиктіона, у благочестивѣйшаго нашего великаго Царя Феодора Ивановича всея великія Россіи и пр. родилась дочь Царевна Феодосія и была вели-

¹⁾ Толстой. Россія и Англія.

²⁾ Карамзинъ, т. X, пр. 276,

³⁾ Карамз. т. X, пр. 276. Ср. Древн. Росс. Вивліюв. XII, 425.

кая радость: онъ освободилъ узниковъ, возвратилъ находящихся въ ссылкѣ и, прощае сказать, всѣхъ алчущихъ накормилъ, нуждающихся обогатилъ“. Таковъ отзывъ Арсенія Элассонскаго. Къ сожалѣнію, напечатаны только черновыя записки его съ Сумелійской рукописи, подлинныя же записки Арсенія еще подъ спудомъ и онѣ по содержанию своему превосходятъ значительною полнотою напечатанную копию ихъ. Такъ, въ Сумелійской рукописи совершенно отсутствуетъ обстоятельный рассказъ архіепископа Арсенія о рожденіи въ 1592 году у Царя Феодора дочери Феодосіи, о великой радости во дворцѣ и большихъ милостяхъ по этому случаю, явленныхъ Государемъ народу ¹⁾.

Діонисій Палеологъ, въ Февралѣ 1592 года, поѣхалъ обратно.

Царевну же Феодосію крестилъ Галичанинъ, Троицкой Лавры старецъ Варсонофій Якимовъ—лицо приближенное Царю Феодору и Годуновымъ. „Лѣта 7100 (1592) далъ вкладу въ домъ Живоначальныя Троицы старецъ Варсонофій Якимовъ, что его пожаловалъ Государь, Царь и Великій Князь Феодоръ Ивановичъ и Государыня Благовѣрная Царица Ирина, какъ старецъ Варсонофій крестилъ Государыню Царевну, Великую Княжну Феодосію, и далъ Государеву жалованье въ казну сто рублевъ денегъ, да сорокъ соболей, да камку, да бархатъ, да объяри на сто рублевъ же, и всего вкладу далъ старецъ Варсонофій Государскаго жалованья двѣсти рублевъ. Кормити по немъ съ году на годъ, съ селомъ Медвѣдковымъ вмѣстѣ, покамѣсть сія святая обитель стоитъ“ ²⁾.

Кромѣ того въ томъ же 1592 году Царь „пожаловалъ соборнаго старца Варсонофія Якимова въ Муромскомъ уѣздѣ озеромъ Вахромъ... и велѣлъ ему строити въ Хороховскомъ уѣздѣ пустынь, а въ ней храмъ,.. что поставилъ Сергій Чудотворецъ самъ, идучи изъ Новгорода изъ Нижняго, какъ посылалъ Сергія Чудотворца прадѣдъ

¹⁾ Зап. Арс. Элассонскаго. Изданіе проф. Дмитріевскаго.

О себѣ Арсеній говоритъ, по поводу отъѣзда патріарха Іереміи изъ Москвы: „Царь позволилъ Вселепскому патріарху п его свитѣ отправиться во свояси, оставивши здѣсь смиреннаго Арх. Элассонскаго, киръ Арсенія, который, будучи въ великомъ почетѣ у Царя, послѣ въ соборномъ Московскомъ храмѣ всевеликихъ Архангеловъ, близъ дворца, гдѣ находятся гробы Великихъ Князей и Царей, по повелѣнію Царя и патріарха и всего Архіерейскаго чина, сдѣлался дѣйствительнымъ Архіереємъ“.

²⁾ Опис. Троице-Серг. Лавры. Горскаго. Прил.

нашъ В. К. Дмитрій Ив. Донской въ Нижній Новгородъ къ В. К. Борису Константиновичу... Язъ Царь и В. К. Т. И., всея Россіи, съ своею Царицею, В. К. Ириною, для дочери нашей Царевны Теодосіи, соборнаго старца Варсонофія Якимова тѣмъ озеркомъ и заводы пожаловали“¹⁾.

Въ 1592 году послана отъ Царя милостыня на Аѳонъ, съ дьякомъ Конуринымъ, по случаю рожденія Царевны Теодосіи, при извѣстительной грамотѣ, что „по неизрѣченной милости Господа Иисуса Христа и Пресвятыя Богородицы, упованія всѣхъ христіанъ, и молитвами Св. Чудотворцевъ и ради тѣхъ и духовнаго подвига старцевъ Аѳонскихъ, даровалъ Господь Царскаго многорасленнаго корня неувядаемую вѣтвь, плодъ чадородія, великаго Россійскаго царствія Царевну, Великую Княжну Теодосію; посему Государь, премоного благодаря Господа, воздастъ похвалу и ихъ тѣхъ и посылаетъ къ нимъ молебную свою милостыню, дабы они молили Бога и Пресвятую Богородицу, заступницу христіанъ, и небесныхъ безплотныхъ силъ и всѣхъ святыхъ, угодившихъ Богу, о здравіи его и Царицы и богодарованной дочери, дабы и впредь даровалъ Богъ имъ чадородіе, и многорасленная вѣтвь Царская произвела бы въ надежду великимъ государствамъ Россійскаго Царствія, всѣмъ Христіанскимъ государствамъ святой нашей Греческой вѣры, на одолѣніе враговъ и на устроеніе мира“²⁾...

Всего Государевой милостыни въ Царьградѣ и Галатѣ ко всѣмъ сорока шести церквамъ роздано сто девяносто девять золотыхъ, да тамъ же дано пять золотыхъ архимандриту Іонѣ, духовнику патріарха Александрійскаго, и два золотыхъ двумъ его дьяконамъ. Въ Царьградѣ же дано Александрійскому патріарху Мелетію (Пигасу) 300 золотыхъ, да два сорока соболей и, сверхъ онаго, дано 220 золотыхъ, которые велѣно раздавать въ милостыню по росписи. Щедрія поминки направлены и въ другія патріархіи³⁾.

Послѣ сего, говоритъ Муравьевъ, на разстояніи 10 лѣтъ не видно по дѣламъ архива никакихъ сношеній съ Востокомъ, хотя,

¹⁾ Архив. Мин. Юст. Грам. Колл. Экон. Грамота Ц. Теодора подтверждена В. Шуйскимъ 1606 года 31 Августа.

²⁾ А. Муравьевъ. Сношеніе Россіи съ Вост. по д. Церк., ч. I, с. 277.

³⁾ А. Муравьевъ. Сношеніе Россіи съ Вост., ч. I.

безъ сомнѣнія, они были, но дѣла утрачены, и только въ 1603 году являются опять двѣ жалованныя грамоты уже Бориса Годунова.

Пробѣлъ весьма прискорбный, но и подозрительный. Дѣйствительно ли все исчезло между 1594—1603 гг.?

Въ Январѣ 1593 г. Борисъ Годуновъ пишетъ Королевѣ Англійской Елизаветѣ: „всепресвѣтлѣйшая Королева Елизавета Англійская, Французская и Ирландская. Угодно было твоему В-ву написать ко мнѣ милостивое твое государское письмо съ твоимъ слугою Фомою Линдомъ, которое письмо и получилъ со всякимъ смиреніемъ. Въ бытность твоего гонца Фомы Линда здѣсь въ Москвѣ, Богу угодно было, по Его милосердію и по молитвамъ Госпожи нашей, Божіей Матери, и всѣхъ святыхъ, и Государя и Царя Феодора Ивановича, всея Россіи Самодержца, православнаго исповѣдника и любителя Христа, ниспослать Царицѣ нашей и милостивой Государынѣ Иринѣ, къ великой радости и утѣхѣ царства нашего, Княжну, нарицаемую Феодосіей. За что мы воздали всякую честь и славу Всемогущему Богу неизреченному, Коего дары были для насъ обильны милостями, за нихъ же мы всѣ христіане хвалимъ и чествуемъ Бога“¹⁾.

Привѣтствуетъ Царя съ рожденіемъ дочери Александрійскій патріархъ Мелетій и пишетъ:

„Да даруетъ Христосъ и твоей державѣ, Царь, также и благочестивѣйшей Августѣ Иринѣ и богодарованной Феодосіи съ многолѣтіемъ счастливые круги жизни. Да дастъ тебѣ Господь отъ чрева твоего на престолѣ твоемъ преемника твоего царства и твоего благочестія и другихъ добродѣтелей.

Да сохранить Господь твое царство несокрушимымъ, неуязвимымъ и пребывающимъ во вѣки, какъ многовѣтвистый виноградъ, какъ многоплодную маслину. Аминь. 1593“²⁾.

Письмо это отправлено съ духовникомъ, киръ Неофитомъ, и съ чтецомъ, киръ Іосафомъ.

Если стать на точку зрѣнія недоброжелателей Годунова, то слѣдуетъ допустить, что правитель, только что удалившій наследника престола, въ личныхъ интересахъ достиженія Царской власти,—теперь—при извѣстіи о беременности Царицы—долженъ

¹⁾ Толстой. Россія и Англія, № 81, стр. 444—445.

²⁾ Малышевскій. Мелетій Пигасъ, ч. II, прил.

быль испытывать глубокую скорбь. Рискованное и трудное дѣло было выполнено 15 Мая 1591 года, но для чего? Чтобы признать въ лицѣ будущей дочери Царя Феодора свою будущую законную Государыню. Путь къ престолу окончательно Годунову прегражденъ. Гдѣ же, однако, признаки такого враждебнаго и завистливаго его отношенія къ сестрѣ, къ Царицѣ Иривѣ, изъ за которой онъ лишился надежды достигнуть желаемаго? Для чего же, напротивъ того, Годуновъ такъ хлопочетъ о докторахъ¹⁾, о повивальной бабкѣ и старается окружить сестру тѣми людьми, къ которымъ онъ имѣлъ всегда „сердечное приложеніе“. Радостное событіе сообщается имъ въ Англію. Почему же не допустить, что рожденіе Царевны Феодосіи—это успокоеніе тревожной думы Годунова, это обезпеченіе его положенія въ будущемъ, обезпеченіе его власти. Имя Царевича Дмитрія теперь отходило на второй планъ, гдѣ бы онъ ни былъ,—лежалъ ли онъ въ сырой землѣ города Углича, въ забытой могилѣ, или тѣнью скрывался невѣдомо гдѣ, подростая послушнымъ орудіемъ невѣдомыхъ людей... Рожденіе ребенка у Царя Феодора—это разрѣшеніе всѣхъ тревожныхъ вопросовъ, это удовлетвореніе оскорбленнаго чувства женщины, испытавшей униженіе въ попыткѣ быть отринутой „неплодія ради“ (1587 г.),—это свѣтлая радость для благочестиваго Государя, „отъ поста возсіявшаго“ Царя Феодора!

Мы сказали „забытая могила“ Царевича Дмитрія въ Угличѣ. Да и какъ же назвать ее иначе, когда она нивѣмъ не посѣщается, когда ни единого раза Царь Феодоръ не пожелалъ поклониться праху оплаканнаго брата, когда не видно никакихъ его заботъ о памятникѣ Царевичу, о надгробной его плитѣ, какъ нѣтъ ни владовъ, ни кормовъ на поминъ его души!.. Царь Феодоръ не посѣщаетъ Углича даже въ 1597 году, во время торжественнаго прославленія мощей Св. Князя Романа Угличскаго, когда представлялся, повидимому, особо благопріятный случай поклониться праху погибшаго брата²⁾.

Царевича хоронятъ въ Угличѣ въ 1591 году, а въ 1606-мъ

1) Толстой. Россія и Англія.

2) Фил. Черниговскій. Житія Святыхъ.

уже могилу его съ трудомъ нашли, когда туда отправлялся Митрополитъ Филаретъ ¹⁾.

Въ то самое время, когда правительство продолжало настойчиво выселять жителей многолюднаго Углича, достойныхъ, по словамъ Юва, кары за „великую измѣну“ ²⁾, снаряжается на востокъ чрезвычайное посольство, на которое возложена сложная и двойная задача. Съ одной стороны, вступить въ непосредственныя сношенія съ Оттоманской Портой и въ то-же время съ патріархатомъ, а съ другой — договориться съ казачествомъ, и эта послѣдняя часть была не легкая.

Казачество составляло для правительства силу и оружіе обоюдострыя, весьма полезныя, по заслугамъ Ермака съ товарищи, по распространенію на крайнемъ востокѣ нашихъ владѣній. Въ связи же съ элементами Литовскими, казачество представлялось и силой, внушающей правительству нѣкоторую тревогу. Всѣ элементы неудовольствія находили въ ней главную опору.

Выборъ посла для такого сложнаго порученія представляется весьма важнымъ и мы должны остановиться на его личности. То былъ Григорій Аѳанасьевичъ Нащокинъ, родной братъ строителя Архангельска — Петра Аѳанасьевича Нащокина и печатника Романа Аѳанасьевича Олферьева-Нащокина, связаннаго свойствомъ съ Нагими. Дочь послѣдняго — жена Аѳанасія Нагого.

Нащокины вдвойнѣ въ свойствѣ съ Нагими. Дочь стольника Василя Ивановича Нагого — Марѳа — была женою Бориса Ивановича Нащокина, будущаго Астраханскаго воеводы. На дняхъ найдево ея надгробіе въ Воздвиженской церкви (бывшаго монастыря) въ Москвѣ, съ годомъ ея кончины 1625. Слѣдовательно, Нащокины въ свойствѣ именно съ „опальными Нагими 1584 года“ ³⁾.

Въ товарищи къ Григорію Нащокину приданъ подъячій Андрей Ивановъ, тотъ самый, что служилъ гонцомъ въ 1590 году въ

¹⁾ Рук. Сборникъ Муханова.

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I.

³⁾ Арх. М. Ин. Д. Пос. Григ. Нащокина. Родство Нагихъ вообще должно обратить на себя вниманіе. Весьма цѣнны добытыя свѣдѣнія о второй женѣ кн. Ѳ. И. Мстиславскаго, отецъ которой, какъ оказывается, былъ Иванъ Федоровичъ Нагой, братъ Федора Федоровича, отца Царицы Марѳы. (Кобко: Къ родословію Шереметевыхъ).

Вильну, человекъ знавшій подноготную многихъ событій, предшествовавшихъ 15 Мая 1591 года. Нащочкины воеводствовали на Сѣверѣ: въ Колѣ, на Двинѣ, въ Корелѣ. Возникновеніе Архангельска обязано дѣятельности одного изъ нихъ—Петра Злобы ¹⁾. Они тѣсно связаны съ Сѣверомъ, и тѣмъ знаменательнѣе, что такого сѣвернаго дѣятеля направляютъ въ среду казачества Донскаго и въ Царьградъ. Самъ Григорій Аѳанасьевичъ Нащочкинъ встрѣчалъ когда-то прибывшаго въ Москву Цареградскаго патріарха Іеремію и былъ свидѣтелемъ и въ курсѣ переговоровъ о патріаршествѣ.

„Лѣта 7100, Апрѣля въ 6 день, Государь, Царь и Великій Князь Феодоръ Ивановичъ, всея Русіи, послалъ въ Царьградъ къ Турскому Муратъ султану въ посланникахъ Григорія Аѳанасьевича Нащочкина да подъячаго Ондришу Иванова; велѣно имъ итти на Донковъ, а зъ Донкова Дономъ на Азовъ да на Кафу“ ²⁾. Послы пошли Дономъ 31 Мая. Они взяли съ собою 13 Іюня „въ провожапье шесть человекъ дѣтей боярскихъ, которые посланы съ Петромъ Хрущовымъ, да сотника казачья, а съ нимъ сто человекъ казаковъ Украинскихъ, да Григорья жъ провожали до Азова Донскихъ атамановъ и казаковъ человекъ съ пятсотъ“.

Петръ Хрущовъ уже въ 1592 году, какъ видимъ, служить между казаками отъ лица Московскаго правительства. У него помѣстья въ Калужскомъ и Тульскомъ округѣ и свой домъ въ Тулѣ ³⁾. Это тотъ самый Петръ Хрущовъ, который при царѣ Борисѣ, въ 1604 году, посланъ къ казакамъ и который торжественно переходитъ на сторону тѣни Дмитрія ⁴⁾.

Подъ Азовомъ, въ своемъ шатрѣ, Нащочкинъ принималъ посланцевъ Азовскаго князя съ поклономъ и съ объявленіемъ ему, что дорога до ихъ Государя „чиста“.

Но прежде, чѣмъ говорить о поѣздкѣ Нащочкина въ Царьградъ, мы должны остановиться на сношеніяхъ съ его Донскими казаками.

¹⁾ Моск. Вѣд. 1901.

²⁾ Арх. Мин. Ив. Дѣл. Посольство Нащочкина. Дѣл. Турец. Двор. 1592 — 1594 г. № 3.

³⁾ Писцовыя книги.

⁴⁾ Собр. Гос. Грам. и договор., ч. II.

Приказано было у Григорія Нащокина „въ провожаньѣ быти Петру Хрущову и наказъ данъ ему таковъ“.

„Петру Хрущову итти изъ Донкова въ провожаньѣ съ посланникомъ, а съ нимъ дѣтей боярскихъ 9 человекъ, атамановъ Донскихъ 3 человекъ, да изъ Донкова съ сотникомъ 50 человекъ казаковъ, изъ Раскова съ двумя сотниками 150 казаковъ, всего 212 человекъ, и всѣмъ собраться въ Донковъ“.

Предписано проводить Нащокина „со всякимъ береженьемъ и впередъ себя и позади для береженья ставити дѣтей боярскихъ, и сотниковъ, и атамановъ съ казаки“.

Послана была и грамота на Донъ Донскимъ казакамъ отъ Царя Феодора и Государева жалованья, кромѣ сукна, 200 четв. сухарей, 30 четв. крупъ, 30 четв. толочна.

11 Юня Нащокинъ и Хрущовъ писали Государю: „Гриша Нащокинъ, да Петруша Хрущовъ, да Ондрюшка Ивановъ челомъ бьютъ. Мая 27 дня встрѣтились, Государь, съ нами на Дону усть Цымлыка, до Раздоровъ днѣща за три, верховые казаки—атаманъ Данилко Колмакъ съ товарищи—и сказали: идутъ снизу, а съ ними полочанинъ изъ Азова, сказался Гришка Феодоровъ, Донской казакъ... Того полочанина послали къ тебѣ, Государю, съ Воронежскимъ сотникомъ съ Сыдавынымъ Моринымъ, а казаковъ, Государь, Воронежскихъ всѣхъ отпустили есмя вверхъ въ Воронежю съ усть Цымлы“.

Мая 30-го пишетъ въ другой грамотѣ Нащокинъ: „стали на гостиномъ острову, не дошедъ войска версты съ три“.

„31 Мая, доносилъ Нащокинъ, послали въ войско къ атаманомъ и казакамъ, чтобъ къ намъ прѣехали для твоего Государева дѣла, и они не ѣхали къ намъ три дня и отъ насъ ѣздить не велѣли, а которые, Государь, атаманы посланы къ намъ 3 человекъ—Вишата Васильевъ, Оноха Долгая Пола, Феодоръ Хорошей. И Феодоръ, Государь, Хорошей съ послѣднего стану поѣхалъ отъ насъ тайно къ нимъ въ войско и почалъ стояти съ ними вмѣстѣ, а Вишата Васильевъ ѣздилъ въ войско для твоего Государева дѣла, и въ войску атаманы и казаки хотѣли его въ воду посадить, а онъ у нихъ ушелъ... И Юня въ 4 день были, Государь, у насъ на стану Донскіе атаманы—Семенъ Боейковъ съ товарищи, и съ ними казаковъ человекъ 300 и язъ,

холопъ твой, Гриша говорилъ атаманамъ, чтобъ они съ Азовскими людьми жили въ миру и задору пикоторого не чинили... и насъ бы до Азова проводили, а проводя бь насъ, были съ Петромъ съ Хрущовымъ въ Раздорехъ, въ которомъ мѣстѣ пригоже, и твоимъ Государевымъ дѣломъ промышляли надъ Крымскими и Нагайскими надъ воинскими людьми, и ты, Государь, ихъ пожаловалъ для тое службы—прислалъ къ нимъ свое Государево жалованье—запасъ и селитру и свинець—и грамоты твои Государевы имъ далъ“.

Переговоры затянулись. Казаки добиваются, чтобъ имъ дали Государевъ наказъ, чтобы звать, „что прислано къ нимъ Государева жалованья—суконъ и селитры и свинцу и запасовъ—и по котрые мѣста имъ Государево жалованье—селитра и свинець—прислано“. Имъ отказали, объяснивъ, что „въ томъ наказѣ многіе Государевы дѣла, и имъ наказу просити не пригоже“, и что прислано жалованья, то имъ отдадутъ.

И казаки помогать отказались и говорили: „прежъ сево мы служили Государю, а головъ у насъ не бывало; служивали своими головами и нынѣ де рады Государю служить своими жь головами, а не съ Петромъ (Хрущовымъ)“.

„11 Юня,—писалъ Нащокинъ,—съ моря атаманы и казаки—Василій Жегулинъ съ товарищи—въ войско пришли, и того жь дни были у насъ на стану атаманы Василей Жегулинъ, Иванъ Носъ, Иванъ Федоровъ Трубецкихъ, Василей Кабанъ, Прокофеей Грубчанинъ, а съ ними многіе атаманы и казаки человекъ 600, а пришли наряднымъ дѣломъ съ саблями и съ ружницами и поставили всѣхъ людей у моего Гришкина стану, а къ намъ къ шатришку пришло атамановъ и казаковъ человекъ съ 30 и говорили намъ, чтобъ мы имъ показали твой Государевъ наказъ“. Нащокинъ отказалъ, и они „почали говорить съ великимъ шумомъ: только дс и пе дадите намъ Государева наказу, и намъ съ вами дѣлить все по волосу“.

На всѣ угрозы Нащокинъ отвѣчалъ: „будетъ вы пришли грабить Государевы казны, и въ томъ Государь воленъ, а мы готовы помереть за Государеву казну, и они, Государь, отходя отъ насъ, шумѣли много и, пришедъ, достальную селитру всю и свинець и запасъ твой, Государевъ, взяли силно, да у насъ же въ стану взяли Донскаго атамана Вишату Васильева, который посланъ съ

нами съ Москвы и, бивъ его ослопы передъ нашимъ шатришкомъ, посадили въ воду, а говорятъ, что онъ всему войску измѣнникъ. А вся, Государь, смута сталась отъ атамана отъ Федора Хорошева, который посланъ изъ Донкова, а мы, холопы твои, пошли къ Азову Юня въ 12 день, а атаманы и казаки хотятъ насъ провожать до Азова, и какъ насъ проводятъ, и мы къ тебѣ, Государь, изъ Азова отишемъ“¹⁾).

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, какъ шатри были отношенія правительства къ казачеству, служившему орудіемъ обоюдоострымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы можемъ сдѣлать заключеніе, что дѣла казачія были столько же извѣстны Григорію Нащокину, какъ и Петру Хрущову.

Посольство Нащокина въ Царьградъ въ высшей степени любопытно, но мы по необходимости должны ограничиться только тѣми выписками изъ него, которыя могутъ сколько-нибудь относиться къ Угличскому дѣлу.

Послѣ продолжительныхъ задержекъ въ Кафѣ, прибыли они, наконецъ, въ Царьграду 15 Сентября 1592 года.

Посламъ данъ наказъ: „И какъ, аже дастъ Богъ, пріѣдутъ въ Царьгородъ, и имъ съ митрополитомъ Терновскимъ (Діонисіемъ Палеологомъ) и съ Еремѣемъ съ патриархомъ обослатись тайно, вѣмъ мочно: толмачемъ, или тамошнимъ какимъ человѣкомъ, чтобъ митрополитъ, памятуячи къ себѣ Государево жалованье, съ патриархомъ вмѣстѣ Государю служилъ и салтановыхъ ближнихъ людей на то приводилъ, которые имъ сходительны, чтобъ Государю служили и Муратъ-салтана на всякое добро наводили, чтобъ зъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ салтанъ похотѣлъ быти въ крѣпкой дружбѣ и въ любви... И будетъ патриархъ Іеремѣй и митрополитъ Діонисей учнутъ Государю служити, а учнутъ будетъ у нихъ списка зъ грамоты зъ Государевы просити, какова послана к салтану, чтобъ имъ вѣдати Государево дѣло, чѣмъ промышлять,—и Григорью и Ондрѣю списокъ зъ Государевы грамоты, каковъ съ ними посланъ къ салтану, патриарху и митрополиту дати, а ото-слати къ нему тайно съ толмачемъ или съ его человѣкомъ и при-

¹⁾ Посольство Нащокина. Дѣл. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

казати къ нимъ, чтобъ они тотъ списокъ у себя держали тайно, никому не объявляли, а сами, его вычתי, по тому Государевымъ дѣломъ промышляли, а что послано съ ними Государева жалованья ко греченину къ Ивану, который у салтана въ ближнихъ людехъ, и имъ то отослати тайно, съ кѣмъ пригоже, обослався съ митрополитомъ, какъ велить“.

Такимъ образомъ послы должны были вступить въ сношенія съ Греческимъ духовенствомъ: съ патріархомъ Іеремією и съ Тырновскимъ митрополитомъ Діонисіемъ Палеологомъ, только что вернувшимся изъ Россіи, и другими представителями іерархіи.

При этомъ отъ Государя послано было Греческимъ митрополитамъ:

Митрополиту Кессарійскому 40 соболей въ 30 рублей, да 40 соболей въ 10 рублей. Митрополиту Ефескому 40 соболей въ 30 рублей, да 40 соболей въ 10 рублей. Митрополитамъ же по 40 соболей, по 20 рублей сорокъ, да по 40 соболей по 10 рублей сорокъ. Митрополиту Ангирѣйскому, митрополиту Никейскому, митрополиту Халкидонскому, митрополиту Ираклійскому, митрополиту Оиладельфійскому, митрополиту Иконійскому, митрополиту Селанѣйскому по 40 соболей, по 20 рублей сорокъ. Митрополиту Филиполскому, митрополиту Трапизонскому потому жъ.

Григорію Аванасьевичу Нащокину не нужно было знакомиться съ окружающими патріарха Іеремію; многихъ онъ зналъ еще по 1590 году, зналъ и митрополита Діонисія Палеолога.

Послѣ долгихъ предварительныхъ переговоровъ, пословъ допустили къ Великому Визирю Сіаушъ Пашѣ.

Когда Нащокинъ вошелъ къ Великому Визирю, Сіаушъ Папа „всталъ и, давъ руку, велѣлъ Григорію и Андрюшѣ сѣсти въ лавкѣ по правой сторонѣ, отъ себя въ сажень“. Папа сидѣлъ на стулѣ, на краю рундука. Онъ спросилъ: „здорово ль есте дорогою ѣхали?“

Нащокинъ говорилъ: „Божьею милостью и Великаго Государя свсего жалованьемъ доѣхали есмя до Государя вашего государства, далъ Богъ, здорово“. Тогда Визирь спросилъ: „по какому дѣлу пріѣхали?“ Нащокинъ отвѣтилъ пространной рѣчью, въ которой говорилъ, что цѣль посольства братская любовь.

На обратномъ пути отъ Визиря Нащокина поразило слѣдующее зрѣлище: „встрѣчу ѣхали съ языки и везли на телѣгахъ скованныхъ людей, человѣкъ съ 30, да головъ человѣчьихъ на тычинахъ съ 200, а ѣдучи, въ сурны играли и по накромъ били, а сказали приставу, что бой былъ на Украинѣ съ нѣмцы цецарскими, и многихъ пѣмецъ и угорскихъ людей побили, а иныхъ живыхъ поймали“.

Въ виду приѣма у султана, приставъ предупредилъ Нащокина, что всѣхъ участниковъ въ приѣмѣ нужно почтить: „которые послы, говорилъ приставъ, приходятъ въ Государю нашему отъ папы Римскаго и отъ Цезаря Христіанскаго и отъ Испанскаго и Францовскаго и отъ Литовскаго Короля, и тѣ всѣ пошлину Государя нашего приказнымъ людямъ даютъ, а вамъ какъ не дать“.

Нащокинъ отвѣчалъ: „Папа Римскій и Цесарь и иные Государи христіанскіе ссылаются съ Государемъ вашимъ, какъ хотятъ, и послы ихъ даютъ ли пошлину, или не даютъ, то они вѣдаютъ; намъ то не образецъ“.

Приѣмъ у султана состоялся 26 Сентября, но предварительно провели пословъ къ Сіаушъ Пашѣ. Тотъ спросилъ: „какъ ся тебѣ видить Государя нашего государство, каково зъ Государя вашего государствомъ“?

Нащокинъ отвѣтилъ: „государство къ государству не примѣнитца: Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя, Теодора Ивановича, всея Русіи, государство своимъ обычаемъ, а государя вашего государство своимъ обычаемъ“.

Паша продолжалъ любопытствовать: „Государь вашъ нынѣ въ колко лѣтъ?“

„Дай Господи“, говорилъ Нащокинъ, „Государь нашъ здоровъ былъ на многіе лѣта, а нынѣ Государю нашему 27 лѣтъ“.

Сіаушъ:— „кто нынѣ Государю вашему недругъ“?

Нащокинъ: „недруговъ Государю нашему нынѣ нѣтъ никого; одинъ былъ непослушникъ Государя нашего — Свейской Король, и Государь (и пр.) послалъ въ его землю бояръ и воеводъ своихъ со многими людьми, и они землю его всю воевали, да взяли въ Выборской землѣ 7 городовъ, и Свейской, узнавъ свои вины, Го-

сударю нашему добилъ челомъ и въ Государя нашего волѣ учинился по прежнему“.

Сіаушъ: „тотъ ли отецъ Литовскому Королю, и съ отцемъ у него какая ссылка была ли“?

Нащокинъ: „Литовскій Король Свейского сынъ, и съ отцемъ ему какъ не ссылатись, а о чемъ межъ ихъ ссылка, и того не вѣдаемъ“.

Сіаушъ: „вѣдомо ли вамъ, что Свейского Короля не стало, а хочеть на королевство сынъ его Жигимонтъ, который въ Литвѣ“?

Нащокинъ: „мы того не вѣдаемъ, а у Свейского есть другой сынъ, а се у него братъ, и послѣ Свейского Ягана Короля кому быть на королевствѣ, того не вѣдаемъ; а который Король ни будетъ, и тотъ Государю нашему послушенъ будетъ“.

Разговоръ прекратился. Пословъ посадили „подъ навѣсъ дожидаться царева выходу, и сидѣли подъ навѣсомъ с полчаса“.

На приѣмѣ у султана пословъ, „взявъ подъ руки, повели къ Царю къ рукѣ“. Первымъ подошелъ Нащокинъ, вторымъ Андрюша. Они правили поклонъ и о здоровьи спрашивали, а „толмачилъ“ Багилдѣй.

„И Муратъ султанъ противъ Государева поклона не всталъ, только немного понаклонился, и о здоровьѣ Государевѣ не спросилъ“.

„Султанъ сидѣлъ въ палатѣ на рупдукѣ въ углѣ, къ дверямъ стороною, въ золотномъ платьѣ, а при немъ стояли паша: Сіаушъ, Махмедъ и Хыдырь, да два капычѣя въ цвѣтномъ платьѣ, а опричь тѣхъ при Царѣ людей никого не было; а на царевѣ дворѣ, у сѣзжей палаты, набралось до 200 чеушей и капычѣевъ“.

И Султанъ пословъ нашихъ не угостилъ и корму не прислалъ.

Во время переговоровъ съ великимъ визиремъ Сіаушъ Пашей, послы услышали такія рѣчи: „Государь нашъ султанъ Муратъ во всѣхъ Мусульманскихъ государехъ великій государь, а Государь вашъ великъ въ Христьянскихъ государехъ и прислалъ васъ посланниковъ своихъ о томъ, чтобы съ государемъ нашимъ быть въ дружбѣ и въ любви, и за Государемъ вашимъ Мусульманскіе государства: Казань да Астрахань, и тѣ бы государства Государь вашъ отдалъ государю нашему, и государь пашъ съ Государемъ вашимъ будетъ въ дружбѣ и въ любви“.

Послы отвѣтили пространною историческою справкою и закончили такъ:

„И Государь нашъ, по отца своего благословенью, отчину свою Казань и Астрахань держить, а не поступитца ее никому, и вамъ о томъ и говорить не пригоже“, и затѣмъ совѣтуютъ говорить о братской любви и „искати бѣ имъ, государемъ, прибавленья своимъ государствамъ на обѣ стороны“.

Визирь отвѣчалъ: „государь нашъ великій государь; во всемъ свѣтѣ такого великаго государя нѣтъ, и рати у государя нашего несчетно столь много, что и земля едва подыметъ, и государь нашъ помочи себѣ ни отъ кого не хочетъ и рати ни у кого не просить“.

Нащокинъ отвѣчалъ прямиительно и намеянулъ о договорѣ. Визирь отвѣтилъ: „то добро“, по перешелъ къ упрекамъ относительно казаковъ и ихъ набѣговъ.

„На Днѣпрѣ“, — говорилъ Нащокинъ, — „Государя нашего люди не живутъ, а живутъ Литовскіе Черкасы“. Визирь на это сказалъ: „Литовскій Король пишетъ къ государю нашему, что на Днѣпрѣ живутъ Государя вашего люди, а не Литовскіе“. Но Нащокинъ настаивалъ: „на Днѣпрѣ живутъ Литовскіе Черкасы изъ Канева и изъ Черкасъ, да и на Донъ переходя, тѣ Литовскіе Черкасы живутъ и, сложасъ съ Государя нашего измѣнники — съ Допскими казаки — воруютъ за одинъ“¹⁾.

Пословъ нашихъ задержали въ Царьградѣ на зиму; послѣ долгихъ пререканій, они добились, что султанъ съ ними вмѣстѣ въ отвѣтъ Царю отправилъ своего посла Резвана, для продолженія переговоровъ.

Въ числѣ данныхъ посламъ порученій оказалось слѣдующее: „да память Григорію и Ондрѣю: взять въ полонъ въ 99 (1591) году, в Крымскаго царя приходѣ, Смолянинъ Иванъ Битяговскій, да въ 98 году взять въ станицѣ станичникъ Степанъ Любовниковъ, а нынѣ де они въ Царьградѣ, и Григорью и Ондрѣю велѣтъ про Ивана и про Степана провѣдывать, да у кого скажутъ, и имъ Ивана и Степана велѣтъ торговати на окупъ, а давати за Ивана по первой мѣрѣ сто рублевъ, а по другой мѣрѣ полтора ста руб-

¹⁾ Пос. Нащокина.

левъ, а послѣднее въ 200 рублевъ, а за Степана давать окупъ по первой мѣрѣ 40 рублевъ, а по другой 50 рублевъ, а послѣднее 60 рублевъ; да будетъ на то не уговоритца, и Григорью и Ондрью ихъ окупить, а дать въ томъ на себя кабалы; а будетъ Иванъ Битяговскій на Царевѣ имени, и Григорью говорить пашамъ, чтобъ государь ихъ Муратъ салтапъ для Государя нашего братцкіе любви Ивана велѣлъ имъ отдать безъ окупу, или и на окупъ далъ, а Государь нашъ противъ того государю ихъ Мурату салтану любовь свою братцкую учнетъ объявлять“¹⁾).

Едва прошелъ годъ со дня убійства Михаила Битяговскаго, Московское правительство видимо желаетъ освободить Смольянина Ивана Битяговскаго, и это щекотливое для свойственника Нагихъ порученіе возложено на Григорія Аванасьевича.

Изъ Царьграда Нащокинъ выѣхалъ, наконецъ, 21 мая 1593 года; съ ними вмѣстѣ чеушъ Резванъ съ письмами отъ Визиря къ Борису Годунову. 5 Іюня прибыли они въ Азовъ, гдѣ стояли 6 недѣль. Выѣхали изъ Азова только 18 Іюля, а въ верстѣ отъ города встрѣтилъ ихъ, по Государеву наказу, воевода, князь Григорій Волконскій, да „Осипъ Нарышкинъ“. Далѣе, у Воронежскаго устья, съ конною ратью ихъ встрѣтили: „головы Василій Беркинъ да Борисъ Хрущовъ, да самопальныхъ голова Петръ Тургеневъ съ самопальники, да голова казачья—Михайла Купелевъ съ казаки“.

Замѣтимъ здѣсь раннее появленіе представителя рода Нарышкиныхъ, прямого предка Кирилла Полуевтovichа Нарышкина, дѣда Петра Великаго. Осипу Нарышкину, конечно, хорошо извѣсны казачьи дѣла смутнаго времени.

Турецкаго же посла наказано было встрѣтить приставу Нарышкину и отъ окольныхъ Разгилдью Любученинову и спросить о его здоровьѣ. Встрѣча произошла у Николы Зарайскаго.

Послу велѣно итти на Котель въ Боровскія ворота. Любучениновъ и Нарышкинъ проводили его до Москвы, гдѣ онъ остановился „въ Китай городѣ на Ивановѣ дворѣ Бѣлборода“²⁾ (Испанскій купецъ).

1) Пос. Нащокина.

2) Пос. Нащокина.

За посадомъ же, за деревяннымъ городомъ, встрѣтилъ пословъ Семень Романовъ, сынъ Олферьевъ, шурина Александра Нагого, а съ нимъ охотники, псари и сотники стрѣleckіе Московскіе по списку, а дворяне большіе и стольники, и стряпчіе, и жильцы, и дворяне изъ городовъ были съ дьякомъ Сапуномъ Абрамовымъ безъ списка. При этомъ Семену Олферьеву данъ подробный наказъ: „а будетъ Турской посланникъ учнетъ спрашивать о которыхъ объ иныхъ дѣлахъ, и Семену и Разгильдѣю говорить, что они люди служилые, тѣхъ дѣлъ слушати имъ не лучилося“, и обо всемъ донести Андрею Щелкалову ¹⁾).

Шель 1593 годъ. Упомянутое объ „иныхъ дѣлахъ“, очевидно соотвѣтствуетъ наказу Исленьева: „нечто спросятъ о Царевичѣ Дмитріѣ“ и пр. У всѣхъ еще въ свѣжей памяти недавнее событіе. (Припомнимъ любопытство Великаго Визиря въ разговорѣ съ Нащокинымъ). Знали, конечно, Олферьевъ и Любучениновъ, о какихъ „иныхъ дѣлахъ“ имъ велѣно молчать.

Въ числѣ встрѣчавшихъ посла былъ Савлукъ Пушкипъ, будущій товарищъ кн. Василя Масальскаго въ Мангазеѣ. На приѣмѣ у Бориса Годунова Турецкаго посла отъ него встрѣчали „въ сѣняхъ передъ отвѣтною палатой Темиръ да Иванъ Засѣцкіе“ ²⁾).

На Царскомъ приѣмѣ, у Государева мѣста, выше рындѣ, стоялъ Борисъ Федоровичъ Годуновъ, а бояре сидѣли по мѣстамъ въ большой лавкѣ; отъ Государя по лѣвую сторону сидѣлъ князь Феодоръ Ивановичъ Мстиславскій, по правую Дмитріѣ Ивановичъ Годуновъ и иные бояре, на окольных мѣстахъ сидѣли „князи служилые, воеводици Волошскіе, и князи Черкасскіе, и дворяне большіе, всѣ въ золотномъ платьѣ“.

Правитель принималъ отдѣльно отъ Государя. Турецкій посолъ былъ въ восторгѣ отъ приѣма, говорилъ, что чувствуетъ себя въ Россіи, „какъ въ раю“ ³⁾).

¹⁾ Пос. Нащокина.

²⁾ Въ слѣдственномъ дѣлѣ говорится: „а какъ прибылъ (въ Угличъ) Темиръ Засѣцкій“ и пр. (Съ Засѣцкими не разъ тягался печатникъ Романъ Васильевичъ Олферьевъ). Приѣздъ Темира Засѣцкаго въ Угличъ имѣлъ вліяніе на дѣйствія Михаила Нагого.

³⁾ Пос. Нащокина.

Главный вопросъ, о которомъ писалъ султанъ, были жалобы на казаковъ. Письмо султана къ Царю начиналось такъ: „Суцій гумаюнъ, Государь, Муратъ салтанъ—Царь, въ великихъ величайшему, Месійскаго закона правителю и Христіанскую вѣру прославляющему и Христіанскихъ странъ обладателю“.

Годунову же великій визирь писалъ слѣдующее: „Христову вѣру вѣрующему, Месійскаго закона, и въ великихъ высочайшему везиру Борису Годунову“¹⁾.

Не обошлось безъ мѣстныхъ споровъ. Семень Олферьевъ тягался о мѣстахъ съ Деменшею Черемисиннымъ.

Црїѣздъ Турецкаго посла и обратное возвращеніе Григорія Аѳанасьевича Нащокина совпали съ годомъ построенія Пелыма. То былъ 1593 годъ.

Въ это время воеводы распредѣлены были такъ²⁾:

Въ Переяславлѣ Рязанскомъ—князь Александръ Андреевичъ Репнинъ (свой Романовымъ).

Въ Новосилѣ—князь Борисъ Петровичъ Татевъ (дядя кн. Михаила Скопина Шуйскаго).

Въ Мценскѣ—князь Дмитрій Андреевичъ Звенигородскій (свой М. Г. Салтыкову).

Въ Пелыми—князь Петръ Горчаковъ.

Въ Астрахани—князь Феодоръ Михайловичъ Троекуровъ (свой Романовымъ).

Въ Смоленскѣ—князь М. П. Катывевъ-Ростовскій (свой Романовымъ).

Въ Псковѣ—Верига Феодоровичъ Сабуровъ.

На Михайловѣ Иванъ Осиповичъ Полевъ³⁾.

Изъ числа названныхъ лицъ почти всѣ враждебны Годунову, принадлежа къ друзьямъ и свойственникамъ „Никитичей“. Репнинъ, Троекуровъ, Катывевъ-Ростовскій—свойство. Татевъ, Звенигородскій, Полевъ—враждебны Годунову. Одинъ Сабуровъ, конечно, на сторонѣ „изряднаго правителя“.

Григорій Аѳанасьевичъ Нащокинъ былъ отправленъ въ Кон-

¹⁾ Арх. М. И. Д. Пос. Нащокина.

²⁾ Дворц. Разряды.

³⁾ Симбирск. Сборникъ, с. 124—125.

стантинополь 6 Апрѣля 1592 г. и возвратился 2 Октября 1593 года ¹⁾. Посоль султановъ прибыль въ Москву 21 октября 1593 г. и выѣхаль 22 Юля 1594 г. Велѣдъ за нимъ отправился къ султану дворянинъ Данило Ислепевъ—тотъ же, что ѣздилъ въ Литву въ 1591 году ²⁾.

Царь Феодоръ не долго радовался родившеюся ему въ 1592 году дочерью Феодосією. Съ нею похоронилъ онъ и послѣднюю надежду на возстановленіе рода. Онъ искалъ утѣшенія въ вѣрѣ и въ добрыхъ дѣлахъ. Около него по прежнему вѣрнымъ другомъ и хранителемъ его стояла Царица Ирина. По прежнему дружба и довѣріе къ „шурина“ Борису не въ силахъ были отдалить его отъ „брата“ Феодора. Всѣ попытки поколебать положеніе Романова остались тщетными. Всѣ мѣстническіе споры съ нимъ кончались неудачею для нападающихъ.

Такъ, въ 1596 году, когда Петръ Никитичъ Шереметевъ „билъ челомъ Государю въ отечествѣ и счетъ на боярина, на Феодора Никитича Романова и для того у руки не былъ и на службу не поѣхаль, тогда Царь Феодоръ Ивановичъ велѣлъ приставу Петра Шереметева скована вывезть въ телѣгѣ за посадъ да послать на службу“ ³⁾. Шереметевъ не угомонился, а „пріѣхавъ на службу, Петръ Шереметевъ списковъ не взялъ для боярина Феодора Романова“. Одновременно ударилъ челомъ Михайлъ Салтыковъ на князя Ивана Сидкаго (шурина Романовыхъ).

„Апрѣля 29 послалъ Царь и В. К. на берегъ и велѣлъ довести списки Петру Шереметеву да Салтыковымъ, и они списковъ не взяли. И Царь и В. К. велѣлъ Михаила Глѣбова, сына Салтыкова, посадить въ тюрьму“. „Михайло сидѣлъ въ тюрьмѣ недѣлю“ ⁴⁾. Извѣстно дѣло Кардунакова и Ноготкова. „А князь Василій Кардунаковъ билъ челомъ Государю въ отечествѣ и счетъ на Феодора же Никитича Романова, и Царь и В. К. велѣлъ князя Феодора Ноготкова посадить въ тюрьму, и князь Феодоръ сидѣлъ въ тюрьмѣ“ ⁵⁾.

¹⁾ Карамзинъ, т. X, прим. 297.

²⁾ Ibid.

³⁾ Книги разрядныя.

⁴⁾ А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, ч. 2.

⁵⁾ Ibid.

Запомнимъ эту неудачу князя Ноготкова. Это очень громкое дѣло обострило отношенія. Оно же бросаетъ яркій свѣтъ на осложненія будущаго. Онъ отомстилъ Романову, когда уже не было въ живыхъ Царя Феодора, въ 1598 г.

Старшій сынъ Никиты Романовича, двоюродный братъ Царя, Феодоръ Никитичъ Романовъ, по смерти отца своего, остался главою—руководителемъ даровитой, многочисленной семьи. Исключительное положеніе Никиты Романовича и любовь къ нему народная, вліяніе, которымъ онъ пользовался, и выдающееся значеніе его по кончинѣ Грознаго, создавало и сыну его почетное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сложное, положеніе. Когда умеръ Грозный, народъ не столько озабоченъ былъ его преемникомъ, сколько тѣмъ, живъ ли Никита Романовичъ, не сдѣлано ли ему какого худа? Громкими криками вызывали его на площадь. Когда же Никита Романовичъ появился среди народа, шествуя изъ Кремля къ себѣ въ домъ,—радости и ликованію толпы не было предѣловъ, его провожало несмѣтное множество народа. Въ этомъ порывѣ радостнаго сочувствія сказывался опять здравый смыслъ народный. Поетъ народъ про Никиту Романовича и приписываетъ ему спасеніе Царевича „меньшова“ Ивановича, поетъ про трехъ большихъ бояриновъ, про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ, о томъ, какъ

Упала звѣзда поднебесная,
Потухла въ соборѣ свѣча мѣстная,
Не стало Царевича у насъ на Москвѣ,
Меньшова Ивановича ¹⁾.

Но если Феодоръ Никитичъ и не наследовалъ отъ отца своего всѣхъ свойствъ, неотразимо къ нему привлекавшихъ, за то онъ вполне унаследовалъ его государственный умъ, твердость духа, неуязвимую силу воли. Онъ былъ представителемъ, красивъ, изященъ; опытный и храбрый воинъ, онъ былъ и даровитый воевода. Въ искусствѣ же уклончивой мудрости онъ не имѣлъ соперниковъ. Тонкій дипломатъ, проникательный сердцевъдецъ и примѣрный семьянинъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ человѣкъ „властительный“ и „опальчивый“.

¹⁾ Кирша Даниловъ. Изд. 1901 г.

Таковъ былъ носитель предапій рода Романовыхъ, дѣятельность котораго проходитъ ярко полосой черезъ все смутное время. Въ изученіи его дѣятельности, думается намъ, заключается тайна разумнѣя многихъ событій смуты. Не одинъ онъ въ семьѣ Романовыхъ пользовался особымъ положеніемъ. По свидѣтельству современниковъ, родъ Романовыхъ „былъ самый знатный, древнѣйшій и могущественнѣйшій въ землѣ Московской. Никого не было ближе ихъ къ престолу“.

„Романовы, вообще, были осторожны, жили всегда очень дружно и были всѣми любимы. Каждый изъ нихъ держалъ себя съ царскимъ достоинствомъ. Теодоръ Никитичъ, красивый мужчина, очень ласковый ко всѣмъ и такъ хорошо сложенный, что Московскіе портные обыкновенно говорили, когда платье сидѣло на комънибудь хорошо, — „вы второй Теодоръ Никитичъ“. Онъ такъ хорошо сидѣлъ на конѣ, что всѣ видѣвшіе его приходили въ удивленіе. Остальные братья, которыхъ было не мало, — походили на него“¹⁾.

Потерявъ любимаго дядю, Царь Теодоръ перенесъ на „брата“ своего Теодора Никитича всю силу своего родственнаго чувства. Въ широкомъ сердцѣ Царя Теодора было мѣсто этому чувству и не для одного Романова. Царь не менѣ любилъ и шурина Бориса, и признать должно, что въ выборѣ дружбы Царь Теодоръ отличалъ даровитѣйшихъ людей своего времени. Простотѣ его было открыто то, что утаено отъ премудрыхъ, что одинаково привлекало къ нему непримиримыхъ соперниковъ. Мы не знаемъ начала сношеній Годунова и Романова. Знаемъ, что первый старался заслужить расположеніе Никиты Романовича и пользовался имъ. Что помѣшало сближенію Теодора и Бориса? Не тотъ ли отгѣнокъ, который отличалъ Теодора Никитича отъ своего отца? Но судьба поставила ихъ рядомъ у престола одинаково ими любимаго Государя. Оба были женаты, одинъ на Марьѣ Григорьевнѣ Скуратовой, другой на Ксеніи Ивановнѣ Шестовой.

Дочь убійцы митрополита Филиппа Колычова могла ли внушать расположеніе къ себѣ сородичу его Романову?

Ксенія Ивановна — дочь извѣстной Марьи Тимофеевны, „тещи“

¹⁾ Horsay. Travels въ изд. Bond'a.

Феодора Никитича Романова, столь замѣшанной въ заговорѣ 1600 года, могла ли не раздѣлять семейной вражды къ Годуновымъ?

У Авраама Палицына ¹⁾ есть намекъ на какія то обязательства Годунова передъ Никитою Романовичемъ по отношенію къ его потомству. Борисъ Годуновъ „оставше же племя Царя блаженнаго Феодора, начать нелюбити ради смущенія своихъ его ближнихъ“. „Клятву же къ великому боярину Никитѣ Романовичю Юрьеву преступи, еже о чадахъ своихъ вѣренное тому соблюденіе“. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ размолвкѣ Годунова съ Романовымъ Палицынъ видитъ вліяніе на Годунова близкихъ ему людей. „Ради смущенія своихъ ему ближнихъ“. Но кто же ближніе Годунова? Его родные: Сабуровы, Вельяминовы, Пильмовы—старые соперники потомства Кошки, нынѣ Захарьиныхъ, и всѣхъ ближе изъ этихъ ближнихъ—жена его Марья Григорьевна, дочь Малюты Скуратова. И эта черта у нея наслѣдственная. Никита Романовичъ и Малюта—двѣ величины непримиримыя. Не даромъ же увѣковѣчили народъ память о взаимной враждѣ ихъ въ своихъ былинахъ.

Недоброжелательность и вражда всей семьи Годуновыхъ къ Романовымъ не случайная, а кроется въ преемственности сполнейшей не одного поколѣнія. Годуновы и Романовы—это два опредѣленныхъ враждебныхъ лагеря; между ними идетъ борьба о первенствѣ значенія и власти. Но и между ними, какъ это бывало въ другихъ историческихъ семействахъ, между собою враждебныхъ, состоялось удивительное сближеніе въ лицѣ двухъ представителей ихъ родовъ. Это своего рода Montecci і Capuletti, у которыхъ любовь соединила представителей враждующихъ семействъ. Такъ и здѣсь дочь Никиты Романовича—родная сестра Феодора—Ирина Никитична Романова († 1633) вышла замужъ за Ивана Ивановича Годунова († 1610 ²⁾).

¹⁾ Авр. Палицынъ. Рус. Ист. Библ., т. XIII.

²⁾ Положеніе и судьба этой четы во все время смуты представляетъ особый интересъ, въ виду сложнаго психологическаго положенія, въ которомъ они очутились среди борьбы партій и смяняющихся событій, связанныхъ съ появленіемъ тѣни Димитрія. Любопытно, что этотъ Иванъ Ивановичъ Годуновъ находился подъ Кромами въ 1605 году, когда былъ взятъ въ плѣнъ; послѣ того онъ служилъ и названному Димитрію. Тѣмъ удивительнѣе, что служба ему, онъ рѣши-

Но и помимо женских вліяній, въ людяхъ даровитыхъ, призванныхъ трудиться на одномъ и томъ же поприщѣ,—развѣ не замѣчается во всѣ времена то соревнованіе, которое иногда способно перейти въ соперничество? А если это чувство получаетъ поддержку извнѣ, то соперничество это можетъ перейти въ упорную, непримиримую вражду.

Не то ли было между Романовымъ и Годуновымъ?

Если прослѣдимъ за дѣятельностью Феодора Никитича въ царствованіе Царя Феодора, то увидимъ его въ самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ положеніяхъ. „Изрядный правитель“, никогда не удалявшійся изъ Москвы, гдѣ было центральное управленіе, охотно видитъ своихъ соперниковъ и недруговъ на отдаленныхъ воеводствахъ. Чѣмъ дальше воеводство, тѣмъ яснѣе было почетное удаленіе извѣстнаго лица. При всемъ томъ, управленіе иными дальними воеводствами могло быть и признакомъ довѣрія къ способности воеводы. Особымъ значеніемъ пользовалось воеводство Новгородское, столь близкое дѣятельности Захарьиныхъ и Никиты Романовича.

По Разряднымъ книгамъ Феодоръ Никитичъ Романовъ показанъ въ числѣ рындъ у большаго копья въ 1586 году ¹⁾. Въ томъ же году олъ бояринъ и Намѣстникъ Нижегородскій, въ 1590-мъ дворовый воевода, въ 1591-мъ воевода въ Великомъ Устюгѣ, въ 1596-мъ воевода правой руки ²⁾.

тельно не хотѣлъ признать его поддѣлку—Тушинскаго вора. Его потопили въ Овѣ, по приказанію этого вора. „Егда же приведоша и въ воду его ввергоша, тогда онъ за край струга удержашеся“. Его доконалъ Михайло Бутурлинъ. „Михайло же, вынявъ саблю, и отсѣче ему руку и потопи его въ водѣ. И тако скончася мученически, но совѣтникомъ разстригивымъ не приложися“. „Жена же его Ирпна Никитична горько по немъ плакася“. Михаилъ Бутурлинъ за это поплатился; его „порази духъ непріязненный лють зѣло, и пребысть тако до кончины своея“.

Здѣсь легко ошибиться: „къ совѣтникомъ разстригивымъ не приложися Ив. Ив. Годуновъ“. Это относится до Тушинскаго вора, а тому, котораго главнымъ образомъ называли „разстригою“, онъ въ дѣйствительности служилъ. Годуновъ—мужъ Романовой—служить названному Димитрію, но Тушинскому вору служить не хочетъ. Чѣмъ же первый привлекъ къ себѣ Годунова?

¹⁾ Никита Романовичъ скончался 23 апрѣля 1586 года, монашеское имя его Нифонтъ (книг. разряд.). Жена его Варвара Ивановна Ховрина † 18 іюня 1552 г. По смерти ея, Никита Романовичъ вступилъ во второй бракъ съ княжной Горбатой. Чей сынъ былъ будущій патріархъ Филаретъ? Отъ перваго ли брака или отъ второго? Вопросъ этотъ вообще интересенъ для „Никитичей“.

²⁾ Разрядн. книги.

Бракъ Феодора Никитича съ Ксеніей Ивановной ¹⁾ совершился еще при жизни отца. Горсей ²⁾ называетъ Никиту Романовича „мужественный и многообъщающій князь“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „этотъ Никита Романовичъ—статный, мужественный князь, почитаемый и любимый всѣми людьми. Его старшій сынъ, блистательный (gallant) молодой князь, съ большими надеждами и ожиданіями. Его заставили (?) жениться на приближенной (waiting woman) его сестры—жены князя Бориса Черкаскаго, отъ которой у него былъ сынъ“ ³⁾.

Въ 1591 году изъ Великаго Устюга, гдѣ онъ пробылъ весьма краткое время, Ф. Н. Романовъ переходитъ воеводою въ Нижній, смѣняя Б. Я. Бѣльскаго, вернувшася въ Москву въ самомъ началѣ 1591 г. Припомнимъ положеніе Бѣльскаго при царевичѣ Угличскомъ... Въ Нижнемъ Романовъ воеводствуетъ въ то самое время, когда Казанскимъ митрополитомъ былъ Гермогенъ, соборсѣдникъ Трифона Вятскаго.

¹⁾ Ксенія Ивановна принадлежала къ роду Шестовыхъ, одного происхожденія съ Салтыковыми и Морозовыми. Мать ея Марія—дочь Угличскаго помѣщика Тимофея Грязнова. Въ Писцовыхъ книгахъ по Угличу (№ 895, 1629 г.) читаемъ: „Спаса Новаго монастыря, что на Москвѣ, вотчина по Государевой жалованой грамотѣ, за приписью дьяка Прокофія Пахарева 123 (1615) года. *Тимофеевская* вотчина *Грязнова*, село Климентино на Суходолѣ, да къ сему же припущена въ нашу дер. Богданова, да деревня Клямовъ починокъ... Въ ней церковь Ник. Чуд. да придѣлъ Великой Христовой мучен. Екатерины древянъ, новъ, не освященъ. Всего въ вотчинѣ (Грязнова) 17 деревень, и 9 пустошей за монастыремъ“.

Мы знаемъ, что Ксенія Ив. Романовна получила въ наслѣдство отъ своей матери Маріи *родовую* вотчину послѣдней, Угличскаго уѣзда, Городскаго стана, село Климентино на Суходолѣ и припущенныя въ нашу деревню Богданово съ деревнею Климовымъ починомъ, всего 14 дер., которыя принадлежали Тимофею *Грязнову*.

Слѣдовательно, мать Ксеніи Ив. Шестовой была Марья Тимофеевна *Грязнова*; тогда понятно, что бракъ ея съ Ф. Н. Романовымъ могъ не всѣмъ нравиться, что и ссызвять въ словахъ Горсея...

Но близость Ксеніи къ Угличу тѣмъ самымъ несомнѣнна. Сочетаніе Романовыхъ и Грязновой знаменательно; тѣмъ самымъ и выдвигается значеніе „тещи“ Ф. Н. Романова, сильно заподозрѣнной въ 1600 году и сосланной Годуновымъ, Маріи Тимофеевны—*дочери Грязнова*. (Исп. книги по Угличу. Арх. М. Ю).

²⁾ *Notary Travels* въ изданіи Bond'a.

³⁾ Князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій. Его мать—жена князя Бориса Камбулатовича Черкаскаго, Марѳа Никитична (Романова) похоронена въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ всѣ Черкасскіе и Романовы. См. Новоспасскій монастырь. Москва 1803. Опис. церкви Знаменія.

Управление Нижнимъ Ѳ. Н. Романова (въ два приема) не положило ли начало той близости Романовыхъ въ Нижнему, которая могла поддерживаться цѣлымъ рядомъ воеводъ, имъ родственныхъ, или имъ сочувствующихъ?

Управление Богдана Бѣльскаго въ 1584—1591 г. не могло пройти безцвѣтно, а мнѣніе Ѳ. Н. Романова объ немъ намъ извѣстно. Онъ цѣнилъ его, въ особенности какъ дипломата: „въ посольскимъ и инымъ дѣламъ добре досужъ“¹⁾. Послѣдовательно воевостствуютъ въ Нижнемъ: Ѳ. Н. Романовъ, князь Ив. Вас. Сицкій (женатый на его сестрѣ Евфиміи Никитичнѣ), князь Иванъ Борпсовичъ Черкасскій (его племянникъ—сынъ сестры Марѣи Никитичны), князь Александръ Репнинъ, извѣстный его сторонникъ и, наконецъ, бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, единственный изъ братьевъ, уцѣлѣвшій послѣ Годуновскаго погрома.

„Ѳ. Н. Романовъ, князь Иванъ Сицкой, князь Александръ Репнинъ межъ себя братья и великіе други“²⁾. Таковъ отзывъ князя Ноготкова.

Ѳ. Н. Романовъ и митрополитъ Гермогенъ, служба совмѣстно, должны были понять другъ друга. Наказъ Царя Ивана Васильевича святителю Гурію Казанскому и воеводѣ князю П. И. Шуйскому о необходимости совмѣстной помощи на окраинахъ могъ служить руководствомъ и будущимъ дѣятелямъ. Ѳ. Н. Романовъ былъ человѣкъ именно такого закала, чтобы постигнуть всю мудрость постановленій Грознаго. Въ 1606 г. Гермогенъ и Филаретъ опять встрѣчаются въ Москвѣ, и притомъ какъ соперники по патриаршеству³⁾.

Служба Феодора Никитича весьма разнообразна; онъ часто появляется въ походахъ; имя его постоянно встрѣчается въ разрядахъ. Ему поручаютъ и другія сложныя дѣла. Онъ неуязвимъ при Царѣ Феодорѣ. Бьютъ на него челомъ Государю, прося о безчестіи и оборонѣ, и Царь Феодоръ неизмѣнно оправдываетъ „брата Феодора“ и сажаетъ его противниковъ въ тюрьму⁴⁾.

¹⁾ Акты Историч. т. I.

²⁾ Сибб. Сборникъ, стр. 127.

³⁾ Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Моск. государствѣ, стр. 306—308

⁴⁾ Дворцов. Разряды.

Такъ проходили годы, пока, наконецъ, не наступили тѣ рѣшительные дни, когда приблизилась кончина Царя Феодора, когда завѣса таинственнаго Угличскаго событія готова была приподняться.

Но прежде, чѣмъ говорить о послѣднихъ дняхъ Царя Феодора, о томъ знаменательномъ днѣ, когда государство стало вдругъ „безгосударно“, когда пресѣкъся родъ царей Московскихъ и наступило „междоцарствіе“, мы должны прослѣдить за переговорами съ правительствами Персидскаго шаха Аббаса и Цезаря Рудольфа, во время которыхъ разразилось тяжкое, великое горе Царя Феодора — кончина его единственной дочери Царевны Феодосіи — и послѣдовало полное вслѣдъ за симъ „исчезновеніе“ всеильнаго думнаго дьяка Андрея Щелкалова. Эти два событія совершаются одно за другимъ и естественно приводятъ къ новому и послѣднему предѣлу царствованія Царя Феодора.

Съ разбитыми надеждами приближался онъ къ своему концу.

Одновременно съ Турецкими сношеніями, Московское правительство заигрывало съ Персією и искало сближенія съ шахъ Аббасомъ¹⁾. Гонцы послѣдняго то и дѣло появлялись въ Москвѣ. Такъ въ Январѣ 1594 года „Кизылбашскій гонецъ Искендеръ къ Москвѣ пріѣхалъ и поставленъ въ Китаѣ городѣ, на Варварскомъ крестце, на дворе торгового человѣка муромца Петра Григорьева. И Февраля въ 11 день Государь, Царь и Великій Князь Феодоръ Ивановичъ, всея Русіи, велѣлъ Кизылбашскому гонцу Искендерю быти въ посольской полате у дьяка у Андрея Щелкалова, а Андрею его роспросити: что пріѣздъ его ко Государю, и грамоты съ нимъ ко Государю, Царю и Великому Князю Феодору Ивановичу, всея Русіи, отъ Аббасъ шаха есть ли? А роспрося, грамоты у нихъ велѣлъ поимать, а сказать, что ему у Государя быти не вмѣстно, что въ то время, судомъ Божьимъ, у Государя дочери, Царевны и Великія Княжны Феодосіи не стало“²⁾.

„П того дни, по Государеву, Цареву и Великаго Князя Феодора Ивановича, всея Русіи, указу, Кизылбашской гонецъ Хозя Искендеръ былъ въ посольской полате у дьяка у Андрѣя Щелка-

¹⁾ Пам. Дипл. и торговыхъ Сношеній М. Р. съ Персією, т. I, изд. подъ ред. Веселовскаго, стр. 209—210.

²⁾ Ibid.

лова, а посланъ по него переводчикъ татарской Степанъ Полухановъ да толмачъ Девлетъ Бахты Чекаевъ; а прїѣхавъ въ городъ, вышелъ изъ саней у посольскіе полаты, а въ то время у посольскіе полаты, и передъ полатою въ сѣнѣхъ, и въ полате были стрѣльцы въ цвѣтномъ платьѣ. А какъ вышелъ въ полату, и Ондрей съ нимъ корошевался и спрашивалъ его о здоровье, да говорилъ гонцу: Искендеръ! великого Государя, Царя и в. кн. Оеодора Ивановича, в. Р. с. и многихъ государствъ Государя и обладателя, его Царского Величества бояре велѣли тебя распросити: что твой прїѣздъ къ великому Государю нашему, и грамоты съ тобою отъ Аббасъ шахова величества есть ли? И будетъ есть, и царьского Величества бояре грамоты у тебя велѣли взять мнѣ, а тебѣ велѣли сказать, что тебѣ у великого Государя нашего ц. и в. кн. Оеодора Ивановича в. Р. с. ныне быти невмѣстно, для того, что судомъ Божїимъ у великого Государя нашего дочери, „государыни нашей“, царевны и великія княжны Оеодоси не стало, и великій Государь нашъ, его ц. в. и бояре ныне въ великой жалобе. И тебѣ для того быти невмѣстно“.

Посоль Искендеръ сказалъ, что у него отъ шаха Аббаса есть грамота до шурина царскаго, до Бориса Оеодоровича, и Андрей Щелкаловъ, принявъ грамоту, сказалъ: „язъ тое грамоту, переведчи, донесу до царскаго в. шурина, слуги и конюшего боярина и воеводы дворового и намѣстника Казанскаго и Астороханскаго, до Бориса Оеодоровича Годунова, а Борисъ Оеодоровичъ временемъ донесетъ до царскаго Величества“¹⁾.

Гонецъ отправленъ обратно на Казань, а въ приставахъ съ нимъ посланъ Константинъ Ртищевъ.

И „лѣта 7102 (1594), мая въ 3 д. дана память Костентину Ртищеву“, кончающаяся такими словами: „а какъ съ тѣмъ Кизылбашскимъ гонцомъ прїѣдетъ въ Казань, и Костентину объ немъ отдать государеву грамоту воеводамъ, а отдавъ государеву грамоту, ѣхати къ Москвѣ, а прїѣхавъ къ Москвѣ, явится въ посольскомъ приказѣ діаку Ондрею Щелкалову“²⁾.

Слѣдовательно 3 мая 7102 (1594) года Андрей Щелкаловъ еще не былъ въ опалѣ.

¹⁾ Ibid., стр. 210.

²⁾ Ibid., стр. 214.

„Того-же году, въ февралѣ мѣсяцѣ, приходилъ къ Государю и Царю Оеодору Ивановичу отъ Руделеа, Цезаря Римскаго, гонецъ Михайло Шель съ грамотами, и Руделѣъ писалъ, что Божіею Милостію рука его надъ Турскимъ висока“¹⁾.

И Государь приговорилъ съ бояры отписати о томъ къ шаху отъ конюшего боярина Б. Годунова.

Въ догонку Персидскому послу, въ Казань отправлена Годуновская грамота съ переводчикомъ Степаномъ Степановымъ, который выѣхалъ изъ Москвы 13 мая.

Годуновъ писалъ: „прислалъ къ Великому Государю нашему, Царю Оеодору Ивановичу Руделѣъ, Цезарь Римскій, посла своего Михайла Шеля съ грамотами, что посоль его Миколай Варкачъ, который былъ у В. Г. нашего, до него дошелъ здорово и что ему разсказалъ подлинно, какъ съ тобою шахова величества съ посломъ о соединеньи на Турскаго послалися и говорилъ, и то Руделѣу Цезарю стало въ великую любовь, да и всѣмъ великимъ государемъ Римскаго царства и всей Италѣи, папе римскому и королю Ишпапскому и инымъ поморскимъ государемъ, которые съ Руделѣомъ Цесаремъ въ соединеньи, то дѣло стало добрѣ любо, и хочетъ Руделѣъ Цесарь съ государемъ вашимъ Аббасъ, шаховымъ величествомъ, быти въ дружбѣ и въ любви на вѣки и на турскаго стояти за одинъ со всѣми государствы нѣметцкими, и пословъ своихъ къ шахову величеству о докончанье и о соединеньи на турскаго прислати хочетъ съ тѣми послы вмѣстѣ, которыхъ пришлетъ къ великому Государю нашему, а Божію милостію надъ вопчимъ недругомъ, надъ турскимъ салтаномъ, рука его висока“.

Въ заключеніе Годуновъ увѣдомляетъ Персидскаго посла: „присылалъ еси свою грамоту въ посольскій приказъ къ діаку къ Ондрею Щелкалову, а писана та грамота ко мнѣ, и діакъ Ондрей Щелкаловъ мнѣ твою грамоту до меня донесъ“.

Опять таки Андрей Щелкаловъ все еще, какъ видно, не въ опалѣ. Срокъ 13 мая, когда отправлена Годуновская грамота, самый поздній, когда Годуновъ еще упоминаетъ объ Андрѣе Щелкаловѣ. Перемѣна въ положеніи Андрея Щелкалова произошла,

¹⁾ Памятн. дипл. и торг. снош. съ Персіей, т. I.

повидимому, „около половины мая“, близъ 15 числа, т.-е. злополучнаго Угличскаго дня...

Въ этотъ самый день, день памяти Царевича Димитрія, 15 мая двинулся въ путь въ Персію князь Андрей Дмитріевичъ Звенигородскій ¹⁾, сынъ котораго, князь Василій Андреевичъ былъ Двинскимъ воеводою въ 1590 году.

Въ то время Астраханскимъ воеводою былъ князь О. М. Троекуровъ, свойственникъ Романовымъ и О. И. Шереметеву (мать котораго была княжна Троекурова) ²⁾.

15 мая Царь посылаетъ къ шахъ Аббасу новое посольство, во главѣ котораго стоитъ князь Андрей Дмитріевичъ Звенигородскій (женатый на родной сестрѣ Михаила Глѣбовича Салтыкова).

Князь Андрей прибылъ къ шаху 24 Сентября. „И князь Ондрей, пришедъ къ шаху, посольство правилъ. И почалъ было шахъ спрашивать о князѣ Ондреевѣ здоровьѣ“.

И князь Андрей говорилъ: „пригоже, Государь, тебѣ напередъ, вставъ, спросить про брата своего, Государя нашего, Царя и Великаго Князя Оеодора Ивановича, всея Русіи, здоровье“.

И шахъ спросилъ про Государево здоровье, сидя на коленкахъ: „брата моего большого, Царя и В. К. Оеодора Ивановича, всея Русіи, какъ Богъ милуетъ“?

Послѣдовалъ обычный отвѣтъ, что Государь, на своихъ великихъ государствахъ, далъ Богъ, здоровъ. То-же повторилось и для Бориса Годунова ³⁾.

Пріемъ шаха былъ самый сердечный и шахъ потомъ говорилъ: „Изначала была Турская земля, что Царьгородъ крестьянскихъ государей, а взяли де Турскіе люди у крестьянскихъ государей Царьгородъ оманомъ, а сперва выпрошали мѣсто съ воловую кожу, и тое воловую кожу искроили, да потому, городоу поставя оманомъ, и послѣ того вселясь, и Царьгородъ взяли. Да пилъ шахъ чашу про Государево здоровье“ ⁴⁾.

¹⁾ Пос. Кн. А. Д. Звенигородскаго. Памятн. дѣл. и торг. сношеній Россіи съ Персіей, т. I, стр. 221—286.

²⁾ А. Барсуковъ. Р. Шереметевыхъ, ч. II.

³⁾ Посольство кн. А. Д. Звенигородскаго, стр. 259.

⁴⁾ Ibid., стр. 262.

„А потѣха была у шаха: скачючи на конѣхъ на майданѣ, шахъ и дворяне его играли шаромъ, а послѣ того стрѣляли, скачючи же, съ коней изъ луковъ вверхъ на шесть блюдо золотое. А въ тѣ поры, какъ шахъ тѣшился, въ сурны играли и въ накры били. И какъ послѣ потѣхи вшоль шахъ въ тое же майданную палату и, сѣдши, спрашивалъ князя Ондreja, гдѣ у Государя Вашего и въ которой землѣ ведутца кречеты красные, и какъ ихъ ловятъ?“

И князь Андрей говорилъ: „кречеты, Государь, ведутся у Государя нашего въ Колмогорахъ на Двинѣ и на Бѣлѣ Озерѣ“¹⁾.

Шахъ Аббасъ часто приглашаетъ къ себѣ князя А. Д. Звенигородскаго. „А какъ въ половину потѣхъ пилъ шахъ про Государево здоровье чашу и князю Ондрею подавалъ, и велѣлъ шахъ князю Ондрею сѣсти на томъ мѣстѣ подъ навѣсомъ. А погода немного, пришелъ къ шаху тутожь на потѣшной дворѣ индѣйской Желаледдинъ Акберъ Государя посланникъ, а съ нимъ челоуѣкъ 15. И шахъ велѣлъ его посадити на томъ же мѣстѣ подъ навѣсомъ, на лѣвой сторонѣ, подъ княземъ Ондреемъ, а про посла шахъ велѣлъ сказати князю Ондрею, что онъ великаго Индѣйскаго Желаледдинъ Акберъ Государя посланникъ, а за Государемъ его, за Индѣйскимъ Желаледдинъ Акберъ Государемъ, всего свѣта двѣ доли, а третья доля за всѣми крестьянскими и бусурманскими Государями“²⁾.

То была дѣйствительно любопытная встрѣча прибывшихъ съ разныхъ сторонъ пословъ, сидящихъ подъ навѣсомъ у шаха Аббаса, объединяющаго представителей Царя Феодора и знаменитаго Индѣйскаго Акбера, могущество котораго въ Азїи не имѣло соперниковъ.

И спросилъ шахъ у князя Андрея: „которые роды у Государя вашего мѣстомъ больше“?

И князь Андрей говорилъ: „у Государя у нашего, у великаго Государя, Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича, всея Русїи самодержца, много всякихъ родовъ царскихъ и королевскихъ, и государскихъ родовъ и княженецкихъ и боярскихъ, а всѣхъ больши чтить и жалуетъ Государь своего Ц. В. шурина, слугу, конюшева

¹⁾ Ibid., стр. 262. Далѣе слѣдуютъ подробности о кречетахъ.

²⁾ Ibid., стр. 261.

и боярина и воеводу дворового и намѣстника Казанскаго и Асторанскаго Бориса Феодоровича Годунова“.

„А Царскаго Величества шурина Борисъ Феодоровичъ всѣми ими, по ихъ челобитью, у В. Г. объ нихъ печалуется, и промышляетъ ими всѣми Борисъ Феодоровичъ, потомучто онъ Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, шурина, а Государынѣ и благовѣрной Царицѣ и В. К. Иринаѣ Феодоровнѣ братъ родной, и изначала Бориса Феодоровича родъ ведется боярской, потому онъ въ такой чести у Великаго Государя нашего и живетъ“¹⁾.

Все это говоритъ князь А. Звенигородскій, зять М. Г. Салтыкова, принадлежавшаго къ роду крайне враждебному Б. Годунову.

„И князь Ондрей въ вечеру у шаха въ саду въ терему былъ, а какъ князь Ондрей, вшодъ къ шаху, челомъ ударилъ, шахъ князя Ондрея спросилъ о здоровьѣ и велѣлъ князю Ондрею сѣсти отъ себя по правой сторонѣ, а при шахѣ въ то время сидѣли Азимъ Царь Юргенской съ дѣтьми, а сидѣлъ противъ шаха въ углу. А питье было шерапъ, и оwoць. Да тутъ же пилъ вино русское, что князь Ондрей къ шаху прислалъ. А послѣ онаго пилъ свое вино, а сказалъ, что курено изъ шерапу. И князю Ондрею и ближнимъ людямъ подавалъ. Да казалъ шахъ князю Ондрею два образа Пречистыя Богородицы со Младенцемъ, одинъ Фряское письмо, а сказалъ, что привезли ему изъ Гурмуса, а другой образъ Пречистыя Богородицы, сказалъ шахъ, писали съ того со Фряскаго письма его писцы“²⁾.

Пока князь Андрей Звенигородскій въ Персїи, въ Россїю ѣдетъ отъ шаха посолъ Анди Бекъ.

13 Января 7103 (1595) года посылають встрѣчать его въ Ярославль³⁾.

„Ѥхати въ Ярославль встрѣчу Кизылбашскаго посла Анди Бека—Юрїю Стромилову и Григорью О... (Приставомъ первоначально назначенъ Григорій О..., но потомъ, какъ видно, замѣненъ Ю. Стромиловымъ, и имя Григорія зачеркнуто, кромѣ этого мѣста⁴⁾).

¹⁾ Ibid., стр. 263.

²⁾ Ibid., стр. 265.

³⁾ Памяти. дил. и торг. снош. съ Персїей, стр. 287—326.

⁴⁾ Ibid., стр. 288. Примѣчаніе издателя.

Навстрѣчу послу отправили Семена Олферьева съ санями отъ Б. Годунова.

Семень Романовичъ, сынъ печатника Олферьева-Нащокина, свойственникъ Нагимъ, составитель извѣстной службы св. Роману Угличскому ¹⁾ и, конечно, не чужой чудовскому инову Григорію Отрепьеву, занимавшемуся тѣмъ же.

„А что посоль съ Семеномъ или съ Юрьемъ поговорить, и Семену и Юрью про то сказывать діаку посольскому Василию Щелкалову (объ Андреѣ уже умалчивается). А есть ли Кизылбашскій посоль Анди Бекъ Семена спросить: для чего его встрѣтилъ приставъ и встрѣчники въ смирномъ платьѣ? И Семену молить ему, что люди всѣ въ смирномъ платьѣ для того, что Государь, Царь и В. К. Ѳеодоръ Ивановичъ, всея Русіи самодержецъ, въ великой жалобѣ, а бояре и приказные люди и вся земля въ великой кручинѣ, что судомъ Божиимъ у Государя дочери, Государыни нашей, Царевны и Великія Княжны Ѳеодосіи не стало“ и пр. Опять о Царевнѣ Ѳеодосіи и объ общемъ горѣ ²⁾).

27 января Персидскій посоль въѣзжалъ въ Москву. За городомъ встрѣчалъ его Семень Олферьевъ, а съ нимъ 80 дѣтей боярскихъ.

Василій Щелкаловъ, видимо, во всемъ замѣняетъ исчезнушаго Андрея. Онъ говоритъ послу такую рѣчь:

„Великій Государь нашъ, Царь и В. К. Ѳеодоръ Ивановичъ, всея Русіи самодержецъ. Богъ его, Государя, сотворилъ дородна и храбра и счастлива; а по его Государеву милосердію, Богъ ему, Государю, далъ такова жъ дородна и разумна шюрина и правителя, слугу и конюшого боярина и дворового воеводу и содержателя великихъ государствъ—царства Казанскаго и Астораханскаго—Бориса Ѳеодоровича. И радѣніе его о томъ великое, чтобъ межъ великаго Государя нашего (и пр.) и межъ шаха Аббаса дружба и любовь утвердилась. А твои всѣ рѣчи донесу до Царскаго Величества шюрина, до Бориса Ѳеодоровича, а Борисъ Ѳеодоровичъ то донесетъ до Царскаго Величества“ ³⁾).

¹⁾ Оп. Рук. Мос. Сив. Библ.

²⁾ Памятн. диплом. и торговыхъ снош. Россіи съ Персіей, т. I, стр. 292.

³⁾ Ibid., стр. 297.

Царь Феодоръ Ивановичъ принялъ посла 18 мая (всѣ были въ смирномъ платьѣ). Вторичный пріемъ былъ на отпускѣ. Встрѣчалъ вернувшійся съ своего посольства Григорій Аванасьевичъ Нащокинъ, явилъ пословъ окольных О. Ш. Клешиныхъ, извѣстный сторонникъ Бориса Годунова. ¹⁾

20 Августа „сказывали дьяку Василю Щелкалову Кизылбашскаго посла пристава – Семень Олферьевъ да Юрій Стромиловъ, что говорилъ Кизылбашской гонецъ и не одинаково, что есть съ нимъ отъ шаха приказъ тайной къ слугѣ и конюшему боярину къ Борису Феодоровичу, и слуга бѣ и конюшей бояринъ Борисъ Феодоровичъ велѣлъ ему у себя быти“ ²⁾.

„И дѣакъ Василій Щелкаловъ извѣщалъ о томъ слугѣ и конюшему боярину Борису Феодоровичу, и Борисъ Феодоровичъ велѣлъ Кизылбашскому гонцу быти у себя на дворѣ надинѣ вечерѣ“. Это было 15 сентября 104 (1595) года ³⁾.

„И говорилъ слуга и конюшей бояринъ Борисъ Феодоровичъ Кизылбашскому гонцу (и слова эти многозначительны): нынѣ у васъ время сѣтовальное: за грѣхъ всево міра у Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича, всея Русіи, и у Государыни, Царицы и В. К. Ирины была дочь Царевна Феодосія и ея, судомъ Божиимъ, не стало, а *мнѣ она была и Государыня и племянница* (?). И мнѣ въ такое время не до пословъ, язъ въ нынѣшнее время не могу на свѣтъ зрѣть, да для такого дѣла тайнаго велѣлъ есмь тебѣ быти у себя, и ты мнѣ скажи, что съ тобою шаховъ приказъ тайной ка мнѣ“ ⁴⁾.

Издатель поставилъ знакъ вопроса послѣ словъ: „а мнѣ она была и Государыня“ и пр. Мнѣ кажется мѣсто это яснымъ.

Да, Царевна Феодосія, племянница Годунова, но она ему „и прежде всего“ *Государыня*, т. е. „преемница“ Царю Феодору, за неимѣніемъ другого наслѣдника. Это мѣсто знаменательное.

Если бы умерли Царь и Царица, то Государынею послѣ нихъ стала бы Царевна Феодосія, сдѣлавшись „Царицею“ Феодосіею.

¹⁾ Лупт.-Клешиныхъ погребенъ въ Боровсковъ Пафлутьевомъ Монастырѣ.

²⁾ Пам. днел. и торг. сношеній Россіи съ Персіей, т. I, стр. 301.

³⁾ Ibid., стр. 301.

⁴⁾ Ibid., стр. 301.

Вѣдь называла же себя „Царицею“ Леонида, третья вдова Царевича Ивана Ивановича, а послѣ смерти Царя Феодора вѣдь находили же возможнымъ воцареніе Царицы Ирины—одной. Если царствованіе Царицы Ирины было возможно, то возможно и царствованіе Феодосіи.

Царевна Феодосія—будущая законная „Царица“ и преемница Царю Феодору, за неимѣніемъ мужского колѣна, а при ней власть Годунова не поколебима, а вопросъ „власти“ для него превыше всего.

Пріемъ цесарскаго посла Варкоча состоялся 20-го сентября 1593 года ¹⁾.

Послѣ обычнаго привѣтствія, Царь велѣлъ вѣрющую грамоту, поданную Варкочемъ, принять Андрею Щелкалову, а подавая грамоту Варкочъ говорилъ: „Вашему Пресвѣтлѣйшему Государь нашъ Цесарское Величество поздравляетъ съ Богомъ дарованною вамъ Царевною Феодосіею на многія лѣта и желаетъ того, чтобъ Вашему Пресвѣтлѣйшему впередъ Богъ далъ чадородіе и во многолѣтномъ бы есте здоровьѣ счастливы были на своихъ государствахъ“.

При послѣ стоялъ приставъ князь Семенъ Звенигородскій.

Въ это пребываніе у Варкоча была встрѣча съ Персидскимъ посломъ.

14 октября велѣно „Варкочу быть у Государя на дворѣ и отвѣтъ ему учинити на его рѣчи“.

„Въ отвѣтъ Государь велѣлъ быти бояромъ: боярину Ѡ. Н. Романову, да боярину князю Ивану Васильевичу Сицкому (женатому на сестрѣ перваго), да діаконъ Андрею да Василью Щелкаловымъ, да Елизарю Вылузгину“ ²⁾. Всѣ они говорили рѣчи.

Прошелъ еще мѣсяць. 20 ноября „Царь и Великій Князь велѣлъ ѣхать къ Цесареву послу на дворъ посольскому діаку Андрею Щелкалову и о тѣхъ о тайныхъ дѣлѣхъ его распросити и съ нимъ поговорить, а про слугу и конюшого боярина, про Бориса Феодоровича, велѣлъ сказать, что зашли его многіе великіе дѣла Цар-

---

¹⁾ Пам. Дипл. Снош. Россіи съ державами иностр. Изд. 11 Отдѣл. Собственной Его Велич. Канцеляріи, т. I, стр. 1263.

²⁾ Ibid., стр. 1295.

скаго Величества и ему, послу, у Бориса Теодоровича на дворѣ быти не вмѣстно“ ¹⁾).

„Ноября въ 23 день (1593 года) Андрей Щелкаловъ у Цезарева посла на дворѣ былъ. А прїѣхавъ на дворъ, вышелъ изъ саней у лѣстницы, и у воротъ и среди двора встрѣчали посольскіе люди, а на нижнемъ крыльцѣ встрѣчали цесаревы дворяне, да приставы Андрей Окинфовъ и толмачи. А посоль Миколай (Варкочъ), да съ нимъ большой приставъ князь Семень Звенигородской, вышедъ изъ хоромъ, встрѣчали, спедъ съ верхняго крыльца, среди лѣстницы“.

„И діакъ Андрей Щелкаловъ, давъ послу руку, шли въ переднюю избу вмѣстѣ, а приставы и цесаревы дворяне и толмачи шли за ними. А пришедъ въ переднюю и сѣдчи по мѣстомъ, приставомъ и дворяномъ цесаревымъ велѣли вытти вонъ, а остался у нихъ одинъ толмачъ латынской Яковъ Заборовской“ ²⁾).

Андрей Щелкаловъ говорилъ: „съ тобою отъ Руделфа Цезаря приказъ о тайныхъ о великихъ дѣлѣхъ. И нынѣ Царскаго Величества шурина... (и пр.) Бориса Теодоровича зашли многіе великіе дѣла Царскаго Величества, и тебѣ быть у него нынѣ на дворѣ не вмѣстно. И ты, по Царскаго Величества указу, о тѣхъ о тайныхъ дѣлѣхъ объяви мнѣ..., а язъ о тѣхъ дѣлѣхъ донесу до... Бориса Теодоровича, а Борисъ Теодоровичъ донесетъ до Царскаго Величества“ ³⁾).

Варкочъ заговорилъ пространно: изложивъ все Европейское положеніе дѣлъ, онъ предлагаетъ сближеніе, „а иныя рѣчи говорилъ тайно, а записка тому у діака у Андрея Щелкалова“ ⁴⁾).

Царь Теодоръ послалъ съ Варкочемъ грамоты къ Императору Рудольфу, къ королю Испанскому Филиппу и къ папѣ Сиксту V. Послалъ грамоты къ Императору Рудольфу и брату его Максимилиану и Борисъ Теодоровичъ Годуновъ.

„Будучи у нашего Царскаго Величества,—пишетъ Царь Теодоръ къ Испанскому Королю Филиппу, — брата нашего Руделфа Цезаря посоль Миколай приговорилъ нашего Ц. В. съ бояры, съ

¹⁾ Ibid, стр. 1355.

²⁾ Ibid, стр. 1355.

³⁾ Ibid, стр. 1356.

⁴⁾ Ibid., стр. 1359.

бояриномъ и намѣстникомъ Псковскимъ съ Ѳ. Н. Романова съ товарищи, что брату нашему Руделфу Цезарю, обослався съ тобою—съ Испанскимъ Королемъ Филиппомъ—и съ навѣшшимъ папаю съ Сикстусомъ и утвердися съ Вами, въ докончаньѣ слати въ нашему Царскому Величеству отъ сее предыдущіе весны къ другой веснѣ пословъ своихъ великихъ о тѣхъ дѣлѣхъ, приговоривъ, закрѣпить (союзъ противъ Турокъ); а вамъ бы, Испанскому Королю Филиппу, и навѣшнему папѣ Сиксту, съ тѣми цесаревыми послы вмѣстѣ въ нашему Царскому Величеству прислати пословъ своихъ“¹⁾.

8 декабря (1593) Варкочь уѣхалъ изъ Москвы.

Отъѣзжающему послу дается обѣдъ. „А столъ у Государя былъ въ большой, въ подписной въ грановитой полатѣ, а поставцы были въ палатѣ околѣ столба и у дверей надъ трубою; всѣхъ поставцовъ золотые и серебряные суды, а въ сѣнехъ передъ палатою, идучи въ палату по правую сторону, стояли суды серебряные всѣхъ поставцовъ, а по лѣвую стояли бочки и ведра и ковши большіе, а на кормовомъ поставцѣ блюда золотые и серебряные, а Г. Ц. и В. К. сидѣли въ своемъ царскомъ мѣстѣ, а передъ Государемъ былъ столъ золотъ, а бояре сидѣли у Государя по правую сторону; въ большой лавкѣ: бояринъ князь Феодоръ Ивановичъ Мстиславскій, слуга и конюшей бояринъ Борисъ Феодоровичъ Годуновъ, бояринъ Феодоръ Никитичъ Романовъ и иные бояре и окольнічїе и дворяне думные и дворяне большіе въ нагольныхъ шубахъ, а въ другой лавкѣ отъ патриаршаго двора и на окольнічемъ сидѣли дворяне въ нагольныхъ же шубахъ, а посоль сидѣлъ въ кривомъ столѣ, а подъ нимъ въ лавкѣ сынъ его и дворяне Цесаревы, а противъ посла сидѣлъ и подчивалъ Цесарева посла князь Андрей Хилковъ, а подъ ними приставы—князь Семень Звенигородскій да Андрей Акинфовъ. А чашники и столники при Государѣ были всѣ въ золотѣ. А подача послу была отъ Государя послѣ боярина Феодора Никитича (sic)“²⁾. Такъ подчеркивается значеніе послѣдняго.

Когда подали чашу, Царь Феодоръ сказалъ: „Миколай, какъ

¹⁾ Ibid., стр. 1366.

²⁾ Ibid., стр. 1353.

будешь у брата нашего у Государя своего Руделфа Цесаря, и и ты отъ насъ поклонись“.

Повидимому, тогда еще все было благополучно и Царевна Феодосія была жива.

Но уже въ переговорахъ съ Варкочемъ сильно выдвигаются Ѳ. Н. Романовъ и его шурина князь Иванъ Сидкій-Ярославскій, одновременно съ братьями Щелкаловыми и съ Елизаріемъ Вылузгинымъ. Все это люди близкіе и единомышленники. Въ Смоленскѣ же воеводою въ то время былъ также человекъ имъ близкій, князь Катыревъ-Ростовскій, авторъ извѣстной записки о смутномъ времени.

7102 (1594) февр. въ 13 день приходитъ изъ Пскова извѣстіе о томъ, что „прибыль гонецъ отъ Цесаря Рудольфа—Михаилъ Шиль (Schiel), а съ нимъ человекъ его“¹⁾.

Шиль въ Москвѣ помѣщенъ во дворѣ „владыки Рязанскаго“ (слѣдовательно въ домѣ будущаго патріарха Игнатія).

Царь приказалъ объявить Шилю, что „быть ему у Государя и у бояръ и у приказныхъ людей вскорѣ невмѣстно, для того что судомъ Божиимъ Государыни Царевны Феодосіи не стало“.

Шиль пріѣхалъ съ грамотами „о великихъ дѣлѣхъ“, привезъ разныя извѣстія изъ Европы, говорилъ онъ, между прочимъ, что на Французскомъ королевствѣ „нынѣ учинился Королемъ Наварскій князь (Генрихъ IV) и съ Цезаремъ въ дружбѣ учинился“.

Подъячій Андрей Ивановъ передалъ рѣчи Шилию Андрею Щелкалову. Андрей Щелкаловъ обо всемъ передалъ Царю, но Шилю повторилъ тоже самое: „Ц. и В. К. и бояре нынѣ въ жалобѣ: Божиимъ судомъ, Государыни Царевны Феодосіи не стало, и ему (у Государя и Б. Годунова) быти не пригоже“.

13 марта 1594 года Шиль былъ у Андрея Щелкалова „и правилъ ему поклонъ отъ канцлера отъ Данила Принца и отъ думныхъ людей Максимилиана, ... обраннаго Короля Польскаго, челобитье. И дьякъ Андрей Щелкаловъ, приподывся, спрашивалъ о ихъ здоровьѣ: канцлеръ Даниилъ Принцъ и думные люди Макси-

¹⁾ Пам. Диплом. Снош. древней Россіи съ держ. иностранными, изд. II Отд. Собств. Его Императорскаго Величества канцеляри, т. I, стр. 1423.

милиана, обраннаго Короля Польскаго, по здорову ли?“¹⁾ Отвѣтъ получился утвердительный.

Личность Максимилиана Австрійскаго по многимъ причинамъ интересовала Московское правительство, но главною приманкою въ интересахъ Годуновыхъ представлялись тайные переговоры съ Цезаремъ о бракѣ Максимилиана съ дочерью Изряднаго Правителя Ксеніей Борисовной. Самая мысль о подобномъ бракѣ обличаетъ уже извѣстныя стремленія Годунова.

Андрей Шелкаловъ сказалъ Шилю такую рѣчь:

„Михайло! пріѣхалъ еси къ В. Г. нашему, Царю и В. К. Феодору Ивановичу в. Р. с. отъ дражайшаго и любезнѣйшаго брата его, отъ Рудельда отъ Цесаря, съ грамотами, и по твоимъ несчастьямъ пріѣхалоса тебѣ не во время: судомъ Божиимъ, у В. Г. нашего не стало дочери, нашия Государыни, Царевны Феодосьи, и Ц. В. нынѣ въ великой жалобѣ, и бояре Е. Ц. В. и всѣ мы думные люди въ великой скорби, и для того тебѣ у Ц. В. и у его Государевыхъ бояръ быть не вмѣстно“.

Теперь уже отъ лица всѣхъ говорится, что Царевна Феодосія общая всѣмъ „Государыня“.

Всѣ переговоры съ Шилемъ ведутся „однимъ“ А. Щелкаловымъ.

Въ мартѣ 1594 Шиль отпущенъ изъ Москвы, при чемъ съ нимъ отправлены двѣ грамоты: отъ Царя и отъ Бориса Годунова.

А съ Москвы Цесаревъ гонецъ отпущенъ на Псковъ и провожаетъ его Борисъ Бекетовъ; послѣднему предписано: „ѣдучи дорогою, къ Цесареву гонцу береженье держать великое, чтобы ему ни отъ кого обиды и безчестья не было“²⁾.

Смерть Царевны Феодосіи произошла, когда Ѳ. Н. Романовъ и кн. Иванъ Сицкій и друзья ихъ—въ Москвѣ и на лицо. Понятно, что на нихъ эта смерть должна произвести глубокое впечатлѣніе. Въ то же время невольнo возбуждались страсти, на почвѣ взаимнаго соперничества и въ виду неизвѣстности будущаго...

„Болезнь и смерть Царевны Феодосіи Феодоровны, послѣдо-

¹⁾ Ibid., стр. 1441.

²⁾ Ibid.

вавшая, если мы не ошибаемся,—говоритъ проф. С. Ф. Платоновъ, 25 января 1594 года, отняла у Царя и Царицы послѣднюю надежду имѣть потомство. Хотя и говорилось про царскую чету, что „оба государя млада и святы къ Богу“ и что „по ихъ государственной святой молитвѣ Богъ имъ дастъ, чего они просятъ“,—однако конецъ династїи сталъ явентъ, и правитель Годуновъ не даромъ послѣ смерти Царевны началъ объявлять своего сына Феодора при посольскихъ приѣмахъ, какъ возможнаго продолжателя „Царскаго корене“¹⁾).

Смерть Царевны произошла послѣ отъѣзда Варкоча и до прибытія новаго Цезарскаго гонца Шила.

Послѣдній разговоръ Андрея Щелкалова съ Варкочемъ былъ 7 декабря 1593 г. Царевна Феодосія была еще жива. Бесѣда была „тайная“, и вѣрно ли передавалъ объ ней Варкочъ — не доказано. Преемникъ его Дона обличалъ его во лжи. Два вопроса могли быть предметомъ бесѣды: вопросъ брачный и вопросъ о престолонаслѣдіи. Въ виду того, что Царевна еще жива, думается, что вопросъ брачный стоялъ на первомъ планѣ. Изъ двухъ бесѣдъ Андрея Щелкалова съ Цезарскими людьми для него важнѣе „тайная“ бесѣда его съ Михаиломъ Шилемъ, послѣдовавшая уже „послѣ“ кончины Царевны Феодосіи, когда положеніе дѣлъ круто мѣняется.

Остановимся пока на этомъ крупномъ событіи, на кончинѣ Царевны Феодосіи. Если дѣйствительно готовится извѣстное сокровенное лицо, уже предназначенное для извѣстной роли въ будущемъ, то положеніе этого лица со дня смерти Царевны Феодосіи приобретаетъ совсѣмъ иное значеніе. Извѣстное „движеніе“ тутъ неизбежно, какъ по отношенію въ этому лицу, такъ и въ средѣ, ему прикосновенной...

Съ началомъ 1594 года начинается и новый періодъ для таковой подпольной работы.

По поводу „опалы“ А. Щелкалова Платоновъ говоритъ слѣдующее: „вина Андрея не была простымъ воровствомъ, а была очевидно „измѣной“, которая „не дошла“ даже до его роднаго брата. Мы вправѣ предположить, что эта единоличная измѣна заклю-

¹⁾ Платоновъ. Очерки по исторіи смуты, стр. 224.

чалась въ тайныхъ сношеніяхъ съ Варкочемъ, о которыхъ Борисъ могъ узнать отъ своихъ агентовъ, вродѣ того Луки Паули, который ѣздилъ вмѣстѣ съ Варкочемъ и былъ имъ даже изобиженъ“ ¹⁾).

„Любопытнѣйшій рассказъ Варкоча о его бесѣдѣ со Щелкаловымъ, да слухи о томъ, что не одинъ Борисъ достоинъ престола, пошедшіе по всей Руси немедленно послѣ смерти Феодора,—указываютъ на броженіе мыслей и страстей вокругъ вопроса о преемникѣ власти бездѣтно угасающаго Монарха. Москва въ тишинѣ ожидала развязки необычайнаго положенія“ ²⁾).

Но развѣ бесѣды съ Варкочемъ были послѣднія въ дѣятельности Андрея Щелкалова? Намъ извѣстно, что съ февраля 1594 года, или тотчасъ послѣ кончины Царевны Феодосіи, весьма неблагоприятно появился въ Москвѣ Цесарскій посоль Шиль. Онъ не застаётъ Варкоча и не принятъ никѣмъ, кромѣ только Андрея Щелкалова, и между ними происходитъ таинственный обменъ мыслей. Еще въ первыхъ числахъ мая Андрей Щелкаловъ на своемъ мѣстѣ. .

Единоличные переговоры съ Шилемъ въ такой рѣшительный моментъ болѣе обращаютъ на себя вниманіе, чѣмъ послѣдніе разговоры съ Варкочемъ. Именно Шиль является въ послѣдствіи человекомъ, знающимъ больше другихъ, и притомъ въ области сокровенной ³⁾. Документы Вѣнскаго Архива нѣсколько освѣщаютъ роль Шили и прикосновенность его къ событіямъ междуцарствія, тотчасъ послѣ смерти Царя Феодора. Что могъ въ порывѣ настроенія, озабоченнаго будущимъ, сказать, хотя бы и вскользь, тотъ человекъ, для котораго не скрыта была „никая же державныхъ тайна“ ⁴⁾, для котораго и Угличское событіе не представлялось загадкой? Вотъ гдѣ психологическій моментъ, приводящій къ рѣшающимъ послѣдствіямъ и вынуждающій „исчезновеніе“ А. Щелкалова.

Переговоры съ Шилемъ ведутся единолично Андреемъ Щелкаловымъ. По причинѣ смерти царевны Феодосіи, А. Щелкаловъ то и дѣло повторяетъ Шилю, что пріѣздъ его случился не

¹⁾ Ibid., стр. 224.

²⁾ Ibid., стр. 225.

³⁾ Док. Вѣнск. Арх.

⁴⁾ Тимофеевъ. Временникъ. Рус. Ист. Библ., т. XIII, стр. 353.

во время, что онъ не только не удостоится увидѣть Царя, но и увидѣть Бориса Годунова и никого другого, кромѣ его Андрея Щелкалова, „великаго Логофета“¹⁾, у котораго въ рукахъ весь политическій клубокъ дѣлъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Переговоры Щелкалова съ Шилемъ—это послѣдняя его явная дѣятельность, переговоры безъ свидѣтелей, и притомъ въ самое тревожное время, когда стало яснымъ, что великій вопросъ о наследствѣ возникаетъ неминуемо по смерти Царя Феодора. Судя по свѣдѣніямъ о многихъ переговорахъ Щелкалова, въ которыхъ онъ не скрывалъ своихъ взглядовъ по вопросамъ церковнымъ, трудно допустить, чтобы мысль о воярениі у насъ Максимилиана Австрійскаго могла бы когда-нибудь ему улыбнуться. Это слишкомъ бы расходилось, какъ съ политикой его въ 1584 г., такъ и съ его ревностью къ самостоятельности Русскаго государства. Это былъ человекъ, для своего времени, выдающагося государственнаго ума, и онъ измѣнилъ бы себѣ переходомъ на сторону Максимилиана.

Съ другой стороны, весьма естественно было Шилю коснуться современнаго труднаго положенія, и вопросъ о престолонаслѣдіи вообще могъ весьма естественно возникнуть между Щелкаловымъ и Шилемъ. И на этомъ мы должны остановиться.

Далѣе слѣдуетъ непосредственно знаменательный фактъ „исчезновенія“ Андрея Щелкалова, фактъ для общаго положенія въ государствѣ весьма крупный. Представляется необъяснимымъ, какъ могъ Андрей Щелкаловъ выбрать такое исключительно неблагоприятное (смерть царицы Феодосіи) время для исчезновенія? И это, конечно, даетъ поводъ думать, что это исчезновеніе „не вполнѣ“ добровольное. Какъ посмотрѣлъ на это удаленіе Царь Феодоръ и Ѳ. Н. Романовъ,—мы не знаемъ. Если это „опала“ и вызвана починомъ Годунова, недовольнаго Андреемъ Щелкаловымъ, то какъ же объяснить продолженіе довѣрія Годунова къ брату его Василью? Вѣдь дружба и единомысліе братьевъ не подлежитъ сомнѣнію и она всѣмъ извѣстна, а между тѣмъ мѣсто, покинутое Андреемъ Щелкаловымъ, замѣщается его братомъ Василиемъ. Не было ли между братьями „добровольнаго“ соглашенія раздѣлить дѣятельность, явную

¹⁾ Малыш. Мелетій Пигасъ, ч. II.

отъ неявной, и такимъ образомъ сдѣлаться въ сущности полными хозяевами положенія, пользуясь своими многочисленными связями и давнимъ вліяніемъ? Но какъ могъ на это пойти Годуновъ и допустить принятіе Андреева наслѣдства Васильемъ Щелкаловымъ? Опала Василя Щелкалова послѣдовала лишь въ 1602 году ¹⁾ и имѣетъ тѣсную связь съ опалой Романовыхъ и Богдана Бѣльскаго, и тутъ дѣло яснѣе.

Объ „опалѣ“ же А. Щелкалова нѣтъ точныхъ указаній. Одивъ только Тимофеевъ намекаетъ на нѣчто подобное, но по обычаю выражается чрезвычайно темно и сбивчиво. Вотъ его слова: „нѣкоего своему злу злокозненна всячески наставника и учителя си имѣ (Борисъ)—како преходну быти ему отъ нижайшихъ на высокая и отъ малыхъ па великая и отъ меншихъ на болшая и одолѣвати благородная,—древня мужа, иже въ царскихъ ступающихъ тайнахъ премудрыхъ царей пашихъ предваршихъ приближена бывша, и многолѣтна, глубочайшими сѣдинами цвѣтущи и составрѣвшися, безъ него же никакая же державныхъ тайна и о землѣ правленіяхъ (sic) законоустановленная положенія не совершашеся, понеже въ дѣлныхъ зѣло злохитръ бѣ отъ соименныхъ ему. И въ преимущихъ чиномъ всего сипелита инъ сицевъ до дне смерти его и по немъ до нынѣ не обреташася. Такова убо се той желатель царствію учителя же тезозлобна по праву стяжа. Бѣ же сему мнѣй (меньшій) соутробный, на се съ нимъ овому споборникъ“ ²⁾.

Эти слова довольно глухо говорятъ объ опалѣ. Изъ нихъ мы знаемъ, что оба брата были во всемъ единомысленны, что старшій былъ „зѣло злохитръ“ и что для него не было государственныхъ тайнъ, что онъ когда-то имѣлъ вліяніе на Годунова. Мнѣ кажется, что этихъ словъ не достаточно, чтобы опредѣлить, что исчезновеніе Андрея Щелкалова въ маѣ 1594 года было вызвано опалой Бориса Годунова.

Оно стало бы понятнѣе, если допустить что удаленіе Андрея Щелкалова было „добровольное“, не вынужденное опалю. Тогда переходъ къ Василью Щелкалову самый естественный, да и пре-

¹⁾ Карамз. т. XI, гл. II, 159, ср. прим., стр. 37.

²⁾ Тимоф. Временникъ. Рус. Истор. Биб., т. XIII, стр. 352, 353.

бываніе Андрея въ сокровенности — вполнѣ свободное. Все это далеко не лсно, но чувствуется, что удаленіе Щелкалова это начало чего-то новаго, непосредственно связаннаго съ кончиною Царевны Теодосіи и съ невыясненнымъ для современниковъ Угличскимъ событіемъ. Это „новое“ должно внести и новую смуту въ умы. При этомъ мы не должны терять изъ виду крѣпкой связи и непосредственныхъ сношеній между Андреемъ Щелкаловымъ и патриархомъ Мелетіемъ Пигасомъ, не прощавшимъ Годуну введеніе въ Россіи патриаршества.

Чрезвычайно важнымъ представляется вопросъ, былъ ли *постриженъ* и на комъ былъ женатъ Андрей Щелкаловъ? Дѣловой характеръ его разнообразной дѣятельности какъ бы заслоняетъ этотъ семейный вопросъ, а въ данномъ случаѣ онъ первой важности и имѣетъ отношеніе къ его постригу. Былъ ли Андрей Щелкаловъ тогда же постриженъ, это еще вопросъ. По словамъ Лихачева ¹⁾, „могущество Щелкаловыхъ особенно интересно въ томъ отношеніи, что оно является наивысшей ступеню того значенія, какого когда-либо достигали дьяки“. Онъ же говоритъ: „былъ ли отставленъ старшій братъ, въ точности неизвѣстно“ ²⁾. Вотъ нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о связяхъ Щелкаловыхъ.

„Въ 1649 году Алексѣй Чепчуговъ билъ челомъ въ отечествѣ на Михайла Волынскаго, а Михайла Волынскій билъ челомъ Государю на Алексѣя Чепчугова о безчестьѣ, что онъ Алексѣй его Михаила тѣмъ безчестилъ, а и не такіе де молодые дѣти боярскіе ихъ не безчещивали, а тѣ де онъ грамоты владеть не правыя, нарядныя, *потому что де думный дьякъ Василий Щелкаловъ имъ Чепчуговымъ былъ свой ближній*. И Царь указалъ Алексѣя Чепчугова оправить, а Михайла Волынскаго обвинить“ ³⁾.

А Чепчуговъ говорилъ, что „дѣдъ де его Михайловъ, меньшей Волынской, былъ менше дѣда моего родного Никифора (Павлова) Чепчугова въ 92 (1584) году“... Близость и свойство Щелкаловыхъ съ Никифоромъ Чепчуговымъ тѣмъ любопытнѣе, что послѣднему приписывается вмѣстѣ съ Загряжскимъ особая роль по дѣлу Царевича

¹⁾ Лихачевъ. Государственные Дьяки.

²⁾ Лихачевъ. Госуд. Дьяки.

³⁾ Дворц. Разр., ч. III.

Дмитрія. Никифоръ Чепчуговъ будто бы отказался быть орудіемъ Бориса Годунова по отношенію къ Царевичу ¹⁾.

Меньшой же Волынской былъ Двинскимъ воеводой въ 90-хъ (1582) годахъ. Въ Башмаковской разрядной есть указаніе, что Щелкаловы дружатъ съ Троекуровымъ (л. 432), въ 7088 (1580) г. варовятъ Колтовскому (л. 377), что Долгорукіе — сваты Андрею Щелкалову (л. 704).

Въ августѣ 1594 года на мѣстѣ Андрея уже Василій Щелкаловъ и принимаетъ весьма „подозрительное“ посольство Хлопицкаго ²⁾. Но онъ продержался только до 1602 года. Въ іюнь мѣсяцѣ того же года на его мѣстѣ Аѳанасій Власевъ. Опала знаменитаго дьяка продолжалась до самой смерти царя Бориса. Здѣсь опала вполнѣ ясна. Преемникъ же Годуновыхъ указывалъ на братьевъ Щелкаловыхъ, какъ на своихъ спасителей, и далъ Василю Щелкалову небывалую награду — окольничество.

Свѣдѣнія объ исчезновеніи Андрея Щелкалова, о „подспуд-

¹⁾ Ник. Лѣт. Въ 1569 году Андрей Щелкаловъ отдастъ свое Переяславское имѣніе въ Троице-Сергіеву Лавру и, отдавая, говоритъ: „а хто учеть за эту нашу вотчину вступатись рода моего и племени моего и жены моей рода и племени и брата моего рода и племени, и тѣмъ со мною будетъ судъ предъ Богомъ“. Въ данной Андрей Щелкалова 1569 года послушаніи (свидѣтелями) подписались: 1) Полуехто Федоровъ, сынъ Долматовъ; 2) Дѣй Васильевъ, сынъ Губастовъ; 3) Трегьякъ Шестаковъ, сынъ Дмитровецъ; 4) Никифоръ Щелкаловъ, сынъ Редриковъ, и 5) Китоуръ Невѣжинъ, сынъ Межаковъ“. (Горскій. Описаніе Троиц. Серг. Лавры, стр. 102). Послухи, конечно, люди не чужіе Щелкалову, къ тому же Редриковъ — самъ Переяславецъ: „пожаловали есмя Переяславца Константина, Аѳанасьева сына, Редрикова и пр. за отца его Аѳанасія и за его многія службы (гласитъ грамота царя Михаила), ибо онъ, памятуя Бога и Пресвятую Богородицу и Московскихъ Чудотворцевъ, будучи въ Живоначальной Троицѣ въ Сергіевомъ монастырѣ въ осадѣ, въ нужное и прискорбное время, за вѣру христіанскую и за святыхъ Божіихъ церквей, и за насъ, и за всѣхъ православныхъ христіанъ, противъ враговъ нашихъ Польскихъ и Литовскихъ людей и „русскихъ воровъ“, которые до конца раззорити хотѣли Ж. Т. С. М. и вѣру христіанскую попрасть, а онъ, Константинъ, будучи у Ж. Т. въ Серг. Лаврѣ, противъ тѣхъ злодѣевъ нашихъ стоялъ крѣпко и мужественно, и много дородство и храбрость кровопролитіе службы показалъ, терпѣлъ много время отъ воровскую прелесть и смуту, ни на которую не покорился, стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и непоколебимо, безъ всякія шатости“. (Архивъ Мин. Юст. Грам. Колл. экономін). Слѣдовательно въ 1569 г. Андрей Щелкаловъ былъ уже женатъ.

²⁾ Это посольство — какая то мистификація, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе, появляется въ іюнь 1594 года, слѣдовательно черезъ мѣсяцъ по исчезновеніи Андрея Щелкалова. (Пам. Днл. Своп. древн. Рос. съ держав. иностр., т. I).

номъ“ его пребываніи, довольно сбивчивы. Современное положеніе этого вопроса, по мнѣнію Никольскаго, представляется таковымъ ¹⁾:

„Въ кормовой книгѣ, изданной Сахаровымъ въ запискахъ отдѣленія русской славянской археологіи Императорскаго Археологическаго Общества (томъ I. Спб. 1861 г., стр. 63) сдѣлано указаніе на иноческое имя Андрея Щелкалова (во иноцѣхъ Феодосій), а это обстоятельство дало поводъ къ предположенію о его постриженіи въ Кирилловѣ монастырѣ. Однако до сихъ поръ ни въ одномъ изъ документовъ, соприкасающихся съ исторіею этого монастыря, не удалось найти доказательствъ, подтверждающихъ это предположеніе. Поэтому склоняюсь къ мысли, что дьякъ Андрей Щелкаловъ могъ не принадлежать къ составу Кирилловскаго братства. Во-первыхъ, ни дьякъ Андрей, ни братъ его не значатся въ числѣ именитыхъ лицъ, погребенныхъ на Кирилловскихъ кладбищахъ въ XVI-мъ или XVII-мъ вѣкѣ ²⁾.

Во-вторыхъ, въ началѣ XVII-го в. иноческое имя Андрея Щелкалова было мало извѣстно въ Кирилловѣ монастырѣ (несмотря на то, что это имя, а не мірское, должно было быть возглашаемо при поминовеніи дьяка). Этому не случилось бы, если бы дьякъ Андрей жилъ, постригся и скончался въ Бѣлозерской обители. Въ началѣ (мартъ — маѣ) 1594 года его постигла опала ³⁾, но еще въ 1601 году братія называла Андрея Щелкалова не иноческимъ, а мірскимъ именемъ. Такъ, по описи Кирилловскаго монастырскаго имущества, составленной въ 1601 году въ самомъ монастырѣ, объ одномъ изъ пожертвованій Щелкалова, сдѣланномъ въ 1571/2 году, сказано: „кубокъ серебрянъ, золоченъ, ложчатъ съ покрывкою, а на покрывкѣ человекъ, весу 7 гривенокъ безъ дву золотниковъ, даянъя Ондръ(я) Щелкалова Братина серебряна, золочена, съ покрывшею, чеканѣна, на покрывшкѣ человекъ, да на братинѣ жо и на покрывшкѣ подписъ, весу 3 гривенки безъ

¹⁾ Никольскій. Письмо къ С. Д. Ш.

²⁾ См. приложение къ книгѣ „Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и его устройство“, т. I, стр. 45—58.

³⁾ См. Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки 16 в. Спб. 1888, стр. 200. Библиотека и Архивъ Моск. Государей въ 16 столѣтіи, его же, стр. 127. С. Ф. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты. Спб. 1899, стр. 225.

трехъ золотниковъ, *Ондрѣва* жъ дажня¹⁾. Точно также и „Вкладная книга Кириллова монастыря“ (содержащая списокъ пожертвованій), переписанная въ 1603 году со стараго списка „чернаго и ветхаго“, не знаетъ иноческаго имени Андрея Щелкалова, хотя называетъ иноческое имя его брата Василья (во иноцехъ Васьянъ—приписано на полѣ, очевидно уже послѣ 7118 года, когда скончался Василій Щелкаловъ²⁾), неизвѣстное составителю „Кормовой книги“, изданной Сахаровымъ. Вотъ извѣстіе „Вкладной книги“ 1603 года о вкладѣ братьевъ Щелкаловыхъ: „того жъ 80-го (т.-е. 1571/2) году *Андрей* да Василей („во иноцехъ Васьянъ“—приписка на полѣ) Яковлевичи Щелкаловы дали вкладу въ домъ Пречистой Богородицы и чудотворцу Кирилу: къ Пречистой Богородицы на крестъ на позолоту 200 золотыхъ оугорьскихъ, цена 120 рублевъ, да по матери своей и по родителехъ по своихъ дали 100 рублевъ денегъ, да 100 четви овса, цена 13 рублевъ, да *Андрей* же Яковлевичъ далъ 25 золотыхъ большихъ, цена 30 рублевъ, 50 пудъ меду, цена 25 рублевъ, да кубокъ, да братину серебряны золочены, цена 25 рублевъ, да Василей Яковлевичъ далъ терликъ отласной на соболяхъ, да кафтанъ—отласъ золотной подложенъ отласомъ гладкимъ, да фѣрези камка рудожелта, да сапоги сафьянъ синь, да спорокъ бархатъ клинчатъ, да 2 ковра, а цена платью 82 рубли, и всего ихъ вкладу 395 рублевъ“³⁾. Вслѣдъ за этимъ въ той же „Вкладной книгѣ“ позднѣйшею рукою (очевидно, уже по смерти Василія Щелкалова, послѣдовавшей въ 7118 (1609/10) году) прибавлено: „въ сенаники (т.-е. въ синодики) и въ кормъ написаны“ (т.-е. въ кормовую книгу, въ которой содержались записи о заупокойныхъ кормахъ по разныхъ лицахъ). Очевидно, что какъ въ 1602/3 году, во время вторичной переписки „Вкладной книги“, такъ и ранѣе (при составленіи ея первоначальнаго списка) и позже (въ 1609/10, приблизительно, году) Кирилловскіе монахи знали дьяка Андрея Щелкалова, но едва ли знали, что онъ былъ „во иноцехъ“ Феодосій. Отсюда позволяемъ заклю-

¹⁾ Рукоп. Кирил. Бѣл. библ. Спб. Духовной Акад., № 71—1370, л. 239 об., 240.

²⁾ Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки 16 в., указателя стр. 90.

³⁾ Рукоп. Кирил. Бѣл. библ. Спб. Дух. Акад. № 78—1317, л. 122 об., 123.

чить, что если Андрей Щелкаловъ облекся въ чернеческую рясу, то это случилось, вѣроятно, не въ Кирилловѣ монастырѣ, и что монашеское имя бывшаго дьяка стало извѣстнымъ здѣсь только тогда, когда сюда дошла вѣсть о постриженіи и смерти его, послѣдовавшей гдѣ-либо внѣ Кириллова монастыря. „Кормовая книга“, изданная Сахаровымъ (по списку не всегда исправному), была составлена сравнительно уже поздно, между 1626 — 1630 годами, т.-е. спустя 25 — 30 лѣтъ по кончинѣ Щелкалова.

Предположеніе о томъ, что бывшій дьякъ не принадлежалъ къ составу Кирилловской братіи, не находится въ противорѣчій и съ тѣмъ документомъ, на который обратилъ вниманіе Н. П. Лихачевъ (въ его книгѣ „Библиотека и Архивъ Моск. Государей въ 16 вѣкѣ“) и который изданъ Федотовымъ-Чеховскимъ въ томѣ I „Актовъ, относящихся до гражданской расправы древней Россіи“¹⁾. Здѣсь приведена отпись, которую Андрей Щелкаловъ въ 105-мъ (т.-е. 1596—7) году далъ въ Боголюбовѣ (Владимірскаго уѣзда) монастырь „за отца своего духовнаго рукою“ (т.-е. съ подписью) Пречистые Введенскіе, что за торгомъ, церкви „попа Федора“ (слѣдовательно бѣлаго священника, а не монаха) на „Суровотскую вотчину“ (Владимірскаго уѣзда). Въ этой отписи 105-го года было написано: „се язъ Ондрей Щелкаловъ, что ималъ есми изъ Боголюбова монастыря у игумена у Тихона домовую пустую вотчину и пр., и ту вотчину отдалъ въ домъ Боголюбова монастыря при своемъ животѣ“. Нѣсколько ранѣе въ томъ же документѣ, изданномъ Федотовымъ-Чеховскимъ (въ первой грамотѣ), замѣчено: „и послѣ де Ондрея Щелкалова тою ихъ вотчиною (т.-е. вотчиною Суровотскихъ) стали владѣть тѣ Боголюбовскіе старцы. И въ прошломъ де во 110 (1602) году, при Царѣ Борисѣ, искалъ той вотчины отецъ ихъ (т.-е. Суровотскихъ) на Боголюбовскихъ старцѣхъ въ Московскомъ Судномъ Приказѣ“. Изъ приведенныхъ словъ можно сдѣлать два заключенія: а) въ 105 (1596—7) году Андрей Щелкаловъ принадлежалъ еще къ числу вотчинниковъ Владимірскаго уѣзда и не носилъ еще монашескаго имени (почему и духовникомъ его былъ тогда не монахъ, но бѣлый священникъ) и б) скончался онъ между

¹⁾ Кіевъ, 1860 г., стр. 289, № 96.

105-мъ (1596—7) и 110-мъ (1601—2) годами. Не былъ ли постриженъ дьякъ Андрей, по древне-русскому обычаю, только передъ смертью? При такомъ предположеніи, можно было бы понять, почему иноческое имя Андрея Щелкалова не сразу стало извѣстнымъ въ отдаленномъ Бѣлозерскомъ монастырѣ.

Но воплнѣ точно и удовлетворительно вопросъ о пребываніи Андрея Щелкалова въ Кирилловой обители и времени его кончины могли бы разрѣшить только приходо-расходныя книги монастыря за 1594—1602 годы. Къ сожалѣнію, такія книги сохранились до нашего времени только отъ 1567, 1568, 1581, 1604 и слѣдующихъ годовъ¹⁾. Таковы любопытные выводы И. К. Никольскаго.

Повидимому, Андрей Щелкаловъ не постригся въ Кирилловѣ, но монастырь этотъ ему близокъ ради отца его Якова, тамъ жившаго и тамъ погребеннаго. Царевичъ Дмитрій и Андрей Щелкаловъ тяготѣли къ этому монастырю, равно и братъ послѣдняго Василій. Но вѣдь Андрей Щелкаловъ не можетъ же исчезнуть безслѣдно. Это слишкомъ крупная величина, чтобы быть обреченной на бездѣйствіе. Исчезновеніе это, напротивъ того, — равносильно водворенію гдѣ-то „подспуднаго“ правительства, отнынѣ проводящаго свою программу, помимо внѣшняго хода событій. Съ этого времени долженъ составляться и созрѣвать опредѣленный планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, направляемыхъ противъ Годунова, въ виду ожидаемой возможности его воцаренія. Но чѣмъ же помѣшать этому воцаренію, — чѣмъ подкосить все зданіе, воздвигаемое Годуновымъ? Только однимъ: „тѣнью Дмитрія“. Эта тѣнь теперь всего нужнѣе Щелкалову. Нельзя же отказать ему ни въ знаніи положенія и людей, ни въ великомъ трудолюбіи, ни въ жадѣ дѣятельности. Это признаютъ всѣ современники.

Андрей Щелкаловъ еще налицо въ началѣ мая 1594 г., но только въ началѣ. 15 мая 1594 года, конечно, день особенно знаменательный. Всего три года прошло со дня невыясненнаго исполнѣ Угличскаго событія. Ежегодно день этотъ неволью напоминать долженъ Царю Феодору и всей странѣ о забытой такъ скоро Угличской могилѣ...

¹⁾ Никольскій. Письмо къ Г. С. Д. Ш.

Царевичъ Димитрій легко заслоняется, потому что налицо Царевна Феодосія. Она своимъ существованіемъ примиряетъ разномыслія и закрѣпляетъ прямой вопросъ о престолонаслѣдіи.

Существовалъ ли въ дѣйствительности гдѣ-то, въ глуши непроглядной, подроставшій „выблядочекъ“? Вопросъ становился мало интереснымъ,—но все же онъ по преимуществу долженъ касаться Андрея Щелкалова, отъ котораго не могла быть скрыта „никакая же державныхъ тайна“¹⁾.

Былина о Царѣ Саулѣ „Леванидовичѣ“²⁾ обращаетъ на себя вниманіе. Въ ней отраженіе чего-то, касающагося города Углича и его жителей и связаннаго съ судьбою „Царевича“, сына Леванидовича, весьма напоминающаго собою Царевича „меньшаго“ Ивановича другой быliny.

„А и Царское дитя не по годамъ растетъ,
А и Царское дитя не по мѣсяцамъ;
А которой ребенокъ двадцати годовъ,
Онъ Константинушка семи годковъ“.

Ростетъ онъ такъ въ тиши, по исчезновеніи своего отца.

На существованіе его обращается вниманіе тѣмъ болѣе, что онъ

Сталъ съ ребятами шутку шутить,
Съ усатыми съ бородатыми..
А всѣ вѣдь дѣти княженецкіе,
А всѣ вѣдь дѣти боярскіе..
Всѣ то вѣдь дѣти дворянскіе..
Онъ шутку шутить не по ребячьи,
А творки творить не по маленькимъ.

Всѣ невольно спрашиваютъ себя:

А что это у насъ за уродъ растетъ?
Что это у насъ за „выблядочекъ“?

Подростъ Царевичъ, развернулся и поѣхалъ онъ дорогою „среднею“, на которой предсказана ему „смерть напрасная“, поѣхалъ и доѣзжаетъ до рѣки Смородины, гдѣ по другой былинѣ погибаетъ „безвременный молодець“, котораго „сгубила похвальба его, пагуба“.

¹⁾ Тимофеевъ. Временникъ. Изд. въ XIII т. Рус. Ист. Библ., стр. 353.

²⁾ Кирша Даниловъ. Былина о Цар. Саулѣ Леванидовичѣ. Изд. 1901 г.

Противъ него сила татарская съ Кунгуромъ Царемъ, и они задались „дѣтину ловить“. Вмѣшиваются въ это дѣло „мужики Углицки.

А Углицки мужики были лукавы,
 Городъ Угличъ крѣпко заперли
 И взбѣгали на стѣну бѣлокаменну.
 Сами они его обманываютъ:
 Гой еси, удалой добрый молодець,
 Поѣзжай ты подъ стѣну бѣлокаменну!
 А и пѣгу у насъ Царя въ Ордѣ, Короля въ Литвѣ,
 Мы тебя поставимъ Царемъ въ Орду, Королемъ въ Литву.
 У Константинушки (Царевича, сына Леванидовича)
 Умокъ молодешенекъ,
 Молодешенекъ умокъ, зеленешенекъ.

Онъ попадается въ ловушку—

И сковали ему ноги рѣзвыя
 Въ тѣ ли желѣза Нѣмецкія,
 Сняли съ него платье Царское
 И засыпали хрящемъ, пески мелкими.

Но тутъ же спохватились „мужики Углицки“, услышавъ, что возвращается самъ Царь Саулъ Леванидовичъ. Узнаетъ послѣдній о случившемся и спѣшитъ на поиски о погибшемъ.

Поѣхалъ онъ скоро ко городу Угличу.
 А тѣ же мужики Углицки, извощики,
 Съ нимъ ѣхавши, рассказываютъ,
 И сказываютъ, каковы коня примѣты
 И каковъ былъ молодець самъ.
 Въ тѣ поры Царь Саулъ догадывается,
 Самъ говорилъ таково слово:
 „Глупы вы, мужики неразумные!
 Не спросили удала добра молодца
 Его дѣдины, отчины...
 Можно вамъ его благодарити и пожаловати,
 А вы его назвали воромъ, разбойникомъ...
 И оборвали съ него платье цвѣтное“...

И тогда—

Царь Саулъ Леванидовичъ
 Приказалъ казнить и вѣшати,
 Которые мужики были главные во Угличѣ ¹⁾.

¹⁾ Кирша Даниловъ. Был. о Цар. Саулѣ Леванидовичѣ, изд. 1901 г.

Съ января мѣсяца 1594 года нѣтъ въ живыхъ Царевны Феодосіи, общей всѣхъ „Государыни“; а тутъ, какъ нарочно, съ разныхъ сторонъ, и съ Запада и съ Востока, разныя „зашли великія дѣла“. Андрей Щелкаловъ стоитъ въ средоточіи этихъ дѣлъ. Западъ протягиваетъ руку помощи дальнему Востоку для борьбы съ Имперією Оттомановъ: папа Сикстъ V въ Римѣ и патріархъ Мелетій Пигасъ въ Царьградѣ мечтаютъ, каждый по своему, объ освобожденіи Св. Софіи. Россія уже и тогда на перепутьи, между Западомъ и Востокомъ, и является въ этомъ сложномъ вопросѣ въ положеніи центральномъ. Политика же Россіи фактически въ рукахъ Андрея Щелкалова. Безъ него и Годунову (мало книжному) трудно. Знаменитый Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ называетъ Щелкалова „Великимъ Логофетомъ“ и въ 1593 году пишетъ ему изъ Царьграда слѣдующее письмо:

„Мѣрность наша молится о тебѣ и благословляетъ твою свѣтлость и взываетъ къ человѣколюбивому Богу, да сподобитъ тебя Своего царства и съ твоими родичами; какъ всегда ты со всякою любовію заботился не только о дѣлахъ великаго царства, но и всей Церкви Христовой, такъ вновь заботишься и теперь во время старости, когда приближается воздаяніе за труды. Только не уставай трудиться для благочестивѣйшаго царства вашего и для Церкви Христа Спасителя, ибо здѣсь въ нынѣшнемъ вѣкѣ благочестивѣйшій Царь, а въ будущемъ Господь Славы вознаградитъ за труды. Помни и вспоминай о насъ, всегда помнящихъ тебя въ священныхъ службахъ“¹⁾.

„Изъ Константинополя, какъ изъ центра“, говоритъ Григораевъ, „Мелетій, какъ новый Павелъ, обнималъ своимъ взоромъ разныя другія мѣста, посѣщая ихъ то своими письмами, то много разъ и самолично. Это тѣ мѣста, которыя нуждались въ утѣшеніи и наставленіи отъ такого энергическаго и сильнаго учителя. Его одушевляющаго и оживляющаго присутствія не разъ ждали и просили“²⁾.

Связи Щелкалова съ Мелетіемъ Пигасомъ въ дѣятельности

¹⁾ Малышевск. Мел. Пигасъ, ч. I.

²⁾ Ibidem.

последняго при Царѣ Феодорѣ имѣютъ особое значеніе и отчасти подчеркиваютъ направленіе Щелкалова по церковнымъ вопросамъ, не сходящееся съ направлениемъ Годунова и его ставленника патріарха Іова. „Не уставай трудиться“ — эти слова въ устахъ Мелетія Пигаса обозначали трудъ въ извѣстномъ духѣ и направленіи. Они звучали завѣтомъ тому, кто такъ скоро промѣнялъ все земное величіе на подвигъ безгласный и на труды подспудные...

Припомнимъ, что когда весной 1590 года патріархъ Константинопольскій Іеремія вернулся въ Константинополь и долженъ былъ дать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ Москвѣ и испросить у другихъ патріарховъ одобренія и благословенія новоучрежденному патріаршеству, опредѣлить права и положеніе Русскаго патріархата ¹⁾, тогда дѣйствія Іереміи были осуждены, какъ незаконныя и вынужденныя, знаменитымъ канонистомъ — патріархомъ Александрійскою церкви Мелетіемъ Пигасомъ.

Только 12 февраля 1593 года состоялся „великій и цѣлосовѣренный“ соборъ, признавшій законность учрежденія патріаршества въ Москвѣ ²⁾.

Понятно, что сторонники свергнутого въ 1587 году митрополита Діонисія должны раздѣлять взглядъ Мелетія Пигаса, и Андрей Щелкаловъ ему не враждебенъ.

Со смертію Царевны Феодосіи, естественно, мѣняется политика Андрея Щелкалова. Ужъ очень скоро появляются признаки, подчеркивающіе извѣстныя стремленія Годунова, выдвигающаго своего сына ³⁾. Этой прозрачности намѣреній не можетъ сочувствовать Андрей Щелкаловъ; идти и далѣе „за Годуновымъ“ ему невмѣстно. И вотъ наступаетъ середина мая 1594 года (15 мая 1594 года). Но при всей неясности исчезновенія Андрея Щелкалова, одно только можно съ достовѣрностью сказать, — что для Бориса Годунова гораздо удобнѣе видѣть Андрея Щелкалова передъ собою, нежели знать объ его „прикровенномъ“, и притомъ далеко „не праздномъ“, существованіи.

Вѣнскій дворъ знаетъ, что „не одинъ Борисъ достоинъ пре-

¹⁾ А. Муравьевъ, снош. Рос. съ Вост., ч. I.

²⁾ Порфирій. Труды К. Д. А., 1865 г., т. III, стр. 236—248.

³⁾ Платоновъ. Очерки по истор. смуты, стр. 210, 240.

стола“¹⁾, что были и другіе, и между ними тотъ „монастырскій дѣтенышъ“, тотъ Bastard Bruder²⁾, котораго считали погибшимъ. Тѣнь Дмитрія видимо всплываетъ въ 1598 году. Во время междуцарствія, послѣ смерти Царя Феодора, правительство Цезаря Рудольфа спрашиваетъ въ Москвѣ чрезъ того-же гонца Шилия, тамъ пребывающаго, имѣетъ ли этотъ Bastard-Bruder— „мальчикъ около 12 лѣтъ“ (ein Pumb)—надежду на успѣхъ? Щелкаловъ, враждебный предположенію объ Эрнестѣ Австрійскомъ въ 1584 году, врядъ ли въ 1594-мъ будетъ стоять за Максимилиана. Но вѣдь политика Годунова всегда склонялась къ дружбѣ съ Цезаремъ, явно помышляя объ Австрійскомъ бракѣ для своей дочери Ксеніи, и избраніе Годунова всего пріятнѣе послѣднему³⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 225.

²⁾ Док. Вѣяск. Арх.

³⁾ Слѣдующее, повидимому, указаніе дано гонцу цезарскому *Шиллю* (Schiel), находившемуся въ Москвѣ во время междуцарствія, по смерти Царя Феодора. „Зависитъ отъ Е. И. В. всемилостивѣйшаго усмотрѣнія пожелаетъ ли Е. В. отпустить Борису Феодоровичу Годунову, шурину В. К., который всѣмъ завѣдывалъ, письмо въ видахъ всевозможнаго содѣйствія и наискорѣйшаго отправления... но такъ какъ говорятъ, что В. К. Феодоръ Иоанновичъ скончался, то надлежитъ принять въ соображеніе нѣкоторыя предположенія, а именно: во-первыхъ, не провозгласилъ ли себя Борисъ, съ согласія или безъ согласія бояръ, Государемъ и Великимъ Княземъ. Или не продолжается ли еще междуцарствіе, не предстоятъ ли выборы, и въ чьихъ рукахъ находится правительство?“

Или: не имѣетъ ли незаконный братъ В. Князя, отрокъ приблизительно 12 лѣтъ, по имени Дмитрій Иоанновичъ, сторонниковъ и не провозгласитъ ли или не избранъ ли въ Великіе Князья? Не существуетъ ли по поводу того или другого рѣшенія вопроса (по тому или другому пути) раздора и крамолы, также не намѣрены ли сосѣдніе или другіе иностранцы и Государя вмѣшаться?

Въ случаѣ, если Борисъ получилъ Вел. Княжество и уже утвердился, то надлежитъ обратиться съ этимъ дѣломъ и ходатайствовать передъ нимъ въ кредитивной грамотѣ, въ ходатайствѣ и вездѣ, какъ предъ Вел. Княземъ.

Точно также, если правленіе передано Дмитрію и Борисъ ему покровительствуетъ.

Но такъ какъ, можетъ быть, еще продолжается междуцарствіе и предстоятъ еще выборы, то необходимы также кредитивныя грамоты ко всѣмъ боярскимъ чинамъ и, кромѣ того, особая грамота къ Борису.

Въ случаѣ же крамоты, раздоровъ и смуты, а Е. И. В. желаетъ продолженія посольства, надлежитъ соблюдать осторожность, сдержанность и, дабы получить отовсюду надежную охрану, необходимо приложить всѣ старанія, чтобы установить согласіе и добиться единодушнаго выбора, направляя по возможности выборъ согласно желаніямъ Е. И. В., также стараться, насколько это возможно, уничтожить всѣ проники другихъ Государей, которые пожелали бы вмѣшаться въ дѣла Московскаго Государства, если это вмѣшательство намъ не выгодно, и

Сомнительно, чтобы Щелкаловъ и Годуновъ въ 1594-мъ году сходились въ Австрійскихъ сочувствіяхъ. Но Щелкаловъ, повѣряющій тайну Цезарскимъ гонцамъ, долженъ былъ сообщить имъ нѣчто, настолько непріятное Борису, что оно же и вынудило его на такую рѣшительную мѣру, какъ на „исчезновеніе“, не смотря на свои многочисленныя связи, какъ дома, такъ и извнѣ, и притомъ и со Вселенскимъ патриаршимъ престоломъ. Но что могло быть хуже того, что вскорѣ огласилось

„Димитрія воскреснувшее имя“..

Трудно себѣ представить, чтобы Царь Феодоръ рѣшился добровольно разстаться съ старцемъ Андреемъ Щелкаловымъ. Если это случилось, то или подъ давленіемъ воли „шурина“, или же по непреклонному желанію самого „самописцаго“, который могъ указать на свои преклонныя годы и на необходимость въ отдыхѣ, тѣмъ болѣе, что мѣсто свое онъ оставлялъ родному брату и былъ, по выраженію Тимофеева, — „зѣло злохитръ“. Во всякомъ случаѣ, событіе это должно было отразиться на многомъ и произвести особое впечатлѣніе извнѣ, гдѣ привыкли имѣть дѣло съ Андреемъ. Самое время его ухода было горячее, когда широкіе замыслы затѣвались на Западѣ и на Востокѣ. И все это Андрей Щелкаловъ внезапно бросаетъ и притомъ тогда, когда Царь Феодоръ въ великой скорби, когда ему по преимуществу нужна опора вѣрныхъ и опытныхъ людей! Уходъ Щелкалова долженъ отразиться и на друзьяхъ его, а таковыхъ было не мало.

Оно должно было дойти и до затвора Царицы Марьи Нагой, до патриаршаго монастыря на Выксѣ, и до опальныхъ, разсѣянныхъ Нагихъ, и особенно сильно отразиться на духовенствѣ, и притомъ въ той части его, которая сочувствовала сверженному митрополиту Діонисію. Сильное впечатлѣніе уходъ Щелкалова долженъ произвести и на духовенство Греческое, знавшее о связяхъ его съ патриархомъ и имѣвшее въ немъ доброхота и опору.

для этой цѣли также потребуются кредитивныя грамоты. (Акты Вѣиск. Арх. 1598 г.).

На документѣ замѣтка: „warcheinlich v. Daniel Printz... um 1599 liegt im Archiw unter Rustica de anno—1601“. (Сообщено Г. Ф. Штендманомъ).

Оно должно было такъ же сильно отразиться и на патриархѣ Мелетіѣ Пигасѣ, который такъ недавно еще возлагалъ надежды на продолженіе неутомимой дѣятельности Щелкалова на пользу Церкви.

Нельзя думать, что одного удаленія его достаточно, чтобы прекратить съ нимъ всѣ связи. Напротивъ того, эти связи должны оживиться подъ покровомъ таинственности, и тѣмъ болѣе въ такое время, когда таинственность стала неизбѣжною, когда близкое будущее предвѣщало небывалыя въ государственной жизни осложненія.

Въ какомъ бы положеніи ни былъ Андрей Щелкаловъ, онъ оставаться въ бездѣятельности не могъ. Это основная черта его характера, а такъ какъ, повидимому, онъ еще не думаетъ о постригѣ, то и тѣмъ болѣе. Гдѣ же онъ? Очевидно, недовольный Годуновымъ, съ его уже нескрываемыми стремленіями въ престолу, онъ неминуемо долженъ привлечь Богдана Бѣльскаго и другихъ недовольныхъ, имя же имъ легіонъ...

Этого, кажется, достаточно, чтобы придать „единенію“ А. Щелкалова, послѣдовавшему за кончиною Царевны Феодосіи, значеніе первостепеннаго по своей важности событія. Отсюда разгорается все то, что уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ тлѣло подъ пепломъ Угличскаго разгрома. Но если сложный планъ и возникаетъ теперь съ значительно большею надеждою на успѣхъ,—„то и сынъ боярскій“ Юрій Отрепьевъ (будущій инокъ Григорій) долженъ появиться именно теперь однимъ изъ надежнѣйшихъ его исполнителей... И Буссовъ указываетъ на какого-то „старца“ руководившаго Отрепьевымъ ¹⁾...

Еще въ 1626 году въ народѣ слышны упреки „дѣтямъ боярскимъ“—заводчикамъ: „нонѣ де вамъ, боярскимъ дѣтямъ, не по старому воровать, царей заводитъ“ ²⁾.

Въ концѣ октября 1603 года „было доложено Польскому Королю, что какой-то Москвитинъ, по имени Дмитрій, открыто призналъ себя сыномъ Великаго Князя Ивана Московскаго и что онъ находится въ домѣ князя Адама Вишневецкаго, что къ нему

¹⁾ Bussow.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Стодб. Привк. стола.

стекается множество знатныхъ Московскихъ людей, которые признають его своимъ наслѣднымъ Княземъ“ ¹⁾).

Сохранились нѣкоторыя письма къ князю Адаму Вишневецкому Александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса, хотя обширная переписка Мелетія Пигаса далеко не вся обнародована, какъ и переписка его протосингела и преемника Кирилла Лукариса, который вмѣсто него поѣхалъ въ Россію—въ Москву и въ Западную Русь...

Мелетій Пигасъ писалъ Царю Феодору, братьямъ Щелкаловымъ, патріарху Іову, Борису Годунову, митрополиту Гедeonу Балабану, князю Острожскому, князю Корецкому, князю Адаму Вишневецкому, князю Кириллу Ружинскому и мн. др. Послѣднихъ двухъ онъ благодарилъ за стойкость къ вѣрѣ. Въ виду предстоящей скорѣ этимъ двумъ князьямъ сложной роли, нельзя не задуматься надъ слѣдующимъ къ нимъ письмомъ патріарха Мелетія Пигаса: „благочестивѣйшему и православнѣйшему господину князю Адаму-Василію Вишневецкому и благочестивѣйшему князю Кириллу Ружинскому съ прочими господами и всѣмъ православнымъ народомъ, священнымъ чиномъ и мірскимъ сословіемъ, сынамъ о Господѣ возлюбленнымъ—радоватися. Мѣрность наша молится о васъ и благославляетъ всѣхъ васъ съ женами и дѣтьми, ибо вы, по челоуѣколюбію и благодати Божіей, сохранили Небесный Маргарить, т.-е. Евангелическое сокровище или, скажу, благочестіе и православную вѣру невредимыми и неповрежденными и не послѣдовали хищнымъ волкамъ, которые ради нѣкой мірской славы и временной сладости изъ пастырей превратились въ волковъ. Напротивъ, вы пребыли стойкими, какъ основанные на несокрушимомъ камнѣ.

„Вы же стойте о Господѣ и возмогайте (говорю съ Павломъ) въ державѣ крѣпости Его, стараясь сохранить сокровище вѣры и преданія Св. Отцовъ, чтобы съ ними удостоиться Царствія Божія. Благодать Божія со всѣми вами“ ²⁾. 7105 (1597) года.

¹⁾ Пирлингъ. Россія и Папскій престоль. Русская Ст. 1901 г., кн. XII, прил. письмо Рангони къ папѣ Павлу V.

²⁾ Малышевск. Мелет. Пигасъ, ч. II, прил.

Мы привели это знаменательное письмо, как образец сношевій патриарха Мелетія Пигаса, указывающей на истинное значеніе князей Вишневецкаго и Ружинскаго. Называя их „панамі“, мы словно почитаемъ ихъ чужими. Но вѣдь это тотъ самый Вишневецкій, съ которымъ сносился Царь Феодоръ. Въ мѣстническомъ дѣлѣ Хрущова говорится: „при Царѣ Феодорѣ дядя его (Степана Хрущова) Феодоръ Родіоновъ, сынъ Лихаревъ, да того Степана отецъ Лукьянъ Борисовъ, сынъ Хрущовъ, посланы были съ Государскимъ жалованьемъ на Днѣпръ къ Вишневецкимъ княземъ и ко всему войску (Запорожскому), а въ наказѣ написанъ дядя его Феодоръ Лихаревъ да товарищъ съ нимъ Лукьянъ Борисовъ, сынъ Хрущовъ, и потому случаю дядя его Феодоръ Лихаревъ больши Лукьяна Борисова, сына Хрущова, Степанова отца. А въ 129 (1621) году посланъ былъ братъ его Никита Лихаревъ въ Крымъ съ Государевымъ дѣломъ, а провожалъ его до Донца голова Савва Аѳонасьевъ, сынъ Хрущовъ, а Савва въ роду ихъ больши Степана Лукьянова, сына Хрущова, и по тому случаю братъ его Никита Лихаревъ больши Саввы Хрущова“¹⁾.

Любопытно, что архимандритъ Новгородъ-Сѣверскаго Спаскаго монастыря, пріютившій у себя извѣстныхъ бѣглыхъ иноковъ (между коими былъ Отрепьевъ), давшій имъ лошадей и проводника, былъ изъ роду Лихаревыхъ, слѣдовательно человекъ не чуждый Вишневецкимъ, не чуждый сношеній Запорожскихъ.

У Вишневецкихъ связи — съ Коломною. „За Сидоромъ Алексѣевымъ, сыномъ Ладыженскаго, что было за княгиню, за князь Ивановою женою Вишневецкаго, за Маврою, мужа ея помѣстье“. Это Коломенское помѣстье Вишневецкаго было по близости Комаровскаго стана, гдѣ вотчина, „за Даниломъ Ермолаевымъ, сыномъ Лихарева, что онъ купилъ Вознесенскаго дѣвичья монастыря у старицы у Ольги Микитиной, дочери Кошелева, у Разгильдѣвской жены, Григорьева сына, Любученинова“. Тутъ же числятся вотчины: „за Васильемъ Васильевымъ, сыномъ Волинскаго, что было за тещею его, боярина Авдрея Александровича Нагого за женою, за вдовою Зиновією“, а такъ же „за Иваномъ Микитинымъ, сыномъ

¹⁾ Дворцовые Разр., ч. I, стр. 893.

Колтовскаго, что было за тещею, боярина Андрея Александровича Нагого за женою, за вдовою Зиновіею“. Сочетаніе не случайное ¹⁾.

Князь Адамъ Вишневецкій приютилъ у себя въ Брагинѣ таинственную „тѣнь“ Дмитрія. „На Московской границѣ собралось до шести тысячъ полевыхъ казаковъ, которыхъ монахъ Гришка Отрепьевъ набралъ въ чистомъ полѣ, увѣривъ ихъ, будто сынъ стараго царя Ивана Васильевича дѣйствительно живъ и несомнѣнно находится въ Бѣлоруссіи у князя Адама Вишневецкаго“ ²⁾. „И нѣкто князь, по имени Адамъ Вишневецкій“, говоритъ Арсеній Элассонскій, „услыхавъ, какъ монахи утверждали, что онъ истинный сынъ Царя, взялъ его въ домъ свой, снялъ съ него монашескія одѣянія“ ³⁾ и пр...

По всему видно, что среда, въ которую попала „тѣнь“ Дмитрія, была вполне православная, такъ какъ князь Адамъ могъ считаться столбомъ православія, а Печерскимъ настоятелемъ былъ Елисей Плетенецкій. Сношенія съ католиками начались лишь въ концѣ 1603 года, послѣ сношеній съ протестантами и по возвращеніи Льва Сапѣги изъ неудавшагося посольства въ Москву (1601), слѣдовательно черезъ шесть лѣтъ по кончинѣ Царя Феодора ⁴⁾. Здѣсь же въ Брагинѣ проживалъ и духовникъ князя Адама Вишневецкаго, Критскій епископъ, котораго Вишневецкій весьма жаловалъ ⁵⁾. Самъ же патріархъ Мелетій, родившійся между 1535—1540 г., происходилъ изъ славнаго въ древности стогороднаго Крита и „пользуется величайшею любовью у всѣхъ, которые тамъ (въ Критѣ) живутъ“ ⁶⁾. „Критянинъ“ Мелетій, конечно, не могъ не имѣть

¹⁾ Моск. Арх. М. Ю. Цислов. кн. 1627 г.

²⁾ Гротъ. Дѣйствительно ли Бергъ авторъ хроники? Труды изъ Русск. Ист., 2 т., ч. IV, 1901.

³⁾ Арс. Элас. Записки. Изд. проф. Дмитриевскаго.

⁴⁾ Если считать временемъ бѣгства изъ Россіи извѣстныхъ проковъ начало 1598 г., т.-е. время, послѣдовавшее за воцареніемъ Б. Годунова (предположеніе, оправдываемое многими признаками), то до сношеній съ католиками проходитъ шесть лѣтъ. Въ эти годы можно успѣть выполнить все, что требуется отъ Разстриги. Достаточно времени для пребыванія въ Кіево-Печорской Лаврѣ, въ Острогѣ, въ Дерманѣ, въ Гоцѣ, въ Межигорѣ—у Запорожцевъ, совершавшихъ походъ 1599 г. въ Валахію и, наконецъ, въ Брагинѣ у Вишневецкаго. О признакахъ бѣгства изъ Россіи въ началѣ 1598 года—здѣсь говорить не мѣсто.

⁵⁾ А. Муравьевъ. Снош. Россіи съ Вост., ч. I.

⁶⁾ Малышевскій. Мелетій Пятасъ.

сношеній съ проживавшимъ у Вишневецкаго „Критскимъ“ епископомъ...

Извѣстіе о пребываніи въ Брагинѣ послѣдняго, и притомъ въ 1600 году, соотвѣтствуетъ тому времени, когда въ Юго-Западной Руси находился другой уроженецъ Крита и Настоятель Критскаго монастыря Angarathum—Кирилль Лукарьсь ¹⁾, ученикъ и единомышленникъ, представитель и экзархъ Мелетія Пигаса. Еще въ 1596 году Кирилль присутствовалъ на православномъ Брестскомъ соборѣ, высказавшемся противъ уніи Югозападной Русской церкви съ Римомъ, когда князь Адамъ былъ одинъ изъ протестовавшихъ ²⁾. Кирилль Лукарьсь, въ мирѣ Константинъ, родился въ главномъ городѣ Крита: „natus in Creta et quidem Chandace, quae urbs insulae caput est“ ³⁾. Онъ принадлежалъ къ древнему Греческому роду, родственному Палеологамъ, и въ то-же время былъ въ родствѣ съ Мелетіемъ Пигасомъ, учился въ Венеціи, въ Падуѣ и въ числѣ его учителей былъ Францъ Piccolomini, товарищъ и другъ Сикста V ⁴⁾.

¹⁾ Aloisius Pichler. Der Patriarch Cyrillus Lucaris und seine Zeit. Munchen, 1862.

²⁾ Архив. Югоз. Росс., ч. I, т. I, стр. 530—531.

³⁾ О. Брянцевъ. П. Кирилль Лукарьсь и его заслуги для православной Церкви.

⁴⁾ „Cyrillus igitur ortum duxit ex familia Lucari in Epidauri Illirico olim praenobili, quae deinde in urbem Chandacem translata, cum diu multumque opibus et honoribus florisset, tandem ex rerum humanarum conditione ad eam egestatem redacta est, ut Cyrilli patronus Laniones artem, genitor Cerdoniae, mater Fulloniam eterum wacti fuerint. Cyrillus ipse adolecens inter piscatores primum, mox inter nautas vitam toleravit. Quum autem aliquando Alexandriam Aegypti navi, cui inter minores Oixas nauticos deserviebat, adrutus esset, ibi Meletio Pigae Cretensi perfinio ejusdem urbis Patriarchae innotuit, cujus deinde amorem ex ingenii alacritate et formae elegantia promeruit, a quo etiam sacris institutus in Italiam missus est, ut gravioribus espoliretur disciplinis. Philosophiae Ve-

Итакъ, Кирилль происходилъ изъ фамиліи Лукарьсовъ въ Иллирійскомъ Эпидаврѣ, нѣкогда очень знатной, которая потомъ переселилась въ городъ Кандакъ; она долгое время была богатой и пользовалась почетомъ. Наконецъ, по превратности всего человѣческаго, была доведена до такой бѣдности, что патронъ Кирилла Ланіонъ, отецъ Цирдоній и мать Фулонія принялись за первоначальное занятіе. Кирилль, будучи юношей, сначала проводилъ жизнь среди рыбаковъ, вскорѣ потомъ—среди моряковъ. Когда однажды онъ приѣхалъ въ Египетскую Александрію на кораблѣ, на которомъ среди младшихъ моряковъ служилъ какой-то Оиксъ, — тамъ онъ представился Мелетію Пигасу Критскому, патриарху этого города. Впослѣдствіи онъ (Кирилль) заслужилъ любовь этого

Патріархъ Кириллъ Лукарисъ подозрѣвается въ невѣрности православію. У насъ Лебедевъ, на основаніи католическихъ, явно враждебныхъ Кириллу извѣстій, пишетъ что „паства Александрійская, по смерти П. Мелетія, хотѣла имѣть патріархомъ Герасима, но Кириллъ будто бы занялъ престолъ подкупомъ, впрочемъ одно назначеніе Мелетія было вполне достаточнымъ для того, чтобы клиръ и народъ уступили его желанію“...

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности о томъ, остался ли Кириллъ вѣренъ православію или же въ послѣдніе годы жизни поддался вліянію протестантовъ? Что онъ былъ съ ними въ перепискѣ, это ясно; что ему они были ближе католиковъ по соображеніямъ политическимъ — это также понятно. Вѣдь оказывалъ же предпочтеніе протестантамъ Царь Иванъ, допуская свободное ихъ богослуженіе, что возбранялось католикамъ! Свое изслѣдованіе Лебе-

netiis. Theologiae Patavii operam dedit, quarum emenso curriculo Alexandriam reversus est ad Meletium, a quo Archimandritis et abbas *Angarathi*, praecipui in Creta insula monasterii, constituitur. Quum autem mira peregrinandi cupiditate torqueretur, Monasterio, cujus possessionem inierat, vicarium natriavit fratrem suum, quidem inter Monachos cuoptatum, qui litterarum licet expertus abbas, deinde Angaretheusis evasisit. Wittembergae primum, mox Genavae constitit, haustoque haeresum ibidem nigeutrum veneno, catholicae fidei, auro haeticorum corruptus, turpissimi renuntiavit. Divitiis auctus gungis ex Germania et Creta corrogaverat, Alexandriam iterum petiit, cujus Patriarchalem sedem per obitum Meletii vacantem... occupavit“.

Creta Sacra. Flaminidornelio + Pars Secunda. Venitiis MDCCLV.

послѣдвго (Шгаса) быстротой ума и изяществомъ рѣчи. Будучи имъ посвященъ, онъ отправился въ Италію для усовершенствованія въ наукахъ. Онъ занимался философіей въ Венеціи, богословіемъ въ Падуѣ. Послѣ основательнаго изученія этихъ наукъ онъ возвратился въ Александрію къ Мелетію, который назначилъ его архимандритомъ и настоятелемъ знаменитаго на островѣ Критѣ Ангаратскаго монастыря. Такъ какъ онъ мучился удивительною страстію къ путешествіямъ, то онъ назначилъ замѣстителемъ въ монастырь, въ управленіе котораго онъ вступилъ, своего брата, пріятнаго монахамъ и человѣка литературно-образованнаго. А самъ уѣхалъ изъ Ангарата. Сначала онъ былъ въ Виттебергѣ, а потомъ въ Женевѣ и, не заразившись ядомъ ни той, ни другой ереси, онъ, хотя взялъ деньги отъ еретиковъ, отказался отъ католической вѣры и тѣмъ устыдилъ ихъ. Разбогатѣвъ, онъ оставилъ Германію и Критъ и пріѣхалъ въ Александрію. И тамъ послѣ смерти Мелетія занялъ вакантный патріаршескій престолъ.

девь кончаетъ словами, что въ греческой церкви XVII вѣка, безъ сомнѣнія, по примѣру и подь вліяніемъ Кирилла, образовался небольшой кружокъ протестантствующихъ богослововъ ¹⁾. Но здѣсь нужна, мнѣ кажется, большая осторожность. Католикамъ безъ сомнѣнія очень желательно было набросить тѣнь на опаснаго соперника и протестовавшаго противъ Брестской уніи. Мы знаемъ, что соображенія политическія приводили не только Кирилла, но и Мелетія къ попыткамъ сближенія съ протестантами противъ общаго врага, въ то время столь воинствующаго.

Въ 1603 г. Кирилль пишетъ Б. Годунову и Синайскимъ архимандритамъ: „Господь одинъ вѣдаетъ, съ какими нуждами и опасностью боролись мы, чтобы утвердилась православная вѣра христіанская“.

Извѣстно письмо Лукариса къ Нидерландскому богослову Утенбогерту о соединеніи церквей, о препятствіяхъ къ оному въ виду нововведеній въ церквахъ и о защитѣ православной церкви: „тираннія турокъ, писалъ онъ, отняла у грековъ возможность къ образованію; но это самое принесло имъ пользу въ томъ отношеніи, что имъ неизвѣстны разрушительныя мудрствованія запада“.

Въ перепискѣ своей съ Утенбогертомъ онъ касается вопроса о главенствѣ папы и говоритъ, что догматъ объ этомъ главенствѣ *больше всего отдаляетъ ихъ (католиковъ) отъ православныхъ*, рассуждаетъ о свободѣ воли, о предопредѣленіи, объ оправданіи, направляя это ученіе *противъ протестантовъ*.

Любопытно, что даже въ 1622 году К. Лукарисъ, заботясь о благосостояніи и просвѣщеніи Россіи, подобно Мелетію, послалъ для „науки и утвержденія вѣры въ Кіевъ, Галичь, Львовъ и всю Бѣлую Русь своего ученаго монаха Іосифа, который пробылъ здѣсь 2 года, представлялся Ц. Михаилу. Это какъ разъ мѣста, *лично хорошо извѣстныя Лукарису* ²⁾.

Вопросъ о Кириллѣ интересенъ и пока еще недостаточно выясненъ. Въ одномъ частномъ собраніи сохранилось до 130 писемъ

¹⁾ Лебедевъ. Протестант. смута въ греческой церкви XVII в. Богосл. Вѣст., 1900 г., кн. V.

²⁾ Хр. Лоцаревъ. Востокъ христіанскій. Александрійская патріархія. Спб. 1898 г.

его — всё собственноручныя. „Даже благо осмотра этой переписки достаточно, чтобы убедиться, что издание ея выдвинуло бы въ свѣтъ множество темныхъ мѣстъ и подробностей, мало извѣстныхъ изъ безпокойной жизни греческаго патріарха, — и что въ то же время она исправила бы нѣкоторыя положенія, принятые какъ неоспоримыя“¹⁾. Все это указываетъ на желательность обстоятельной біографіи Критскаго архипастыря; но каково бы ни было позднѣйшее направленіе Кирилла, въ то время, когда онъ былъ въ Юго-Западной Руси (1599—1601), — его никто еще заподозрѣть не можетъ, а эти годы именно для насъ и важны, какъ годы, соотвѣтствующіе пребыванію въ Брагинѣ у кн. Адама Вишневецкаго загадочнаго инока...

Въ 1599 году, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Молдавіи, Кириллъ поѣхалъ въ Критъ и въ свою обитель, гдѣ проповѣдовалъ въ храмѣ — in Ecclesia Deiparae Trimartyros. Изъ Крита направился онъ, богато снабженный подарками, въ Константинополь, гдѣ былъ назначенъ патріархомъ Мелетіемъ Пигасомъ экзархомъ въ Западную Русь. На этотъ разъ онъ пробылъ два года у Князя Константина (Острожскаго), приблизительно отъ Іюля 1599 года до Марта 1601-го, — и у него были обширныя связи. Какъ разъ въ это время упоминается „Критскій“ епископъ, какъ живущій у князя Адама Вишневецкаго и духовникъ его²⁾.

Вишневецкій и Лукарисъ хорошо знали другъ друга со времени Брестскаго собора. На этомъ соборѣ предсѣдательствовалъ не только de jure, но de facto, Никифоръ, экзархъ патріарха Константинопольскаго. Греческимъ церковнымъ духомъ вѣетъ отъ всей дѣятельности православнаго Брестскаго собора³⁾. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ прямымъ Греческимъ вліяніемъ, а не съ Западно-Русскою соборной практикой. Духовное коло Брестскаго собора состояло изъ великаго протосинкела великой церкви Константинопольскаго па-

¹⁾ Legrand. Bibliographie Hellénique. Tom. IV. Cyrille Lucar. Not. biograph. Paris. 1896, p. 161.

²⁾ А. Муравьевъ. Сноп. Рос. съ Вост., ч. I.

³⁾ Жуковичъ, Сеймовая борьба правосл. зап. русскаго дворянства съ церковной унией до 1609 г. Спб. 1901 г., стр. 222.

тріарха Кирилла Лукариса, Бѣлгородскаго митрополита Луки, Львовскаго, Галицкаго и Каменецкаго епископа Гедеона Балабана, Перемышльскаго и Самборскаго епископа Михаила Копыстенскаго, двухъ Аѳонскихъ архимандритовъ (Макарія, присутствовавшо по порученію Венацкаго епископа Паисія и Матѳея по порученію Мукацкаго епископа Пантелеймона), девяти Русскихъ архимандритовъ (Кіево-Печерскаго, Дерманскаго, Супрасльскаго, Пинскаго, Дубенскаго, Дорогобужскаго, Лаврашевскаго, Пересопницкаго, Степанскаго), одного игумна (Смольницкаго), 16 протопоповъ и намѣстниковъ и болѣе двухсотъ пресвитеровъ. Заблудовскій протопопъ Несторъ Козменичъ былъ соборнымъ премикиріемъ (наблюдалъ за внѣшнимъ порядкомъ), а Острожскій пресвитеръ Игнатій премикиріемъ надъ соборными нотаріями (главнымъ дѣлопроизводителемъ ¹⁾). На соборѣ присутствовали многіе знатные свѣтскіе чины и между ними Гавріиль Гойскій ²⁾ (Hostsky), братъ основательницы Почаевской Лавры Анны Гойской.

На этотъ соборъ былъ приглашенъ Никифоромъ (16 Сент. 1596) и Кириллъ Лукарисъ, какъ экзархъ Александрійскаго патріарха и „необходимый соратникъ“ ³⁾. Лукарисъ и Вишневецкій были единомышленники и пользовались сочувствіемъ и довѣріемъ общаго ихъ руководителя патріарха Мелетія Пигаса. Лукарисъ велъ переписку и съ архіепископомъ Львовскимъ Дмитріемъ Haliconius'омъ (католикомъ), съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Въ Венеціи и въ Падубѣ у Лукариса большой кругъ знакомства. Тѣсная связь Крита и Венеціи несомнѣнна; благодаря владычеству послѣдней, Критъ имѣлъ особое значеніе въ православномъ востокѣ, благодаря также его славной иконописной школѣ и связямъ его съ Синаемъ ⁴⁾.

Въ 1597 году въ составѣ братіи Кіево-Печерской Лавры

¹⁾ П. Жуковичъ. Сейм. борьба прав. зап. рус. дв. съ церк. унией до 1609 г., стр. 223.

²⁾ Ibidem, стр. 225. У Гойскихъ одво время проживалъ Разстрига.

³⁾ Legrand. Bibl. Hel., IV. 224—225. Ср. Архив. Ю. З. Р., т. II, № 196, стр. 195—196.

⁴⁾ Дмитриевскій. Путешествіе по востоку.

находились: архимандритъ Елисей Плетенецкій, Никонъ, игумень Печерскій, діаконовъ Иона, діаконовъ Протасъ, ключникъ Савва, пономарь Гедѣонъ, иконникъ Герасимъ, пономарь Авраамій, полатникъ Михайло, вѣларь монастырскій Печерскій. Оберегая Лавру отъ отобранія монастырскихъ владѣній, Е. Плетенецкій (преемникъ Никифора Тура) заявлялъ въ 1597 году: „Я Елисей Плетенецкій, обраный архимандритъ, и мы священники, крылошане, застольники, чернцы и вся братія капитула монастыря Печерскаго Кіевскаго ознаймуемъ до видимости, доносимо и такую оправку дѣмъ: имѣнія въ той сумѣ Церковь Божія держитъ, тыхъ имѣній поступи не можемо“¹⁾.

Въ томъ же 1597 году князь Константинъ Острожскій писалъ: „чѣмъ дальше, тѣмъ хуже становится намъ подъ властію Его Королевской милости“... „Дѣло идетъ“, — пишетъ онъ далѣе, — „не только о Брестскихъ мѣщанахъ (тѣснимыхъ Сапѣгою), а о древнихъ княжескихъ домахъ почти всего В. К. Литовскаго, а также и о простомъ народѣ, послѣдующемъ и послушномъ Греческой религіи... кто его сочтетъ!..“²⁾.

Острожскій сочувствовалъ сближенію православныхъ съ протестантами. 18 мая 1599 года состоялся въ Вильнѣ актъ конфедераціи православныхъ и протестантовъ противъ общаго насилія. Мелетій Пигасъ и Кириллъ Лукарисъ направляли это сближеніе³⁾.

О томъ, какъ слѣдятъ за К. Лукарисомъ католики и униаты, видимъ изъ слѣдующаго письма митрополита Ипатія Потѣя къ Николаю Радзивиллу въ Вильно отъ 9 сент. 1600 года:

„В. С. М. Г. князь. Службу и молитву свою поручаю вниманію милостиваго моего государя. Отъ его Милости, архіепископа Львовскаго, на мое письмо получилъ отвѣтъ, къ которому посылалъ съ намѣреніемъ касательно грека Кирилла. А что мнѣ его Милость отвѣтилъ, коію посылаю вамъ. В. С. видѣлъ я, что напрасно надѣяться на того человѣка, который, родившись въ

¹⁾ Архив. Ю. Зап. Р. т. VI, № 162.

²⁾ Жуковичъ. Сеймовая борьба прав. зап. рус. дворянства съ церковной унией, стр. 313, 339.

³⁾ Малыш. Мелетій Пигасъ, т. II, прил.

проклятой схизмѣ, равно въ ней умеръ, какъ это не новость у современныхъ Грековъ. А ваша Милость потомъ увидите, какъ на такого человѣка полагаются и вѣрять его увиванью. Предвѣщало мнѣ мое сердце, что прїѣздъ этого человѣка не къ добру для края. Или ужъ я попалъ въ такія клещи (sic), изъ которыхъ не вырваться, потому что (могу ли сказать правду) я послалъ съ копіей того письма его, которое онъ писалъ къ вамъ, къ Легату. Последній что мнѣ на это отвѣтилъ, посылаю вамъ. Это, повидимому, испортило ему дѣло. Нужно принять за правило, что лучше въ такихъ дѣлахъ не спать, потому что куда бы я не давалъ знать объ немъ, повидимому, еще объ немъ не знаютъ.... Данъ въ Вильнѣ 1600 г. Сентября 9.

„Вашей Кн. Милости, пана моего милостиваго, низжайшій слуга и богомолецъ Ипатій архіепископъ, митрополитъ Кіевскій“¹⁾.

Итакъ, появленіе въ краѣ Кирилла, представителя Мелетія Пигаса, далеко не безцвѣтно; онъ уподобляется даже клещамъ, изъ которыхъ трудно „вырваться“...

По поводу пребыванія Кирилла Лукариса въ Зап. Руси въ письмѣ того же Ипатія Потѣя къ Янушу Радивилу, отъ 30 декабря 1600 г., читаемъ: „О Кириллѣ объявляется Вашей Милости, что онъ теперь вѣроятно при панѣ воеводѣ Кіевскомъ (Острожскомъ). Не знаю, что онъ думаетъ и что будетъ дѣлать“²⁾.

Присутствіе Кирилла въ Брагинѣ у Вишневецкаго вполне естественно³⁾. Онъ не можетъ не знать о письмѣ къ князю Адаму

¹⁾ Жук. Сеймовая борьба правосл. зап. русск. дворянства уніей. Прилож., стр. 592. Ср. стр. 395—396.

²⁾ Id. прил., стр. 592.

³⁾ Преемникъ Кирилла Лукариса на Вселенскомъ престолѣ, Аѳанасій Пателарій, также родомъ Критянинъ, обуреваемый невзгодами, въ половинѣ 17 вѣка напелъ себѣ убѣжище въ Мгарскомъ монастырѣ, въ „Лубеньщинѣ“ Вишневецкихъ, и скончался въ этомъ монастырѣ, основанномъ княгиней Ранною Вишневецкою—Могиланкой (Ирина или Ранна, также Регина—дочь Иеремія Могилы, великаго воеводы и затѣмъ (съ 1595 г.) князя Молдавскаго, вышла замужъ за Михаила Корибута Вишневецкаго 25 мая 1603 г. Она двоюродная сестра митрополита Петра Могилы. Ср. Legrand. Bibliot. helleniq. t. IV, 159). Связь трехъ Патриарховъ—Критянъ—Мелетія, Кирилла и Аѳанасія ясна. Повяты и связи ихъ съ домомъ Вишневецкихъ.

патріарха Мелетія, а въ такомъ случаѣ встрѣча его съ другими посѣтителями Вишневецкаго становится неизбѣжною ¹⁾...

С. Михайловское, 12 сентября 1901 г.

Г. С. Шереметевъ.

¹⁾ Вотъ что пишетъ Цезарю Рудольфу изъ Москвы его гонецъ Лука Паоли (Lucas Paoli) во время пребыванія тамъ посла Литовскаго канцлера Льва Сапѣги: „Эту ночь (съ 2 на 3 ноября 1600) изъ нашего двора мы и самъ его милость канцлеръ слышали выстрѣлы нѣсколькихъ сотенъ стрѣльцовъ, двинувшихся изъ замка съ горящими фитилями, которые насъ испугали. Затѣмъ мы узнали, какимъ образомъ нынѣшній В. Князь самъ самовольно государство насильовалъ, оное (государство) отъ покойнаго В. К., его кровнаго родственника, Никитича Романова получилъ (uebergeben), и они, родственники Никитичей—Романовичи, укрѣпились и, быть можетъ, думали опять получить власть (régiment) въ руки (какъ дешево); также нѣкоторые изъ народа были за нихъ, но за ночь В. Княземъ были постигнуты (ueberfallen). Домъ ихъ... зажженъ, нѣкоторые избиты, нѣкоторые плѣнены и отведены къ В. Князю. Въ теченіе этихъ четырехъ недѣль бояре ежедневно къ господину послу (Сапѣгѣ) приходили съ вопросами, что они хорошаго узнавали, а также не желаетъ ли король В. Князя дочь?“

Здѣсь Лука Паоли дѣлаетъ свою рукою замѣтку: „В. К. Иванъ Васильевичъ въ первомъ бракѣ имѣлъ сестру Мукита Romanowitz'a, отъ которой родились два сына, и ради этого кровнаго родства... они со временемъ вернутся къ власти“. Здѣсь опала Романовыхъ освѣщается нѣсколько иначе. (Вѣвск. Арх. Донес. Луки Паоли).

Въ самый годъ пребыванія въ Москвѣ Льва Сапѣги (1600) Цезарскій посолъ Дона (Dohna) писалъ, 13 сентября, Тайному Совѣту:

„То, что польскій канцлеръ давно желаетъ, то встрѣчаетъ его ultro. Польша полна народомъ и между ними большинство все нищія, которые свое горе со злобою снѣдаютъ. Желаютъ случая напасть на Силезію. Король ихъ, который и безъ того немногаго стоитъ, теперь, когда канцлеръ во всоружіи,—ничего не можетъ; къ тому же онъ дурно извѣщевъ (informirt) и, какъ я изъ разныхъ мѣстъ слышалъ, далъ власть и право совершать письменно. Мнѣ часто угрожаютъ. Но я во имя Божіе дерзну“ (Вѣвск. Арх.).

Видимо положеніе Короля Сигизмунда слабо.

Въ томъ же 1600, 13 Декабря, Рудольфъ пишетъ Царю Борису и закапчиваетъ такъ:

„Von anderen geheimen Sachen haben wir für dissmal bedenken gehabt E. L. durch diese schlechte und ungewisse Gelegenheit zu schreiben soll, aber mit unserer ausschlichen Bothshaft bald hernach geschehen“. (О другихъ тайныхъ обстоятельствахъ на этотъ разъ мы обсудили В. В. путемъ этой дурной и невѣрной okazji не писать, но путемъ особаго посольства, что скоро и будетъ сдѣлано“).

Посольство Льва Сапѣги въ Москву 1600 г. имѣетъ особое значеніе. Оно усугубилось Московскимъ заговоромъ и опалю Романовыхъ. Одновременно „на волосокъ“ положеніе Ц. Бориса и К. Сигизмунда! На этотъ разъ первый ослилъ соперниковъ и, побѣдивъ дома, закрѣпилъ связи съ Цезаремъ Рудольфомъ, въ надеждѣ путемъ брачнымъ еще болѣе сблизить обѣ стороны. За Львомъ Сапѣгою въ Москву въѣхала многочисленная свита; составъ этой свиты заставляеть обратитъ на себя вниманіе...

Крупное столкновеніе Льва Сапѣги съ Игнатіемъ Татищевымъ въ Москвѣ было началомъ полной неудачи посольства.

* * *

То были печальные, трудные дни,
Дни смуты великой и тяжких сомнѣній!
На русскую честь ополчились враги,
На русское дѣло подняли гоненье.

Союзникъ и другъ намъ лобзанье давалъ
И помощь сулилъ, на взаимность готовый,
И тайно, какъ маклеръ невѣрный, искалъ
Продать насъ... за дружбу, за вѣрное слово.

И въ мысли общественной вѣялъ раздоръ,
И точно дрожало державное право,
И громко крамола, на общій позоръ,
Намъ первымъ хвалилась побѣдой кровавой.

Смутились у гордыхъ и сильныхъ сердца,
И слышалось робкихъ совѣтниковъ мнѣнье,
Что темная власть непомѣрно сильна,
Что нужно съ крамолой имѣть соглашенье.

То были позорные, смутные дни!
Но милостивъ Богъ. Онъ въ тяжелое время
Вдохнулъ въ Тебя пламя великой любви,
Рѣшимость подвинуть тяжелое бремя,

Рѣшимость за правое дѣло стоять,
За древнія русскаго царства основы.
„Ни слова уступки, ни пяди отдать!“
Раздалось великое царское слово.

И дерзость смирилась, и недругъ, и тать...
И поняло все, что враждебнаго было,
Что только смиреннымъ даетъ благодать
И гордымъ противна Господняя сила!

Раздалась простая и честная рѣчь,
И всюду спѣшили разсѣять сомнѣнья,
Своихъ ободрить, а враговъ остеречь,
Не ждать отъ Россіи опять униженья.

1881 г.

М. Раевскій.

ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

При Императорѣ Николаѣ I, 11 іюля, день тезоименитства Великой Княгини Ольги Николаевны, былъ большимъ праздникомъ въ Петергофѣ. Этотъ день, всегда лѣтній, ясный, смотрѣлъ весело на всѣхъ. Маленькій кадетскій лагерь изъ 6 баталіоновъ, съ эскадрономъ и батареею, уже съ утра готовился къ представленію и приему Царя и Его Семейства, которые посѣщали своихъ дѣтей-питомцевъ съ особою любовью, а они вечеромъ имѣли право гулять въ Александріи, въ присутствіи Царственной семьи, чѣмъ широко пользовались кадеты. А утромъ, въ 12 часовъ, послѣ обѣдни, былъ всегда кадетскій парадъ, на плацу, впереди дворца. На этотъ парадъ назначались самые маленькіе кадеты, 12 человѣкъ во взводѣ, при 2-хъ портупей-юнкерахъ, изъ коихъ я стоялъ на правомъ флангѣ. Чистенькіе, съ иголочки одѣтые, взводъ Главнаго Инженернаго училища, стояли между школою Гвардейскихъ подпрапорщиковъ и пажамъ. Вышелъ Императоръ Николай Павловичъ, заиграла музыка, поздоровался Царь, прошелся по фронту, всѣхъ окинулъ своимъ орлинымъ взглядомъ и приказалъ зайти повзводно, для церемоніальнаго марша. Исполнили и выжидали дальнѣйшаго приказанія, которое, по неизвѣстной намъ причинѣ, задержалось. Въ это время подходитъ ко мнѣ командиръ роты, полковникъ Данилъ Антоновичъ Скалонъ и одновременно нашъ дежурный офицеръ Александръ Ивановичъ Савельевъ, нынѣ еще здравствующій, и, обращаясь ко мнѣ, говорятъ: „смотрите, Государь Великій Князь Александръ Александровичъ стоитъ на линіи, смотрите не задѣньте

его". Я смотрю, но изъ-за передняго взвода ничего не вижу; вѣдь Великій Князь въ то время былъ малъ, ему было всего восьмой годъ. Опять заиграла музыка, мы двинулись, я былъ не мало взволнованъ, тѣмъ болѣе, что въ догонку Скалонъ и Савельевъ опять предупреждали объ осторожности. Я почти не видалъ Великаго Князя, хотя прошелъ мимо него по линіи благополучно. Государь похвалилъ насъ, и мы прямо съ плаца отправились въ лагерь, а дѣтское сердце такъ и стувало отъ бывшаго волненія. Этотъ парадъ отличался отъ всѣхъ подобныхъ тѣмъ, что всѣмъ участвующимъ выдавали, отъ имени Императора, по 1 рублю серебряной монеты, что мы и получили на другой день. При всѣхъ другихъ случаяхъ кадеты никогда не получали денежной награды, которая выдавалась только нижнимъ чинамъ, но это былъ особый день, Ольгинскій парадъ, и рубль выдавался кадетамъ на память. Эти памятки долго потомъ хранились въ нашихъ кошелькахъ.

Итакъ судьбѣ угодно было, чтобы я прикоснулся къ будущему Монарху, о чемъ въ то отдаленное время никто не могъ помышлять.

Въ трудное время Плевенскихъ неудачъ нельзя пройти молчаніемъ той услуги, какую оказалъ Цесаревичъ въ 1877 г., въ бытность свою Главнокомандующимъ Руцукскаго отряда. Впереди стояли полки 35 пѣхотной дивизіи, которою потомъ мнѣ пришлось командовать въ Рязани. Очевидецъ, близкій человѣкъ въ штабу, передалъ слѣдующій фактъ. Штабъ Цесаревича находился въ Бѣлѣ, а въ Его распоряженіи охраны всего нашего лѣваго фланга было около 30 т. войскъ. Съ прибытіемъ египетскихъ подкрѣпленій, турецкая армія возросла вдвое и начала свое наступленіе. Передовыя части 138 Болховскаго и 140 Зарайскаго полковъ были опрокинуты; резервовъ оказалось мало, по растянутости позиціи, и пришлось отступить за гор. Бѣлу. Это было доложено Цесаревичу и полученъ отвѣтъ: „Да развѣ я могу отступать, если на мнѣ лежитъ обязанность охраны Государя и всего тыла арміи. Не отступлю“. А турки подвигались, войска наши дѣлали невозможное, пока не очутились, отступая шагъ за шагомъ, въ виду Главнокомандующаго. Снова начались просьбы объ отступленіи, которыя были уважены. Цесаревичъ молча отъѣхалъ; за нимъ поднялся

штабъ, но сдѣлавъ около 10 верстъ, остановился, сказавъ: „дальше ни шагу“, расположившись среди голаго поля. Но, о! диво... тутъ турки кончили свое преслѣдованіе, даже отошли назадъ за горы.

Въ іюлѣ 1869 г. намъ было объявлено, что Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, съ Цесаревною, прослѣдуетъ чрезъ Казань, гдѣ въ то время я былъ начальникомъ штаба 2 пѣхотной дивизіи. Благороднѣйшій начальникъ дивизіи, В. А. Набель, былъ прежде долгое время воспитателемъ въ училищѣ гвардейскихъ юнкеровъ, и хотя онъ былъ очень образованный, обходительный и одновременно требовательный начальникъ, но онъ мало былъ знакомъ съ новѣйшими вѣяніями строевыхъ ученій и маневровъ. Онъ вѣрилъ мнѣ и зналъ меня и потому, заботясь о порядкѣ въ полкахъ, управляя и указывая, предоставилъ мнѣ составить проектъ маневра и парада, еслибъ Цесаревичъ пожелалъ осмотрѣть бригаду дивизіи, квартировавшей въ Казани. Весь церемоніаль былъ для этого составленъ: встрѣча, маневръ и церемоніальный маршъ. Маневръ состоялъ въ томъ, чтобы отбросить появившагося съ фронта обозначеннаго непріятеля, дѣйствовавшаго съ горъ. А когда онъ, отойдя и отступая, вновь нападетъ въ обходъ на правый флангъ, то резервъ, 2-й полкъ, развертывается, по батареѣ, направо и ударяетъ на противника; а 1-й полкъ въ это время, отбившій съ фронта атаку, переходитъ въ резервъ и помогаетъ 2-му полку. Въ смыслѣ подвижности войскъ, цѣль достигалась и маневръ былъ принятъ начальникомъ дивизіи и командующимъ войсками Глинкою-Мавринимъ.

Государь Наслѣдникъ съ Августѣйшею супругою прибылъ на пароходъ въ Казань, гдѣ былъ встрѣченъ на пристани всѣмъ начальствомъ. Отсюда, послѣ короткаго привѣтствія, тронулись въ Кремль, гдѣ возлѣ дворца былъ построенъ почетный караулъ. Послѣ интимнаго обѣда, осматривали городъ. Въ 7 часовъ вечера потребовалъ меня къ себѣ Начальникъ Окружнаго штаба, генералъ-маіоръ Романовскій. Явившись къ нему, я получилъ приказаніе: соорудить къ слѣдующему утру, на плацу, гдѣ будетъ маневръ, палатку для Ея Высочества Цесаревны, пожелавшей присутствовать на смотру войскъ. „Берите, сколько нужно, плотниковъ, столяровъ, мастеровыхъ изъ полковъ, а изъ интендантства всякій потребный матеріаль, сукно, и сдѣлайте“ —сказалъ Романов-

скій, — „это дѣло вручаетъ вамъ Командующій войсками“. Къ 9-ти часамъ вечера были собраны мастеровые и рабочіе. Изъ интендантства навезли красное, синее и бѣлое сукно и работа закипѣла. Величина помѣщенія равнялась 2-мъ палаткамъ. Работа продолжалась всю ночь и затѣмъ, снарядивъ палатку своею мебелью да цвѣтами изъ оранжерей, и украсивъ весь лагерь, по швамъ солдатскихъ палатокъ, полевыми цвѣтами, все закончили къ 8 часамъ утра. Лагерь и плацъ приняли выдающійся праздничный видъ: вездѣ цвѣты, флаги; войска построились; на холмахъ кругомъ повсюду народъ. Въ 9 часовъ пріѣхалъ Государь Наслѣдникъ съ Цесаревною. Подѣхавъ къ палаткѣ, Его И. Высочество сѣлъ на коня и, здороваясь съ войсками, при музыкѣ и громѣ ура, приказалъ начать маневръ. Онъ сошелъ благополучно, и войска до того увлеклись, что полѣзли въ горы, будто тамъ дѣйствительно былъ врагъ. Поворотъ фронта, резерва, направо, по выѣхавшей батарее, удался, и стремительная атака въ горы ничего лучшаго не требовала. Государь Наслѣдникъ хвалилъ и остался доволенъ, слѣдивъ за полками все время съ большимъ вниманіемъ. Затѣмъ послѣ сбора и построенія къ церемоніальному маршу, войска проходили мимо Цесаревича поротно и побаталіонно, шагомъ и бѣгомъ, и также удостоились милостиваго привѣта: „спасибо молодцы“. Этимъ закончился этотъ знаменательный для войска день. Въ 6 часовъ былъ Высочайшій обѣдъ во дворцѣ, а вечеромъ балъ въ дворянскомъ собраніи. На обѣдѣ и балѣ я участвовалъ и во время перваго сидѣлъ близко и наискось противъ Августѣйшей семьи. Ихъ Высочества были веселы, разговорчивы, дышали молодостью и здоровьемъ. На другое утро вся Казань провожала Августѣйшихъ гостей до пристани. Народный гулъ, ура, музыка, — все это смѣшалось и не переставало, пока не скрылся пароходъ. Долго послѣ этого шли разговоры въ городѣ; впечатлѣніе было сильное, такъ какъ Казань давно не видала своихъ Царей.

Въ 1872 году я уже былъ въ Петербургѣ, при Военно-ученомъ Комитетѣ Главнаго Штаба. Тутъ, между другими занятіями по службѣ, я снова обратился къ этнографіи Россіи, и такъ какъ о Прибалтійскомъ краѣ у насъ не было никакихъ свѣдѣній, а я его зналъ по службѣ и разъѣздамъ тамъ, то, казалось, что насту-

пило время разоблачить этнографически этот маловѣдомый край. Это побудило меня просить о поднесеніи экземпляра Его Императорскому Величеству. Одновременно я лично говорилъ съ правителемъ Капцеляріи Е. И. Высочества, свиты Его Величества генераль-маіоромъ Зиновьевымъ и просилъ всепреданнѣйше преподнести экземпляръ Государю Наслѣднику, что было исполнено.

Подъ впечатлѣніемъ войны 1877—78 гг. и въ особенности уязвленнаго самолюбія всѣхъ русскихъ людей, по причинѣ исхода Берлинскаго трактата, я началъ разрабатывать вопросъ о Славянскомъ мирѣ. Къ 1883 г. была изготовлена громаднхъ размѣровъ карта Славянскаго міра въ царствованіе Императора Александра II 7-ю историческими картами. Съ разрѣшенія генераль-адъютанта Ѳ. Ѳ. Радецкаго и соизволенія Военнаго Министра, эта работа удостоилась 18 февраля 1883 года лицезрѣнія Государя Императора Александра III въ Аничкиномъ дворцѣ. Его Величество доставилъ мнѣ милость принять меня особо.

Государь, какъ это онъ всегда дѣлалъ, на мой низкій поклонъ подалъ мнѣ руку и подошелъ къ картѣ: „что скажете?“ Я началъ рассказывать по порядку о народностяхъ Россіи. Его Величество все смотрѣлъ (то тутъ, то тамъ), задавая вопросы по поводу народностей и получая немедля нужные отвѣты. О движеніи нѣмцевъ колонистовъ въ Кіеву былъ также докладъ. А далѣе Его Величество обратился къ 7-ми историческимъ картинамъ, причемъ каждую отдѣльно обозрѣвалъ, а я пояснялъ о движеніи славянъ, объ ихъ осѣданіи, объ образованіи государствъ и т. д. Вопросы слѣдовали по поводу этого предмета одинъ за другимъ, но видно было, что Государь болѣе самъ смотрѣлъ и обсуждалъ. Глаза его выражали интересъ и сочувствіе. А затѣмъ Государь вотъ что вымолвилъ приблизительно: „Да, благодарю за работу, интересно и поучительно, а все-таки у насъ дома столько дѣла, что въ этомъ вопросѣ мы должны остаться въ сторонѣ“. Смыслъ я удержалъ въ памяти, но за точную вѣрность словъ не могу поручиться, я былъ очень взволнованъ. Еще разъ поблагодаривъ меня и пожавъ руку, Государь на мою просьбу разрѣшилъ показать эти карты Государю Наслѣднику.

Къ 1000-лѣтію Св. Мееодія, 6 апрѣля 1885 г., книга съ

картами „Славянскій міръ“ вышла изъ печати, а 30 октября того же года Государь Александръ III соизволилъ милостиво вторично меня принять въ Гатчинѣ, для преподнесенія экземпляра этого многолѣтняго труда. Какъ всегда, Онъ и въ этомъ случаѣ былъ привѣтливъ, вселяя къ себѣ только одну безграничную любовь, какое-то довѣріе близости и глубокихъ чувствъ. Государь былъ болѣе веселъ, чѣмъ серьезенъ. Онъ принялъ милостиво книгу, началъ ее разсматривать и остановился на общей этнографической картѣ Россіи, отъ западной границы до Тихаго океана. Онъ сказалъ: „какое бездорожье“. Дойдя до конца, Государь началъ меня разспрашивать, когда я вообще началъ свои работы и, получивъ отвѣтъ: „съ 1862 г.“, — короткими вопросами: „затѣмъ? а потомъ? далѣе?“ потребовалъ подробнаго изложенія въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣхъ выполненныхъ мною работъ за 23-лѣтній періодъ моей службы. „Благодарю Васъ“, — сказалъ Императоръ и, подавъ руку, отпустилъ меня, тронутаго до глубины души такимъ необыкновеннымъ вниманіемъ.

Помимо этихъ знаменательныхъ для меня минутъ, были и другія, когда я представлялся Государю Императору оффиціально, какъ начальникъ части, при пріѣздѣ въ Петербургъ, и всегда было то же теплое Царское привѣтствіе. Въ 1888 году пришлось пріѣхать въ Петербургъ по случаю выпуска двухъ сыновей: старшаго изъ Императорскаго Александровскаго Лицея, а младшаго изъ 1-го Кадетскаго Корпуса. Я представлялся 25 мая. На вопросъ Его Величества, по какому случаю пріѣхалъ, я объяснилъ причину. Государь, по довлѣду Статсъ-Секретаря И. Н. Дурново, зналъ, что мой старшій сынъ кончилъ свое ученіе въ Лицеѣ первымъ ученикомъ, съ золотою медалью и съ занесеніемъ его на мраморную доску, и потому Государь спросилъ: „гдѣ намѣренъ служить?“. „Сначала придется отбыть воинскую повинность“ — отвѣтилъ я. „Въ какомъ полку?“ — „Около меня, въ Варшавѣ, въ Л.-Гв. Гродненскомъ полку“. — „Почему же въ кавалеріи?“ — „Это болѣе ему по нраву“. „А потомъ во-свося“ — сказалъ Государь. Такое державное указаніе было вынолено.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Императора Александра III въ Петербургѣ, на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, 6 декабря

1891 г., представляясь Его Величеству уже начальникомъ 35 пѣхотной дивизіи. Намъ было очень много представляющихся, и заданные вопросы касались мѣста стоянки и порядка.

Въ маѣ 1894 года я оставилъ службу въ то время, какъ на горизонтѣ уже появились тучи предстоящей печали. Сгущаясь лѣтомъ, онѣ заволокли русское небо неотразимымъ горемъ.

Но „Онъ“ довелъ свое святое дѣло увѣренно до конца. Этотъ всеобщій говоръ народа о жизни и дѣяніяхъ болѣющаго Царя указываетъ на любовь, на вѣру въ Него и на упованіе, что Царскіе завѣты высвободятъ насъ отъ многихъ несчастій!

Неизгладимо воспоминаніе всего, что было пережито въ 44 года службы и дѣятельности, отъ момента перваго прикосновенія до кончины и до смѣны поколѣній. Пусть это новое поколѣніе продолжаетъ пресѣвшееся дѣло, во славу Отечества, и памятуя незабвенное царствованіе Императора Александра III.

Риттихъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

очевидца о посѣщеніи

ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ III г. Ярославля
въ 1881 году.

Случайно пришлось мнѣ заѣхать въ Ярославль въ такое время, когда совершилось въ немъ событіе, знаменательное не только для него, но и для всей Россіи. Вы догадываетесь, что я буду говорить о Высочайшемъ посѣщеніи Ярославля, и расскажу только то, чего былъ очевидцемъ.

17-го іюля, за утреннимъ чаемъ, хозяинъ дома, въ которомъ я остановился, едва раскрылъ „Моск. Вѣд.“, радостно воскликнулъ: „сегодня Высочайшій выходъ въ Москвѣ!“ Всѣ мгновенно поднялись съ мѣстъ, стали креститься, жать другъ другу руки и, если не ошибаюсь, даже обнимались, какъ въ свѣтлый праздникъ. Таково было первое впечатлѣніе первой вѣсти о прибытіи Государя Императора съ Августѣйшимъ Семействомъ въ первопрестольную столицу. Едва оправившись отъ этого впечатлѣнія, мы разбредлись по знакомымъ. Всюду одна и та же тема оживленныхъ разговоровъ, одни и тѣ же предположенія и догадки, одни и тѣ же увѣренія, что съ Москвы начнутъ Ихъ Величества первый объѣздъ Своей „отчины и дѣдины“, что отъ Москвы рукой подать до Сергіевой Лавры, отъ Лавры до Ростова, а отъ Ростова до Ярославля. На другой день стали поговаривать, что Ихъ Величества

проѣдутъ въ Тверь, изъ Твери Волгою въ Ярославль, Кострому, Нижній, а можетъ быть и далѣе. На самомъ дѣлѣ никто, не исключая и начальника губерніи, не могъ сказать навѣрное, ждуть-ли Высочайшаго посѣщенія, откуда и когда ждать, и всѣ однакожь говорили и во всѣхъ сама собою слагалась увѣренность, что не минуетъ Ярославля это счастье. 21-го утромъ по городу пронеслась молва, что Ихъ Величества изволятъ прибыть изъ Нижняго и Костромы въ Ярославль къ обѣднѣ на 22-е, и только далеко за полдень 21-го всѣ узнали, что Высочайшее прибытіе назначено на 23-е, между девятью и десятью часами утра.

Къ 22-му, т.-е. ко дню тезоименитства Государыни Императрицы, городъ разукрасился вензелевыми изображеніями Ихъ Величествъ, зеленью, цвѣтами, флагами; и суда на Волгѣ иллюминировались также флагами. Погода всѣ дни была дождливая, сырая, вѣтряная, и вечерняя иллюминація не удалась.

23-го, съ ранняго утра засіяло солнце; насталь и жаркій, и радостный день. Съ пяти часовъ началось небывалое движеніе въ городѣ; съ семи часовъ улицы запрудились народомъ. Толпы наблюдали однакожь порядковъ, и царила тишина: на лицахъ выражалось нѣчто не просто-радостное, но и что-то серьезное, строгое, сосредоточенное и торжественное...

Мнѣ удалось попасть въ зданіе Ярославскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства. Рѣшетка, отдѣляющая дворъ училища отъ улицы, и передній фасадъ дома были убраны флагами, а парадное крыльцо гирляндами изъ зелени и живыхъ цвѣтовъ; надъ крыльцомъ красовался, окруженный цвѣточной гирляндою, щитъ съ Императорскою Короною и вензелевымъ изображеніемъ Ихъ Величествъ; надъ дверью изъ вестибюля въ корридоръ, въ рамкѣ изъ гирляндъ, по кумачу было изображено крупными золочеными буквами: „Боже Царя храни“, а на стѣнѣ корридора передъ дверью висѣлъ другой щитъ изъ зелени и цвѣтовъ съ инициалами Ихъ Величествъ и короною; цвѣты украшали лѣстницу, и актовый залъ былъ убранъ тропическими растеніями.

Съ 8 часовъ утра на дворѣ училища собралось 26 старшинъ изъ ближайшихъ къ городу волостей, и актовый залъ былъ почти полонъ: въ немъ должны были представляться дворяне, городскія

и прїѣзжія дамы и три состоящихъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества дѣтскихъ прїюта.

Въ 9³/₄ часовъ городъ огласился колокольнымъ звономъ. Все, что было въ училищѣ, бросилось къ окнамъ. Вдали, снизу, противъ теченія, по ярко освѣщенному зеркалу Волги скользили пароходы. Когда они стали причаливать къ пристани и скрылись изъ глазъ за высокимъ берегомъ, всѣ заняли свои мѣста, и начальница училища вышла въ вестибюль со своими сотрудниками, сотрудницами и воспитанницами. Черезъ нѣсколько минутъ стали поспѣшно прибывать дворяне, только что имѣвшіе счастье встрѣтить Ихъ Величествъ на пристани. Пока Ихъ Величества изволили посѣщать соборъ и смотрѣть войско на городской площади, протянулось еще нѣсколько долгихъ минутъ ожиданія. Наконецъ, послышались издали и быстро разрослись громовые раскаты несмолкающаго ура... Точно искрой электрической дрогнуло все существо ожидавшихъ... Лица воспитанницъ вспыхнули румянцемъ, глаза заискрились слезами, и всѣ 42 дѣвочки ¹⁾ стали креститься...

Но вотъ подкатила къ подъѣзду коляска Ихъ Величествъ. Первымъ вышелъ Государь Императоръ, помогъ выйти Государынѣ Императрицѣ и остановился на крыльцѣ. Когда миновали экипажи свиты, Государь подошелъ къ волостнымъ старшинамъ, милостиво поздоровался съ ними, принялъ хлѣбъ-соль и изволилъ разспрашивать, изъ какихъ они уѣздовъ и волостей. Все это время Государыня Императрица, съ членами Августѣйшаго Семейства и свитою, стояла на крыльцѣ и изволила осчастливить супругу начальника губерніи принятіемъ роскошнаго букета. Сказавъ старшинамъ Царское „спасибо“, Его Величество подалъ руку Государынѣ и, впустивъ впередъ Августѣйшихъ дѣтей, вошелъ въ вестибюль училища. Великій Князь Алексѣй Александровичъ слѣдовалъ за Ихъ Величествами. Воспитанницы (будто) ринулись впередъ и яркими голосами воскликнули: „имѣемъ счастье привѣтствовать Ваши Императорскія Величества“. Моментъ, одинъ моментъ, но глубоко захватывающій русскую душу и не поддающійся описанію. Что-то кольнуло на сердцѣ, что-то подступило къ горлу, и тѣмъ не менѣе чувствава-

¹⁾ Остальныя по случаю вакаціоннаго времени были отпущены по домамъ родителей.

лось общее счастье. Ничего нельзя было разслышать, проступившія слезы мѣшали ясно видѣть, но никогда не забуду, какими изумительно-ласкающими взорами и улыбками сопровождали Ихъ Величества Свой отвѣтъ на радостный привѣтъ воспитанницъ. Подавъ руку маститой начальницѣ училища и милостиво представляя ее Императрицѣ, съ самой любезной улыбкой, громкимъ и яснымъ голосомъ, но, право, какимъ то особенно дружественнымъ, какъ будто радостнымъ тономъ, Его Величество изволилъ осчастливить Е. П. Шипову такимъ привѣтствіемъ: „очень радъ васъ видѣть; давно мы не видались; съ 66-го года я не былъ въ училищѣ“. Потомъ ничего нельзя было разслышать. Видно было, что Ихъ Величества милостиво бесѣдуютъ съ Е. П. Шиповой и, насколько позволяютъ ей преклонныя лѣта, медленно подвигаются по лѣстницѣ во второй этажъ, въ училищный храмъ, куда быстро перешли воспитанницы съ классными дамами. Едва шествіе достигло первой площадки на лѣстницѣ, воспитанницы стройно запѣли: „Спаси, Господи, люди Твоя“. Не ошибусь, если скажу, что все, двигавшесся вслѣдъ за Царскимъ шествіемъ, шептало тѣ же святыя слова молитвы за „благовѣрнаго Императора нашего Александра Александровича“. Прекрасный храмъ горѣлъ всѣми огнями. При входѣ въ него Ихъ Величества были встрѣчены законоучителемъ, приложились къ Святому Кресту, выслушали краткое молитвословіе и снова приложились ко Кресту. Своими глазами видѣлъ, какимъ крестнымъ знаменіемъ и какъ молитвенно осѣняли Себя Ихъ Величества. Когда окончилось многолѣтіе, Е. П. Шипова сказала привѣтствіе (котораго мнѣ не удалось разслышать) и поднесла икону Ангела Хранителя, шитую золотомъ и серебромъ, работы воспитанницъ. Что отвѣчали Ихъ Величества, не разслышалъ, но видѣлъ, что Они приложились къ иконѣ и продолжали милостиво и донельзя просто бесѣдовать съ Е. П., какъ съ старой знакомой. Когда шествіе тронулось изъ храма, воспитанницы запѣли: „Боже, Царя храни“.

Начался осмотръ верхняго этажа училища. Кромѣ храма, въ этомъ этажѣ помѣщены спальни, умывальни, гардеробныя, лазаретъ и жилыя комнаты нѣкоторыхъ классныхъ дамъ. Живу шестой десятокъ на свѣтѣ, не разъ имѣлъ счастье быть очевидцемъ Высо-

чайшихъ посѣщеній, но никогда не видалъ, да и не представлялъ себѣ ничего подобнаго этому посѣщенію. Никогда не забуду этого глубоко затрогивавшаго зрѣлища. Невольно думалось, вотъ когда Богъ привелъ воочію стать и всею душою любоваться и благоговѣть предъ живою и животворною картиною въ истомѣ, исторически-русскомъ духѣ: воистину, впервые имѣлъ небывалое счастье видѣть русскаго „Царя-Батюшку и Царицу Матушку“. Воспитанницы не то что окружали, но просто облѣпляли Государя и Государыню: на душѣ шевелилось, будто видишь передъ собою что-то вродѣ давно жданнаго, но внезапно наступившаго, и потому особенно радостнаго, свиданія добрѣйшаго Отца и любящей Матери съ горячо любимыми дѣтьми. Воспитанницы наперерывъ цѣловали руку Государыни, и Она, вся видимо растроганная такой смѣлой и искренней ихъ радостію, Сама сіяя добротой и столь же искреннимъ благоволеніемъ, осчастливила каждую и словомъ, и тѣмъ плѣнительно-ласкающимъ взоромъ, о которомъ говорятъ во всей Россіи. Нѣкоторыя изъ воспитанницъ бросались къ Государю, чтобы поцѣловать Его руку, но Его Величество поднималъ ее и съ ласковою улыбкою повторялъ: „только не у Меня, только не у Меня!“ Когда воспитанницы, съ настойчивостью сердца, спросили Его Величество: „а у Великихъ Князей можно?“—Государь тѣмъ же отповскимъ тономъ отвѣтилъ: „а у нихъ по возрасту не нужно“. Тѣсясь около Матери-Царицы, воспитанницы бережно подбирали лепестки розъ, падавшіе изъ букета. Замѣтивъ это, Ея Величество нарочно отряхала букетъ, чтобы каждой досталось по лепестку. Позади Ихъ Величествъ мнѣ удалось подслушать такой возгласъ: „Господи, какое счастье! какіе у Нихъ глаза! не знаешь, которыми больше любоваться!“ При обратномъ шествіи Ихъ Величествъ, въ одномъ мѣстѣ корридора сдѣлалось такъ тѣсно, что вуаль Императрицы запутался между воспитанницами, и Ея Величество должна была пріостановиться. Одна изъ классныхъ дамъ приняла это за непростительный безпорядокъ и, спѣша пріостановить его, какъ бы въ извиненіе воспитанницъ, волнующимся голосомъ осмѣлилась сказать Государынѣ: „простите, Ваше Величество! но мы такъ счастливы, что не помнимъ себя отъ радости“. Отвѣчая на эти вырвавшіяся изъ сердца слова милостивою улыбкой и привѣтливымъ

наклоненіемъ головы, Ея Величество изволила сказать: „и мы очень рады быть здѣсь“. Войдя въ одну изъ большихъ свѣтлыхъ залъ въ семь аршинъ высоты, найдя ее почти пустою и получивъ отвѣтъ отъ доктора и смотрителя училища, что это спальня и что спальная мебель, за отсутствіемъ воспитанницъ, вентилируется, Его Величество изволилъ спросить о числѣ кроватей и кубической вмѣстимости воздуха и одобрительно прибавить: „прекрасно“. Проходя по залѣ и подойдя къ одной изъ растворенныхъ дверей, Его Величество изволилъ спросить: „а здѣсь что?“. Едва докторъ-смотритель отвѣтилъ, что это жилая комната классной дамы, какъ у этой дамы вырвалось изъ сердца: „Ваше Величество, осчастливьте меня, войдите въ мою комнату“. Государь тотчасъ вошелъ, нашель комнату „прекрасною“ и милостиво разспросилъ даму, гдѣ она воспитывалась, давно ли служить въ училищѣ и сколько въ ея классѣ воспитанницъ. Едва вышелъ Государь, какъ въ ту же комнату изволила войти Императрица съ Великими Князьями, подала руку классной дамѣ, выразила одобреніе простому убранству комнаты и сказала въ заключеніе: „какая миленькая комната и какой у васъ прекрасный видъ изъ окна“. Нужно ли прибавлять, что счастливица классная дама на другой день праздновала шોકолодомъ свое счастье и не перестаетъ, да и едва-ли перестанетъ, повторять, что одной ея комнатѣ выпало на долю Высочайшее посѣщеніе. Но всего не перескажешь, потому что не все же пришлось видѣть и слышать.

Въ нижнемъ этажѣ, въ актовомъ залѣ училища были представлены Ихъ Величествамъ предводители дворянства, дворяне и всѣ присутствовавшія дамы. Городскія дамы имѣли счастье поднести Ея Величеству адресъ, которымъ просили принять отъ нихъ изготовляемую въ Петербургѣ, но еще не готовую картину Господа, благословляющаго Ея дѣтей. Отъ дамъ городского общества Ея Величество изволила милостиво принять икону Казанской Богоматери въ серебряной вызолоченной ризѣ, украшенной жемчугомъ и брилліантами, высоко-художественной работы Хлѣбникова. Потомъ имѣли счастье представляться Ихъ Величествамъ попечители и попечительницы пріютовъ. Одна изъ нихъ, учредительница и попечительница „Соболевскаго пріюта для бѣдныхъ сиротъ“, П. А.

Соболева имѣла счастье поднести Ея Величеству древнюю икону Благовѣщенія въ серебряной вызолоченной ризѣ, при адресѣ. Этими адресомъ г-жа Соболева испрашивала Высочайшаго соизволенія именовать внесенный ею и ея сотрудницею г-жею Виноградовою въ Ярославскій городской банкъ капиталъ въ 2000 руб., въ память Высочайшаго посѣщенія Ярославля, „капиталомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны“ и проценты съ него ежегодно и вѣковѣчно выдавать, при выходѣ изъ пріюта, оканчивающимъ въ немъ курсъ на первое обзаведеніе.

Обласкавъ дѣтей, Ихъ Величества изволили осматривать классныя помѣщенія и руководѣльную комнату и всемилостивѣйше одобрить начатыя воспитанницами работы по парчѣ и бархату.

Послѣ того Ихъ Величества изволили осчастливить Своимъ посѣщеніемъ Е. П. Шипову и кушать у нея чай, во время котораго воспитанницы пропѣли извѣстный Богородиченъ „Радуйся, Царице“ и хоръ изъ „Жизни за Царя“: „Славься, славься, нашъ русскій Царь“. Послѣ чаю, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ были представлены Ихъ Величествамъ крестьянскіе депутаты с. Великаго. Они имѣли счастье поднести Его Величеству кусокъ тонкаго полотна, Ея Величеству—кусокъ такой же тонкой новины, а Ихъ Высочествамъ—по куску носовыхъ платковъ,—все превосходной крестьянской работы. Милостиво принявъ эти работы и сказавъ за нихъ Царское „спасибо“, Его Величество изволилъ сказать: „объясните же Государынѣ, который кусокъ Мнѣ и который Ей“. Ея Величество также удостоила крестьянъ милостивою благодарности и осчастливила ихъ позволеніемъ поцѣловать Ея руку. Можете себѣ представить восторгъ до слезъ крестьянъ, припавшихъ къ рукѣ Государыни: они не поцѣловали, зацѣловали руку Матушки Царицы. Потомъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ представилъ Его Величеству крестьянина Локалова. Онъ имѣетъ въ 35 верстахъ отъ Ярославля фабрику, при которой работаетъ болѣе 3500 человекъ и которой производство достигаетъ до двухъ миліоновъ. Когда мѣстный губернаторъ, В. Д. Левшинъ, имѣлъ счастье доложить, что многолюдный составъ рабочихъ на этой фабрикѣ ведетъ себя безукоризненно, что Локаловъ устроилъ для помѣщенія каждаго шести семействъ рабочихъ по особому просторному дому и

что эти дома содержатся въ отличномъ порядкѣ, Его Величество изволилъ сказать Локалову Монаршее спасибо и прибавить: „Мнѣ очень пріятно все это слышать“.

Послѣ этого Ихъ Величества стали прощаться съ Е. П. Шиповой. Когда маститая начальница училища, выразивъ свою личную радость и вѣрноподданическія чувства признательности за всемилостивѣйшее посѣщеніе ея и ея училища, волнующимся голосомъ просила послѣ ея смерти не оставить училище Монаршими милостями, Его Величество изволилъ отвѣтить: „можете быть увѣрены въ этомъ. Но, повторяю, Я очень радъ видѣть васъ въ нашемъ училищѣ и благодарить за все, что видѣлъ“; а потомъ, обратясь къ воспитанницамъ, изволилъ милостиво прибавить: „до свиданія, быть можетъ, до скорого свиданія“. Ея Величество обняла Е. П. Шипову, милостиво кланялась воспитанницамъ и не разъ изволила повторить: „Я очень тронута всѣмъ, что видѣла“.

Потомъ отъѣздъ, потомъ ура, потомъ пароходъ съ Ихъ Величествами на палубѣ, потомъ еще пароходъ со свитою, потомъ два иллюминированныхъ флагами парохода съ мѣстнымъ обществомъ и оркестрами музыки, потомъ бѣгуція вдоль Волги толпы, потомъ... Потомъ глубоко запавшія въ душу воспоминанія и невозможность ни говорить, ни думать ни о чемъ, кромѣ Высочайшаго этого посѣщенія...

Заключу тѣмъ, съ чего началъ. Это Царское посѣщеніе Ярославля имѣетъ значеніе событія, знаменательнаго для всей Россіи. Воочію сказалось, какъ живы и дѣйственны родныя историческія начала, выросшія изъ народной жизни, которыя и создали Россію съ ея всемірноисторическимъ значеніемъ... Кто знаетъ русскій народъ и умѣетъ жить одной съ нимъ духовною жизнію, тотъ не можетъ не знать, что вся Россія пламенѣетъ желаніемъ видѣть Царя и Царицу. Само собою понятно, какъ восторженно ликовали ярославцы и тѣ, кому эта завидная доля уже выпала, и какъ завидуютъ имъ всѣ, для кого она еще отсрочена на неопредѣленное время.

Да хранитъ Господь Богъ горячо любимыхъ Россією Царя и Царицу съ Ихъ Царственными Дѣтьми.

Запѣжій очевидецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Письмо Цесаревича Александра Александровича къ К. П. Побѣдоносцеву	1
Письма А. С. Пушкина, барона А. А. Дельвига, Е. А. Баратынскаго и П. А. Шлетнева къ князю Вяземскому 1824—1843 годовъ. Съ примѣчаніями <i>Н. П. Барсукова</i>	2
Семь собственноручныхъ писемъ и записокъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго къ графу П. А. Румянцову-Задунайскому. (1769—1788 г.). Съ предисловіемъ и примѣчаніями <i>А. П. Барсукова</i>	65
Выписки изъ дневника свѣтлѣйшаго князя М. С. Воронцова. Съ 1845 по 1854 г.	74
Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Воспоминанія князя А. М. Дондукова-Корсакова	119
Слѣпцовъ. (Изъ воспоминаній князя Дондукова-Корсакова) . . .	155
Мои воспоминанія. 1840—1844 гг. Князя Дондукова-Корсакова. Дѣйствія на лѣвомъ флангѣ при сраженіи у Кюрюкъ-Дара 24-го Іюля 1854 года. (Изъ воспоминаній князя Дондукова-Корсакова)	224
Царевна Θεодосія Θεодоровна. 1592—1594 гг. Графа <i>С. Д. Шереметева</i>	235
Стихотвореніе <i>М. Н. Раевского</i>	310
Памяти императора Александра III. Ген.-л. <i>А. Ф. Риттиха</i> . .	312
Воспоминанія очевидца о посѣщеніи императоромъ Александромъ III г. Ярославля въ 1881 году	319

Указатель къ IV и V кн. Старинны и Новизны выйдетъ отдельной брошюрой.

ИЗДАНИЯ

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕ- НІЯ ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

- 1) Сборникъ „Старина и Новизна“. 1, 2, 3, 4 книги. Цѣна 2 р. каждой книги, для членовъ Общества по 1 р. *)
- 2) I выпускъ. „Завѣтъ Царя-Миротворца“. Рѣчь протоіерея Н. А. Смирнова, произнесенная 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собраніи Общества. Изданіе бесплатное.
- 3) II выпускъ. 1) Рѣчь гр. С. Д. Шереметева 2) Стихотвореніе А. Н. Майкова 3) Стихотвореніе гр. А. А. Голенищева-Кутузова. произнесенныя 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собраніи Общества. Изданіе бесплатное.
- 4) III выпускъ. Братья Кирѣевскіе. Жизнь и труды ихъ. Валерія Лисковскаго. Цѣна 80 к., для членовъ Общества 40 к.
- 5) IV выпускъ. Біографія генерала Котляревскаго. Соч. гр. В. Съдогоуба. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.
- 6) V выпускъ. Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ И. С. Бѣляева. Цѣна 40 к., для членовъ Общества 25 к.
- 7) Татевскій Сборникъ С. А. Рачинскаго. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Цѣна 1 р. 50 к., для членовъ Общества 1 р.
- 8) Бесѣды о древней русской литературѣ. И. П. Хрущова. Цѣна 1 р. 25 к., для членовъ Общества 65 к.
- 9) Переводы. Выпускъ I. „Константинополь“. Соч. Ф. Маріона Крауфордъ. Переводъ съ англ. гр. Е. Ц. Шереметевой, подъ редакц. проф. Помяловскаго. Цѣна 50 к., для членовъ Общества 25 к.

Цѣна V книги „Старины и Новизны“ — 2 руб., для гг. членовъ Общества — 1 руб.

Складъ изданій Общества: 1) С.-Петербургъ, Фоптанка, 34; 2) Москва, Воздвиженка, д. 8 гр. С. Д. Шереметева.

*) Гг. Члены Общества могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ лишь по одному экземпляру каждой книги, требующе же сверхъ сего экземпляры оплачиваются по цѣнѣ, установленной для постороннихъ лицъ.